

А. К. ТОЛСТОЙ

советский писатель

2

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, М. Танк,
В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. К. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ

Составление, подготовка текста
и примечания
Е. И. Прохорова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1984

ББК 84.Р1
Т 52

Второй том настоящего издания содержит знаменитую драматическую трилогию А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»), пьесу «Дон Жуан» и незавершенную драму «Посадник».

Т $\frac{4702010100-158}{083(02)-84}$ 412—84

© Издательство «Советский писатель», 1984 г.

I

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Рече царь: «Несть ли сей Вавилон великий, его же аз сградих в дом царства, в державе крепости моея, в честь славы моея!» Еще слову сущу во устех царя, глас с небесе бысть: «Тебе глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое прейде от тебе, и от человек отженут тя, и со зверьми дивиими житие твое!»

Кн. пр. Даниила, гл. IV. ст. 27.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Васильевич IV.

Царица Мария Федоровна, из рода Нагих, седьмая жена его.

Царевич Федор Иванович, сын его от первой жены.

Царевна Ирина, жена Федора, сестра Бориса Годунова.

Князь Мстиславский
Захарьин-Юрьев, брат первой жены царя
Князь Шуйский
Бельский
Князь Щербатый
Князь Голицын
Князь Трубецкой
Князь Сицкий
Шереметев
Татищев
Салтыков
Михайло Нагой, брат царицы Марии Федоровны
Борис Годунов, шурин царевича Федора
} члены Боярской думы.

Гонец из Пскова.

Мария Григорьевна, жена Годунова.

Григорий Годунов, родственник Бориса
Григорий Нагой, второй брат царицы Марии Федоровны
} окольничьи.

Гарабурда, посол Стефана Батория.

Битяговский
Кикин
} дворяне.

Схимник.

Мамка царевича Димитрия.

Дворецкий Кремлевского дворца.

Дворецкий Александровой слободы.

Дворецкий Годунова.

1-й
2-й
} волхвы.

Эльмс } врачи.
Якоби }

1-й } пристава.
2-й }

Шут.

Ключник.

Стрелецкий голова.

Стрелецкий сотник.

Стольник.

Лабазник.

Сенная девушка.

Слуга князя Шуйского.

Бояре, окольничьи, рынды, стрельцы, народ, скоморохи, слуги.

Действие — в Москве 1584 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прежде поднятия занавеса слышны на сцене шум и споры. Занавес подымается. Боярская дума. На лавках, стоящих вдоль стен и образующих фигуру *покоя*, сидят бояре: на средней лавке князь Мстиславский, Захарьин-Юрьев, Бельский и другие старшие бояре; на боковых младшие; на конце правой боковой лавки, у просцениума, Борис Годунов; с левой стороны, напротив Годунова, Михайло Нагой, схватив Салтыкова за ворот, старается стащить его с места.

Нагой

Я государев шурин! Мне невместно
Быть меньше Салтыковых!

Салтыков

Бражник! Прочь!
Твой дед служил у деда моего
Знакомцем и державльником!

Нагой

Неправда!
Державльников не знали Салтыковы!
За то ль в бояре ты попал, что вместе
С Голицыным сдал Полоцк королю?

Голицын

Нет, это ложь! Я защищал посады,
А в городе сидел тогда Щербатый!

Щербатый

Ну да, сидел! И в то сиденье мы
В двенадцать дней семь приступов отбили,
А кабы ты посады отстоял,
К нам подошла б от Сокола подмога
И с тылу бы схватила короля!

Голицын

А я ли виноват, что та подмога
Три целых дня тягалась о местах?

Нагой

(продолжает спорить с Салтыковым)

Я государев шурин! Я на свадьбе
Преди других нес царский каравай!

Салтыков

А я нес блюдо с золотою чарой!
Отец мой был ору́жничим! А твой
Кто есть отец? Великая то честь,
Что по седьмой жене ты царский шурин!

Нагой

Да ты сестру-царицу не кори!

Салтыков

Я не корю ее! А всё ж она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царский шурин! Мало ли шурьев
Перебывало у царя!

Захарьин

Бояре!
Что вы чините? Вспомните, где вы!
Гораздо ль так чинить?

Нагой

Царю я буду
В отечестве и в счете бить челом!

Салтыков

Ну, бей челом! Пусть выдаст головою
Он мне тебя!

Мстиславский

Да полноте, бояре!
Вот я да Шереметев, всех мы больше,
А о местах не спорим!

Голоса

Нас вы больше?
А чем вы больше нас?

Захарьин

Стыд вам, бояре!
(К Мстиславскому.)
Ты, князь Иван Феодорыч, ты старший —
Уйми же их!

Мстиславский

Как их унять, боярин?
С ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотят считаться! Не велеть ли дьяку
Разрядные нам книги принести?

Захарьин

Теперь не до разрядов, князь!
(Выступает вперед.)
Бояре!
Иль вы забыли, для чего мы здесь?
Возможно ль? Как? В теперешнюю пору,
Когда, свершив сыноубийство, царь
Терзается раскаяньем, когда
От мира он решился отойти
И мимо своего второго сына,
Феодора, его болезни ради,
Нам указал достойнейшего выбрать,
Кому б он мог державу передать,
Когда меж тем враги со всех сторон
Воюют Русь, — кругом и мор и голод, —
Вы в самую ту пору о местах
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый друг за друга
Держаться крепко, да не сгинет Русь!
Забудемте ж разряды! Без расчетов
К прискорбному приступим избиранью
И будемте без мест!

Бельский

Без мест, пожалуй!

Все

Без мест! Без мест!

Захарьин

Боярин князь Мстиславский!
Ты старший — открывай совет!

Мстиславский

Бояре!
Вы слышали, что́ вам сейчас Никита
Романович сказал? Как нам ни горько —
А покориться надо царской воле!
Пойдем на голоса!

Шуйский

Позволь, боярин,
Последнее ль то слово государя?

Мстиславский

Последнее! Напрасно мы его
Молили. Он нам указал немедля
Постановить наш приговор и с новым
К нему явиться государем.

Трубецкой

Страшно!

Голицын

Не верится!

Мстиславский

Не верилось и мне,
Пока не топнул он на нас ногою
И не велел мне Думу собирать.

Шуйский

Когда его такая воля — что ж?

Щербатый

Да, если так, бояре, — мы не властны
Ему перечить!

Шереметев

Подлинно не властны!

Татищев (старик)

Тому о Пасхе будет двадцать лет,
Великий государь задумал то же;
Хотел, как ныне, бросить свой престол
И в Слободу отъехал от Москвы.
Народ мутиться начал; мы ж решили
Всем ехать за царем, просить его.
Поехали. Царь принял нас сурово;
Сначала слушать не хотел; потом
Моленьям внял, вернулся на Москву
И снова принял государство.

Сицкий

Да!
И учинил опричнину! Мы помним!

Татищев

Ужасное, не приведи бог, время!
Но без царя еще бы хуже было:
Народ бы нас каменьями побил,
Вся Русь бы замутилась, и татары,
И ляхи нас, и немцы б одолели —
Согласья вовсе не было меж нас!

Сицкий

Завидное теперь меж нас согласье!

Шуйский

(к Татищеву)

К чему ж ты речь, боярин, вел?

Татищев

К тому,
Что, может быть, и ныне, как в ту пору,
Царь-государь смягчится.

Мстиславский

Нет, боярин,
Теперь другое время — царь не тот.
Он опустился плотию и духом;

Не мненье на бояр, как было прежде, —
Раскаянье его с престола гонит!

Бельский

Не ест, не пьет, давно не знает сна;
О тех переговорах, что так тайно
Он с а́нглийскою королевой вел,
Уж речи нет. Посол ее теперь
Напрасно просит у него приема.

Захарьин

Да, непохож он на себя теперь!
До этого греха недели за три
Он к Курбскому, к изменнику, писал,
Корил его жестоко и ответа
Ждал из Литвы, а сам дрожал от гнева;
Теперь же позабыл он и о Курбском,
И кроток стал, и милостив в речах.

Шуйский

Не нам царю указывать. От бога
Его и гнев и милость. Что ж, бояре?
Приступим к избиранию!

Все

Приступим!

Молчание.

Мстиславский

Кого ж, бояре?

Нагой

Да кого ж другого,
Коль миновать мы Федора должны,
Кого ж еще, как не царёва ж сына,
Димитрия Иваныча?

Мстиславский

Младенца?

Нагой

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же с вас сестры-царицы мало —
Правителя придать ей!

Салтыков

Не тебя ли?

Нагой

Меня ли, брата ль, всё равно — мы оба
Димитрию дядья!

Салтыков

Да нам не дядьки!

Татищев

Избави бог! Мы помним малолетство
Царя Ивана! От дядьев царевых
Избави бог!

Шуйский

Не приведи господь!

Захарьин

Не приведи! Нам нужен властный царь,
А не опека над царем!

Мстиславский

Вестимо!
И сам Иван Васильич указал,
Чтоб из себя мы выбор учинили.

Шереметев

Кого ж тогда?

Щербатый

Да уж кого ни взять,
Он должен быть породы знаменитой,
Чтоб все склонились перед ним.

Сицкий

Нет, князь!
Пусть тот царит, кто доблестней нас всех!
Его искать недалеко — Никита
Романович Захарьин перед вами!

Говор.

У царского кровавого престола
Он тридцать лет стоит, и чист и бел.

Он смелым словом тысячи безвинных
Спасал не раз, когда уже над ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя ж он не берег. Всегда он смерти
Глядел в глаза — и смерть, нам всем на диво,
Его главы почтенной не коснулась —
И стелется пред нами жизнь его
Без пятнышка, как снежная равнина!

Голоса

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

Трубецкой
(к Сицкому)

Кто против этого! Боярин чист!
Корить его не станем. По заслугам
И честь ему мы воздаем, но он
Не княжеского рода — быть под ним
Невместно нам, потомкам Гедимина!

Шуйский

Нам и подавно, Рюрика потомкам!

Голицын

Нет, он не князь — нам быть под ним негоже!

Салтыков

Не князь он, правда,— но с царем в свойстве!

Нагой

Не он один! С царем в свойстве и мы!

Салтыков

Ты брат седьмой жены, Захарьин — первой!

Захарьин

Из-за меня не спорьтеся, бояре!
Благодарю тебя за честь, князь Сицкий,

(кланяется некоторым)

Благодарю и вас, бояре, но
Я чести бы не принял, хоть и все б вы
Меня хотели, я б не принял чести!

Я слишком прост, бояре! Не сподобил
Меня господь науки государской.
А коль хотите доброго совета,
То есть один, который и породой
И службою нас будет выше всех:
Боярин воевода князь Иван
Петрович Шуйский, что теперь сидит
Во Пскове против короля Батура, —
Вот вы кого возьмите! Перед этим
Склониться не обидно никому!

Шереметев

Нет, Шуйского нельзя! Король недаром
Уж пятый месяц осаждает Псков!
А воевода князь Иван Петрович
Засел в нем на́смерть, и на том он крест
Со всей своей дружиной целовал.
Бог весть, на сколько времени еще
Продлится облежанье; мы ж не можем
И часу оставаться без царя!

Шуйский

Так как же быть?

Мстиславский

Не ведаю, бояре!

Шуйский

Царь ждет ответа — надо кончить выбор!

Захарьин
(к Годунову)

Борис Феодорыч! Ты что ж доселе
Не вымолвил ни слова? В трудном деле
Ты выручал нас часто из беды —
Скажи, как мыслишь?

Годунов
(встает)

Мне ль, отец названый,
Мне ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищут лучшие из вас?
Но если вы мне речь вести велите,
То я скажу, бояре...

Голоса

Громче! Громче!
Не слышно!

Годунов

Мне казалось бы, бояре...

Голоса

Не слышим! Громче!

Захарьин

Да зачем ты сел
Так далеко и ниже всех, Борис?
Иль места ты не знаешь своего?
Не слышно нам! Ступай сюда, поближе!

(Берет его за руку и подводит к середней лавке.)

Вот где тебе приходится сидеть!

Годунов

(кланяется на все стороны)

Бояре, вы великих предков внуки!
И ты, названый мой отец, Никита
Романович, наставник мой любезный!
Я б не дерзнул мое вам молвить слово,
Когда б вы сами мне не приказали!

Салтыков

Куда он гнет?

Нагой

Хвостом вертит, лисица!

Салтыков

А забрался-таки на середину!

Нагой

Небось он даром на конце сидел!

Голоса

Тс! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

Годунов

Вам ведомо, великие бояре,
Какие на Руси теперь настали
Крутые времена: король Батур
За городом у нас воюет город;
В его руках Усвят, Велиж и Полоцк;
Великих Лук уж взорваны им стены,
И древний Псков, наш кровный русский город,
Бесчисленным он войском обложил.
Меж тем в Ливонию ворвался швед,
Завоевал Иван-город, Копорье;
А там с востока и с полудня хан
Опять орду вздымает; сотни тысяч
Уже идут на Тулу и Рязань;
Болезни, голод, мор — и в довершенье
Нам черемисы мятежом грозят!
Бояре, можно ль при такой невзгоде,
При горестном шатанье всей Руси,
О перемене думать государя?
Положим, вы такого б и нашли,
Который был бы пó сердцу всей Думе, —
Уверены ли вы, что и народ
Его захочет? Что угоден будет
Он всей земле? А если невзначай
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между нас,
Чтобы врагам, и внутренним и внешним,
Противостать и дружный дать отпор?
Великая в обычае есть сила;
Привычка людям — бич или узда;
Каков ни будь наследственный владыко,
Охотно повинуются ему;
Сильнее он и в смутную годину,
Чем в мирную новоизбранный царь.
Полвека будет, что Иван Василич
Над нами государит. Гнев и милость
Сменялись часто в этот длинный срок,
Но глубоко в сердца врастила корни
Привычка безусловного покорства
И долгий трепет имени его.
Бояре! Нам твердыня это имя!
Мы держимся лишь им. Давно отвыкли
Собой мы думать, действовать собой;
Мы целого не составляем тела;

Та власть, что нас на части раздробила,
Она ж одна и связывает нас;
Исчезни власть — и тело распадется!
Единое спасенье нам, бояре,
Идти к царю немедля, всею Думой,
Собором целым пасть к его ногам
И вновь молить его, да не оставит
Престола он и да поддержит Русь!

Говор

Он дело говорит! — Мы без Иван
Василича пропали! — Лучше прямо
Идти к нему! — Он государь законный! —
Под ним не стыдно! — Да! Идти к нему! —
Просить его! — Просить его всей Думой!

Сицкий

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иван Василич?
Что значат немцы, ляхи и татары
В сравненье с ним? Что значат мор и голод,
Когда сам царь не что как лютый зверь!

Шуйский

Что он понес? Да он царя бесчестит!

Мстиславский

Князь Петр Ильич! Да ты с ума сошел!

Сицкий

Не я, а ты, вы все ума лишились!
Иль есть из вас единый, у кого бы
Не умертвил он брата, иль отца,
Иль матери, иль ближнего, иль друга?
На вас смотреть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не стал вас подымать, когда бы
Он сам с престола не хотел сойти, —
Не хуже вас Писание я знаю —
Я не на бунт зову вас — но он сам,
Сам хочет перестать губить и резать,
Постричься хочет, чтобы наконец
Вздохнула Русь, — а вы просить его
Сбираетесь, чтоб он подоле резал!

Годунов

Князь, про царя такие речи слышать
Негоже нам. Ты молвил сгоряча —
Доносчиков не чаю между нами —
Тебе ж отвечу: выбора нам нет!
Из двух грозящих зол кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видеть Русь
В руках врагов? Москву в плену у хана?
Церквей, святыней поруганье? — Или
По-прежнему с покорностью сносить
Владыку, богом данного? Ужели
Нам наши головы земли дороже?
Еще скажу: великий государь
Был, правда, к нам немилостив и грозен,
Но время то прошло; ты слышал, князь,
Он умилился сердцем, стал не тот,
Стал милостив; и если он опять
Приимет государство — не земле,
Ее врагам он только будет страшен!

Голоса

Так! Так! Он прав! Он дело говорит!

Сицкий

Боярин, ты сладкоречив, я знаю!
Ты хитростным умеешь языком
Позолотить всё, что тебе пригодно!
Вестимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой наместо Иоанна
Возьмет венец! Бояре, берегитесь:
Он мягко стелет — жестко будет спать!

Годунов

Бояре все! Свидетельствуюсь вами —
Не заслужил я этого упрека!
Вам ведомо, что власти не ищу я.
Я говорил по вашей воле ныне —
Но, может быть, я и не прав, бояре;
Меня князь Сицкий старше и умней;
Когда вы с ним согласны, я готов
Признать царем боярина Никиту
Романыча или кого велите!

Голоса

Нет, не хотим Захарьина! Не надо!

Годунов

Иль, может быть, Мстиславского, бояре?

Голоса

Нет, не хотим! И сами мы не меньше
Мстиславского!

Годунов

Иль Шуйского, бояре?

Голоса

И Шуйского не надо! Быть под Шуйским
Мы не хотим! Хотим царя Ивана!

Сицкий

Идите же! Идите все к нему!
Идите в бойню, как баранье стадо!
Мне делать боле нечего меж вас!

(Уходит.)

Голоса и крики

Он бунтовщик! Он оскорбил всю Думу!
Он против всех идет! Он всем досадчик!

Годунов

Не гневайтеся на него, бояре!
Он говорил, как мыслил. Если ж вы
Решили в мудрости своей всей Думой
Идти к царю — пойдем, не надо мешкать!

Захарьин

Когда бы не шатание земли,
Не пó сердцу была б мне эта мера,
Но страшно ныне потрясать престол.
Пойдем к царю — другого нет исхода!

Мстиславский

Кто ж будет речь вести?

Захарьин

Да ты, боярин;
Кому ж другому? Ты меж нами старший!

Мстиславский

Неловко мне! Сегодня на меня
И без того разгневался уж царь.

Голоса

Пусть Шуйский говорит!

Шуйский

И мне неловко!

Захарьин

Пожалуй, я речь поведу, бояре!
Мне гнев его не страшен — мне страшна
Земли погибель!

Годунов

Нет, отец названый!
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мне вести пред государем речь —
Меня не жаль!

Мстиславский

Пойдемте ж! Годунов
Речь поведет; он всех нас лучше скажет!

Все бояре встают и уходят за Мстиславским.

Салтыков

(уходя, к Голицыну)

А Сицкий-то был прав! Ведь Годунов
Так и глядит, как бы взобраться в гору!

Голицын

Сел ниже всех, а под конец стал первым!

Шереметев

А говорили: быть без мест!

Трубецкой

Дай срок!
И скоро всех татарин пересядет!

Уходят.

ЦАРСКАЯ ОПОЧИВАЛЬНЯ

Иоанн, бледный, изнуренный, одетый в черную рясу, сидит в креслах, с четками в руках. Возле него, на столе, Мономахова шапка; с другой стороны, на скамье, полное царское облачение. Григорий Нагой подает ему чару.

Нагой

О государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вот уж который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И в рот не брал!

Иоанн

Не надо пищи телу,
Когда душа упитана тоской.
Отныне мне раскаяние пища!

Нагой

Великий государь! Ужели вправду
Ты нас покинуть хочешь? Что же будет
С царицею? С царевичем твоим
С Димитрием?

Иоанн

Господь их не оставит!

Нагой

Но кто ж сумеет государством править,
Опричь тебя?

Иоанн

Остру́пился мой ум;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; уж за грехи мои
Господь послал поганым одоленье,
Мне ж указал престол мой уступить
Другому; беззакония мои
Песка морского паче: сыроядец —
Мучитель — блудник — церкви оскорбитель —

Долготерпенья божьего пучину
Последним я злодейством истощил!

Нагой

О государь! Ты в мысли умножаешь
Невольный грех свой! Не хотел убить ты
Царевича! Нечаянно твой посох
Такой удар ему нанес!

Иоанн

Неправда!
Нарочно я, с намерением, с волей,
Его убил! Иль из ума я выжил,
Что уж и сам не знал, куда колол?
Нет — я убил его нарочно! Навзничь
Упал он, кровью обливаясь; руки
Мне лобызал и, умирая, грех мой
Великий отпустил мне, но я сам
Простить себе злодейства не хочу!

(Таинственно.)

Сегодня ночью он являлся мне,
Манил меня кровавою рукою,
И схиму мне показывал, и звал
Меня с собой, в священную обитель
На Белом озере, туда, где мощи
Покоятся Кирилла-чудотворца.
Туда и прежде иногда любил я
От треволненья мира удаляться;
Любил я там, вдали от суеты,
О будущем покое помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злые козни недругов моих!
И умилительно мне было в келье
От долгого стоянья отдыхать,
В вечерний час следить за облаками,
Лишь ветра шум, да чаек слышать крики,
Да озера однообразный плеск.
Там тишина! Там всех страстей забвенье!
Там схиму я приму, и, может быть,
Молитвою, пожизненным постом
И долгим сокрушеньем заслужу я
Прощенье окаянству моему!

(Помолчав.)

Поди узнай, зачем так долго длится
Их совещанье? Скоро ли они
Свой постановят приговор и с новым
Царем придут, да возложу немедля
Я на него и бармы и венец!

Нагой уходит.

Всё кончено! Так вот куда приводит
Меня величья длинная стезя!
Что встретил я на ней? Одни страданья!
От младости не ведая покоя,
То на коне, под свистом вражьих стрел,
Языцей покоряя, то в синклите,
Сражаяся с боярским мятежом,
Лишь длинный ряд я вижу за собою
Ночей бессонных и тревожных дней!
  Не кротким был я властелином — нет!
Я не умел обуздывать себя!
Отец Сильвестр, наставник добрый мой,
Мне говорил: «Иване, берегись!
В тебя вселиться хочет сатана!
Не отверзай души ему, Иване!»
Но я был глух к речам святого старца,
И душу я диаволу отверз!
Нет, я не царь! Я волк! Я пес смердящий!
Мучитель я! Мой сын, убитый мною!
Я Каина злодейство превзошел!
Я прокажен душой и мыслью! Язвы
Сердечные бесчисленны мои!
  О Христе-боже! Исцели меня!
Прости мне, как разбойнику простил ты!
Очисти мя от несказанных скверней
И ко блаженных лику сочетай!

Нагой поспешно возвращается.

Нагой

Великий государь! Сейчас от Пскова
Прибыл гонец!

Иоанн

Уж я не государь —
Пусть обратится к новому владыке!

Нагой

Он говорит, что с радостною вестью
Его прислал князь Шуйский!

Иоанн

Пусть войдет!

Нагой впускает гонца.

Гонец

Великий царь! Тебе твой воевода
Боярин князь Иван Петрович Шуйский
С сидельцами псковскими бьет челом!
Усердными молитвами твоими,
Предстательством угодников святых
И силой честного креста — отбили
Мы приступ их. Несметное число
Легло врагов. За помощью в Варшаву
Бежал король, а продолжать осаду
Он ближним воеводам указал!

Иоанн

Благословен господь! Как было дело?

Гонец

Уж пять недель они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Из пушек били по стенам! Князь Шуйский
Навстречу им подкопы рыть велел.
Сошлися под землею. Бой великий
Там закипел; в котлы пороховые
Успели наши бросить огнь — и разом
Взлетели с ляхами на воздух. Много
Погибло наших, но, хвала творцу,
Все вражьи взорваны работы.

Иоанн

Дальше!

Гонец

Подземных ходов видя неудачу,
Они тогда свезли на ближний холм
Все стенобойные снаряды вместе
И к вечеру пролом пробили. Тотчас
К нему мы подкатили пушки: *Барсу*

И *Трескотуху*, и, когда они
Уж устремились с криками к пролому,
Мы встретили их крупным чугуном
И натиск их отбили.

Иоанн

Дальше!

Гонец

К утру
Великий приступ приказал король.
Мы ж в колокол ударили осадный,
Собором всем, хоругви распустя,
Святые мощи Всеволода-князя
Вкруг древних стен с молитвой обнесли
И ляхов ждали. Гул такой раздался,
Как будто налетела непогода...
Мы встретили напор со всех раскатов,
С костров, со стен, с быков, с обломов,
с башен,
Посыпались на них кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящий лен...
Уже они слабели — вдруг король
Меж них явился, сам повел дружины —
И как вода шумящая на стены
Их сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами — башню
Свинарскую обсыпали литовцы —
Как муравьи полезли — на зубцах
Схватились с нами — новые ватаги
За ними лезли — долго мы держались —
Но наконец...

Иоанн

Ну?

Гонец

Наконец они
Сломали нас и овладели башней!

Иоанн

Так вот вы как сдержали целованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что делал Шуйский?

Гонец

Князь Иван Петрович,
Увидя башню полною врагов,
Своей рукой схватил зажженный светоч
И в подземелье бросил. С громом башня
Взлетела вверх — и каменным дождем
Далёко стан засыпала литовский.

Иоанн

Насилу-то! Что дальше?

Гонец

Этот приступ
Последний был. Король ушел от Пскова.
Замойскому осаду передав.

Иоанн

Хвала творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промысл божий. Ну, король?
Не мнил ли ты уж совладать со мною,
Со мною, божьей милостью владыкой,
Ты, милостию панскою король?
Посмотрим, как ты о псковские стены
Бодливый лоб свой расшибешь! А сколько
Литовцев полегло?

Гонец

Примерным счетом,
Убитых будет тысяч до пяти,
А раненых и вдвое.

Иоанн

Что, король?
Доволен ты уплатою моею
За Полоцк и Велиж? А сколько ихных
С начала облежания убито?

Гонец

В пять приступов убито тысяч с двадцать,
Да наших тысяч до семи.

Иоанн

Довольно
Осталось вас. Еще раз на пять хватит!

Входит стольник.

Стольник

Великий царь...

Иоанн

Что? Кончен их совет?

Стольник

(подавая письмо)

Один врагами полоненный ратник
С письмом отпущен к милости твоей.

Иоанн

Подай сюда!

(К Нагому.)

Читай его, Григорий!

Стольник уходит.

Нагой

(развертывает и читает)

«Царю всея Русии Иоанну
От князь Андрея, князь Михайлы сына...»

Иоанн

Что? Что?

Нагой

(смотрит в письмо)

«От князь Михайлы, сына Курб...»

Иоанн

От Курбского! А! На мое посланье
Ответ его мне милость посылает!

(К гонцу.)

Ступай!

(К Нагому.)

Прочти!

Нагой

Но, государь...

Иоанн

Читай!

Нагой
(читает)

«От Курбского, подвластного когда-то
Тебе слуги, теперь короны польской
Владетельного Ковельского князя,
Поклон. Внимай моим словам...»

Иоанн

Ну? Что же?

Нагой

Не смею, государь!

Иоанн

Читай!

Нагой
(продолжает читать)

«Нелепый
И широковещательный твой лист
Я вразумил. Превыше божьих звезд
Гордынею своею возносяся
И сам же фарисейски унижаясь,
В изменах ты небытных нас винишь.
Твои слова, о царь, достойны... смеху...
Твои упреки...»

Иоанн

Ну? «Твои упреки»?

Нагой

«Твои упреки — басни пьяных баб!
Стыдился б ты так грубо и нескладно
Писать в чужую землю, где немало
Искусных есть в риторике мужей!
Непрошеную ж исповедь твою
Невместно мне и краем уха слышать!
Я не пресвитер, но в чину военном
Служу я государю моему,
Пресветлому, вельможному Стефану,

Великому земли Литовской князю
И польского шляхетства королю.
Благоговеньем божиим мы взяли
Уж у тебя Велиж, Усвят и Полоцк,
А скоро взять надеемся и Псков.
Где все твои минувшие победы?
Где мудрые и светлые мужи,
Которые тебе своею грудью
Твердыни брали и тебе Казань
И Астрахань под ноги покорили?
Ты всех избил, изрезал и измучил,
Твои войска, без добрых воевод,
Подобные беспастырному стаду,
Бегут от нас. Ты понял ли, о царь,
Что все твои шуты и скоморохи
Не заменят замученных вождей?
Ты понял ли, что в машкерах плясанье
И афродитские твои дела
Не всё равно, что битвы в чистом поле?
Но ты о битвах, кажется, не мыслишь?
Свое ты войско бросил...»

Иоанн

Продолжай!

Нагой

«Свое ты войско бросил... как бегун...
И дома заперся, как хороняка...
Тебя, должно быть, злая мучит совесть
И память всех твоих безумных дел...
Войди ж в себя! А чтоб...»

Иоанн

Ну, что же? Дальше!
«А чтоб»?.. Читай!

Нагой

«А чтоб свою ты дурость
Уразумел и духом бы смирился,
Две *эпистолии* тебе я шлю
От Цицерона, римского витии,
К его друзьям, ко Клавдию и к Марку.
Прочти их на досуге, и да будет
Сие мое смиренное посланье
Тебе...»

Иоанн

Кончай!

Нагой

О государь!

Иоанн

«Да будет
Сие мое смиренное посланье...»

Нагой

«Тебе лозой полезною! Аминь!»

При последних словах Нагого Иоанн вырывает у него письмо, смотрит в него и начинает мять бумагу. Его дергают судороги.

Иоанн

За безопасным сидя рубежом,
Ты лаешься, как пес из-за ограды!
Из рук моих ты не изволил, княже,
Приять венец мгновенных мук земных
И вечное наследовать блаженство!
Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать в Москву и мне словесно
То высказать, что ты писать изволишь?

(Озирается.)

И нету здесь ни одного из тех,
Которые с ним мыслили? Ни брата —
Ни свояка — ни зятя — ни холопа!
Нет никого! Со всеми я покончил —
И молча должен проглотить его
Ругательства! Нет никого в запасе!

Входит стольник.

Стольник

Великий государь! К тебе бояре
Пришли из Думы всем собором!

Иоанн

Добро пожаловать! Они пришли
Меня сменять! Обрадовались, чай!

Долой отжившего царя! Пора-де
Его как ветошь старую закинуть!
Уж веселятся, чай, воображая,
Как из дворца по Красному крыльцу
С котомкой на плечах сходить я буду!
Из милости, пожалуй, Христа ради,
Кафтанишко они оставят мне!
Посмотрим же, кому пришлося место
Мне уступать! Прошу бояр войти!

Стольник выходит.

Воистину! Что им за государь я?
Под этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Уж я их отучил
Перед венчанным трепетать владыкой!
Как пишет Курбский? Войско-де я бросил?
И стал смешон? И уж пишу нескладно?
Как пьяная болтаю баба? Так ли?
Посмотрим же, кто их премудрый царь,
Который заживо взялся по мне
Наследовать?

Входят бояре.

Бью вам челом, бояре!
Довольно долго совещались вы;
Но наконец вы приговор ваш думный
Постановили и, конечно, мне
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престол?
Он, без сомненья, родом знаменит?
Не меньше нас? Умом же, ратным духом,
И благочестием, и милосердьем
Нас и получше будет? — Ну, бояре?
Пред кем я должен преклонить колена?
Пред кем пасть ниц? Перед тобой ли, Шуйский,
Иль пред тобой, Мстиславский? Иль, быть может,
Перед тобой, боярин наш Никита
Романович, врагов моих заступник?
Ответствуйте — я жду!

Годунов

Великий царь!
Твоей священной покоряясь воле,

Мы совещались. Наш единодушный,
Ничем не отменимый приговор
Мы накрепко постановили. Слушай!
Опричь тебя, над нами господином
Никто не будет! Ты владыкой нашим
Доселе был — ты должен государить
И впредь. На этом головы мы наши
Тебе несем — казни нас или милуй!

Становится на колени, и все бояре за ним.

Иоанн

(после долгого молчания)

Так вы меня принудить положили?
Как пленника связав меня, хотите
Неволей на престоле удержать?

Бояре

Царь-государь! Ты нам дарован богом!
Иного мы владыки не хотим,
Опричь тебя! Казни нас или милуй!

Иоанн

Должно быть, вам мои пришлися бармы
Не по плечу? Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-де так сподручней?

Шуйский

Государь!
Не оставляй нас! Смилуйся над нами!

Иоанн

Свидетельствуюсь богом — я не мнил,
Я не хотел опять надеть постылый
Венец мой на усталую главу!
Меня влекли другие помышленья,
Моя душа иных искала благ!
Но вы не так решили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будет
По-вашему! Я покоряюсь Думе.

В неволе крайней, сей златой венец
Беру опять и учиняюсь паки
Царем Руси и вашим господином!

(Надевает Мономахову шапку.)

Бояре

(вставая)

Да здравствует наш царь Иван Василич!

Иоанн

Подать мне бармы!

(Надевает царское облачение.)

Подойди, Борис!
Ты смело говорил. В заклад поставил
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу речь,
Текущую от искреннего сердца!

(Целует Годунова в голову и обращается к боярам.)

Второй уж раз я, вопреки хотенью,
По приговору Думы, согласился
Остаться на престоле. Горе ж ныне
Тому из вас, кто надо мной что-либо
Задумает, иль поведет хлеб-соль
С опальником, или какое дело
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмеет пересуживать, забыв,
Что несть судьи делам моим, бо несть
Верховной власти, аще не от бога.

(Озирается.)

Я Сицкого не вижу между вами?

Годунов

Не гневайся, великий государь!
Прости безумного!

Иоанн

Что сделал Сицкий?

Годунов

Он не хотел идти тебя просить.

Иоанн

Он не хотел? Смотри, какой затейник!
Вишь, что он выдумал! Когда вся Дума
Собором всем просить меня решила —
Он не хотел! Он, значит, заодно
С литовцами? И с ханом Перекопским?
И с Курбским? — Голову с него долой!

Захарьин

Царь-государь! Дозволь тебе сегодня,
Для радостного дня, замолвить слово
За Сицкого!

Иоанн

Ты поздно спохватился,
Мой старый шурин! Если ты хотел
Изменников щадить — ты должен был
Сам сесть на царство — случай был сегодня!

(К боярам.)

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глаз нá глаз назначаю
Ему прием. Теперь идем в собор
Перед всевышним преклонить колена!

(Уходит с боярами.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ ИОАННА

Захарьин и Годунов.

Годунов

Уж битый час он с áнглийским послом
Сидит один. Приказ он отдал строгий,
Чтоб не впускали никого.

Захарьин

Борис!
Уж не ошиблись ли с тобою мы?
Не кротким он владыкой свой престол
Приял опять.

Годунов

Что было делать нам!

Захарьин

Борис! Борис! Когда б не вышло хуже,
Чем было прежде! Ведомо ль тебе,
О чем они толкуют?

Годунов

Да, отец мой,
Хотя б и рад я был того не ведать:
С царицею царь хочет развестися
И сватает себе через посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

Захарьин

Помилуй бог!
Осьмого брака хочет он? Я ведал,
Что прежде преступленья своего
Он помышлял об этом, но теперь —
Теперь, когда едва лишь отказался
От схимы он, теперь — не может быть!
Ты точно ль знаешь?

Годунов

Он мне сам сегодня
То объявил.

Захарьин

А ты что отвечал?
Сказал ли ты ему, что грех великий
Он затевает? Что в его лета,
При горестных невзгодах государства,
Не о женитьбе думать, но о том,
Как землю поддержать?

Годунов

Нет, мой отец.

Захарьин

Нет? Не сказал?

Годунов

Нет, мой отец, — не время.
Он не забыл, что свой венец вчера
Хотел сложить. От мысли, что он власти
Лишиться мог, она ему теперь
Еще дороже стала, словно он
Какой ущерб вознаградить в ней ищет.
Всё, что с тобой для блага государства
Через него мы учинить хотели б,
Теперь скрывать должны мы от него
И нашу мысль в нем зарождать незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью он,
Но собственной считал.

Захарьин

Ты прав, Борис;
Его всегда ты сердце лучше ведал.
Чини ж как знаешь, но, во что б ни стало,
Ты удержи его.

Годунов

И днем и ночью
Лишь об одном, отец, я помышляю:
И как и чем удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно —
Нет приступу к нему!

Захарьин

Тогда, Борис,
Ошиблись мы! К беде нас приведет
Его гордыня, если ты ее
Направить не сумеешь.

Годунов

Дай совет мне!

Захарьин

Не мне тебе советовать, Борис.
Тебя господь искусством одарил
И мудрости уклончивой сподобил.
Недаром ты снискал любовь царёву,
А от грехов и темных дел его
Остался чист. Храни ж свое уменье
И делай сам. Лишь одного страшись:

Не забывай, что не себе ты служишь,
Но всей земле, что ум от честолюбья
Недалеко и что порой опасен
Окольный путь бывает для души!

Годунов

Как рад бы я, отец мой, без уклона
Всегда вперед идти прямым путем!
Но можно ль мне? Ты знаешь государя,
Ты знаешь сам противников моих
И как они высматривают случай,
Чтоб устранить иль извести меня.
Что делать мне? Я должен неусыпно
За кознями врагов моих следить
И хитрости противоставить хитрость
Иль отказаться должен навсегда
Служить земле.

Захарьин

Избави бог тебя!
Ты богу дашь о ней ответ! Борис,
Судьба Руси в твоих руках!

Годунов

О, если б
Она была в моих руках! Я знал бы,
Что́ делать мне! Пусть только б царь Иван
Хоть месяц дал мне править государством!
Ему б в один я месяц доказал,
Какие силы русская земля
В себе таит! Я б доказал ему,
Что́ может власть, когда на благодати,
А не на казнях зиждется она!
Но тяжело, отец мой, всё то видеть —
И лишь молчать бессильно!

Стольник отворяет дверь.

Стольник

Царь идет!

Иоанн

(входит с грамотами в руках)

Нам пишет Шуйский: в королевском стане
От голода открылись мор и бунт;

Король же их опомнился, должно быть,
И из Варшавы шлет ко мне посла.

Захарьин

Дай бог здоровья воеводе князь
Иван Петровичу!

Иоанн

Сидельцы ж наши
Вновь целовали крест чинить по боге:
Всем лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
Сосед Степан уж потерял охоту
Брать города, и если с новым войском
Пожалует он к нам, в голодный край,
Мы шапками их закидаем.

(К Захарьину.)

Ты
Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин

Царь-государь, а если не о мире
Он шлет посла?

Иоанн

Сдается мне, что нас
Учить твоя изволит милость! Видно,
Ошибкой нам, а не тебе бояре
Венец наш поднесли! Ступай, старик,
И объяви на площади народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин уходит.

(К Годунову.)

Я с а́нглийским послом покончил дело;
Но больно он тягуч и жиловат:
Торговые, вишь, льготы англичанам
Всё подавай! О льготах говорить
Мне с ним не время. Пригласи его
К себе, к обеду, потолкуй с ним дельно
И, что он скажет, то мне донеси.

Годунов

Великий царь! Ты мне сказал вчера,
Что дерзкую охотно слышишь речь,
Текущую от искреннего сердца.
Дозволь мне ныне снова пред тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанин
Подумает, что слишком дорожишь ты
Союзом с королевой, и тогда
Еще упрямей сделается он.
Не лучше ль было б дать ему отъехать,
Не кончив дела? Если ж королева,
Сверх чаянья, на льготах настоит —
Ты к ней всегда посла отправить можешь
С согласием твоим.

Иоанн

Иною речью,
Не пó сердцу боярину Борису,
Чтоб царь Иван с великой королевой
Вступил в родство? Так? Что ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

Годунов

Государь!
Напрасно я с тобой хотел лукавить:
Не от тебя сумеет кто сокрыть,
Чтó мыслит он. Так, государь! Виновен
Я пред тобой. Вели меня казнить —
Но выслушай: не мне, великий царь,
А всей Руси не пó сердцу придется
Твой новый брак. Вся Русь царицу любит
За благочестие ее, а паче
За то, что мать Димитрия она,
Наследника второго твоего,
Который быть царем однажды должен.
Как за тебя, так за твою царицу
Народ вседневно молится в церквах.
Что скажет он? Что скажет духовенство,
Когда ты мать Димитрия отринешь
И новый брак приимешь с иноверкой —
Осьмой твой брак, великий государь!
Не скажут ли, что все невзгоды наши
(И, может быть, их много впереди)

Накликал ты на землю? Государь,
Казни меня — но я у ног твоих

(становится на колени)

Тебя молю: тобою лишь одним
Русь держится — не захоти теперь
Поколебать ее к тебе доверье!
Не отвращай напрасно от себя
Любви народа!

Иоанн

Кончил? Ободренье
Мое пошло тебе, я вижу, впрок,
И дерзок ты воистину немало!
Мою ты видя милость над собой,
Конечно, мнишь, что я для руководства
Тебя держу? Что ты ко мне приставлен
От земства, что ль? Хулить иль одобрять
Мои дела? И можешь гнуть меня,
Как ветер трость? Достойно смеху, право,
Как всем бы вам со мной играть хотелось
В попы Сильвестры! На твоих губах
И молоко в ту пору не обсохло,
Как я попу Сильвестру с Алексеем
Уж показал, что я не отрок им!
По моему с тех пор уразуменью,
Как прибыльней для царства моего,
Так я чиню и не печалюсь тем,
Что́ скажет тот иль этот обо мне!
Не на день я, не на год устрояю
Престол Руси, но в долготу веков;
И что́ вдали провижу я, того
Не видеть вам куриным вашим оком!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А в том и вся твоя заслуга. Встань —
На этот раз тебя прощаю — впредь же
В советчики не суйся мне! Посла
Ты пригласишь и принесешь мне завтра
Его последний уговор!

(Уходит в другую дверь.)

Годунов

(один)

Он прав!
Я только раб его! Предвидеть это
Я должен был! Иль я его не знал?
Я поступил как женщина, как мальчик!
Я как безумный поступил!
Вот он,
Тот путь прямой, которым мне Захарьин
Идти велит! На первом он шагу
Мне властию царёвой, как стеною,
Пересечен! Для блага всей земли
Царицу защищая, я с ней вместе
Спасал Нагих, моих врагов исконных,
Которые теперь же, в этот час,
Ведут совет, как погубить меня, —
Я был готов их пощадить сегодня,
Лишь только б царь не потрясал Руси!
И вот исход! Легко тебе, Никита
Романович, идти прямым путем!
Перед собой ты не поставил цели!
Спокойно ты и с грустью тихой смотришь
На этот мир! Как солнце в зимний день,
Земле сияя, но не грея землю,
Идешь ты чист к закату своему!
Моя ж душа борьбы и дела просит!
Я не могу мириться так легко!
Раздоры, козни, самовластье видеть —
И в доблести моей, как в светлой ризе,
Утешен быть, что сам я чист и бел!

(Уходит.)

ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, Мстиславский, Бельский, Михайло Нагой и Григорий Нагой сидят у стола за кубками.

Шуйский

(наливая им вино)

Прошу вас, пейте, гости дорогие!
Во здравие Бориса Годунова!
Ведь он-то в Думе дело порешил!

Гости пьют неохотно. Мстиславский не пьет вовсе.

Что ж, князь Иван Феодорыч? Иль, может,
Не нравится тебе мое вино?
Не выпить ли другого нам, покрепче?

Мстиславский

Нет, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мне не нравится.

Шуйский

Что так?
Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вот и вы поморщились, бояре;
Иль он вам нéлюб?

Мстиславский

Выскочка! Татарин!
Вишь, ближним стал боярином теперь!

Бельский

А мы, должно быть, дальние бояре!

М. Нагой

Всем сядет скоро нá голову нам!

Г. Нагой

Нет, он не сядет — он уже сидит!

Шуйский

Помилуйте, бояре, Годунов-то?
Его насильно ставят выше нас,
А он и сам не рад! Он нам всегда
И честь как должно воздает, и в Думе
Готов молчать иль соглашаться с нами!

М. Нагой

Да, к этому вьюну не придерешься!
Поддакивает, кланяется, бес,
А все-таки поставит на своем!

Шуйский

Ну, этот раз ему за то спасибо!

Бельский

Да этот раз не первый, не последний.
Покойный Сицкий правду говорил:
Он всех нас сломит!

М. Нагой

Да — коль мы его
Не сломим прежде!

Г. Нагой

Как его сломить?

Бельский

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

Мстиславский

Да нам-то не поверят. Он же нас,
Как Сицкого, одним словечком срежет!

М. Нагой

Нет, так нельзя; а можно бы иначе —
Да, вишь, князь Шуйский за него стоит!

Шуйский

Я? За него? Да что ж он мне, бояре?
Он мне ни кум, ни шурин, ни свояк!
Я лишь сказал, что он хлопот не стоит!

Бельский

Ну, слеп же ты!

Шуйский

Нет, я не слеп, бояре!
Когда б дошло до дела, вы бы сами
Раздумали!

Бельский

Нет, этого не бойся!

Мстиславский

Уж друг за друга мы бы постояли!

Г. Нагой

Готовы крест на этом целовать!

Шуйский

Эх, вам охота даром в петлю лезть.

Бельский

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слеп как крот, и первого тебя
Татарин этот выживет как раз!

Шуйский

Ты думаешь?

Бельский

Да уж наверно так!

Шуйский

Ну, коли так — тогда другое дело!

Бельский

Так ты согласен?

Шуйский

Что ж мне одному
Быть против всех! Пожалуй, я согласен —
Да как же дело-то начать?

М. Нагой

А вот как:
Теперь у нас везде, по всей Руси,
Поветрие и хлебный недород.
Уж были смуты: за Москвой-рекой
Два бунта вспыхнуло. В такую пору
Народ озлоблен; рад, не разбирая,
Накинуться на первого любого.
От нас зависит время улучить
И натравить их в пору на Бориса!

Г. Нагой

Оно б недурно! Пусть бы нас народ
Избавил от него — мы в стороне!

Мстиславский

Да, в стороне! А как поднять народ?
Ведь не самим же нам идти на площадь!

М. Нагой

Вестимо, нужен верный человек!

Бельский

Или такой, которого бы мы
В руках держали непрестанным страхом!

Мстиславский

А где его достать?

Шуйский

(отворяя дверь в другой покой)

Войди, Данилыч!

Входит Битяговский.

Вот он, бояре, кто теперь нам нужен!
Я с ним уж говорил — он рад служить.

Общее удивление.

Бельский

Так ты... Ну, князь, признаться, удивил!

Г. Нагой

Перехитрил нас! Нечего сказать!

Мстиславский

А пил еще здоровье Годунова!

Шуйский смеется.

М. Нагой

(указывая на Битяговского)

Так он берется сладить это дело?
Но кто же он? Его нам надо знать!

Шуйский

Он из дворян: Михайло Битяговский.
Прошу любить и жаловать его;
Он нас не выдаст!

Бельский

Князь, конечно, ты
Нам доказал, что ты хитрить умеешь;
Мы положиться можем на тебя;

Но всё ж дозволь, в таком опасном деле,
Тебе не в гнев, ему не в осужденье,
Спросить тебя: чем отвечаешь ты?

Шуйский

Бояре, дело просто: в зернь да в карты
Именье он до нитки проиграл;
В долгах сидит по шею; правежом
Ему грозят; исхода два ему:
Послужит нам — долги его заплатим;
Обманет нас — поставим на правеж.
Данилыч! Так ли? Ясен уговор?

Битяговский

Да, ясен.

Шуйский

Если ж ты уладишь дело,
Мы наградим тебя.

Битяговский

Само собой.

Шуйский

Я говорил тебе не в укоризну,
А чтоб бояре лучше веру взяли.
Теперь садись.

Битяговский

Могу и постоять.

Шуйский

На, выпей чару!

Битяговский

Чару выпить можно.

(Пьет, кланяется и ставит чару на стол.)

Бельский

Так вправду ты сумеешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народ?

Битяговский

Сумею.

М. Нагой

С кого ж начать ты хочешь?

Битяговский

С черных сотен.

Г. Нагой

Про что ж ты будешь говорить?

Битяговский

Про голод.

Бельский

Что скажешь ты?

Битяговский

Что в голову придет.

Мстиславский

А за успех стоишь ты нам?

Битяговский

Стою.

М. Нагой

Народ не в шутку должен возмутиться.
Сначала подготовь его искусно:
Борис, мол, вот кто цены вам набил!
Он, мол, царем, как хочет, так и водит;
Всё зло, мол, от него! Он зять Малюты!
Он и царя на казни подбивал!
Потом, в удобный день, на праздник, что ли,
Когда пойдет он в церковь иль из церкви,
Ты их и подожги! Да не мешало б
Тебе товарища найти.

Битяговский

Не нужно.

Бельский

Тут надобны не крики и не шум;
А чтоб они, увидя Годунова,
Так на него б и кинулись и разом
На клочья б разорвали!

Битяговский

Разорвут.

Шуйский

Уж положитесь на него, бояре!
Он неохоч до слов, но он на деле
Собаку съел; ему ведь не впервой.
А вы меж тем изведайте бояр:
Чем больше будет с нами, тем мы легче
И подведем его!

Бельский

На всяк случа́й
Я кой-кого еще пущу в народ.
Есть на примете у меня один:
Рязанский дворянин, Прокофий Кикин.

Шуйский

Коль за него ты можешь отвечать,
Пошли его, пожалуй, от себя;
Пусть с двух концов они волнуют город;
Не одному удастся, так другому.

Мстиславский

Твоими бы устами, князь Василий
Иваныч, мед пить!

М. Нагой

Ну, теперь недурно
Идут дела! Благослови господь!

Входит слуга.

Слуга

Боярин Годунов!

Шуйский

(про себя)

Ах, бес проклятый!

Входит Годунов. Гости встают в замешательстве.

(Идет навстречу Годунову с распростертыми объятиями.)

Борис Феодорыч! Вот гость любезный!
Челом тебе на ласке бью твоей!

Обнимаются.

Садись, боярин! Здесь, под образами!
Уважь домишко мой! Да чем же мне
Попотчевать тебя? Вот романея!
Вот ренское! Вот аликант! Вот бастр!

Годунов

(кланяется)

Благодарю, боярин князь Василий
Иванович! Не помешал ли я?
Быть может, ты с гостями дорогими
Был делом занят?

Шуйский

Делом? Нет, боярин!
Мы так себе балякали. Садись,
Прошу покорно! Да уважь, боярин,
Хоть чарочкой!

Годунов

(пьет)

Во здравие твое!

Мстиславский

(подходит к Шуйскому)

Хозяин ласковый, пора домой мне;
Прости!

Бельский

И мне пора домой, прости!

Оба Нагие

Пора и нам! Прости же, князь Василий
Иванович!

Шуйский

Что ж, гости дорогие?
Зачем так рано?

М. Нагой

Дома дело есть.

Шуйский

Простите же, бояре! Много вас
За честь благодарю!

(Провожает гостей и возвращается к Годунову.)

Ну, слава богу!
Ушли! Спасибо же тебе, боярин,
Что навестил меня! Ты не поверишь,
Как на тебя отрадно мне глядеть!
Ведь мы с тобой издавна заодно!
Что ты — то я!

Годунов

Спасибо, князь Василий
Иванович! А я вот за советом
К тебе пришел.

Шуйский

Приказывай, боярин!

Годунов

Ты знаешь, князь, меня не любят в Думе —
Я новый человек.

Шуйский

Так что же в том?
Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у нас! Вот хоть бы этот
Мстиславский или Бельский — кто их знает!
Завидно им, что любит царь тебя!

Годунов

Царь жалует меня не по заслугам;
Я скользкою тропою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчут;
А до беды у нас недолго, князь!

Шуйский

А я на что ж? Я за тебя готов
В огонь и в воду! Ты мне тот же брат!

Входит слуга.

Слуга

(к Шуйскому)

Князь, царь прислал за милостью твоей!

Шуйский

(встает)

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, боярин, —
Царь ждать не может!

Годунов

Не чинися, князь.

Шуйский поспешно уходит. Годунов остается с Битяговским и пристально смотрит на него. Битяговский смущается и отворачивается.

Ты дворянин Михайло Битяговский?

Битяговский

Да, дворянин.

(Хочет уйти.)

Годунов

Ни с места! Стой и слушай.
Ты разорился в карты. На правеж
Тебя хотят поставить — дело плохо, —
Но может выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писал в литовский стан
И предлагал Замойскому услуги.

Битяговский

Нет, это ложь! Меня оклеветали!

Годунов

Я грамоту твою перехватил —
И вот она от слова и до слова!

(Вынимает из кармана грамоту.)

Битяговский нагибается и сует руку за голенище.

Ты лезешь за ножом? Не беспокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только список. Слушай, друг:
С тобой вчера князь Шуйский сторговался,
Чтоб на меня поднять народ. Сегодня
С двумя Нагими, с Бельским и Мстиславским
Об этом вместе толковали вы.
Мне стоит захотеть — и через час
Твое клевать вороны будут мясо!

Битяговский

Боярин... я... я не хотел...

Годунов

Молчи!
Теперь ты должен притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадям, по рынкам, по базарам,
Но распускай молву, что Шуйский с Бельским
Хотят царя отравой извести;
Что погубить и Федора решили
И Дмитрия царевичей; что если б
Не Годунов — они бы царский корень
Уж извели; что Годунов один
Блюдет царя и охраняет царство.
Ты понял?

Битяговский

Понял.

Годунов

Приходи сегодня
Ко мне, в мой дом, по заднему крыльцу,
Когда стемнеет. Там тебя дворецкий
Проводит дальше. Каждый вечер ты
Ко мне являться будешь. Всё, что Шуйский,
Иль Бельский, иль другой тебе прикажут,

Ты будешь мне передавать. И помни:
Где б ни был ты, я за тобой слежу —
Не захоти и думать о побеге.
Различье ж, знай, меж мной и Шуйским то,
Что правежом тебя стращает Шуйский,
А я тебе грожу такою казнью,
Какой бы не придумал и Малюта
Скуратов-Бельский, мой покойный тесть!

(Уходит.)

Битяговский остается в оцепенении.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПОКОИ ЦАРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

Царица и мамка царевича Димитрия.

Царица

Что ж, мамка? Уложила ты его?
Заснул ли он, голубчик мой, царевич?

Мамка

Заснул, царица-матушка, заснул!
Уж любовалась, на него я глядя:
Лежит смирнехонько, закрымши глазки
И этак ручки сжамши в кулачки.
Вишь, бегая, мой светик уморился;
Такой живой! Не в старшего он братца,
Не в Федора Иваныча пойдет!
Тот тих и смирен, словно не царевич,
Не то что братец был Иван Иваныч!
Тот, царствие небесное ему,
На батюшку похож был. Ох-ох-ох!
Подумаешь, как кончился-то он!
Ах, грех какой! Не верится доселе!

Царица

Не будем говорить про это, мамка.
Не присылал ли государь сказать,
Что он придет? Не присылал ли он
Кого спросить, здоров ли мой царевич?

Мамка

Нет, матушка, не присылал.

Царица

Бывало,
Он каждый день наведывался сам!

Мамка

Нет, матушка, не присылал. А вот
Когда мы давеча гулять ходили,
К нам подходил боярин Годунов,
Брал нá руки царевича, ласкал
И любовался им.

Царица

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не должен. Слышишь, мамка?

Мамка

Так, матушка. Боярин Годунов
Мне тоже говорил: смотри, мол, мамка,
Блюди царевича! Ты, говорит,
За каждый волосочек, мол, его
Пред богом и землею отвечаешь!

Царица

Послушай, мамка, этак не годится
Болтать со всяким. Никому вперед
Ты не давай с ребенком говорить!

Мамка

Так как же, матушка? А вот Никита
Романович к нам подходил намедни —
И с этим, значит, говорить нельзя?

Царица

Нет, с этим можно! Этому я верю,
Он всё равно мне что родной отец!

Входит сенная девушка.

Девушка

Царица! Может ли к тебе Никита
Романович взойти, Захарьин-Юрьев?

Царица

Он здесь? Проси, проси его скорей!

Входит Захарьин.

Захарьин

Царица Марья Федоровна, здравствуй!
Как можешь?

Царица
(идет к нему навстречу)

Здравствуй, дядюшка Никита
Романович! Тебя сам бог прислал!
Мне говорить с тобою надо! Мамка,
Ступай себе к царевичу, оставь нас.

Мамка уходит.

Мне надо говорить с тобой, Никита
Романович! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, сталось;
Все эти дни так тяжело на сердце,
Как будто чуется беда! Скажи,
Ты ничего не слышал? Что случилось?
Что царь задумал?

Захарьин

Матушка-царица,
Ведь я пришел тебя предостеречь!
И сам уже не знаю, что с ним делать?
Беда, и только! Словно дикий конь,
Внезапно закусивший удила,
Иль ярый тур, всё ломящий с разбега,
Так он не знает удержу теперь.
Подобная реке, его гордыня
Из берегов уж выступила вон
И топит всё кругом себя!

Царица

Скажи,
Чтó он задумал?

Захарьин

Бог ему судья!

Царица

О чем-то страшном шепчут во дворце —
Он с áнглийским послом наедине
О чем-то долго толковал, — я знаю —
Я догадалась — он жениться хочет
На чужеземке, а меня он бросить
Сбирается с Димитрием моим!

Захарьин

Будь, дитятко, готова ко всему!

Царица

Недаром сердце у меня щемило!

Захарьин

Царица, он хотел сегодня утром
Быть сам к тебе. Не покажи и вида,
Что я с тобой об этом говорил.
Я буду здесь. Ты ж выслушай его
С покорностью и, что б он ни сказал,
Не возражай ни слова — будь нема!
Единый звук, единый вздох, движенье
Единое твое — и ты пропала!
Дай буре прошуметь. Еще, быть может,
Смягчится он покорностью твоею;
А если нет — я на свою главу
Приму удар, скажу ему открыто,
Что он бессовестно чинит!

Царица

Боярин,
Спаси меня! Не за себя мне страшно!
Я хлопочу не о себе, ты знаешь!
Когда меня Иван Васильич взял,
Не радовалась я высокой чести;
И если бы со мной, тому три года,
Он развелся́, я бога бы за то
Благодарила — но теперь, боярин,
Я не одна! Теперь я стала мать!

И если он жену возьмет другую —
Ребенок мой — мне страшно и подумать —
Мой маленький Димитрий — о боярин! —
Сама не знаю, что́ я говорю,
Чего боюсь, не ведаю — но смутно
Мне чуется для Дмитрия опасность!
Усовести, уговори царя!
Тебя он чтит! Пусть он с тобою прежде
Обсудит дело!

Захарьин

Дитятко-царица!
Кого он чтит! Я, правда, перед ним
Еще ни разу не кривил душою,
Но сам не знаю, как я уцелел!
Лишь одного на свете человека
Порою слушается он: дай бог
Здоровья Годунову! Он один
Еще его удерживать умеет!

Царица

О дядюшка! Не верь ты Годунову!
Нет, он не тот! Его смиренный вид,
Его всегда степенные приемы,
И этот взгляд, ничем не возмутимый,
И этот голос, одинако ровный,
Меня страшат недаром! Не могу я
Смотреть, когда ребенка моего
Ласкает он!

Захарьин

Что ты, царица, что ты?
Помилуй! Годунов-то?

Вбегает девушка, запыхавшись.

Девушка

Царь идет!
Сейчас здесь будет!

Царица

(с испугом)

Дядюшка! Мне страшно!
Я не могу...

Захарьин

Оправься поскорей,
Чтоб не заметил он чего! Отри
Скорей глаза!

Царица

Ох, сердце замирает!

Захарьин

Уйди ж на миг! Принарядись, а я
Приму его!

Царица уходит. Иоанн входит в сопровождении Годунова.

Иоанн

(к Захарьину)

Что делаешь ты здесь?

Захарьин

Царицы дожидаюсь, государь.

Иоанн

Какое дело у тебя с царицей?

Захарьин

Наведаться зашел к ней.

Иоанн

Где ж она?

Захарьин

Услыша голос твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

Иоанн

Могла и так остаться. От нарядов
Пригожее не будет!

(К Годунову, садясь.)

Продолжай!
Ты говоришь, что виделся с послами?

Годунов

С обоими, великий государь.

Иоанн

Ну, что ж?

Годунов

Посол Елисаветин, Баус,
Стоит на том, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,
Согласна королева; но о том-де
Он подписать не властен уговора,
Пока с царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавил,
Чтоб на Руси ты запретил торговлю
Всем иноземцам всяких государств,
Опричь одних лишь а́нглийских гостей;
На этом, говорит он, королева
Нам обещает дружбу и союз
И цесаря немецкого упросит,
Чтобы на Польшу двинул он полки.

Иоанн

Благодарю сестру Елисавету,
Что нашей дружбой и худым родством
Не брезгает она! Но обойтись
Без милостей ее теперь мы можем
И цесаря не просим нам помочь.
Уже мы сами скоро за рубеж
Переведем полки. А что узнал ты
От польского посла? Какие земли
Сосед Степан за мир нам обещает?

Годунов

Мы за вином, великий государь,
Сидели с ним до самого рассвета.
Гара́бурда хоть не природный лях,
А пить здоров и говорить охотник;
Но выведать я у него не мог,
С чем он приехал. Одному тебе
Открыться хочет он.

Иоанн

Заране, видно,
Хвалиться нечем!

Годунов

Утром прискакал
К нему гонец от короля. Напрасно
В глазах посла старался угадать я
Письма значенье. На лице его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонец, как выпил чару,
Так и упал на землю и заснул.

Иоанн

Я чай, не спал во всю дорогу! Видно,
Крутенько им пришлось и невтерпеж!

Годунов

Когда бы только...

Иоанн

Что?

Годунов

Когда бы он
Для нас недоброй вести не привез!

Иоанн

Недобрых я вестей не получал;
Чего ж не знаю я — того и нет!

Годунов

Будь осторожен, государь!

Иоанн

Бориско!
Уж не опять ли ты советы мне
Давать изволишь? Струсил, говорю я,
Сосед Степан и новые уступки
Прислал в наказ Гара́бурде! Гей! Марья!

(Стучит о́ пол посохом.)

Ты долго ль там укручиваться будешь?

Входит царица, в большом наряде, и, поклонившись Иоанну, останавливается перед ним молча.

(Смотрит на нее пристально.)

Зачем твои заплаканы глаза?

Царица молчит, потупя взор.

Ты слышишь ли? Что сталося с тобою?

Царица

Мой господин, прости меня... я...

Иоанн

Ну?

Царица

Я видела недобрый сон.

Иоанн

Какой?

Царица

Мне снилось, государь... мне снилось, что...
Я разлучаюся с тобой!

Иоанн

Сон в руку,
Ты неугодна мне. Я объявить
Тебе пришел, что ты отныне боле
Мне не жена.

Царица

Так это правда? Правда?
Меня с Димитрием ты бросить хочешь?
С Димитрием моим? Ты хочешь...

Иоанн

Тише!
Я бабьих слез и криков не люблю!

Царица

Нет, господин мой, — я не плачу — нет —
Ты видишь, я не плачу — но скажи,
Как развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителям? Какую
На мне вину найдешь ты?

Иоанн

Это что?
Ты, кажется, меня к допросу ставишь?
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому ответ держать мне о тебе?
Иль ты других пригожее и краше,
Чтоб мне тебя, как клад какой, беречь?
Иль я уж в доме у себя не властен?
Иль ты царица по себе?

Царица

Прости,
Мой господин! Прости! Я не ропщу —
Я не молю о милости — на всё
Готова я — но бедный мой Димитрий
Чем виноват?

Иоанн

О нем не хлопочи.
Мой сын в удел получит город Углич.
Вины твоей не нужно мне. Тебя
Постричь велю я — вот и весь развод.
Святителей же, слава богу, я
Не приучил в мой обиход вступаться
И требовать отчета от меня!

Захарьин

Царь-государь! Дозволь мне слово молвить!

Иоанн

Старик, я вижу, чтó сказать ты хочешь!
Чтò б я ни сделал, всё не по тебе!
Я знаю вас!

Захарьин

Великий государь...

Иоанн

Я знаю вас! Вы рады бы мне руки
Опять связать, как при попе Сильвестре
Да при Адашеве! Ты был им друг!
Когда на них опалу положил я,
Каких уж бед ты не пророчил мне!

Тебя послушать — царство распадалось!
И что ж? С тех пор минуло двадцать лет —
Где твой Адашев? Где Сильвестер твой?
А мы меж тем благословеньем божьим
Не уменьшили наших государств!
Без ваших наставлений, помаленьку,
Таки живем себе умишком нашим,
И руководства твоего, старик,
Не просим мы!

Захарьин

Великий государь!
Что мы мечом завоевали, то
Мечом же можно и отнять у нас.
Всё в божьей воле, государь; но бог
Лишь добрые дела благословляет,
Ты ж, государь, недоброе затеял!
Твоя царица пред тобой чиста,
Чиста как день! Грешно тебе царицу
Хотеть менять на новую жену!
Чем с Англией искать тебе союза,
Взгляни на Русь! Каков ее удел?
Ты, государь, — скажу тебе открыто, —
Ты, в юных днях испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимых смут
И подавил измученную землю.
Ты сокрушил в ней всё, что было сильно,
Ты в ней попрал всё, что имело разум,
Ты бессловесных сделал из людей —
И сам теперь, как дуб во чистом поле,
Стоишь один, и ни на что не можешь
Ты опереться. Если — бог избави —
Тебя оставит счастие твое,
Ты пред несчастьем будешь наг и беден.
Несчастье ж недалёко, государь!
Не радуйся победе над Батуром —
Есть на Руси другие тесноты!
Орда и швед грозят нам, а внутри
Неправосудье, неустройство, голод!
Их áнглийским союзом не избыть!
Я стар, великий государь, и близок
Уже ко гробу. Незачем мне даром
Тебе перечить! Да и сам-то ты
Уж нéмолод, великий государь.

В твои лета о новом браке думать
Грешно, да и негоже. Бога б ты
Благодарил за добрую царицу,
А не искал себе другой!

Иоанн

Микита!
Я дал тебе домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чем мыслишь. Мне
Наскучило тебя щадить. Легко б я
Мог отвечать на болтовню твою,
Но мой ответ: я так хочу! Довольно!
Ни слова боле! Время нам принять
Батурова посла. Ступай за мной.

(К царице.)

Ты ж будь готова в монастырь идти!
(Уходит с Захарьиным.)

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Весь двор, в богатом убранстве, входит и размещается вдоль стен. У дверей и вокруг престола становятся рынды с топорами на плечах. Трубы и колокола возвещают приход Иоанна. Он входит из внутренних покоев вместе с Захарьиным.

Иоанн

(К Захарьину)

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никаких. Я баловáть
Уже Батура боле не намерен!

Захарьин уходит. Иоанн садится на престол. Через приемную дверь входит Гарáбурда и с низким поклоном останавливается перед Иоанном.

(Меря его глазами)

Не в первый раз тебя я вижу, пан
Гарáбурда, перед моим престолом.
По смерти Жигимонта-короля
Ты с поручением ко мне от сейма
Был прислан?

Гарабурда

Так, великий государь.

Иоанн

Мне помнится, что польские паны
Корону предлагали мне?

Гарабурда

Так есть.

Иоанн

Но учиниться вашим королем,
Не сделав власть мою наследной властью,
За благо мне не рассудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

Гарабурда

Великий царь, не можно было нам
Республики нарушить привилегий:
У нас закон, чтоб всякий раз король
От сейма выбран был.

Иоанн

Хорош закон!
Достойного он в Генрике владыку
Доставил вам!

Гарабурда

А бес его возьми!
То был совсем дрянной король! Когда
От нас утек он, мы рукой махнули
И выбрали другого.

Иоанн

Да! Батура,
Того, который дань платил султану,
Когда был князем Седмиградским. Ну,
Чего он хочет? С чем тебя прислал он?

Гарабурда

Пресветлый мой великий господин,
Король на Польше, Седмиградский князь,
Великий князь Литовский...

Иоанн

Погоди-ка!
Ты православной веры? Мне сказали,
Что ты ходил к обедне в наш собор?

Гарабурда

Так, государь.

Иоанн

Зачем же господином
Схисматика латинского зовешь ты?

Гарабурда

А потому, великий царь, что он
Все вольности Украйны утвердил,
Святую церковь нашу чтит и нам
Ксендзов проклятых дал повыгонять.

Иоанн

Все веры для него равны, я слышал;
И басурманов также он честит.
Ну, говори, какое челобитье
Он нам прислал? О чем просить изволит
Сосед Степан?

Гарабурда

Он просит наперед,
Чтоб ты, пан царь, не звал его соседом,
А воздавал и письменно и устно
Ему ту честь, названия, и титул,
И почести, которые его
Пресветлому довлеют маестату!

Иоанн

Ах, он шутник! Теперь? В тот самый час,
Когда домой бежал он из-под Пскова?
Недурно! Дальше!

Гарабурда

Дале от тебя
Он требует, чтоб из земли Ливонской
Немедля вывел ты свои полки
И навсегда б короне польской отдал
Смоленск и Полоцк, Новгород и Псков.

Ропот в собрании.

На этом мир с тобою заключить
Согласен он.

Иоанн

Посол! Ты много ль выпил
Ковшей вина? Как смел ты предо мною
Явиться пьяный?

(К стольникам.)

Кто из вас дерзнул
Нетрезвого впустить в мои палаты?

Гарабурда

Коли же милости твоей, пан царь,
Условия такие не смакуют,
Король Степан велит тебе сказать:
«Чем даром лить нам кровь народов наших,
Воссядем на коней и друг со другом
Смертельный бой на саблях учиним,
Как лыцарям прилично благородным!»
И с тем король тебе перчатку шлет.

(Бросает перед Иоанном железную перчатку.)

Иоанн

Из вас обоих кто сошел с ума?
Ты иль король? К чему перчатка эта?
Не для того ль, чтоб ею мне тебя
Бить по лицу? Да ты забыл, собака,
Что пред тобой не избранный король?
Помазанника божья смеешь ты
На поле звать? Я поле дам тебе!
Зашитого тебя в медвежью шкуру
Велю я в поле псами затравить!

Гарабурда

Ни, этого, пан царь, не можно.

Иоанн

Что?
Да он не шутит ли со мной? Бояре,
Ужель забавным я кажусь?

Гарабурда

Ни, ни!
Посла никак зашить не можно в шкуру.

Иоанн

Вон с глаз моих! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно к королю!
Вон из палаты! Вон, собака! Вон!

(Хватает у рынды топор и бросает в Гарабурду.)

Гарабурда

(отклоняя удар)

Поторопился ж ты, пан царь. Ты, видно,
И не слыхал еще того, пан царь,
Что из Варшавы прибыл с новым войском
Король Степан? Что на границе он
Уж в пух и прах разбил твои полки?
Ты, видно, не слыхал, что швед уже
Нарову взял и вместе с королем
Готовится на Новгород идти?
Дрянные ж воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебе об этом!

Иоанн

(вставая с престола)

Ты лжешь, злодей!

Гарабурда

А, ей-же-богу, так.
Зачем мне лгать? Нет, лгать нехорошо.
Коли ж, пан царь, ты выехать не хочешь
На честный бой с пресветлым королем,
К тебе король, пожалуй, на Москву
Приедет сам. Теперь же будь здоров!

(Уходит.)

Общее смятение.

Годунов

(вбегая)

Великий государь! Что сделал ты?
Ты оскорбил Батурова посла?

Иоанн

Он лжет как пес!

Василію Петровичу Боткину отъ Автора

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Графа А. К. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1866.

Годунов

Нет, государь! Всё правда!
Сейчас гонцы от войска прискакали —
Я видел их — Нарову взяли шведы —
Полки разбиты наши!

Иоанн

Лгут гонцы!
Повесить их! Смерть всякому, кто скажет,
Что я разбит! Не могут быть разбиты
Мои полки! Весть о *моей* победе
Должна прийти! И ныне же молебны
Победные служить по всем церквам!

(Падает в изнеможении в престольные кресла.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЛОЩАДЬ В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Площадь наполнена возами. В стороне хлебные лабазы. За рекой виден Кремль. Вечереет. Толпа народа волнуется перед лабазом.

Лабазник

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Ведь сказана цена вам: семь алтын
За полчетверки!

Один из народа

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтын!

Другой

Четыре дня не ели!

Третий

Побойся бога!

Четвертый

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть в долг! О Пасхе заплачу —
Вот те Христос!

Лабазник

Проваливай! «О Пасхе!»
Вишь, в долг давай хозяйское добро!
Прочь, говорю вам!

(Дерется.)

Первый

Что ж ты, людоед?
Околевать нам, что ли?

Второй

Лучше прямо
Ножом зарежь!

Третий

Разбойник! Душегубец!

Четвертый

Жидовская душа! Ты разве сам
Свой съешь запас? Сам, что ли?

Лабазник

Караул!
Лабаз мой разбивают!

Подходят два пристава.

1-й пристав

Что за шум?
Кто тут буянит?

Лабазник

Помогите! Бунт!
Ломают дверь!

Один из народа

Вступитесь, государи!

Другой

Велите цену сбавить, государи!

Третий

Не дайте с голодухи помереть!

Лабазник

Они меня сбирались грабить!

Первый

Врет!
Он сам дерется! Чуть не изувечил!

1-й пристав

(к лабазнику)

Как смеешь ты народ увечить? А?

2-й пристав

В приказ его! К допросу!

Лабазник

Государи!
Помилуйте! за что меня в приказ?
Хозяйское отстаивал добро!

(Сует им деньги.)

1-й пристав

Ну, разве так.

2-й пристав

Что ж сразу не сказал!

1-й пристав

(к народу)

Прочь, вы, разбойники! Вот я вас! Прочь!

2-й пристав

В застенок их! В приказ! К допросу!

Народ отступает.

То-то!

Оба пристава идут далее.

Лабазник

(смотрит им вслед)

Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку
Выглядывать, с кого б еще содрать!

Один из народа

И поделом тебе!

Другой

С своим запасом
Чтоб лопнул ты!

Третий

Мы с голодухи мрем,
А он сидит, как крыса в закромах,
Да дуется!

Лабазник отходит.

Четвертый

А приставам пожива!

Первый

Порядок, вишь, приставлены блюсти!

Четвертый

Ну, уж порядок! Пусть бы царь узнал!

Первый

За взятки царь таки казнил их прежде!
Я видел сам; раз девять человек
Висело рядом, а на шею им
Повешены их пóсулы все были!

Второй

Да, царь в обиду не давал народ!
Бывало, сам выходит на крыльцо,
От всякого примает челобитье
И рядит суд, а суд его недолог:
Обидчик будь хоть князь иль воевода,
А уличен — так голову долой!

Подходит Кикин, переодетый в странника, в черном подряснике, с палкою и четками в руках.

Кикин

Так прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грех наших ради,

Враг помрачил царёвы очи. Ныне
Уже не царь, а Годунов всем правит,
Очами Годунова смотрит царь!

Народ столпляется вокруг Кикина.

Вы слышали, что́ говорил лабазник?
Хозяйское, мол, не свое добро!
А кто хозяин? Тот же Годунов!
Кто цены набивает? Годунов же!
Легко сказать! Четырнадцать алтын
Четверка ржи! Кабы не Годунов,
Она всего пошла бы два алтына!

Ропот в народе.

Ох, прогневили господа мы, братья!
Нам мука поделом! Глядим на грех,
Сложимши руки, а еретик тот
Меж тем царя обходит да обходит!

Ропот усиливается.

Господь недаром знаменье явил:
Кровавую хвостатую звезду!
Чай, видели ее вы?

Один из народа

Как не видеть!

Другой

Котору ночь она восходит там,
Над тою башней!

Третий

Вот она сейчас
Взойдет опять, лишь небо потемнеет!

Кикин

Великий гнев господь являет ею!
То огненный подъят над нами меч
За то, что мы царя, а с ним всю землю
Еретику в обиду злому дали!

Первый

Отколе же то ведомо тебе?

Кикин

Скитаюсь, сыне, по святым местам;
Был в Соловках и на горе Афонской,
В Ерусалиме был, всего наслышан,
Моря исплавал, земли исходил,
Тит-рыбу видел, птицу Евстрафиль
И Алатырь, горючий белый камень!
Теперь иду от Киева; там чудо
Великое свершилось; со креста
Софийского был слышан велий глас:
Пророчил гибель русскому народу
За то, что терпит Годунова!

Первый

Братцы!
Вы слышите, что́ странник говорит!

Кикин

И глас вещал: восстаньте, христиане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо от него все беды на Руси!

Второй

Слышь, замечай! Всё зло от Годунова!

Кикин

Так, сыне, так! Всё зло от Годунова!
Он держит хлеб, он язвы насылает,
Он короля призвал на Русь, он хана
Поднять хвалился на Москву!

Третий

А, братцы?
Что ж, в самом деле? Если вправду он
Всему виной — мы порешим его!

Четвертый

Да вправду ль так?

Кикин

Воистину и вправду!
Грех, сыне, нам не верить в божий глас!

Пятый

Ты сам ли слышал, отче странник?

Кикин

Сам!
Как раз когда народ валил из церкви
От всéнощной. Софийский крест в огне
Явился весь, и глас с него раздался.
Не я один, весь киевский народ
Ему внимал, и ниц все пали в страхе!

Третий

Ребята! Что ж? Когда весь Киев-город
Тот слышал глас, так, стало быть, уж правда!

Говор в народе

Вестимо, правда! Значит, Годунов
Изменник! Да! Изменник и колдун!
Он, стало, божий гнев на нас накликал!
Антихрист он!

Один из народа

Эй, что вы, братцы? Полно!
Грех вам его порочить!

Другой

Вправду грех!
Опричь добра, о Годунове, братцы,
Мы не слыхали ничего!

Крики в народе

Вороны!
Что слушать их! Они за колдуна!
Крепки ли ребра? Бей того, кто будет
За вора говорить! Он хлеб наш держит!
Антихрист он! Всех наших бед заводчик!
Так порешим его! Чего тут ждать!

Слышен голос Битяговского, поющего удалую песню.

Битяговский

(поет за сценой)

«Ух ты, пьяница-пропоица, скажи,
Чтó несешь ты под полою, покажи?»

П е р в ы й

Кто там горланит? Что он, на́ смех, что ли,
В такую пору песню затянул?

Б и т я г о в с к и й

(является, шапка набекрень,
кафтан нараспашку)

«Из корчмы иду я, братцы, удалой,
А несу себе я гусли под полой!»

К и к и н

(к Битяговскому)

Великий грех в такую пору, чадо,
Когда на нас прогневался господь,
Когда являет знаменья на небе,
На землю ж глад и скорби посылает,
Великий грех нам суете служить,
Веселию мирскому предаваться
И суесловием и песнопеньем
Диавола во аде потешать.

Б и т я г о в с к и й

Красно, товарищ, сказано! Жаль только,
Что невпопад! Когда ж и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слыхали, братцы,
Какую милость нам господь явил?

Г о в о р

Какую? Говори! Какую милость?

Б и т я г о в с к и й

А вот, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйский с Бельским — накажи их
бог! —
Задумали — чтоб им на том свету
В смоле кипеть! — задумали царя
Отравой извести!

Г о в о р

Слышь, слышь, ребята!

Кикин делает знаки Битяговскому.

Битяговский

(не обращая на него внимания)

Господь греху не попустил свершиться!
Проведал их злодейство Годунов
Да тот пирог, что для царя спекли,
Собаке бросил. Та его как съела —
Так и издохла!

Народ

Ах они, злодеи!
Ах окаянные! Да кто, сказал ты,
Кто спас царя? Кто бросил псу пирог?

Битяговский

Вестимо кто! Боярин Годунов!
Кому ж другому? Он и днем и ночью
Блюдет царя! А без него давно
Проклятый Бельский с Шуйским извели бы
Весь царский корень!

Один из народа

(к Кикину)

Что ж ты говорил,
Что Годунов изменник!

Кикин

Да, изменник!
Иль даром нам господь из-за него
И знаменья и голод посылает?

(Тихо к Битяговскому.)

С ума ты, что ль, сошел аль пьян напился?

Второй

(к Кикину)

Какой же он изменник, коль царя
От смерти спас он?

Третий

(к Битяговскому)

Полно, так ли, брат?
Вот странник слышал сам, как обличал
С креста глас божий Годунова!

Битяговский

Странник?
Какой? Вон этот, что ли? Ха-ха-ха!
Хорош он странник! Он Прокофий Кикин,
Рязанский дворянин! Мы с ним частенько
По кружалам таскались! Из Рязани
Он дале не ходил, как до Москвы!

(Ударяет Кикина по плечу.)

Прокофий Силыч, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазарем каким!

Кикин

(тихо к Битяговскому)

Рехнулся ты?

Битяговский

(тихо к Кикину)

Ты за кого стоишь?

Кикин

(тихо к Битяговскому)

Как за кого? За Бельского! Ведь Бельский
Нас торговал!

Битяговский

(презрительно)

Пораньше было встать!

Кикин

Так вот ты как, Иуда? Погоди-ка:
Я Бельскому скажу!

Битяговский

Небось не скажешь!
Вязать его, ребята! Шуйский с Бельским
Его к нам подослали!

Кикин

Нет, неправда!
Его вяжите! Он от Годунова
Сюда подослан!

Народ

Кто их разберет!
Один из двух морочит нас! — Ребята!
Что долго думать! Вздернем их обоих! —
Зачем обоих! — Будет одного! —
Которого? — А первого! — Второго! —
Нет, первого! —

Слышен звон бубен. Григорий Го́дунов показывается верхом, с двумя бирючами. За ними валит новая толпа.

Постой, ребята! Тише!
Боярин едет с бирючами! — Смирно!
Он говорить к нам хочет! Тише! — Слушать!
Он говорит!

Григорий Годунов

(говорит с коня)

Зареченские люди
Московских черных сотен и слобод!
Слуга царёв, его боярин ближний,
Борис Феодорович Годунов,
Шлет вам поклон. Скорбя о вашей доле
И ведая все ваши тесноты́,
Поветрие и ржи дороговизну,
Он хлебные запасы, на Москве
Какие есть, из собственной казны
Скупает все и завтра приказал
Раздать их вам безденежно, а вас
Молиться просит о его здоровье!

Народ

Отец он наш! — Дай бог ему здоровья! —
Кормилец наш! — Слышь, Годунов нам даром
Хлеб раздает! — Спаси его господь! —
Воздай ему сторицей! — Да живет
Боярин Годунов! — А кто сказал,
Что он нам враг? — Кто подымал нас, братцы,
На Годунова? — Где он, вор-собака?
Да мы его на клочья разнесем!

Кикин хочет бежать, народ бросается на него с криком.

Бей, бей его! Лови!

Битяговский

(заложа руки за пояс)

Что, дурень, взял?
Вперед смотри, откуда ветер дует!

ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ ЦАРЯ

Ночь. Царица Мария Федоровна, царевна Ирина Федоровна и Мария Григорьевна Годунова глядят в окно. На звездном небе вырезываются башни Кремля и церковные главы. Между церквами Благовещения и Ивана Великого видна комета.

Мария Годунова

(к Ирине)

Золовушка, смотри, как далеко
Звезда свой хвост раскинула! Как раз
Над городом полнеба охватила!

Ирина

Она как будто ярче с каждой ночью
И больше всё становится!

Входит царевич Федор Иоаннович.

Федор

(дергая Ирину за рукав)

Оставь,
Аринушка! Довольно; отойди;
Глядеть на это долго не годится;
Оно ведь не к добру!

Царица

(к Федору)

Где государь?
Ужели всё на знамение смотрит?

Федор

Да, матушка. Стоит всё на крыльце
И смотрит на звезду. Мне с ним хотелось
Заговорить, но страшно было. Он
Всё молча смотрит, а кругом бояре
Очей поднять не смеют на него.

Царица

(задумчиво)

Уже который вечер ходит он
Всё на звезду смотреть!

Ирина

И каждый раз
Всё пасмурней приходит и ни слова
Не вымолвит!

Федор

Нерадостные вести
Его тревожат.

Ирина

Правда ли, что хан
Уж подошел к Оке?

Федор

Борис сказал,
Что точно правда. Страшно и подумать.
Я вот хотел бы к Троице пешком
Отправиться, молебен отслужить,
Да как спросить у батюшки, не знаю.

Ирина

Ах, господи! Беда со всех сторон!
Уж не затем ли и звезда явилась?

Мария Годунова

Бог весть! Недавно привезли сюда
Волхвов и ворожей, которых царь
Собрать велел, чтобы они ему
Поведали, зачем она явилась.

Царица

Волхвов? Помилуй бог! Царь видел их?

Федор

Нет, матушка; но говорил Борис,
Что уж они гадали всем собором
И батюшке сегодня принести
Должны ответ.

Ирина

Он, говорят, послал
За схимником каким-то?

Федор

Да, Арина;
Я от Бориса слышал, что послал.
То муж святой. Уж тридцать с лишком лет
Затворником живет он. У него
Царь-батюшка спросить совета хочет.

Царица

Дай бог, чтоб схимник дал ему совет!

Ирина

Дай господи! Зачем бы государю
Сбирать волхвов и нá душу брать грех!

Федор

(озираясь)

Арина, тс! В сенях шаги как будто
Я батюшкины слышу!

Стольник

(поспешно отворяет дверь и говорит шепотом)

Царь идет!

Иоанн входит, опираясь одною рукою на посох, другою на плечо Бориса Годунова. За ним бояре.

Иоанн

(к Федору и женщинам)

Ступайте все сюда! — Все подойдите
И слушайте!

(Садится.)

Я знамение понял!
Волхвы, которых я собрать велел,
Мне нового не скажут — сам я понял!

Молчание. Федор тихонько подталкивает Ирину.

Ирина

(боязливо к Иоанну)

Царь-батюшка... дозволь тебя спросить,
Чтó понял ты?

Иоанн

Вы видите звезду?
Она мне смерть явилась возвестить!

Федор

(бросаясь на колени)

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

Иоанн

Встань и не хнычь. Еще успеешь хныкать.
Сперва принять ты должен государство.
Встань, говорю тебе!

Женщины подымают вопль.

Молчите, бабы!
Успеете! Позвать ко мне врача!
Царица Марья, я с тобой намедни
Негоже говорил — забудь о том.
Сын Федор, ты в тяжелый, трудный час
Восходишь на престол — ты думал ли,
Чтó будешь делать, как меня не станет?

Федор

Царь-батюшка! Когда ты нас покинешь,
Не знаю, как и быть!

Иоанн

Ты должен знать!
Ты скоро царь. Не век на колокольне
Тебе звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну иль мир с Батуром учинишь?

Федор

Как, батюшка, прикажешь!

Иоанн

По грехам
Мне наказанье послано от бога!

Иван, Иван! Мой старший сын Иван!
Ты мне не так бы отвечал! — Врача!

Входит врач Якоби.

А, вот ты! Что? К чему мне послужила
Твоя наука? Умереть я должен!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу!

Якоби

(пощупав пульс)

Великий царь, ты болен,
Но умирать тебе причины нет!

Иоанн

Неправда! Я умру — я знаю верно!
Кровавая звезда — я разве слеп?
Я понял всё!

Якоби

Когда своим ты мненьем,
Великий царь, себе не повредишь,
Ты будешь здрав. Тебе я головою
Готов за это отвечать.

Иоанн

Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбский
И все мои злодеи подкупили,
Чтоб умер я без покаянья. А?
Кто подкупил тебя?

Якоби

Великий царь,
Твой мозг от долгих бдений раздражен,
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебе напиток нá ночь приготовить;
Он освежит тебя.

Иоанн

Я не умру
Без покаянья! Слышишь? Я успею
Покаяться!

(К боярам.)

Успею — вам назло!
Позвать волхвов! От них узнаю я,
Когда мой час придет. А до того
Я царь еще! Я наказать сумею
Того из вас, кто хочет, чтоб я умер,
Как пес, без покаянья!

Входят **два волхва**.

Вот они.
Зачем вас только двое? Где другие?

1-й волхв

Все вместе, царь, мы в Рафлях и в Зодее
Три дня читали. Ныне наш собор
Нас двух к тебе с ответом присылает.

Иоанн

Ну — что же?

2-й волхв

Царь, нам страшно говорить!

Иоанн

Я знаю всё. Мне смерть? Скажите прямо!

1-й волхв

Так, государь.

Иоанн

Когда?

1-й волхв

В Кириллин день.

2-й волхв

В Кириллин день — осьмнадцатого марта.

Иоанн

(про себя)

Осьмнадцатого марта! Это скоро!
Я думал позже — я не ждал так скоро!

(К волхвам.)

Откуда вы?

1-й волхв

Я родом из карелов.

2-й волхв

Я из Литвы.

Иоанн

А кто вас научил
Кудесничать и звезды толковать?

1-й волхв

Из рода в род к нам перешло от предков.

Иоанн

Вы христиане?

2-й волхв

Нас крестили, царь.

Иоанн

Проклятые! Вы знаете ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпит?

1-й волхв

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

Иоанн

По моему указу
Волхвов казнят! Зловещие уста
Я вам живым велю землей засыпать!

2-й волхв

Мы не виновны, царь! Не наша власть
Из наших уст к тебе вещает.

Иоанн

Чья же?

1-й волхв

Не спрашивай.

2-й волхв

Не спрашивай нас, царь, —
Ты знаешь сам.

Иоанн

Нет! Бог свидетель мне,
От власти той я отрекаюсь! Вас же,
Богоотступников, я выдам церкви!
Сковать обоих и с другими вместе
Отвесть в тюрьму!

Волхвов уводят.

Осьмнадцатого марта!
Немного дней осталось мне. Явиться
Перед судьей пришла пора. Но я
Не дам моим врагам торжествовать
И с миром все мои покончу счеты!

(К Годунову.)

Борис! Сходи в опочивальню — там
На полице лежит, под образами,
Начатый мной синодик. Принеси
Его сюда.

Годунов уходит. Иоанн продолжает, косясь на бояр.

Ни одного из тех,
Которых я казнил за их измены,
Я не оставлю без поминовенья —
Ни одного! Последнему холопу
Назначу вклад за упокой! — Что, взяли?

Годунов возвращается с бумагою.

Поди сюда. Так. Это тот синодик.
Прочти мне вслух — возьми перо — и, если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

Годунов

(берет перо и читает)

«Упокой, господь,
Твоих рабов: боярина Михайлу,
Окольничих Ивана и Петра,
Боярина Василия с женою,
Да их холопей тридцать человек.
Помилуй воеводу князь Григорья
С княгинею, с двумя их дочерьми
Да с малолетним сыном, а при них
Холопей их сто двадцать человек.

Боярина князь Якова с княгиней
Мариею, с княжной Елисаветой,
С княжатами, с Никитой и с Иваном,
Да их холопей сорок человек.
Игуменов Корнилия, Васьяна,
Архиерея Леонида, с ними ж
Пятнадцать иноков. . .»

Иоанн

Постой — пятнадцать?
Их было боле — двадцать напиши!

Годунов

(пишет и продолжает)

«Помилуй, господи, и упокой
Крестьян опальных сел и деревень
Боярина Морозова, числом
До тысячи двухсот. Трех нищих старцев,
Затравленных медведем. Девять женок,
Что привезли из Пскова. Всех сидельцев,
Которые сдалися королю
И были им отпущены на волю,
Числом две тысячи... Новогородцев,
Утопленных и избиенных,
Двенадцать тысяч, их же имена
Ты веси, господи! . .»

Иоанн

Постой! — За дверью
Там кто-то говорит!

Бельский выходит и тотчас возвращается.

Бельский

Дворецкий твой
Из Слободы приехал, государь.

Иоанн

Об эту пору? Ночью? Что случилось?
Позвать его!

Входит дворецкий.

Зачем приехал ты?

Дворецкий

Царь-государь! Гнев божий нас постиг!
Вчерашнего утра в твой царский терем
Ударил гром и сжег его дотла!

Иоанн

Теперь? Зимой?

Дворецкий

Гнев божий, государь!
В морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. В твою опочивальню
Проникла с треском молонья — и разом
Дворец вспылал. Никто из старожилов
Того не помнит, чтоб когда зимою
Была гроза!

Иоанн

(про себя)

Да! Это божий гнев!
В покое том я сына умертвил —
Там он упал — меж дверью и окном —
Раз только вскрикнул, и упал — хотел
За полог ухватиться, но не мог —
И вдруг упал — и кровь его из раны
На полог брызнула...

(Вздрогнув.)

Что это было?
Борис, оставь, оставь теперь синодик —
Мы после кончим! Слышите? Что там
Скребет в подполье? Слышите? Еще!
Еще! Всё ближе! Да воскреснет бог!
Я царь еще! Мой срок еще не минул!
Я царь еще — покаяться я властен!
Ирина, Федор, Марья! Станьте здесь —
Друг подле друга. Ближе, так, бояре!
Все рядом станьте здесь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всех,

(кланяется в землю)

У всех у вас прощения прошу!

Бельский

(тихо к Шуйскому)

Помилуй нас господь!

Шуйский

(тихо к Бельскому)

Остережемся —
Быть может, он испытывает нас!

Иоанн

(стоя на коленях)

Вы, верные рабы мои и слуги!
Меж вами нет ни одного, кого б
Не оскорбил я делом или словом!
Простите ж мне! Ты, Бельский, —
ты, Захарьин, —
Ты, князь Мстиславский, — ты, князь
Шуйский, — ты...

Шуйский

Помилуй, государь! Тебе ль у нас
Прощения просить?..

Иоанн

Молчи, холоп!
Я каяться и унижаться властен
Пред кем хочу! Молчи и слушай: каюсь —
Моим грехам несть меры ни числа!
Душою скотен — разумом растлен —
Прельстился я блещаньем багряницы,
Главу мою гордыней осквернил,
Уста божбой, язык мой срамословьем,
Убийством руки и грабленьем злата,
Утробу объядением и пьянством,
А чресла несказуемым грехом!
Бояре все! Я вас молю — простите,
Вы все простите вашему царю!

(Кланяется в землю.)

Захарьин

Царь-государь! Когда то божья воля,
Чтоб ты от мира в вечность отошел,

Ты о делах теперь подумать должен
И о войне, которую оставишь
В наследство сыну, а грехи твои
Мы все тебе усердно отпускаем
И господа все молим за тебя!

Иоанн

(вставая)

Ты прав, старик. Сын Федор, подойди!
Немного дней — и ты на царство сядешь —
Услышь теперь последний мой наказ:

(опускается в кресла)

Цари с любовию, и с благочестьем,
И с кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моим врагам, которыми от царства
Я прогнан был и, аки бедный странник,
Искал себе приюта на Руси,
Не мсти по мне — всевышний нас рассудит!
Мою царицу, мачеху твою,
Блюди и милуй; с Дмитрием же, с братом,
Будь заодин; не захоти никак
Присвоивать себе его удела,
Зане же Каин Авеля убил,
Наследства же не взял братоубийца.
Войну с Литвой старайся кончить миром
И силы все на хана устреми.
Советуйся с Борисом; верь ему;
Он ведает мои предначертанья
И в думном деле мной самим от млада
Был вразумлен. На первый раз тебе
Он делатель изрядный будет. После ж
Делам посольским, ратным и судейским
Сам навыкай, чтоб не тебе другие,
А ты б другим указывал во всем.
Опричнину ж ты снова ль учредишь
Иль будешь всей землею государить —
В твоей то воле — ты рассудишь сам,
Как то тебе и брату прибыльнее,
А образец вам учинен готов.
Ты всё ли понял?

Федор

Батюшка! Даст бог,
Ты не умрешь! Даст бог, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мне куда на царство? Сам ты знаешь,
Я не готовился к тому!

Иоанн

(гневно)

Феодор!
Тебя не спросят: нелюбо иль любо —
Ты за меня на царство должен сесть,
Когда меня не станет!

Федор

Не гневись,
Царь-батюшка, но я молю тебя —
Поставь другого! Мало ль на Руси
Людей, меня достойнейших и лучших,
А я, царь-батюшка, доволен был бы
И небольшим уделом!

Иоанн

Пономарь!
Я говорю с тобой как с мужем, ты же
Как баба отвечаешь! Горе! Горе!
Сыноубийце мстит за брата брат!
Иван, мой сын! Мой сын, убитый мною!
Я для того ль всю жизнь провел в борьбе,
Сломил бояр, унизил непокорство,
Вокруг себя измену подавил
И на крови наследный мой престол
Так высоко поставил, чтобы вдруг
Всё рушилось со мной!

Григорий Нагой входит с бумагами.

Г. Нагой

Великий царь,
Две грамоты к тебе!

Иоанн

Отдай Борису —
Пусть он прочтет!

Годунов

(просмотрев обе грамоты)

Из Серпухова пишут,
Великий государь, что чрез Оку
Переправляться хан уж начинает;
А из Казани, что кругом восстала
Вся луговая черемиса вместе
С ногаями.

Иоанн

Нет! Столько разом бед
Упасть не может на одну главу!
Не верю! Нет! Подай сюда листы!

Годунов подает ему грамоты; он долго в них смотрит, роняет и остается недвижим. Молчание. Входит стольник и шепчет на ухо Бельскому.

Бельский

(к Иоанну)

Великий царь! К тебе пришел тот схимник,
Которого ты привести велел.

Иоанн

(вздрогнув)

Впустить его. Вы все ступайте прочь —
Я с ним хочу наедине остаться.

Все выходят.

(Один.)

Всевышний боже! Просвети мой разум!

Остается погружен в размышления. Через несколько времени входит схимник. Иоанн встает и преклоняет перед ним главу.

Благослови меня, отец!

Схимник

(благословляет его)

Во имя
Отца и сына и святого духа!

Иоанн

(садясь)

Я много слышал о тебе. Ты долго
Затворником живешь. В глубокой келье
Свой слух и зренье суете мирской
Ты заградил. Таким мужам, как ты,
Господь дарит чудесное прозренье
И их устами истину гласит.

Схимник

Так, сын мой; есть в Минеях-Четиих
Тому примеры; но до тех мужей
Мне далеко.

Иоанн

Давно ты схиму принял?

Схимник

В тот самый год, когда ты, государь,
Казань завоевал; а сколько лет
Тому прошло — не ведаю.

Иоанн

Тому
Уж тридцать лет. И с самой той поры
Ты заперся от мира?

Схимник

Я сегодня
Его увидел снова в первый раз.
Из подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

Иоанн

Прости,
Святой отец, что потревожил я
Твое уединенье и молитвы.
Но мне был нужен твой совет. Скажи,
Наставь меня, как отвратить мне гибель
От всей земли и от престола?

Схимник

Гибель?
Какую гибель?

Иоанн

Разве ты не знаешь?

Схимник

Не знаю, сын мой. Вести до меня
Не доходили.

Иоанн

Отче, за грехи
Господь меня карает. Королю
Он одоленье надо мной послал —
Ливонию воюют шведы — хан
Идет с ордою на Москву — ногаи
И черемисы бунтом восстают —
Что делать мне?

Схимник

Великие ж с тех пор
Настали перемены! Ты в то время
Врагам был грозен. Ты стоял высоко,
Никто не смел подняться на тебя;
Мы ж знаменье не раз воспоминали,
Которым, при рождении твоем,
Свидетелями были: в самый час,
Как ты рождался, гром ударил в небе,
Весь день гремел при солнечном сиянье,
И было так по всей Руси; и много
Отшельников пришло из разных стран
Предвозвестить тебе твое величье
И колыбель твою благословить.

Иоанн

Так, мой отец. И милостив был долго
Ко мне господь; но ныне от меня
Свою десницу отнял он. Престол мой
Шатается; враги со всех сторон
Меня теснят!

Схимник

Пошли навстречу им
Твоих вождей. Довольно у тебя
Есть воевод. Они тебе привыкли
Языцей покорять.

Иоанн

Святой отец,
Вождей тех нет, которых ты знавал!

Схимник

Ни одного? А где ж Горбатый-Шуйский,
Князь Александр Борисович, который
Разбил на Волге князя Япанчу?

Иоанн

Он изменил мне — и казнен.

Схимник

Горбатый?
Он верный был тебе слуга. А где
Князь Ряполовский, тот, что столько славных
Побед над ханом одержал?

Иоанн

Казнен.

Схимник

А Федоров, конюший твой, который
В земле Рязанской сокрушил орду
И полонил царевича Мамая?

Иоанн

Он мной убит за то, что захотел
Похитить у меня престол мой.

Схимник

Царь,
В твоих речах я истины не слышу!
Все те мужи тебе служили верно —
Я знал их всех. Но у тебя остался
Боярин князь Михайло Воротынский?
Когда Казань мы брали, первый он
Крест водрузил на вражией стене;
Врагам он ведом!

Иоанн

Он на пытке умер.

Схимник

Князь Воротынский? — Царь! — А где же
Пронский
Князь Турунтай, который в славной битве
Под Полоцком Литву разбил?

Иоанн

Утоплен.

Схимник

Да будет милостив к тебе господь!..
Но Курбский, князь Андрей Михайлыч, твой
Сподвижник добрый в славный день казанский?

Иоанн

Не спрашивай о нем! Меня он бросил —
Мне изменил — и ко врагам моим
Ушел в Литву.

Схимник

В былое время, помню,
Тебя любили; от тебя никто
Не уходил; из дальних стран стекались
Тебе служить. Но где ж князья Щербатый,
Щенятев? Оболенский?

Иоанн

Мой отец,
Не называй их — их уж нет.

Схимник

А Кашин?
А Бутурлин? Серебряный? Морозов?

Иоанн

Все казнены.

Схимник

Как? Все до одного?

Иоанн

Все, отче, — все.

Схимник

Всех погубил ты?

Иоанн

Всех.

Молчание.

Я каялся, отец мой. Мне недолго
Осталось жить — я должен умереть —
И срок уж мне назначен.

Схимник

Кто тебе
Назначил срок?

Иоанн

Не спрашивай, отец мой, —
Не спрашивай — но вразуми меня,
Как царство мне спасти?

Схимник

Когда б ты не был
И слаб и хвор, я бы сказал тебе:
Встань, государь! И за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!
Но ты согбен недугом — я в тебе
Не узнаю воителя Казани,
И должен ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сын Иван
Теперь быть должен возмужалый воин —
Пошли его.

Иоанн

(быстро вставая)

Монах! Ты для того ли
Его назвал, чтоб издеваться, мне?
Ты смел назвать Ивана? Я тебе
Велю язык твой вырвать!

Схимник

Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен.
Уже давно я смерти жду, мой сын!

Иоанн

(садясь)

Прости меня! Прости, отец святой!
Но неужель ты ничего не слышал?
Ужель в твою обитель никакая
Весть не проникла?

Схимник

Дверь в мою обитель
До дня сего заделана была,
И проникал в глухое подземелье
Лишь дальний гул господней непогоды
Да слабый звон святых колоколов.

Иоанн

Отец мой, я исполнить не могу
Совета твоего — мой сын Иван —
Преставился!

Схимник

Кто ж твой наследник ныне?

Иоанн

Второй мой сын, Феодор; но и телом
И духом слаб он. Нечего и думать
Ждать от него пособия иль дела!

Схимник

Тогда — у бога помощи проси!

Иоанн

И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?

Схимник

Царь, прикажи меня
Отвесть обратно в келию мою.

Иоанн

(вставая)

Святой отец, молися за меня!

Схимник

Всемилостивый бог да ниспошлет
Мир совести твоей!

Иоанн

(провожает схимника и, отворив дверь, говорит)

Святого старца
Отвесть опять в его обитель! Вы же
Все можете войти!

Федор и бояре входят.

(Садится и говорит, помолчав.)

Мстиславский! Бельский!
Захарьин! Годунов! Целуйте крест,
Что будете Феодору служить
До смерти и до крови! — Ты ж, Феодор,
Им четверым доверься. Ничего
Не начинай без их совета. Если ж
Господь дозволит, чтобы князь Иван
Петрович Шуйский уцелел во Пскове,
Он будет пятый. Им я завещаю
С тобою вместе Русью управлять!

(Подает им свой нагрудный крест.)

Целуйте крест!

Мстиславский, Захарьин, Бельский
и Годунов

(прикладываясь ко кресту)

Целуем, государь!

Иоанн

Послов в Литву отправить сею ж ночью
И добрый мир, во что бы то ни стало,
Хотя на срок с Батуром учинить.
«Челом-де бью возлюбленному брату
Стефану-королю» — и полный титул
Весь прописать его, в конце ж назвать
Владетелем ливонским — так он хочет —
«Землею-де Ливонской бью челом
Возлюбленному брату и прошу
Оставить мне один лишь город Юрьев,
А достальное будет всё его!»

Ему же уступаю города:
Велиж, Усвят, Озерище и Полоцк,
Изборск, Себеж, Холм, Заволочье, Остров,
Гдов, Невель, Луки, Красный и другие
Все города, им взятые у нас!

Ропот между боярами.

Захарьин

Помилуй, государь! Такое стыдно
Нам заключать условье!

Мстиславский

Государь!
Вели нам всем идти на бой с Батуром,
Лишь не вели сраматься нам!

Бельский

Дозволь,
Великий царь, мы все именье наше
Пожертвуем!

Все бояре

(говорят наперерыв)

Все ляжем за тебя!
Всё продадим! Заложим земли наши!
До смерти постоим! Прольем до капли
Всю нашу кровь! Умрем до одного!
Лишь наших русских, кровных городов
Не прикажи нам отдавать!

Иоанн

Молчите!
Я разве рад тому? Нельзя иначе!
Забыли вы, что хан уж под Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозят идти на Новгород?

Захарьин

Но, царь,
Псков наш еще! Доколе он не сдастся,
Батур не может тылом стать к нему!
Он дале не пойдет! В его полках
Мятеж и мор, безденежье и голод —

Пожди еще — пожди — и скоро он,
Осаду сняв, уйдет и все свои
Завоеванья нам отдаст!

Иоанн

Нельзя!
Нельзя мне ждать! Кровавая звезда
Меня зовет! От Федора же боле
Еще Батур потребует! Нельзя!

Бельский

Но, государь, ты слышишь: бунт, и голод,
И мор в их войске! Неужель теперь,
Теперь — когда напором дружным можно
Их разгромить — мы им уступим столько
Владений русских?

Иоанн

Нам не победить!
Забыли вы, что не ему, а мне
Вон та звезда погибель предвещает?

Захарьин

Царь-государь! Когда б и в самом деле
Ты сам погиб — зачем же хочешь ты
И Русь еще губить с собой?

Мстиславский

Зачем
Унизить хочешь нашу честь?

Иоанн
(гордо)

Когда,
Мои грехи пред смертью искупая,
Я унижаюсь — *я*, владыко ваш, —
Тогда не вам о вашей чести думать!
Ни слова боле! — Шуйский! Ты к рассвету
Мне грамоту к Батуру изготовишь,
А Пушкину с товарищи велишь,
Чтобы, чем свет, они сбирались ехать;
Чтобы они в своих переговорах
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно — чтоб всё сносили — всё!

Бояре

Нет, государь! Нет! Этого нельзя!
Ты в наших головах, в именье нашем,
Во всем волён! Но в нашей земской чести
Ты не волён! Нет, государь! Такого
Никто наказа не подпишет!

Иоанн

(вставая)

Так-то
Присягу бережете вы свою?
Так помните Писанье? В оный день,
Когда хотел с престола я сойти,
Зачем меня собором вы молили
Остаться на престоле? Иль в тот день
Я власть от вас условную приял?
Иль я не тот же царь, который вам
От бога дан и вами ж избран снова?
Иль есть у вас иной ответ, как только
Повиноваться мне? Или, быть может,
Так мало дней осталося мне жить,
Что уж не стоит мне повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срок не минул!
Я царь еще! Кто смеет говорить,
Что я не царь? Ниц! В прах передо мною!
Я ваш владыко! . .

(Шатается.)

Годунов

(подхватывая его)

Государю дурно!
Позвать врачей!

Иоанн

(поддерживаемый Годуновым)

Под страшной смертной казнью,
Послов немедля снарядить! Велеть им,
Чтоб всё сносили — всё терпели — всё —
Хотя б побои!

Бояре удаляются.

Боже всемогущий!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно ль унижен он теперь!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ДОМ ГОДУНОВА

Годунов и жена его провожают с поклонами царевича Федора.

Годунов

Прости ж, царевич! Много благодарны
Тебе за честь! Да не кручинься боле!
Ты видишь — вот Кириллин день настал,
Беды ж с собою не принес; напротив,
Сегодня стало государю легче,
И добрые всё вести к нам пришли:
Царёв гонец успел его посольство
Вернуть назад; разлив мешает хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снял, та весть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здрав он будет.

Мария Годунова

Государь,
Куда ж спешишь ты? Я ведь и закуской
Попотчевать тебя-то не успела!

Федор

Уволь, невестушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшке-царю,
А всё на сердце как-то неспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шурин;
Не отрекись от слова своего;
Когда бы что, не дай господь, случилось,
Я буду как в лесу! Тогда уж ты мне
Указывай, что делать!

Годунов

Я, царевич,
Тебе слуга и верный твой холоп;
Но если б что случилось, посмотри:
Мне не дадут тебе служить; все будут
Меня чернить!

Федор

Я не поверю им!
Отец тебя мне слушаться велел,

И на тебя во всем я положуся.
Прости ж, Борис! Прости же, дорогая
Невестушка! Прошу не провожать!

(Уходит, сопровождаемый Годуновым.)

Мария

(одна)

О господи! Когда бы этот день
Скорей прошел! Что муж ни говори,
А сам он неспокоен. Мне ж всю ночь
Каменье драгоценное всё снилось
И крупный жемчуг — и руками царь
Всё рылся в нем, и яхонты, любуясь,
Пересыпал. К беде, а не к добру
Такие сны!

(Задумывается.)

Годунов

(возвращается и смотрит на нее)

Мария, что с тобою?

Мария

Прости меня. Мне страшен этот день!
Ворожеи...

Годунов

Ворожеи солгали:
Царь стал бодрей. Я видел сам его.

Мария

Однако если б — если б не солгали
Ворожеи?

Годунов

(понижая голос)

Когда бы то случилось —
Скажи, Мария, — мы теперь одни, —
Ужели б ты?..

Мария

Нет, господин мой, нет!
Не за него, а за тебя мне страшно!

Годунов

Как? За меня?

Мария

Не говорил ли Федор,
Что, если что случится, он не знает,
Как быть ему? Что должен будешь ты
Ему во всем указывать? Борис!
Что, если вдруг сегодня на тебя
Падет вся тягость государства? Если
За мятежи, за голод, за войну,
За всё, за всё перед землею будешь
Ты отвечать?

Годунов

Когда бы в самом деле
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою б я тогда
Приял бразды! Не власти я страшуся.
Я чувствую в себе довольно силы
Русь поддержать в годину тяжких бед!
Нет, я страшусь, что выпадет на долю
Неполная мне власть. Правитель царства,
Каков ни будь, он тень лишь государя;
Он с завистью других бороться должен
И мысль свою не может воплотить
Заветную всецельно, без ущерба,
Как мог бы я, когда бы не в подда́нстве,
А на престоле был рожден!

Мария

О, будем
Мы господа благодарить за то,
Что не высоко рождены. Ужасен
Ответ царей!

Годунов

А этого царя
Ответ еще ужасней будет. Но
Напрасно ты тревожишься. Недуг
Его прошел, и много лет, быть может,
Еще пройдет, пока ему придется
Свой дать ответ.

Мария

Ты неспокоен сам!

Годунов

Спокоен я — всё к лучшему — солгали
Ворожеи. Поди к себе, Мария,
Оставь меня; мне дело есть.

Мария уходит. Годунов отворяет боковую дверь и впускает двух скованных волхвов. Потом садится и смотрит на них молча.

(Значительно.)

Сегодня
Кириллин день, осьмнадцатое марта!

1-й волхв

Так, государь.

Годунов

Царю сегодня лучше.

2-й волхв

Спаси его господь.

Годунов

Вы, стало быть,
Ошиблися, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1-й волхв

Что мы в звездах
Прочли, то и сказали.

Годунов

Отчего же
Так скоро спал с него недуг?

1-й волхв

Не знаем;
Но долог день и солнце не зашло.

Молчание.

Годунов

А обо мне, как я вам указал,
Гадали вы?

1-й волхв

(озираясь)

Гадали, государь.

Годунов

Вы можете здесь говорить открыто —
Нас не услышат. Что узнали вы?

1-й волхв

Сплетаются созвездия твои
С созвездьями венчанных государей,
Но три звезды покамест затмевают
Величие твое. Одна из них
Угаснет скоро.

Годунов

Говори яснее!

1-й волхв

Чем дале путь твой стелется, тем шире,
Тем ярче он.

Годунов

Куда он приведет?

2-й волхв

Чего давно душа твоя желала,
В чем сам себе признаться ты не смел —
То сбудется.

Годунов

Волхвы! Скажите прямо,
Чтó ожидает в будущем меня?

Оба волхва

(становятся на колени)

Когда на царский сядешь ты престол,
Своих холопей помяни, боярин!

Годунов

(вставая)

В уме ли вы!

1-й волхв

Так выпало гаданье.

Годунов

Тс! Тише! Тише! Стены нас услышат!

(Подходит к дверям, осматривает их и останавливается перед волхвами.)

Кудесники! Когда б я мог подумать,
Что вы теперь морочите меня,
Для вас на свет бы лучше не родиться!

1-й волхв

Мы говорим, что́ видим. Мы читали
В небесных знаках; прочие ж на кровь
И дым гадали, и во мгле туманной
Все на престоле видели тебя
В венце и в царских бармах...

Годунов

Тише, тише!
Когда случится то, что вы сказали?

1-й волхв

Когда — не знаем.

Годунов

Много ли мне лет
Царить придется?

2-й волхв

Твоего царенья
Семь только будет лет.

Годунов

Хотя б семь дней!
Но чем достигну я верховной власти?

1-й волхв

Не ведаем.

Годунов

Кого бояться мне?

2-й волхв

Не спрашивай.

Годунов

Я знать хочу, кто главный
Противник мой?

1-й волхв

Темны его приметы.

Годунов

Скажите их!

1-й волхв

Он слаб, но он могуч.

2-й волхв

Сам и не сам.

1-й волхв

Безвинен перед всеми.

2-й волхв

Враг всей земле и многих бед причина.

1-й волхв

Убит, но жив.

Годунов

Нет смысла в сих словах!

1-й волхв

Так выпало гаданье. Боле знать
Нам не дано.

Годунов

С меня пока довольно.
В темницу вас обратно отведут;
Я ж вовремя вас выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вам под смертной казнью
Самим забыть, что́ вы сказали мне!

(Отворяет дверь.)

Волхвы уходят.

(Один.)

Чего давно душа моя желала,
В чем сам себе признаться я не смел!
Да, это так! Теперь я вижу ясно,
Какая цель светила мне всегда!
Теперь вперед, вперед идти мне надо
И прорицанье их осуществить.
Нас не судьба возносит над толпою,
Она лишь случай в руки нам дает —
И сильный муж не ожидает праздно,
Чтоб чудо кверху подняло его.
Судьбе помочь он должен. Случай есть —
И действовать приходит мне пора!

Топает ногой. Входит дворецкий.

Позвать сюда которого-нибудь
Из государевых врачей!

Дворецкий уходит.

Семь лет!
Семь только лет! И ведать не дано мне,
Далек тот день иль близок? Между тем
Часы бегут. Безумьем Иоанна
Всё рушится — и для моей державы
Готовятся развалины одни...
«Но солнце не зашло еще!» — сказали
Сейчас волхвы... Кто знает? Может быть!..
Умри сегодня этот зверь, сегодня ж
Мой слабодушный деверь власть свою
Мне передаст — *я* буду господином!..
Но то ли мне волхвы сулили? Нет!
Они в венце и в бармах, на престоле,
В венце и в бармах видели меня!
Они сказали: «Три звезды покамест
Мое величье затмевают — три!»
Одна из них — то Иоанн, другая —
Царевич Федор, третья — кто ж иной,
Как не Димитрий? Тот противник сильный,
Которого бояться должен я,
Кому ж и быть ему, как не младенцу
Димитрию? Он, он преграда мне!
«Слаб, но могуч — безвинен, но виновен —
Сам и не сам» — оно как раз подходит
К Димитрию! Но что могло бы значить:

«Убит, но жив»? Как дико мне звучит
Зловещее, загадочное слово:
«Убит, но жив»! Кем будет он убит!
Не может быть! А если б кто и вправду
Решился руку на него поднять,
То как ему, убитому, воскреснуть?
Я словно в бездну темную гляжу,
Рябит в глазах, и путаются мысли...
Довольно! Прочь бесплодные догадки!
Жив иль убит — судьба его в грядущем,
Мне ж дорог ныне настоящий миг!

Входит дворецкий.

Дворецкий

К тебе пришел, боярин, царский дохтур.

Годунов

Пускай войдет!

Входит Якоби.

Роман Елиазарыч,
Я за тобой послал, чтоб ты подробно
Поведал мне, насколько государю
Сегодня легче? Можно ль уповать,
Что миновалась для него опасность?

Якоби

Его болезнь, боярин, многосложна:
Не плоть одна страдает — болен дух,
От юности привыкший, чтобы всё
Перед его державной гнулось волей,
Последнего не мог он униженья
Перенести. Но добрые его
Оправили и ободрили вести.
И будет здрав он, если нам удастся
От раздражений охранить его.

Годунов

А если бы, не дай бог, чем-нибудь
Он раздражился?

Якоби

Мы бы не могли
Тогда ответить ни за что. Сосуды,

Которые проводят кровь от сердца
И снова к сердцу, так напряжены,
Что может их малейшее волненье
Вдруг разорвать.

Годунов

Но чем же помешать нам,
Чтоб как-нибудь не опалился он?

Якоби

Все случаи волненья и досады
Во что б ни стало надо удалить.
Пусть только то и видит он и слышит,
Что развлекать его способно.

Годунов

Как
Оставил ты его?

Якоби

Он после ванны
Прилег заснуть, но ключнику велел,
Чтобы меж тем в соседнюю палату
Сокровища из главной кладовой
Перенесли, дабы, по пробужденье,
Осматривать их мог он. Близь него
Остался мой товарищ, Ричард Эльмс.

Годунов

Вы трудное условье положили
Для исцеленья царского недуга —
Вы знаете царя!

Якоби

Боярин Бельский,
Чтоб от забот и дел его отвлечь,
Собрал толпу шутов и скоморохов.
Мысль недурна. Пусть в играх этот день
Пройдет и в смехе.

Годунов
(встает)

Мы стараться будем
Исполнить наставления твои.

Якоби

Прости, боярин.

(Уходит.)

Годунов топает ногой. Входит дворецкий.

Годунов

Здесь ли Битяговский?

Дворецкий

Здесь, государь.

Годунов

Пошли его сюда.

Дворецкий уходит и вскоре впускает Битяговского.

Что деется в народе?

Битяговский

Слава богу.

Годунов

На Шуйского и Бельского они
Озлоблены ль как надо?

Битяговский

Так и рвутся.

Годунов

И стало быть, подымутся на них,
Когда мы захотим?

Битяговский

Коли б не прежде.

Годунов

Ты должен быть готов перед царем
Свидетелем предстать, что возмущенье
Нагие подготовили.

Битяговский

Могу.

Годунов

И присягнуть, что слышал ты своими
Ушами, как холопей подсылали
Они в народ.

Битяговский

Зачем не присягнуть!

Годунов

Будь у меня сегодня под рукою;
Быть может, ты понадобишься мне;
Теперь ступай!

Битяговский уходит.

(Один.)

Я больно ошибаюсь,
Иль многое решится в этот день!

(Уходит.)

БОГАТАЯ ПАЛАТА ВО ДВОРЦЕ

Слуги вносят и расставляют драгоценную утварь. За ними надзирают дворецкий и ключник.

Дворецкий

(к слугам)

Живей! Живей! Кончайте поскорей!
Сейчас проснуться государь изволит!

Ключник

(к дворецкому)

Скажи, пожалуй, для чего он рухлядь
Сбирается смотреть?

Дворецкий

Да говорят,
Невесте хочет за́ море подарки
Отправить.

Ключник

Как? Он разве не раздумал
На ней жениться?

Дворецкий

Да, раздумал было,
Да вот сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся́. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

Ключник

Ну, как он знает! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

Дворецкий

(смотрит в окно)

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Так и кишат!

Ключник

Да! Уж который день
У теремов с утра они толпятся:
Всё о здоровье царском узнают!

Дворецкий

Ну, слава богу! Видно, обманулись
Ворожеи! Кириллин день настал,
А государю легче!

(К слугам.)

Что? Готово?

Ключник

(смотрит в список)

Всё налицо!

Дворецкий

(к слугам)

Ну, с богом! Уходите!

Слуги уходят.

Вишь, как статьи подобраны подряд!
Чего тут нет! Каменьев самоцветных,
И золота, и шелку, и парчи!
Так вся палата и горит!

Ключник

Тс! Кто-то
Идет сюда!

Дворецкий

Ах, господи, не царь ли?

Входит Бельский.

Ключник

Нет, это Бельский.

Бельский

Всё ль у вас готово?

Дворецкий

Всё, государь.

Бельский

Сейчас изволит царь
Пожаловать. Смотрите же, чтоб он
Остался всем доволен; чтоб ему
От нас досады в чем не приключилось!
Врачи сказали: боже сохрани
Его прогневать чем-нибудь сегодня!

Слышен хохот.

Кто там хохочет?

Входит шут. За ним толпа скоморохов в странных нарядах, с гудками, волынками, сковородами и разной звонкой посудой.

Шут

(к Бельскому)

Дядюшка Богдан!
Я хоровод тебе привел! Послушай!

Скоморохи

(с пляской)

Ой, жги, жги, жги!
Настежь, баба, ворота!
Тащи козла за рога!
Ой, жги, жги, жги!
Пошла, баба, в три ноги!

Шут

Ну что? Как нравится тебе?

Бельский

(осматривает скоморохов)

Изрядно!
Смотрите ж, хари! Пяток не жалеть!
Перед царем вертеться кубарями!
Теперь пока ступайте в ту палату,
Там спрячьтеся. Когда я крикну: «Люди!»,
Вбегайте все да эту песню гряньте
Повеселей!

Скоморохи проходят через сцену в боковую дверь.

(К шуту.)

Ты около царя
Всё время будь — гляди ему в глаза, —
И только лишь он брови понахмурит —
Ты шутку выкинь посмешней!

Шут

Да! Выкинь!
Не хочешь ли сам выкинуть? А он
Тебя в окошко выкинет!

Дверь отворяется.

Вот он!
Поди шути!

Иоанна вносят на креслах. Он в халате; лицо его изнурено болезнью, но выражает торжество. Кресла опускают среди палаты, и перед ними ставят небольшой треугольный стол. За Иоанном входят Годунов, Мстиславский, Шуйский и другие бояре, кроме Захарьина.

Иоанн

(сидя в креслах, к Годунову)

Нельзя еще сегодня
Нам видеть королевина посла.
Пусть завтра к нам он, без меча и корда,
Откланяться придет. В опочивальне
Мы примем запросто его. Теперь же
Посмотрим, что́ назначить нам в подарок
Сестре Елисавете да ее
Племяннице, невесте нашей!

Бельский

Вот
Из Персии, великий государь,
Узорочие разное. Быть может,
Оно пригодно королеве?

Иоанн

Нет,
Тряпьем ее не удивишь. Обычай
Ее не бабий. Писемский нам пишет
Из Лондона, что любит-де она
В лесах гонять оленей; любит также
Потеху птичью и звериный бой.
Мы припасем подарок ей по вкусу.
Подайте мне ту сбрую с бирюзою,
С жемчужными наузами, да к ней
Вон тот чепрак, что яхонтами сажен!

Иоанну подают требуемые предметы. Он осматривает их и велит знаком отложить в сторону.

Еще пошлем ей двух живых медведей
На золотых цепях; да кречетов
Сибирских шесть. Пусть тешится сестрица
Да поминает нас! Княжне ж Хастинской —
Другое дело! Ей найдем наряд.
Подать сюда все кольца и монисты!

Иоанну подают разные драгоценности. Он берет их в руки и осматривает одну за другою.

Вот это ожерелье из алмазов
И яхонтов лазоревых с червцами
Пошлем княжне. Лазорев темный яхонт,
Когда вглядеться в глубину его,
Покоит душу, скорби разбивает;
Червец же верность женскую блюдет,
Затем что цвет его сердечной крови.
Из перстней же вот этот ей пошлем:
Он всех ценней, зовется камень лал,
Привозится к нам из земли Индийской,
А достается нелегко, затем
Что страховидные там звери, грифы,
Его стрегут. От укушенья змей
Он исцеляет. Пусть его невеста
На пальчик свой наденет, нам в любовь!

А что до тканей, в них я не знаток;
О них спросить царицу Марью. Бабы
На том собаку съели. Что царице
Полюбится, то и послать княжне!

Шут

Царь-батюшка!

Иоанн

Что?

Шут

Ты когда жениться
Сбираешься?

Иоанн

Тебе на что?

Шут

Да так;

(указывая на Мих. Нагого)

Хочу вот Мишке службу сослужить:
Нагих-то время при дворе прошло,
Так я хочу вот этого пристроить!

(Сымает свой колпак и ходит с ним от одного к другому, будто прося милостыни.)

Иоанн

Что делаешь ты, шут?

Шут

По нитке с миру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

Иоанн

Ха-ха! Вот это шут так шут! Не бойся,
Нагим не станет по прозванью.

(К Нагим.)

Вы!
Коль будете по правде мне служить,
Я не оставлю вас!

(Окидывает глазами сокровища.)

Есть, слава богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мне станет!

Слышны крики на площади.

Что за крики там?

Годунов

Народ шумит, великий государь,
И веселится о твоем здоровье!

Иоанн

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Им сотню бочек меду и вина!
А завтра утром новая потеха
Им будет: всех волхвов и звездочетов,
Которые мне ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на костре.
Борис, ступай и казнь им объяви,
Да приходи поведать мне, какие
Они построят рожи!

Годунов уходит.

Вишь, хотели
Со мной шутить! Кириллиным, вишь, днем
Хотели запугать! Никто не может
Кончины день узнать вперед! Никто!
Вы! Слышите ли?

Шуйский

Слышим, государь.

Иоанн

Что ж вы молчите? Разве может кто
Сказать вперед: я проживу вот столько?
Иль так-то жизнь окончу я мою?

Мстиславский

Нет, государь!

Иоанн

Ну, то-то ж! Что же вы
Молчите, а?

Шуйский

Великий государь,
И день и ночь мы о твоем здоровье
Все молим бога!

Мстиславский

Исцели тебя
Скорей господь!

Иоанн

Да разве я еще
Не исцелен? Что вы сказать хотите?
Я разве болен? Солнце уж заходит,
А я теперь бодрей, чем утром был,
И проживу довольно лет, чтоб царство
Устроить вновь! В мой смертный час, когда
Митрополит у моего одра
Молиться будет со святым синклитом,
Я им скажу: «Не плачьте, я утешен,
Бо легкую приимет сын державу
Из рук моих!» Так отойду я к богу!

Бельский делает знак шуту, который рассматривал разные вещи на столах. Шут берет ящик с шахматами и подносит к Иоанну.

Шут

Надёжа-царь! Вишь, куколки какие!

Иоанн

(к боярам)

Волхвов за ложь на казнь я осудил.
Неправ мой суд, по-вашему?

Бояре

Прав, царь!

Иоанн

А коли прав, так что же языки
Связало вам?

Бояре

Великий государь!
Помилуй нас! Не знаем, что сказать!

Иоанн

Не знаете? Так, стало, я безвинных
На казнь обрек? Так, стало, не солгали
Ворожеи?

Бояре

Солгали, государь!
Они солгали! По вине им мука!
За их вину и казни мало им!

Иоанн

Насилу-то! Вишь, рот раскрыть боятся!
Из них слова тащить клещами надо!

Молчанье.

Что́ шепчетесь вы там?

Шуйский

Нет, государь,
Мы не шептались!

Иоанн

Вы как будто ждете
Чего сегодня? А? Чего вы ждете?

Шут

Царь-солнышко! Да посмотри ж сюда,
На куколки!

Иоанн

Что это у него?

Бельский

То шахматная, государь, игра,
Которую прислал тебе в подарок
Персидский царь.

Шут
(разглядывая фигуры)

Нарядные какие!

Бельский
(берет со стола доску)

Вот и доска к ним!

Иоанн

Покажи сюда!

(Осматривает шахматы.)

Давно в игру я эту не играл.
Садись, Богдан, посмотрим, кто сильнее!

Слуги вносят свечи. Иоанн расставляет игру. Бельский садится против него на стольце и также расставляет.

Шут

(к Иоанну, указывая на шахматы)

Точь-в-точь твои бояре! Знаешь что?
Живых-то ты всех пóбоку, а этих
Всех в Думу посади. Дела не хуже
У них пойдут, а есть они не просят!

Иоанн

Ха-ха! Дурак не слишком глуп сегодня!

Подвигает пешку. Игра начинается. Все становятся полукругом за царскими креслами и смотрят.

Шут

Иль вместо их меня поставь в бояре!
Я буду в Думе заседать один,
И разногласья у меня не будет!
Не то пошли меня, надёжа-царь,
Послом в Литву, поздравить короля!

Иоанн

С чем, шут?

Шут

Да с тем, что о псковские стены
Он лоб разбил!

Иоанн

Тебя послать недурно;
Послал же он Гарабурду ко мне
С своей перчаткой! Чай, теперь идти
На Новгород раздумали!

Шуйский

Куда им!

Иоанн

На сейме ихном королю в пособье
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свои же люди своему владыке
Да денег не дают!

Шут

У нас не так!
Понадобилось что — хап, хап! — и есть!

Бельский

(подвигая ферязь)

Шах, государь.

Иоанн

(заслоняется слоном)

Шах ферязи твоей!

Шуйский

(к Бельскому, смеясь)

Что, взял, боярин? Ферязь-то пропала!

Иоанн

Да, кажется!

Бельский

Как есть пропала ферязь!

Иоанн

Сдается нам, мы не совсем еще
Играть забыли! Наш недуг у нас
Еще не вовсе отнял разуменье!
Кириллин день! Вишь, выдумали что!
Проклятые! Куда пропал Борис?
Что он нейдет с ответом?

Бельский берет царского слона. Иоанн хочет взять его ферязь царем и роняет его нá пол.

Шут

(бросаясь подымать)

Ай-ай-ай!
Царь шлепнулся!

Иоанн

(вспыхнув)

Шут! Ври, да меру знай!

(К Бельскому.)

Тебе ходить!

Игра продолжается. Годунов показывается в дверях.

Годунов

(тихо, указывая на Иоанна одному боярину, стоящему позади других)

Каков он?

Боярин

(тихо к Годунову)

Больно гневен!
Уж раза два сердиться начинал!

Годунов подходит и становится напротив Иоанна.

Иоанн

(подняв голову)

Ты здесь? Ну, что? Ты видел чародеев?
Каков их был ответ? Зачем молчишь ты?
Что ж ты не говоришь?

Годунов

Гм, государь!

Иоанн

Что ты так смотришь на меня?
(Отодвигается от Годунова.)
Как смеешь
Ты так смотреть?

Годунов

Великий государь!
Волхвы тебе велели отвечать,
Что их наука достоверна.

Иоанн

Как?!

Годунов

Что ошибиться им нельзя и что —
Кириллин день еще не миновал!

Иоанн

(встает, шатаясь)

Не миновал?—Кириллин день?—Ты смеешь—
Ты смеешь мне в глаза — злодей!— Ты—ты—
Я понял взгляд твой! — Ты меня убить —
Убить пришел! — Изменник! — Палачей! —
Феодор! — Сын! — Не верь ему! — Он вор! —
Не верь ему! — А!

(Падает навзничь на пол.)

Шуйский

(бросается к нему и поддерживает его голову)

Боже! Он отходит!

Бельский

Позвать врачей! Скорей позвать врачей!

Иоанн

(открыв глаза)

Духовника!

Бельский

Бегите за попом!
Скорей бегите! Люди! Люди! Гей!

Вбегают скоморохи с пеньем, свистом и пляской.

Скоморохи

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

Бояре

Что это? Что? Назад! Побойтесь бога!

Бельский

(бросается на скоморохов)

Назад! Назад! Безбожники! Назад!
Царь умирает!

Мстиславский

Дохтура зовите!

Иоанн умирает. Некоторые бояре бросаются из палаты. Скоморохи разбегаются. Входят Эльмс и Якоби.

Якоби

Где государь?

Бельский

(указывает на труп)

Вот он!

Якоби

(нагибается и щупает пульс Иоанна)

Не бьется пульс!

Эльмс

(берет другую руку)

Не бьется — нет!

Якоби

(щупает сердце)

Не бьется сердце!

Эльмс

Умер!

Якоби

Окончил жизнь!

Годунов

(подходит и кладет руку на сердце Иоанна)

Преставился!

(Отворяет окно и кричит на площадь.)

Москва!
Царь Иоанн Васильевич скончался!

Говор и гул на площади. Годунов выходит из палаты. Бояре обступают Иоанна и глядят на него молча. Входит Захарьин и останавливается перед трупом.

Захарьин

Свершилося! Так вот ты, царь Иван,
Пред кем тряслась так долго Русь! Бессилен,
Беспомощен лежишь ты, недвижим,

И посреди твоих сокровищ беден!
Чего же мы стоим и ждем, бояре?
Во прахе ли пред нами быть тому,
Пред кем полвека мы лежали в прахе?
Иль страшно вам коснуться до него?
Не бойтеся! Уж не откроет он
Своих очей! Уж острого жезла
Не схватит длань бессильная, и казни
Не изрекут холодные уста!

Они подымают Иоанна, кладут его на скамью, делают ему изголовье и покрывают его парчою. Вбегают Федор, царица и царевна Ирина.

Федор

(бросаясь к трупу)

Царь-батюшка!

Царица

О господи, помилуй!

Ирина

О господи!

Все трое голосят и рыдают. Крики на площади усиливаются. Входит стрелецкий голова.

Голова

(к Федору)

Великий государь!
Народ бунтует! Лезут на крыльцо!

Федор

(с испугом)

Что надо им?

Голова

Кричат, что Шуйский с Бельским
Отравой государя извели!

Вбегает стрелецкий сотник.

Сотник

Народ царь-пушкой овладел! Хотят
Разбить дворец!

Бельский

(к Федору)

Вели по ним стрелять!

Федор

Где шурин мой? Борис! Борис! Что делать?

Входит Годунов.

Годунов

(торжественно к Федору, опускаясь на колени)

Великий царь!

Федор

(бросается к нему)

А, вот ты наконец!

Крики на площади, между которыми слышны имена Шуйского и Бельского.

Шуйский

(к Федору)

Решайся, государь!

Федор

(указывая на Годунова)

Вот тот, кто должен
Теперь решать! Ему препоручаю
Отныне власть мою!

Годунов

(поклонившись Федору, подходит к окну)

Народ московский!
Феодор Иоанныч, божьей волей
Великий князь и царь всея Руси,
Вам повестить велел, что от недуга
Скончался царь Иван. В его же смерти
Виновных нет. Но Шуйский с Бельским долго
Теснили вас; что̀ ведая, царь Федор
Ссылает их далёко от Москвы!

Гул на площади.

Шуйский

Борис Феодорыч! Помилуй! Что ты?

Бельский

За что нас в ссылку?

Годунов

Вы вольны остаться —
Хотите ль выйти на крыльцо?

Шуйский

Помилуй!
Нас разорвут!

Бельский

Нас разорвут на клочья!

Годунов

Я думаю.

(К стрелецкому голове.)

За крепким караулом
Бояр отправить из Москвы. В Покрове
Вас известят, куда их отвезти.

Шуйского и Бельского окружают стрельцы.

Захарьин

(к Годунову)

Ты скор, боярин. Мы еще не знаем,
Кто поднял бунт.

Годунов

Нагие со Мстиславским.

(Указывая на Битяговского, который входит в приличном виде и в добром платье.)

Вот кто на них свидетелем стоит!

Нагие и Мстиславский

Как? Он?

Битяговский

(нагло)

Да, я!

Годунов

(ко Мстиславскому)

Князь, ты достоин смерти,
Но царь тебя лишь в монастырь ссылает.

(к Нагим)

А вас обоих, из любви к царице,
Прощает он и в Углич вам велит
Отправиться с царевичем и с нею.

(К царице, указывая на Битяговского.)

Вас всех блюсти вот этот наряжен!

Царица
(к Федору)

Не верь ему! Не верь ему, Феодор!
Не отсылай нас, царь!

Федор
(к Годунову)

Нельзя ли, шурин,
Царице здесь остаться?

Годунов

Государь,
Там лучше ей.

Захарьин

Боярин Годунов!
Я вижу, ты распоряжаться мастер!
Всем место ты нашел — лишь одного
Меня забыл ты! Говори, куда
Идти я должен? В ссылку? В монастырь?
В тюрьму? Или на плаху?

Годунов

Мой отец,
Тебя царь просит оставаться с ним.

Царица
(к Захарьину)

Спаси меня! Спаси меня, боярин!
Пропали мы!

Захарьин

Дай господи, царица,
Чтобы не всё пропало! Злое семя
Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!

(Обращаясь к трупу Иоанна.)

О царь Иван! Прости тебя господь!
Прости нас всех! Вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход!

Федор

(к царице, со слезами)

Не плачь, царица-матушка! Что ж делать!
Так, видно, надобно!

Годунов

(подходит к окну)

Народ московский!
Великий царь Феодор Иоанныч
Прощает вас! Ступайте все молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утром будет вам раздача
По всей Москве и хлеба и вина!

Крики на площади

Да здравствует царь Федор Иоанныч!
Да здравствует боярин Годунов!

Федор бросается, рыдая, на шею Годунову. Они стоят, обнявши друг друга.

1862—1864

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Федор Иоаннович, сын Иоанна Грозного.
Царица Ирина Федоровна, жена его, сестра Годунова.
Борис Федорович Годунов, правитель царства.
Князь Иван Петрович Шуйский, верховный воевода.
Дионисий, митрополит всея Руси.
Варлаам, архиепископ Крутицкий.
Иов, архиепископ Ростовский.
Благовещенский протопоп.
Чудовский архимандрит.
Духовник царя Федора.
Князь Василий Иванович Шуйский, племянник князя Ивана Петровича.

Князь Андрей
Князь Дмитрий
Князь Иван
} Шуйские, родственники кн. Ивана Петровича.

Князь Мстиславский
Князь Хворостинин
} ближние воеводы
Князь Шаховской
Михайло Головин
} сторонники Шуйских.

Андрей Петрович Луп-Клешнин, бывший дядька царя Федора
Князь Туренин
} сторонники Годунова.

Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и невеста Шаховского.
Василиса Волохова, сваха.

Богдан Курюков
Иван Красильников
Голубь-отец
Голубь-сын
} московские гости, сторонники Шуйских.

Федюк Старков, дворецкий кн. Ивана Петровича.
Гусляр.
Царский стремянный.
Слуга Бориса Годунова.
Гонец из села Тешлова.
Гонец из Углича.
Ратник.
Бояре, боярыни, сенные девушки, стольники, дьяки, попы, монахи, торговые люди, посадские, стрельцы, слуги, нищие и народ.

Действие — в Москве, в конце XVI столетия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

На левом конце сцены — стол, за которым сидят все Шуйские, кроме Ивана Петровича и Василия Ивановича. Рядом с Шуйскими Чудовский архимандрит, Благовещенский протопоп и некоторые другие духовные лица. Несколько бояр также сидят за столом; другие расхаживают, разговаривая, в глубине сцены. По правую руку стоят купцы и люди разных сословий. Там же виден другой стол с кубками и сулеями. За ним стоит, в ожидании, Старков, дворецкий князя Ивана Петровича.

Андрей Шуйский

(к духовным)

Да, да, отцы! На это дело крепко
Надеюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидит правитель Годунов. Он ею
Одной сильней всего боярства вместе;
Как вотчиной своею, помыкает
И Думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Нам от сестры избавиться его —
Мы сладим с ним.

Чудовский архимандрит

Так князь Иван Петрович
Свое согласье дал?

Андрей Шуйский

Насилу дал!
Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я в доме-де своем справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховского,
Вишь, выдаю, — царицу же с царем
Я разлучу; у нас веселье будет,
У них же плач!

Благовещенский протопоп

Зело он мягкосерд.

Дмитрий Шуйский

Такой уж норов: в поле лютый зверь,
А снял доспех — и не узнаешь вовсе,
Другой стал человек.

Головин

А как же он
Согласье дал?

Андрей Шуйский

Спасибо князь Василью,
Он уломал его.

Головин

Не жду я проку
От этого. По мне: уж если делать —
Так всё иль ничего.

Андрей Шуйский

А что б ты сделал?

Головин

Попроще б сделал, да теперь, вишь, нам
Не время толковать об этом. Шш!
Вот он идет!

Входят Иван Петрович Шуйский с Василием Шуйским, который держит бумагу.

Кн. Иван Петрович

Отцы! Князья! Бояре!
Бью вам челом — и вам, торговым людям!
Решился я. Нам доле Годунова
Терпеть нельзя. Мы, Шуйские, стоим
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Как повелось от предков; он же ставит
Всю Русь вверх дном. Нет, не бывать тому!
Он — или мы! Читай, Василь Иваныч!

Василий Шуйский
(читает)

«Великому всея Русии князю,
Царю и самодержцу, государю
Феодору Иванычу — от всех
Святителей, князей, бояр, попов,
Всех воинских людей и всех торговых,
От всей земли: царь, смилуйся над нами!

Твоя царица, родом Годунова,
Неплодна есть, а братец твой, Димитрий
Иванович, недугом одержим
Падучиим. И если б, волей божьей,
Ты, государь, преставился, то мог бы
Твой род пресечься и земля в сиротство
Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
Нас пожалей, не дай остаться пусту
Отцовскому престолу твоему:
Наследия и чадородья ради,
Ты новый брак прими, великий царь,
Возьми себе в царицы (имярек)...»

Кн. Иван Петрович

Мы имя впишем после; со владыкой
Решим, кого нам указать. Читай!

Василий Шуйский

(продолжает)

«Неплодную ж царицу отпусти,
Царь-государь, во иноческий чин,
Как то твой дед покойный учинил,
Великий князь Василий Иоанныч.
И в том тебе мы, целою землею,
От всей Руси, соборне бьем челом
И руки наши прилагаем».

Кн. Иван Петрович

(к боярам)

Все ли
Согласны подписаться?

Бояре

Все согласны!

Кн. Иван Петрович

(к духовным)

А вы, отцы?

Благовещенский протопоп

Святой владыко нас
Благословил тебе дать руки.

Чудовский архимандрит

Полно
Христову церковь Годунову доле
Насиловать!

Кн. Иван Петрович

(к купцам)

А вы?

Купцы

Князь-государь,
Уж нам ли за тобою не идти!
От Годунова нам накладней всех
С тех пор, как он дал льготы англичанам!

Кн. Иван Петрович

(берет перо)

Прости ж мне бог, что я для блага всех
Грех нá душу беру!

Василий Шуйский

И полно, дядя!
Какой тут грех? Не по вражде к Ирине
Ты на нее идешь, но чтоб упрочить
Престол Руси!

Кн. Иван Петрович

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова, —
И сам себя морочить не хочу!
Мой путь не прям.

Василий Шуйский

Помилуй! Что Ирине
В мирском величье? Супротив блаженства
Небесного всё прах и суета!

Кн. Иван Петрович

Я говорю тебе, мой путь не прям —
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадает,
Чем вся земля!

(Подписывается.)

Прикладывайте руки!

Все начинают подписываться. Кн. Иван Петрович отходит в сторону. К нему подходит кн. Шаховской.

Шаховской

Князь-государь, когда же мне позволишь
С невестою увидеться?

Кн. Иван Петрович

Тебе
Одна забота только о невесте?
Не терпится? Пожди, она сойдет
Тебя с другими потчевать.

Шаховской

Ты, князь,
Ведь при других мне только и даешь
С ней видеться.

Кн. Иван Петрович

А ты б хотел один?
Ты молод, князь, а я держуся крепко
Обычая. Им цело государство,
Им — и семья.

Шаховской

Обычая ль тогда
Держался ты, когда сидел во Пскове,
Тебя ж хотел Замойский извести,
А ты его, в лукавстве уличив,
Как честного, на поле звал с собою?

Кн. Иван Петрович

Не красная был де́вица Замойский,
Я ж не жених. Глаз на́ глаз со врагом
Быть не зазор.

Шаховской отходит. Подходит Головин.

Головин

(вполголоса)

Когда б ты захотел,
Князь-государь, короче б можно дело
И лучше кончить. Углицкие люди
Ко Дмитрию Ивановичу мыслят.

Кн. Иван Петрович

Ну, что же в том?

Головин

А на Москве толкуют,
Что Федор-царь и плотью слаб и духом;
Так если б ты...

Кн. Иван Петрович

Михайло Головин,
Остерегись, чтоб я не догадался,
Куда ты гнешь.

Головин

Князь-государь...

Кн. Иван Петрович

Я мимо
Ушей теперь намек твой пропускаю,
Но если ты его мне повторишь,
Как свят господь, я выдам головою
Тебя царю!

Входит княжна Мстиславская в большом наряде; за ней две девушки и Волохова с подносом, на котором чары. Все кланяются княжне в пояс.

Василий Шуйский

(тихо Головину)

Нашел кого поднять
На прирожденного на государя!
Да он себя на мелкие куски
Даст искрошить скорей. Брось дурь!

Головин

Кабы
Он только захотел...

Василий Шуйский

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Так был бы дедушка.

Кн. Иван Петрович

Ну, гости дорогие,
Теперь из рук племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передает поднос княжне, которая обносит гостей с поклонами.

Шаховской
(ко Мстиславской шепотом, принимая от нее чару)

Скоро ли поволишь
Мне свидеться с тобою?

Княжна отворачивается.

Волохова
(шепотом Шаховскому)

Завтра ночью,
В садовую калитку!

Кн. Иван Петрович
(подымая кубок, который поднес ему Старков)

Наперед
Во здравье пьем царя и государя
Феодора Иваныча! Пусть много
Он лет царит над нами!

Все

Много лет
Царю и государю!

Кн. Иван Петрович

А затем
Пью ваше здравье!

Кн. Хворостинин

Князь Иван Петрович!
Ты нам щитом был долго от Литвы —
Будь нам теперь щитом от Годунова!

Благовещенский протопоп

Благослови тебя всевышний царь
Святую церковь нашу отстоять!

Чудовский архимандрит

И сокрушить Навуходоносора!

Купцы

Князь-государь! Ты нам — что твердый Кремль,
А мы с тобой в огонь и в воду!

Кн. Хворостинин

Князь,
Теперь дозволь про молодых нам выпить,
Про жениха с невестой!

Все

Много лет!

Кн. Иван Петрович

Благодарю вас, гости дорогие,
Благодарю! Она хотя мне только
Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорий! Кланяйтеся, дети!

Все

(пьют)

Во здравье удалому жениху
И дорогой невесте!

Кн. Иван Петрович

Всем спасибо!

(Ко Мстиславской)

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться в люди,
Вишь, раскраснелась, словно маков цвет.

(Целует ее в голову.)

Ступай себе!

Княжна, Волохова и девушки уходят.

Волохова

(уходя, к Шаховскому)

Смотри же, не забудь:
В садовую калитку! Да гостинчик
Мне принеси, смотри же!

Кн. Иван Петрович

Медлить нам
Теперь нельзя. Пусть тотчас ко владыке
Идет наш лист, а там по всей Москве!

Василий Шуйский

Не проболтаться, боже сохрани!

Все

Избави бог!

Кн. Иван Петрович

Простите ж, государи,
Простите все! Владыко даст нам знать,
Когда к царю сбираться с челобитьем!

Все расходятся.

Мой путь не прям. Сегодня понял я,
Что чистым тот не может оставаться,
Кто борется с лукавством. Правды с кривдой
Бой неравён; а с непривычки трудно
Кривить душой! Счастлив, кто в чистом поле
Перед врагом стоит лицом к лицу!
Вокруг него и гром, и дым, и сеча,
А на душе спокойно и легко!
Мне ж на́ душу легло тяжелым камнем,
Что́ ныне я не право совершил.
Но, видит бог, нам все пути иные
Заграждены. На Федора опоры
Нет никакой! Он — словно мягкий воск
В руках того, кто им владеть умеет.
Не он царит — под шурином его
Стеня, давно земля защиты просит,
От нас одних спасенья ждет она!
Да будет же — нет выбора иного —
Неправдою неправда сражена
И да падут на совесть Годунова
Мой вольный грех и вольная вина!

(Уходит.)

Старков

(глядя ему вслед)

Неправда за неправду! Ну, добро!
Так и меня уж не вини, боярин,
Что пред тобой неправду учиню я
Да на тебя всю правду донесу!

ПАЛАТА В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов, в раздумье, сидит у стола. Близ него стоят Луп-Клешнин и князь Туренин. У двери дожидается Старков.

Клешнин

(к Старкову)

И ты во всем свидетельствовать будешь?

Старков

Во всем, во всем, боярин! Хоть сейчас
Поставь меня лицом к царю!

Клешнин

Добро!
Ступай себе, голубчик, с нас довольно!

Старков уходит.

(К Годунову.)

Что? Каково? Сестру, мол, в монастырь,
А брата пóбоку! И со владыкой
Идут к царю!

Годунов

(в раздумье)

Семь лет прошло с тех пор,
Как царь Иван преставился. И ныне,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрепшее строенье,
Всё, что для царства сделать я успел, —
Всё рушится — и снова станем мы,
Где были в ночь, когда Иван Васильич
Преставился.

Клешнин

Подкопы с двух сторон
Они ведут. Там, в Угличе, с Нагими
Спознался их сторонник Головин,
А здесь царя с царицею разводят.
Не тут, так там; коль не мытьем удастся,
Так ка́таньем!

Туренин

(к Годунову)

Боярин, не давай
Им с челобитием идти к царю!
Его ты знаешь; супротив попов,
Пожалуй, он не устоит.

Клешнин

Пожалуй!
Рассчитывать нельзя. Покойный царь
Пономарем его недаром звал.
Эх, батюшка ты наш, Иван Васильич!
Когда б ты здравствовал, уж как бы ты
И Шуйских и Нагих поуспокоил!

Годунов

Из Углича к нам не было вестей?

Клешнин

Не получал. Пусть только Битяговский
Ту грамоту пришлет, что Головин
Писал к Нагим, уж мы скрутили б Шуйских!

Туренин

А если он сам от себя ворует?

Клешнин

Нам нет нужды! С той грамотой они
У нас в руках.

Туренин

Твоими бы устами
Пришлося мед пить. У меня ж со князем
Иван Петровичем старинный счет:
Когда во Пскове с голоду мы мерли,

А день и ночь нас осыпали ядра
Каленые, я, в жалости души
И не хотя сидельцев погубленья,
Дал им совет зачать переговоры
С Батуром-королем. Но князь Иван
На шею мне велел накинуть петлю
И только по упросу богомольцев
Помиловал. Я не забыл того
И вотчины свои теперь бы отдал,
Чтобы на нем веревку увидать!

Клешнин

Ему б к лицу! С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд. Эх, грамоту б добыть!

Туренин

(к Годунову)

Твоя судьба висит на волоске —
Тебе решиться надо!

Годунов

(вставая)

Я решился.

Туренин

На что?

Годунов

На мир.

Туренин и Клешнин

(вместе)

Как? С Шуйскими на мир?

Годунов

Мы завтра же друзьями учинимся.

Туренин

Врагам своим ты хочешь уступить?
Ты согласишься поделиться с ними
Своею властью?

Клешнин

Батюшка, дозволь
Тебе сказать: ты не с ума ли спятил?
Ведь ты козла в свой пустишь огород!

Годунов

Когда, шумя, в морскую бурю волны
Грозят корабль со грузом поглотить,
Безумен тот, кто из своих сокровищ
Не бросит часть, чтоб целое спасти.
Часть прав моих в пучину я бросаю,
Но мой корабль от гибели спасаю!

Клешнин

А как сойдешься с ними ты? С повинной
К ним, что ль, пойдешь? Аль их к себе
попросишь?
Кто мир устроит между вас?

Годунов

Сам царь.

Стольник отворяет дверь.

Туренин

А вот и царь!

Входит царь Федор. За ним стремянный.

Федор

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

Стремянный

Государь,
Ты, вишь, в мошну за деньгами полез
Для нищего, конь подался вперед,
Ты ж дернул за поводья, конь с испугу
И стал дыбиться.

Федор

Самого меня
Он испугал. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сено ест одно!

Клешнин

А я бы, царь, стремянного приструнил,
Чтоб милости твоей таких не смел
Он бешеных давать коней!

Стремянный

Помилуй,
Какой же бешеный он конь? Ему
Лет двадцать пять. На нем покойный царь
Еще езжал.

Федор

Я, впрочем, может быть,
Сам виноват. Я слишком сильно стиснул
Ему бока. Ты говоришь, с испугу
Вздыбился он?

Стремянный

С испугу, государь!

Федор

Ну, так и быть, уж я его прощу;
Но ездить я на нем не буду боле.
В табун его! И полный корм ему
Давать по смерть!

Из другой двери входит царица Ирина.

Аринушка, здорово!

Ирина

Здорово, свет! Никак, ты уморился?

Федор

Да, да, устал. От самого Андронья
Всё ехал рысью. Здесь же, у крыльца,
Конь захотел меня сшибить, да я
Дал знать себя! Бока ему как стиснул,
Так он и стих. Аринушка, я чаю,
Обед готов?

Ирина

Готов, свет-государь,
Покушай на здоровье!

Федор

Как же, как же!
Сейчас пойдем обедать. Я от этой
Езды совсем проголодался. Славно
Трезвонят у Андронья. Я хочу
Послать за тем пономарем, чтоб он
Мне показал, как он трезвонит... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видел! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйским
Племянницей. Видал ее ты, шурин?

Годунов

Нет, государь; мы с Шуйскими давно уж
Не видимся.

Федор

Жаль, шурин, очень жаль!..
Высокая, и стройная такая,
И белая!

Ирина

Да у тебя уж, Федор,
Зазнобы нет ли к ней?

Федор

И брови, знаешь,
Какие у нее!

Ирина

Да ты и впрямь
Уж много говоришь о ней!

Федор

(лукаво)

А что ж,
Аринушка? Ведь я еще не стар,
Ведь я еще понравиться могу!

Ирина

Стыдись, она невеста!

Федор

Да, она
Посватана за Шаховского. Шурин,
Ты Шаховского знаешь, князь Григорья?

Годунов

Знавал когда-то, царь, но он ведь ныне
Сторонник Шуйских.

Федор

Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?

Годунов

Я рад бы, государь,
За мной не стало б дело, если б знал я,
Как помириться?

Федор

Право, шурин? Право?
Зачем же ты мне прежде не сказал?
Я помирю вас! Завтра же тебя
Я с князь Иван Петровичем сведу!

Годунов

Царь, я готов, но, кажется...

Федор

Ни-ни!
Ты этого, Борис, не разумеешь!
Ты ведай там, как знаешь, государство,
Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,
Здесь надо ведать сердце человека!..
Я завтра ж помирю вас. А теперь
Пойдем к столу.

(Направляется к двери и останавливается.)

Аринушка, послушай:
А ведь Мстиславская-то на меня
Смотрела в церкви!

Ирина

Что ж мне делать, Федор,
Такая, видно, горькая уж доля
Мне выпала!

Федор

(обнимая ее)

Родимая моя!
Бесценная! Я пошутил с тобою!
Да есть ли в целом мире кто-нибудь,
Кого б ты краше не была? Пойдем же,
Пойдем к столу, а то обед простынет!

(Уходит.)

Ирина следует за ним. Годунов, Клешнин и Туренин идут за обоими.

Клешнин

(к Годунову, уходя)

Миришься ты? В товарищи возьмешь ты
Исконного, заклятого врага?

Туренин

Того, кем ты всех боле ненавидим?
А после что ж?

Годунов

А после — мы увидим!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЦАРСКАЯ ПАЛАТА

Царь Федор сидит в креслах. По правую его руку Ирина вышивает золотом в пяльцах. По левую сидят в креслах Дионисий, митрополит всея Руси; Варлаам, архиепископ Крутицкий; Иов, архиепископ Ростовский, и Борис Годунов. Кругом стоят бояре.

Федор

Владыко Дионисий! Отче Иов!
Ты, отче Варлаам! Я вас позвал,
Святители, чтоб вы мне помогли
Благое дело учинить, давнишних
Мне помогли бы помирить врагов!

Вам ведомо, как долго я крушился,
Что Шуйские, высокие мужи,
И Годунов Борис, мой добрый шурин,
Напрасною враждой разделены.
Но, видно, внял господь моим молитвам,
Дух кротости в Бориса он вложил.
И вот он сам мне обещал сегодня
Забыть свои от недругов досады
И первый Шуйским руку протянуть.
Не так ли, шурин?

Годунов

Твоему желанью
Повиноваться — долг мой, государь!

Федор

Спасибо, шурин! Ты Писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вот
О Шуйском я хотел тебе сказать,
О князь Иван Петровиче: он нравом
Немного крут, и горд, и щекотлив;
Так лучше б вам помене говорить бы,
А чтобы ты к нему бы подошел,
И за руку бы взял его — вот этак, —
И только бы сказал, что всё забыто
И что отныне ты со всеми ими
В согласии быть хочешь.

Годунов

Я готов.

Федор

Спасибо, шурин! Он ведь муж военный,
Он взрос в строю, среди мечей железных,
Пищалей громоносных, страшных копий
И бердышей! Но он благочестив
И, верно, уж на ласковую речь
Податлив будет.

(К Дионисию.)

Ты ж, святой владыко,
Лишь только за руки они возьмутся,
Их поскорей благослови и слово
Спасительное тотчас им скажи!

Дионисий

Мой долг велит мне, государь, о мире
Вещать ко всем, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйский спорит с шурином твоим,
Его склонять готов я к миру.

Федор

Отче,
Мы все стоим за церковь! И Борис,
И я, и Шуйский — все стоим за церковь!

Дионисий

Великий царь, усердие твое
Нам ведомо; дела же, к сожаленью,
Не все исходят от тебя.

(Смотрит на Годунова.)

Намедни
Новогородские купцы, которых
За ересь мы собором осудили,
Свобождены и в Новгород обратно,
Как правые, отпущены, к соблазну
Всех христиан.

Годунов

Владыко, те купцы
С немецкими торгуют городами
И выгоду приносят государству
Немалую. Мы с ними разорили б
Весь Новгород.

Дионисий

А ересь ни во что
Ты ставишь их?

Годунов

Избави бог, владыко!
Уж царь послал наказы воеводам
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненных отличает царь
От соблазнителей.

Федор

Конечно, шурин!
Но самых соблазнителей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Им перед богом отвечать придется!
Ты увещал бы их. Ведь ты, владыко,
Грамматиком недаром прозван мудрым!

Дионисий

Мы делаем, сколь можем, государь,
Чрез увещанья. Но тебе еще
Не всё известно: старосты губные
И сборщики казенных податей
В обители входить святые стали,
И в волости церковные въезжать,
И старые с них править недоборы,
Забытые от прежних лет!

Годунов

Владыко,
Великий царь предупредил твое
Печáлованье. Что нас крайность сделать
Заставила, уж то не повторится.

(Подает ему грамоту.)

Вот грамота, владыко, о невъезде
В именья церкви никаким чинам
И о решенье всяких дел не царским,
Но собственным твоим судом.

Федор

Да, отче,
Он написал ее, а я печать
Привесил к ней!

Дионисий

(пробегает грамоту)

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обещает мне
И в остальных статьях все льготы церкви,
Ее права и выгоды блюсти —
То прошлое да будет позабыто!

Федор

Так, так, владыко! Отче Варлаам,
Ты помоги владыке!

Варлаам

Государь,
Что в деле сем святой владыко скажет,
Я повторю охотно.

Федор

Отче Иов,
И на тебя рассчитываю я!

Иов

Правитель твой, великий государь,
Незлобия и мудрости исполнен,
А наше дело господу молиться
О тишине и мире!

Федор

И тебя,
Аринушка, прошу я: если Шуйский
Упрется, ты приветливое слово
Ему скажи. Оно ведь много значит
Из женских уст и умягчает самый
Суровый нрав. Я знаю по себе:
Мужчине я не уступлю ни в чем,
А женщина попросит иль ребенок,
Всё сделать рад!

Ирина

Мой царь и господин,
Как ты велишь, так мы и будем делать;
Но наше слово, против твоего,
Что может значить? Если только ты
Им с твердостию скажешь, что их распря
Тебя гневит, то князь Иван Петрович
Ослушаться тебя не будет властен.

Федор

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорей зачните с ними разговор;

Не стойте молча; хуже нет того,
Как если два противника сошлись,
Уж помирились, смотрят друг на друга,
А все молчат...

Клешнин

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда б его лишь милость,
На Шуе князь, нам рты разинуть дал!

Федор

Что ты понес? Какой он князь на Шуе?

Клешнин

А то, что он себя удельным князем,
А не слугой царёвым держит — вот что!

Кн. Хворостинин

Твой дядька, царь, простить не может Шуйским,
Что за Нагих вступаются они.

Головин

И что тебя хотели б упросить
Царевича взять на Москву обратно.

Федор

Димитрия? Да я и сам бы рад!
Сердечный он! Ему, я чай, там скучно,
А я-то здесь его бы потешал:
И скоморохов показал смешных бы,
И бой медвежий! Я просил Бориса,
Не раз просил, да говорит: нельзя!

Клешнин

И в том он прав! Твой батюшка покойный
Нагим недаром Углич указал;
Он знал Нагих, он воли не давал им,
И шурин твой на привязи их держит!

Федор

Негоже ты, Петрович, говоришь,
Они дядья царевичу, Петрович!

Клешнин

Царевичу! Да нешто он царевич?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нешто? Этаких цариц
При батюшке твоем понабралось бы
И более, пожалуй!

Федор

Полно, полно!
Мне Митя брат, ему ж дядья Нагие.
Так ты при мне порочить их не смей!

Клешнин

А что же мне, хвалить их, что они
Тебя долой хотели бы с престола,
А своего царенка на престол?

Федор

Как смеешь ты?

Клешнин

И Шуйских тож хвалить,
Что заодно идут они с Нагими?

Федор

Я говорю тебе: молчи! Молчи!
Сейчас молчи!

Клешнин

(отходя к окну)

Ну, что ж? И замолчу!

Федор

(к Годунову)

Не позволяй ему в другой раз, шурин,
Порочить мачеху и брата!

Годунов

Царь,
Он человек усердный и простой!

Крики на площади.

Клешнин
(глядя в окно)

Ну, вон идут!

Федор

Кто?

Бояре
(смотрят в окно)

Шуйские идут!

Федор
(подходит к окну)

Как? Уж пришли?

Клешнин

Да, вот уж у крыльца!

Крики слышны громче.

Вишь, впереди идет Иван Петрович,
А круг его валит с купцами чернь!
Ишь, голосят и шапки вверх кидают!
Еще, еще! Стрельцов сбивают с ног!
Держальников оттерли! Подхватили
Его под руки! Эвот, по ступеням
Его ведут! Небось и государя
Так не честят они!

Федор

Смотри же, шурин,
Не забывай, что ты мне обещал!
Аринушка,— смотри же, замечай!
Коль, неравно, у них пойдет негладко,
Ты помоги! Отцы мои, — я паче
На вас надеюсь!

(Возвращается поспешно на свое место.)

Стольник
(отворяя дверь)

Князь Иван Петрович!

Входят Шуйские; за ними Мстиславский, Шаховской и другие.

Клешнин
(тихо к Туренину, глядя на Шуйских)

Ишь, как идут! И шеи-то не гнутся!

Кн. Иван Петрович
(опускаясь на колени)

Великий царь! По твоему указу
Пред очи мы явилися твои!

Федор

Встань, князь Иван Петрович! Встань скорее!
Тебе так быть негоже!
(Поднимает его.)
Мы с царицей
Давно тебя не видим. Ты, должно быть,
Семейным делом занят? Мне сказали:
Племянницу ты замуж выдаешь?

Кн. Иван Петрович

Так, государь.

Федор

Я рад, я очень рад!
Я поздравляю вас! Так вот я, князь,
Хотел сказать тебе, что мы давно
Тебя не видим — впрочем, может быть,
Тебе не время? Это сватовство —
Ты оттого и в Думу, вероятно,
Давно уже не ходишь?

Кн. Иван Петрович

Государь,
Мне в Думе делать нечего, когда
Дела земли вершит уже не Дума,
А шурин твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояр и без меня!

Федор

Иван Петрович! Мне прискорбно видеть,
Что меж тобой и шурином моим
Такое несогласье учинилось!
Нам сам господь велел любить друг друга!
Велел, владыко?

Дионисий

Истинно велел!

Федор

Вот видишь, князь? Что говорит апостол
В послании к коринфянам? «Молю вы...»
Как дальше, отче Варлаам?

Варлаам

«Молю вы,
Да тожде вы глаголете, да распри
Не будут в вас, да в том же разуменье
И в той же мысли будете!»

Федор

Вот видишь!
А как в своем послании соборном
Апостол Петр сказал? «Благоутробни...»
Как дале говорит он, отче Иов?

Иов

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
Не воздающе убо зла за зло,
Ни досаждения за досажденье!»
И шурин твой, великий государь,
Апостольское слово исполняет
Воистину!

Федор

Да, отче Иов, да!
Ты, князь Иван Петрович, будь уверен,
Он чтит тебя — мы все твои заслуги
Высоко чтим — так, видишь ли — когда бы
Ты захотел — когда бы ты с Борисом —

(тихо к Годунову)

Кончай же, шурин!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Уже давно о нашей долгой распре
Крушуся я. Коль ты забыть согласен
Всё прошлое, я также всё забуду

И рад с тобой и с братьями твоими
Быть заодин. И с тем на примиренье
Тебе я руку подаю!

Кн. Иван Петрович

(отступая)

Боярин,
Упорно слишком враждовали мы,
Чтобы могли теперь без договора
Сойтися вдруг!

Годунов

Какого договора
Ты хочешь, князь?

Кн. Иван Петрович

Боярин Годунов!
Виню тебя, что ты нарушил волю
И завещание царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерым боярам приказал!
Один был — я; другой — Захарьин-Юрьев;
Мстиславский — третий; Бельский был
четвертый,
А пятый — ты. Кто ж ныне, говори,
Кто государством правит?

Годунов

Царь Феодор
Иванович, его же царской воли
Я исполнитель.

Кн. Иван Петрович

Не хитри, боярин!
Его ты волей завладел лукаво!
Едва лишь царь преставился Иван,
Ты Бельского в изгнание услал,
Мстиславского насильно ты в монахи
Велел постричь; от Юрьева ж, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болезнь и смерть. Осталися мы оба.
Но ты, со мной совета избегая,
Своим высоким пользуясь свойством,

Стал у царя испрашивать указы,
На что хотел, вступаться начал смело
В права бояр, в права людей торговых
И в самые церковные дела.
Роптали все...

Годунов

Князь, дай мне слово молвить...

Кн. Иван Петрович

Роптали все. Но имя государя
Тебе щитом служило; мы же дело
Получше знали; люди на Москве
К нам мыслили — и мы за правду встали,
Мы, Шуйские, а с нами весь народ.
Вот нашей распри корень и начало.
Я всё сказал. Пускай же в этом деле
Нас царь рассудит!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Великий царь меж нас желает мира,
Твоя же речь враждою дышит, князь;
Негоже мне упреком на упреки
Ответствовать, но оправдаться должен
Я пред тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я один вершу дела? Но вспомни,
Хотел ли ты со мною совещаться?
Не ты ль всегда мой голос отвергал?
И, не снося ни в чем противоречья,
Не удалился ль ты от нас? Тогда
Великий царь, твою холóдность видя,
Мне одному всю землю поручил.
Я ж, не в ущерб воистину для царства,
Ее приял. Война с Литвою миром
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
В виду орды мы подняли на хана
Племянника его, и хан во страхе
Бежал назад. Мы черемисский бунт
Утишили. От шведов оградились
Мы перемирьем. С цесарем немецким
И с Данией упрочили союз,

А с Англией торговый подписали
Мы договор, быть может неугодный
Гостям московским, но обильный выгод
Для всей земли. И в самое то время,
Когда уж Русь от смут и тяжких бедствий
В устройство начинала приходить,
Ты, князь, — я то тебе не в укоризну
Теперь скажу,— ты, с братьями своими,
Вы собирали в скоп народ московский
И черный люд вы тайно научали
Бить государю на меня челом!

Кн. Андрей Шуйский

(выступает вперед)

Не за себя мы поднялись, боярин!
Когда ломать ты начал государство,
За старину с народом встали мы!

Кн. Дмитрий Шуйский

Таких досад, как от тебя, боярин,
И при Иване не было царе!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Покойный царь был грозен для окольных;
Кто близок был к нему, тот и дрожал;
Кто ж был далек, тот жил без опасенья
По своему обычаю. Ты ж словно
Всю Русь опутал сетью, и покоя
Нет от тебя нигде и никому!

Годунов

Когда земля, по долгом неустройстве,
В порядок быть должна приведена,
Болезненно свершается целенье
Старинных ран. Чтоб здание исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостию божьей,
Мы неизбежную страданья пору
Уж перешли, и мудрость государя
Сознали все; вы только лишь одни,
Вы, Шуйские, противитесь упорно
И жизни новой светлое теченье
Отвлечь хотите в старое русло!

Кн. Иван Петрович

Лишь мы одни? Владыко Дионисий!
Скажи ему, одни ли о насильях
Мы вопием Христовой церкви?

Дионисий

Княже,
С правителем до твоего прихода
Мы говорили. Всё, о чем с тобою
Скорбели мы, — он отменил.

Кн. Иван Петрович

Нечисто!

Годунов

А в остальном надеюся я с вами,
Князья, сойтись. Уж миновала ныне
Пора волнений; в уровень законный
Вошла земля, и не о чем нам спорить.
Ей вместе мы теперь послужим лучше,
Чем мог бы я один.

Дионисий

Такое слово
Смиренномудренно. Совет наш, княже,
Не продолжать вам распри, несогласной
С учением спасителя и вредной
Для государства.

Федор

Отче, я уверен,
Они того не захотят! Не правда ль?
Не правда ль, князь? Вот и моя царица
Тому не верит. Что же ты молчишь,
Аринушка?

Ирина

(продолжая вышивать)

Не верится мне вправду,
Что долго так князь Шуйский заставляет
Себя просить о том, что государь
Ему велеть единым может словом.

(Смотрит на Шуйского.)

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь
Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? Ужели ж
За то, что царь с тобою так негневен,
Так милостив, так многотерпелив,
Свой долг пред ним забудешь ты?

Кн. Иван Петрович

Царица,
Я говорил пред государем ныне,
Как говорил бы пред его отцом,
И, прежде чем от мысли отказаться,
На плаху я скорее бы пошел.
Но мне навряд бы при царе Иване
Так говорить пришлось — затем что вряд бы
Покойный царь так беззаботно отдал
Из рук своих в чужие руки власть!

Ирина

Когда во Пскове, князь Иван Петрович,
Ты, окружен литовцами, сидел
И мужеством своим непобедимым
Так долго был оплотом для Руси —
Я, за твое спасенье и здоровье,
Дала тогда молитвенный обет:
На раку, где покоятся во Пскове
Святые мощи Всеволода-князя,
Вот этот вышить золотной покров.
Я шью давно — и вот моя работа
К концу подходит. Но ужель она,
Начатая во здравие того,
Кто землю спас, окончится, когда
Противником он станет государству?

(Встает и подходит к Шуйскому.)

Ужели тот, за чье спасенье я
Так горячо со всей молилась Русью,
Ее покой упорством возмутит?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителям и царскому веленью!

Князь-государь,

(кланяется ему в пояс)

моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду!

Кн. Иван Петрович

(в волнении)

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!
Своим нежданным, милостивым словом
Ты всё нутро во мне перевернула!
Как устоять перед тобой? Поверь,
Веленье государево исполнить
Я рад душой — но наперед дозволь мне
Сказать два слова брату твоему.

(К Годунову.)

Не в первый раз, боярин, хитрой речью
Обходишь ты противников своих.
Какой залог нам дашь ты, что не хочешь
Нас усыпить, чтоб тем вернее после
Погибель нашу уготовить?

Годунов

Князь,
Залогом вам мое да будет слово
И вместе с ним ручательство царя.

Федор

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

Кн. Иван Петрович

Какая участь ожидает тех,
Которые, защите нашей веря,
К нам мыслили?

Годунов

Их ни единый волос
Не упадет, и ни единым пальцем
Не тронут их.

Кн. Иван Петрович

И будешь ты на том
Крест целовать пред государем?

Годунов

Буду!

Кн. Иван Петрович

(к боярам, пришедшим с ним)

Как мыслите?

Бояре

На что согласен ты,
Мы все согласны!

Кн. Иван Петрович

(к Годунову)

Вот моя рука!

Федор

Друзья мои! Спасибо вам, спасибо!
Аринушка, вот это в целой жизни
Мой лучший день! Владыко Дионисий,
Крест им скорее! Крест!

Дионисий берет со стола крест и подает сперва Шуйскому, потом Годунову.

Кн. Иван Петрович

Клянусь отныне
Не враждовать ни мыслию, ни делом
К великому боярину, к Борису
Феодорычу Годунову; в том же
Я за себя, и за своих за братьев,
И за сторонников за наших всех,
За всех бояр и всех людей торговых
Целую крест спасителя Христа!

(Прикладывается ко кресту.)

Годунов

Целую крест, что с Шуйскими отныне
Мне пребывать в согласье и в любви,
Без их совета никакого дела
Не начинать, сторонникам же их:
Князьям, боярам и торговым людям —
Ничем не мстить за прежние вины!

(Прикладывается ко кресту.)

Федор

Вот это так! Вот это значит: прямо
Писание исполнить! Обнимитесь!
Вот так! Ну, что? Ведь легче стало? Легче?
Не правда ли?

Крики на площади.

О чем они кричат?

Кн. Иван Петрович

Должно быть, царь, хотелось бы узнать им,
Чем кончилась сегодня наша встреча
С боярином. Дозволь, я выйду к ним.

Федор

Нет, нет, останься! Сами пусть они
Сюда придут. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

(К Клешнину.)

Выдь, Петрович,
Выдь на крыльцо и приведи их!

Клешнин

Всех?
Да их, я чай, там сотен будет с двадцать,
Аршинников!

Федор

Зачем же всех? Зачем?
Пусть выборных пришлют!

Клешнин уходит.

Я с ними, шурин,
И не охотник, правда, говорить,
Когда они обступят вдруг меня
На выходе, кто с жалобой, кто с просьбой,
И стукотня такая в голове
От них пойдет, как словно тулумбасы
В ней загремят; терпеть я не могу!
Стоишь и смотришь и не знаешь ровно,
Чтó отвечать? Но здесь другое дело,
Я рад их видеть!

Годунов

Государь, боюсь,
Тебе их вздорных жалоб не избыть;
Народ докучлив. Лучше прикажи мне,
Я выйду к ним!

Клешнин
(возвращаясь)

Царь! Выборные люди!
От всех купцов, лабазников, ткачей,
И шорников, и мясников, которых
Привел с собой князь Шуйский! Вот они!

Выборные
(входят и становятся на колени)

Царь-государь! Спаси тебя господь,
Что светлые свои повидеть очи
Ты нас пожаловал!

Федор

Вставайте, люди!
Я рад вас видеть. Я послал за вами,
Чтоб вам сказать, — да что ж вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встают, исключая одного старика.

Что же ты, старик?
Что ж не встаешь?

Старик

И рад бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колени стать-то —
Оно кой-как и удалось, а вот
Подняться-то не хватит силы! Больно
Уж древен стал я, государь!

Федор
(к другим)

Возьмите ж
Его под руки, люди!

Двое купцов поднимают старика.

Ну, вот так!
Ты, дедушка, себя не утрудил ли?
Кто ты?

Старик

Богдан Семенов Курюков,
Московский гость!

Федор

Который год тебе?

Курюков

Да будет за́ сто, государь! При бабке
Я при твоей, при матушке Олёне
Васильевне, уж денежником был,
Чеканил деньги по ее указу
Копейные, на коих ноне князь
Великий знатен с копием в руце;
Оттоль они и стали называться
Копейными. Так я-то, государь,
В ту пору их чеканил. Лет мне будет,
Пожалуй, за́ сто!

Федор

Дедушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы б ему
Столец подставили!

Курюков

Помилуй, царь!
Как при твоей мне милости сидеть!

Федор

Да ты ведь больно стар, ведь ты, я чаю,
Уж много видел на своем веку?

Курюков

Как, батюшка, не видеть! Всяко видел!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Он, Соломонью Юрьевну, постриг,
Неплодья ради, бабку же твою,
Олёну-то Васильевну, поял.
Тогда народ, вишь, на́дво разделился,
Кто, вишь, стоял за бабку за твою,
Кто за княгиню был за Соломонью.

А в те поры и меж бояр разрухи
Великие чинились; в малолетство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зареза
Князья Овчины с Шуйскими-князьями,
А из-за них и весь московский люд.
А наш-то род всегда стоял за Шуйских,
Уж так у нас от предков повелось.
Бывало, слышишь: бьют в набат у Спаса —
Вставай, купцы! Вали к одной за Шуйских!
Тут поскорее лавку на запор,
Кафтан долой, захватишь что попало,
Что бог послал, рогатину ль, топор ли,
Бежишь на площадь, ан уж там и валка;
Одни горланят: «Телепня-Овчину!»
Другие: «Шуйских!» — и пошла катать!

Федор

То грех великий, дедушка!

Курюков

А вот,
Как в возраст стал твой батюшка входить,
Утихло всё.

Клешнин

Что? Видно, не шутил?

Курюков

Избави бог! Был грозный государь!
При нем и все бояре приутихли!
При нем беда! Глядишь, столбов наставят
На площади; а казней-то, и мук,
И пыток уж каких мы насмотрелись!
Бывало, вдруг...

Федор

Я, дедушка, позвал вас,
Чтоб вам сказать...

Курюков

Бывало, грянут бубны,
Чтобы народ на площадь шел...

Федор

Я вас

Велел позвать...

Курюков

Тут, хочешь аль не хочешь —
Неволею идешь...

Молодой купец

(дергая его за полу)

Богдан Семеныч!
Царь говорит с тобой!

Курюков

Постой, племянник,
Дай досказать. Вот мы придем на площадь,
Ан там стоят...

Федор

(к молодому)

Так ты — ему племянник?

Молодой

Да, государь, я внучатный ему
Племянник есть!

Курюков

Ан там уж палачи
Стоят и ждут...

Молодой

(дергая его за полу)

Богдан Семеныч! Что ты?

Федор

(к молодому)

Твое лицо мне кажется знакомо?

Курюков

С секирами...

Федор

(к молодому)

Где видел я тебя?

Молодой

А о Миколе мы, великий царь,
Твое здоровье тешили: медвежий
Тогда был бой, а я медведя принял,
И милость мне твоя поднесть велела
Стопу вина!

Курюков

С секирами стоят...

Федор

Да что ты, дедушка, одно наладил!
Что, в самом деле? Что тут вспоминать?
С секирами! С секирами! Не дашь
Мне слова вымолвить!

(К молодому.)

Так ты тот самый,
Что запорол медведя? По́мню, помню!
Аринушка! Вот это тот купец,
О ком тебе рассказывал я, знаешь?
Синельников — ведь так тебя зовут?

Молодой

Красильников, великий государь,
Иван Артемов!

Федор

Да, да-да, да-да!
Красильников! Аринушка, представь:
Медведь к нему так близко подошел,
Так близко — вот как ты теперь, владыко,
Ко мне стоишь, а он шагнул вот этак,
Да изловчил рогатину, да разом
Вот так ее всадил ему в живот!
Медведь-то прет, да всё ревет: уу!
Да загребает лапами его,
Вот так его, владыко, загребает,
Пока совсем не выбился из сил
И на́ бок не свалился!

Годунов

Государь,
Ты этим людям повестить хотел
О нашем примиренье.

Федор

(к Красильникову)

У тебя
Был брат еще, который Шаховского
В бою кулачном одолел?

Красильников

Он мне
Двоюродный есть брат, царь-государь,
Микитой Голубем зовут.

(Оборачивается к своим.)

Микита!
Слышь, выходи к царю!

Голубь выступает вперед и кланяется.

Федор

Здорово, Голубь!
Что, как живешь? Что сила-то? Что сила?
Не голубиная в тебе, чай, сила?
Не по прозванью?

Голубь

Жаловаться грех,
Царь-государь, господь нас не обидел,
Мы силою своей довольны!

Федор

(к Шаховскому)

Князь!
Узнал его?

Шаховской

Как друга не узнать!
Ведь ты ребро сломил мне, Голубь, гладко!
По милости твоей недели три
Я пролежал!

Голубь

(кланяясь)

Усердно, князь Григорий
Петрович, здравствуем тебе! Даст бог,
В великий пост мы на Москве-реке
Еще с тобою встретимся на славу —
Авось твоя удача будет!

Шаховской

Что ж,
Я встретиться всегда с тобою рад —
Теперь держись!

Голубь

А что поставишь, князь?

Шаховской

Чеканный ковш! А ты?

Голубь

Соболью шапку!

Ирина

(к Федору)

Свет-государь, не позволяй им биться;
Час неровён, недолго до беды!

Федор

Ты думаешь, Аринушка?

(К Шаховскому и Голубю)

Смотрите ж,
Не крепко бейтесь! Паче же всего
Под ложку берегитесь бить друг друга,
То самое смертельное есть место!

Кн. Иван Петрович

Великий царь, дозволь, я повещу им,
Зачем ты их позвать велел!

Федор

Ну, ну,
Добро, скажи им!

Кн. Иван Петрович

Выборные люди!
Вам ведомо да будет, что боярин
Борис Феодорович Годунов
И я, князь Шуйский, с братьями моими,
Мы учинились в мире и в ладу
И обещали клятвою друг другу,
Чтобы ни нам, ни нашим меж собою
Сторонникам не враждовать отныне,
А быть в согласье!

Голубь-отец

Князь Иван Петрович!
Да как же это? Мы с тобою шли,
А ты нас бросил?

Кн. Иван Петрович

Я не бросил вас!
Мне обещал боярин без меня
Не начинать отныне ничего —
А я всегда за вас стою!

Красильников

Эй, князь,
Остерегись!

Голубь-сын

Эй, не мирися, князь!

Голубь-отец

Не выдавай нас, князь Иван Петрович!

Кн. Иван Петрович

Не бойтесь, люди! Мне боярин клятву
Святую дал, что никого из вас
Не тронет он ни пальцем!

Голос

(позади других)

Дать-то клятву
Он даст ее, да сдержит ли?

Курюков

Поволь

Худое слово, князь Иван Петрович,
Мне, старику, по-старому сказать!
Когда твои нас деды подымали
На Телепня-Овчину, при Олёне
Васильевне, при бабке государя,
Они за нас, а мы за них тогда
Держались крепко; тем-то и силен
Твой дедушка Василий был Васильич!
А если б он на мир пошел с Овчиной,
Пропал бы он и мы пропали б с ним!

Голубь-отец

Когда ты, князь, с врагом своим исконным
Хотел мириться, незачем нас было
И подымать!

Голубь-сын

Эх, князь Иван Петрович!
Вы нашими миритесь головами!

Кн. Иван Петрович

(гневно)

Молчи, щенок! Знай, бейся на кулачках,
О деле ж дай старейшим говорить!
Как смеете не верить вы ему,
Когда он крест — вы слышите ли? — крест
В том целовал?

Годунов

(тихо к Клешнину)

Заметь их имена
И запиши.

Выборные между тем совещались между собой и все разом подходят к Федору.

Выборные

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашим головам!
Царь-государь! Помилуй! Защити!

Помилуй, государь! Не оставляй нас.
Теперь пропали мы!

Федор

Да что вы? Что вы?
С чего вы взяли? От кого мне, люди,
Вас защищать?

Голубь-отец

От шурина твого!
От Годунова, государь!

Голубь-сын

Твой шурин
Ведь нас теперь совсем заест!

Федор

Как можно!
Кто вам сказал? Мой шурин любит вас!
Ты им скажи, Борис, что ты их любишь!
Вот он сейчас вам скажет! Он вам всё,
Всё растолкует! Мне же самому,
Мне некогда теперь!

Хочет уйти; выборные обступают его.

Выборные

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дурна ни чинили! Мы за Шуйских,
За слуг твоих, стояли! Прикажи,
Чтоб нас Борис Феодорыч не трогал!
Вели ему!

Федор

Да, хорошо! Пустите!
Мне некогда! Скажите всё Борису!
Ему скажите!

Выборные

Как же, государь,
Ему же мы да про него же скажем?
Яви нам милость! Выслушай нас, царь!
Дозволь тебе...

Федор

(затыкая уши)

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите всё Борису! Всё Борису!
Мне некогда! Скажите всё Борису!

(Уходит, держа пальцы в ушах.)

Выборные с недоумением смотрят друг на друга.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

НОЧЬ. САД КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Василиса Волохова

(выходит из дому)

Ну, темь так темь! Ни звездочки не видно!
Пора б ему прийти! Уж он не там ли,
Не за оградой ли стоит?

(Подходит к калитке и говорит шепотом.)

Князь! Князь!
Нет никого! Прислушаться, нейдет ли?
Эх, соловьи проклятые мешают!
Расщелкались! Не слышно ничего!
Вот что-то хрустнуло! Идет, должно быть!

(Оборачивается назад и говорит шепотом.)

Княжна! Пожалуй!

Княжна Мстиславская

(шепотом)

Где ты, Василиса
Панкратьевна?

Волохова

Здесь, матушка!

Княжна

Не вижу!

Волохова

Сюда, сюда пожалуй! Дай мне ручку!
Да как же ты, голубушка, дрожишь!

Княжна

Свежо как будто!

Волохова

Ноне-то? Помилуй!
Теплынь какая! Аж травою пахнет!
А вон оттоль, из монастырской рощи,
Березой и черемухой несет!
Уж подлинно весенняя-то ночка,
А ручка у тебя как лед!

Княжна

Я лучше
Уйду домой!

Волохова

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Разве он
Тебе чужой? Ведь, слава богу, я
Сама тебе присватала его!

Княжна

У дядюшки гостей полна палата —
Что, если вдруг кому придет на мысль
В сад заглянуть!

Волохова

Великая беда,
Что с женихом застали бы невесту!
Вот если ты захочешь после свадьбы
С каким-нибудь молодчиком сойтись,
Вот тут так надо делать осторожно!
А впрочем, не диковина и то!
За добрую пригоршню золотых
Всё можно сделать!

Княжна

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

Волохова

А что стыдиться,
Голубушка! Всё вертится на деньгах!

Для них и замуж отдают, для них
И женятся; для них брат губит брата,
А сын отца! Уж против них никто
Не устоит!

Княжна

Панкратьевна, постой, —
Ты не слыхала ничего?

Волохова
(прислушивается)

Позволь-ка!
Никак, плеснула рыбица в пруду...
Уж эти соловьи мне! Пши, пши, пши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли в траве кузнечики трещать!

Княжна

Ты ничего не слышишь?

Волохова

На Неглинной
Как будто мельница шумит...

Шаховской
(за оградой, вполголоса)

Ау!

Волохова

Ну, наконец!
(Бежит к калитке и отворяет ее.)
Войди же, князь!

Показывается на ограде Шаховской и спрыгивает в сад.

Пострел!
Ведь я ж тебе калитку отворила!

Шаховской

На что она? Жаль, что низка ограда!
С кремлевской я бы соскочил стены,
Чтоб поскорей мою увидеть радость!
Насилу-то мне удалось!
(Хочет обнять княжну.)

Волохова

Вот так!
Целуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

Шаховской
(отступая)

Княжна, не бойся!
Не подойду, доколе не územолишь!

Волохова

Ну, сокол-князь! Ведь я сдержала слово,
А ты принес ли мне гостинчик?

Шаховской
(подавая кошелек)

На!

Волохова
(потряхивая деньгами)

Сердечные! Звенят! Эх, жаль, темно!

Шаховской

(к княжне)

Да что ж ты отвернулась от меня!
Иль не́люб я тебе?

Княжна

Вишь, ждать заставил!

Шаховской

А страшно было ждать?

Княжна

Вестимо, страшно!
В такую ночь!

Шаховской

Чай, бурная?

Княжна

А леший?
А мало ль что? Вишь, он еще смеется!

Шаховской

Да как же не смеяться мне тебе?
В саду-то леший!

Княжна

Да, тебе смешно,
А мне-то каково? А невзначай
Вдруг выйдет брат? Иль дядя? Что тогда?
Постылый ты!

Шаховской

А что же делать мне,
Когда тебя мне видеть не дают?
Кой раз увидишь, а поговорить
И думать нечего!

Княжна

Вишь, ты какой!
А ты о чем хотел бы говорить?

Шаховской

О том, что нет тебя на свете краше!
Что без тебя мне стала жизнь не в жизнь!
Что невтерпеж мне ждать, пока сыграем
Мы нашу свадьбу!

Княжна

Вишь, ты! Ну, а если б
Брат отказал тебе?

Шаховской

Тогда бы я
Тебя увез!

Княжна

А если б не пошла я?

Шаховской

Насильно б взял!

Княжна

А я бы убежала?

Шаховской

А я б догнал!

Княжна

А я в Москву-реку
Прыгну́ла бы?

Шаховской

А я бы за тобой!

Княжна

А водяной бы за меня вступился?

Шаховской

А я б его за бороду схватил
Да за усы моржовые!

Княжна

Ха-ха!
Моржовые!

Оба смеются.

Шаховской

А вот ведь рассмеялась!
И смех-то твой — что рокот соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмеешься,
Весь темный сад как будто просиял!
Смотри, вон там и звездочка явилась!
А вон другая! Третья! Вон еще!
Вишь, выглянули все тебя послушать!
Вон и в пруду зажглися! Берегись,
Расскажут водяному, как над ним
Смеешься ты!

Княжна

Ха-ха!

Волохова

Ну, вот пошла!

Слышен стук в калитку.

Княжна

Ай, что́ это?

Волохова

Стучат, никак, в калитку!

(Прячется с княжной за дерево.)

Шаховской

(подходит к калитке)

Кто там стучит?

Голос

(извне)

Впустите, ради бога!

Шаховской

Кто там?

Голос

То я! Красильников, купец!
Беда случилась! Поскорей впустите!

Шаховской отворяет калитку. Красильников вбегает. Одежда его изорвана.

Красильников

Где Шуйский-князь! Где князь Иван Петрович?

Шаховской

На что тебе?

Красильников

Князь! Князь Иван Петрович!

В окнах дома показываются огни. Кн. Иван Петрович и гости его сходят с крыльца. Шаховской скрывается меж дерев.

Кн. Иван Петрович

Что тут за шум? Кто звал меня?

Красильников

То я!
Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчас стрельцы вломились к нам в подворье!

К Ногаевым и к Голубю, ко всем,
Кто в выборных вчера был у царя!
Схватили всех!

Кн. Иван Петрович

Кто их схватил?

Красильников

Клешнин,
По приказанью Годунова!

Кн. Иван Петрович

Как?!

Красильников

Я сам насилу вырвался от них!

Кн. Иван Петрович

По приказанью Годунова?

Красильников

Да!

Кн. Иван Петрович

Ты говоришь, что Годунов велел
Всех выборных схватить?

Красильников

Так нам Клешнин
Сам повестил: «Вперед-де вам наука
Царю челом на Годунова бить!»

Головин

Что, князь, тебе я говорил? Ты видишь!

Кн. Василий Шуйский

Ты видишь, дядя! Не хотел ты верить!
Больным сказаться не хотел, когда
Пришли тебя к царю звать!

Кн. Иван Петрович

Быть не может!
Не может быть!

Красильников

Князь-батюшка, пошли
К нам во дворы узнать, как было дело!

Кн. Иван Петрович

Он дорого заплатит мне за то!

Головин

Сперва купцов, а там, смотри, и нас
Начнут хватать!

Кн. Андрей Шуйский

Бессовестный!

Мстиславский

Безбожник!

Кн. Иван Петрович

Клялся на крест! На честный крест клялся!

Кн. Андрей Шуйский

Ведь это он недаром учинил:
Он разделить хотел с народом нас!

Кн. Василий Шуйский

Он всей Москве тем показать хотел,
Что мыслить к нам и верить нам нельзя,
Что выдаем сторонников мы наших!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Чай, и теперь уж ропщут все на нас!

Красильников

Да! Не во гнев сказать вам, государи:
Как наших-то на тройках повезли,
На шум людей сбежалося немало,
Не слишком вас честили!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что́ тут думать!
Пока еще не все от нас отпали,
Поднять Москву!

Кн. Андрей Шуйский

Все слободы поднять!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Раздать купцам оружие!

Кн. Андрей Шуйский

К Борису
Идти во двор — убить его!

Головин

А в Углич
Послать к Нагим, чтоб Дмитрия сейчас же
Поставили царем! Чтоб на Москву
Шли с угличанами Нагие!

Кн. Иван Петрович
(строго)

Тише!

Кн. Василий Шуйский
(к Головину)

Так, зря, нельзя.

Головин

С Нагими я списался,
Они лишь знака ждут!

Кн. Иван Петрович

Ты смел писать к ним?
Ты на царя смел Углич подымать?
Ты головой за то заплатишь!

Кн. Василий Шуйский

Дядя,
В чем он виной, за то на нем одном
Лежит ответ; но ссориться теперь
Не время нам!

Головин

Князь-государь, виновен
Я пред тобой; однако ж пригодилась
Моя вина. Ведь поневоле звать
Царевича придется!

Кн. Иван Петрович

Никогда!

Кн. Василий Шуйский

(к Головину)

Накличешь ты беду на нас, боярин!

Кн. Дмитрий Шуйский

Поднять Москву!

Кн. Василий Шуйский

Уж и Москву поднять!
Зачем? Пойдем, как мы вчера хотели,
Просить о царском о разводе!

Кн. Дмитрий Шуйский

Поздно!
Вчера владыко был за нас, сегодня ж
С Борисом он в миру; вчера купцы
Нам верили, сегодня уж не верят!

Кн. Андрей Шуйский

Убить его!

Кн. Василий Шуйский

Да, так вот и убьешь!
Он караул теперь небось удвоил!
(Вынимает из кармана челобитню.)
Вот подписи владыки и властей;
А вот дворян и всех людей торговых;
Все выдали себя — отстать не могут,
Хоть и хотели б!

Кн. Дмитрий Шуйский

Тем ли угрожать
Ты будешь им, что этот лист Борису
Покажешь ты?

Кн. Василий Шуйский

Показывать его
Нам и не след. Он — что заряд в пищали:
Страшон, пока не выпущен! Заставит,
Коль захотим, всех на Бориса встать!

Кн. Андрей Шуйский

Убить верней!

Кн. Иван Петрович

Вы словно все в бреду!
К чему царя нам разводить с царицей?
К чему еще Бориса убивать?
Он сам себя позорным делом выдал!
Избавил нас отыскивать средь тьмы
Кривых путей! И можем ныне мы,
Хвала творцу, не погрешая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

Кн. Дмитрий Шуйский

Что хочешь сделать ты?

Кн. Иван Петрович

Идти к царю
И уличить обманщика!

Кн. Василий Шуйский

Напрасный
То, дядя, труд. Что́ скажет Годунов,
Тому поверит царь.

Кн. Иван Петрович

Царь слышал клятву!
Все слышали ее! Себя очистить
Ничем не может Годунов!

(К Красильникову)

Иди,
Скажи купцам, что государь велит
Их выборных вернуть, а что Бориса
Он отрешит сегодня же!

Звон к заутрене.

Светает!
Иду к царю! Не нужно много слов —
Наружу ложь! И сгинет Годунов,
Лишь солнце там, в востоке, засияет!

Уходит. Красильников также. Молчание.

Кн. Дмитрий Шуйский

Ну, что, князья?

Кн. Иван Иванович Шуйский

Да что ж? Признаться, я
Добра не жду!

Кн. Василий Шуйский

Какое тут добро!
С чем он пошел, с тем и назад вернется,
Лишь время мы напрасно потеряем.

Кн. Андрей Шуйский

(к кн. Василью)

Зачем его не удержал ты?

Кн. Василий Шуйский

Дядю?
Да нешто вы не знаете его?
Когда что раз он в голову втемяшил —
Не вышибешь. Знай, думает, я прав,
Так съем неправого, — младенец сущий!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что ж делать нам?

Кн. Василий Шуйский

Да быть, к его приходу,
Готовым всем по-прежнему идти
Вот с этой челобитней; приискать бы
Царицу нам да имярек вписать!

Мстиславский

С владыкой он об этом сам хотел
Держать совет.

Кн. Василий Шуйский

Да не успел. Позвали
Его к царю, мириться, вишь. Нам надо
Найти царицу до его прихода,
Чтоб не ломал он даром головы.

Мстиславский

Она б должна царю прийтись по нраву
И быть из наших. А таких не много.

Кн. Василий Шуйский

Есть на примете у меня одна.

Мстиславский

Кто? Говори!

Кн. Василий Шуйский

Да хоть твоя сестра.

Мстиславский

Наташа? Что ты? Разве ты забыл:
Она посватана за Шаховского!

Кн. Василий Шуйский

Посватана — не выдана еще.
Послушай, князь: нешуточное дело
Мы затеваем. От родни царицы
Зависит всё. Уверены ли мы,
Что новая родня захочет быть
У нас в руках? Сестра ж твоя из наших!

Мстиславский

Оно-то так. Пригодней нет ее,
Мне самому на ум уж приходило —
И если б не́ дали мы слова...

Кн. Василий Шуйский

Князь!
Иль я не знаю, как ты слово дал?
Не по́ сердцу тебе был Шаховской,
Боец кулачный, ветром голова
Наполнена! Врасплох тебя застал
Он с дядею, бух в ноги, так и так,
Друг друга любим! Князь Иван растаял,
А ты смолчал.

Кн. Андрей Шуйский

Я то же говорил:
Зачем спешить? Наташа, слава богу,
Могла пождать.

Кн. Дмитрий Шуйский

Скор больно князь Иван.

Мстиславский

Да, поспешил; Наташа бы могла
Царицей быть!

Кн. Василий Шуйский

А будь она царицей —
Ты царский шурин, тот же Годунов,
Почище только.

Мстиславский

Да, кажись, почище.

Кн. Василий Шуйский

Над чем же думать?

Мстиславский

Если бы не слово...

Кн. Василий Шуйский

Так вот помеха? Слово дал ему!
А разве нам ты также нé дал слова
Во что б ни стало вырвать у Бориса
И разделить его меж нами власть!

Мстиславский

Как отказать ему?

Кн. Василий Шуйский

Затей с ним ссору!

Мстиславский

Что скажет дядя?

Кн. Василий Шуйский

Он вернется в гневе
За то, что царь не даст ему суда;
Он будет рад племянницу свою
Царицей сделать.

Кн. Иван Иванович Шуйский

Так! Назад он слова
Сам не возьмет, а ссора приключись —
Не время будет разбирать, кто прав,
Кто виноват.

Кн. Дмитрий Шуйский

И если быть Наташе
Царицею — так надо поспешить!

Головин

(к Василию Шуйскому)

Позволь взглянуть мне, князь Василь Иваныч!

Берет челобитню и, пока другие разговаривают, достает с пояса перо и чернильницу и вписывает что-то в бумагу.

Кн. Василий Шуйский

(к Мстиславскому)

Решайся, князь!

Мстиславский

Когда б на нем какую
Вину найти!

Кн. Василий Шуйский

Тогда б ты был согласен?

Мстиславский

Еще бы!

Шаховской

(является между ними)

Князь! Спроси сперва меня,
Согласен ли невесту уступить
Другому я?

Все

Откуда он? Как смел он
Здесь тайно быть?

Слышен крик княжны.

Мстиславский

То вскрикнула сестра!
Они здесь вместе были!

Идет в глубину сада и выводит княжну за руку. Показывается Волохова.

Вот и сваха!
Ты помогала им?

Волохова

Помилуй! Что ты?
Мы прогуляться только что сошли —
А он скакни через забор! Ей-богу!
Ей-богу, ну!

Мстиславский

Так вот как бережешь
Ты нашу честь, сестрица! — Князь Григорий,
Твое негоже дело — я тебе
Даю отказ!

Шаховской

Мою невесту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколе жив я — не бывать тому!

Волохова

(наступая на Шаховского)

А почему ж и не бывать? Смотри,
Как расходился! Невидаль какая,
Что он жених! Царь Федор-то Иваныч
Небось тебя почище! Негодяй!
Бессовестный! Срамник! Безбожник! Вор!

Шаховской

Прочь, ведьма, прочь! Посторонитесь все!
Ко мне, княжна! Она моя пред богом —
Ее сейчас веду я под венец, —
И первый, кто из вас...

(Вынимает кинжал.)

Все

В ножны кинжал!

Кн. Василий Шуйский
(к Мстиславскому)

Хорош жених! На брата замахнулся!

Мстиславский

Сестра, ко мне! Князь, слышал ты меня?
Ступай отсель! Разорван наш союз!

Все

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышал!
Брат над сестрой волён!

Шаховской

Еще посмотрим!
Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

Мстиславский

Молчи, сестра!

Княжна

О господи!

Шаховской

Княжна!
Ты хочешь ли, чтоб за царя тебя
Посватали?

Княжна

Нет, нет! Я быть твоею,
Твоей хочу!

Шаховской

Иди ж со мной!

Мстиславский
(к сестре)

Ни с места!

Шаховской

Иди со мной!

Княжна

Я не вольна, ты видишь!

Головин

(к Шаховскому)

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Всё кончено меж ними и тобой!
Иль думаешь, тебе Иван Петрович
Простит, что́ ты сегодня учинил?
Всё кончено.

(Показывает ему челобитню.)

Смотри: княжны Мстиславской
Здесь имя вписано!

Кн. Василий Шуйский

(про себя)

Ай да боярин!

Головин

Под грамотой ты этой с нами руку
Сам приложил — назад не можешь!

Шаховской

(выхватывая у него грамоту)

Дай!

Головин

Стой! Что ты? Стой!

Шаховской

В моих она руках!

Все

Держи его!

Шаховской

(грозя кинжалом)

Назад! Тот ляжет в прах,
Кто подойдет! Иду на суд великой
К царице я — вот с этою уликой!

(Убегает с грамотой.)

ПОКОЙ ЦАРЯ ФЕДОРА

Входит Годунов в сопровождении дьяка, который кладет на стол связку бумаг и две государственные печати, большую и малую. Из другой двери входит Клешнин.

Годунов
(к Клешнину)

Ты всё ль исполнил?

Клешнин

Сладил всё, боярин;
Их до зари схватили на домах;
Эх, кабы нам из Углича прислали
Ту грамоту!

Годунов

Ты мне ее немедля
Тогда подашь.

Клешнин уходит. Входит царица Ирина.

Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышел государь?

Ирина

Недавно
С иконой духовник в опочивальню
К нему вошел.

Входит из другой двери Федор. За ним духовник с иконой.

Федор

Аринушка, здорово!
Здорово, шурин! А ведь я проспал
Заутреню! Такой противный сон
Пригрезился: казалось мне, я снова
Тебя, Борис, мирю с Иваном Шуйским,
Он руку подает тебе, — а ты —
Ты также руку протянул, но вместо
Чтоб зá руку, схватил его за горло
И стал душить — тут чепуха пошла:
Татары вдруг напали, и медведи
Такие страшные пришли и стали
Нас драть и грызть; меня же преподобный
Иона спас. Чтó, отче духовник,
Ведь этот сон не грешен?

Духовник

Нет, не то
Чтоб грешен был, а всё ж недобрый сон.

Федор

Брат Дмитрий также снился мне и плакал,
И что-то с ним ужасное случилось,
Но что́ — не помню.

Духовник

Ты, ложася спать,
Усерднее молися, государь!

Федор

Брр! Скверный сон!

(Увидя бумаги.)

А это что такое?
Надоедать мне хочешь снова, шурин?
Надоедать?

Годунов

Недолго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мне для некоторых дел.

Федор

А без меня покончить их нельзя?
Я не совсем здоров.

Годунов

Два слова только.

Федор

Ну, так и быть. Ты, отче духовник,
Угодника на по́лицу поставь,
Вчерашнего ж угодника прими
До будущего года. А какого
У нас святого завтра?

Духовник

Иоанна
Ветхопещерника.

Федор

Я житие
Его в Минеях перечту, лишь только
Меня Борис отпустит; а теперь
Благослови меня заняться делом.

Духовник благословляет его и уходит. Федор садится. Годунов развязывает бумаги.

Ну, что там, шурин, в связке у тебя?
Уж так и быть, вытаскивай!

Годунов

(вынимая из связки несколько листов)

Нам пишут
Украинские воеводы, царь,
Что хан опять орду на север двинул.

Федор

Да это сон мой в руку! Недостало
Еще, чтоб ты стал Шуйского душить!

Годунов

(кладет перед ним бумаги)

Вот, государь, наказы воеводам.

Федор

Прихлопни их!

Годунов передает бумаги дьяку, который прикладывает к ним печать.

Годунов

(подавая другую бумагу)

А это, государь,
Царь Иверский землей своею бьет
Тебе челом и просит у тебя,
Чтоб ты его в свое подда́нство принял.

Федор

Царь Иверский? А где его земля?

Годунов

Она граничит с царством Кизилбашским,
Обильна хлебом, шелком, и вином,
И дорогими, кровными конями.

Федор

Так ею мне челом он бьет? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вот чудак!
Что вздумалось ему?

Годунов

Его теснят
Персидский царь с султаном турским.

Федор

Бедный!
Он православной веры?

Годунов

Православной.

Федор

Ну, что ж? Скорей принять его в подданство!
И знаешь, шурин, надо бы ему
Подарок приготовить. Что бы нам,
Аринушка, послать ему?

Годунов

Сперва
Вот эту грамоту с твоим согласьем
И с вызовом послов его к Москве.

Федор

Ну, хорошо, привешивай печать,
Привешивай!

Дьяк привешивает печать.

А это что такое?

Годунов

То князю Троекурову наказ,
Как говорить ему на польском сейме,
Когда начнется выбор короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многих привлекли к себе панов
И что они поднесть уже готовы
Тебе корону.

Федор

Мне? Помилуй, шурин!
Что я с ней делать буду? Мне и так
Своих хлопот довольно. Вот еще!
И что их всех подмыло? Там какой-то
Царь Иверский свою дарит мне землю,
А тут паны корону суют! Нет!
Добро тот царь; а эти что́? Латинцы!
Враги Руси!

Годунов

Затем-то, государь,
Престолом их ты брезгать и не должен,
Чтоб слугами их сделать из врагов.

Федор

Ты думаешь? Ну, хлоп по ней! Вот так!
Что, всё теперь?

Годунов

Еще две челобитни
От двух бояр, при батюшке твоем
В Литву бежавших. У тебя они
Теперь вернуться просят позволенья.

Федор

Кто ж им мешает? Милости прошу!
Да их, я чай, туда бежало много?
Мое такое разуменье, шурин:
Нам делать так, чтоб на Руси у нас
Привольней было жить, чем у чужих;
Так незачем от нас и бегать будет!
Ты знаешь что? Ты написал бы к ним
Ко всем в Литву, что я им обещаю
Земли и денег, если пожелают
Вернуться к нам.

Годунов

Я так и думал, царь,
И грамоту о том уж изготовил.

Федор

Ну, хорошо, прихлопни ж и ее!
Что, всё теперь?

Годунов

Всё, государь.

Дьяк берет печати, собирает бумаги и уходит.

Федор

Ну, шурин,
Тебя я доле не держу. А ты,
Аринушка, Минеи б разогнула
Да житие святого Иоанна
Ветхопещерника прочла бы мне!

Ирина

Дозволь сперва мне, Федор, челобитье
Тебе подать. Письмо я получила
Из Углича от вдовой от царицы,
От Марьи Федоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволенье просит на Москву
Вернуться с сыном, с Дмитрием, своим.

Федор

Аринушка, да как же? Ты ведь знаешь,
Ведь я давно прошу о том Бориса,
Ведь я бы рад!..

Ирина

А как сегодня ты
Опальников простил своих литовских,
То я подумала, что ты вернуть
И мачеху и брата согласишься.

Федор

Аринушка, помилуй! Разве я
Не рад вернуть их?

(Показывая на Годунова.)

Вот кому скажи!

Ирина

Я знаю, Федор, что правленье царством
Ты справедливо брату поручил;
Никто, как он, им править не сумел бы;
Но здесь не государственное дело;

Оно твое, семейное, и ты,
Один лишь ты, судьею быть в нем должен!

Федор

Борис, ты слышишь, что она сказала?
Ведь это правда! Ты ведь, в самом деле,
И шагу мне ни в чем не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрия! Ты знаешь,
Когда я так сказал, уж я от слова
Не отступлю!

Годунов

(к Ирине)

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь.

(К Федору.)

Царевича вернуть нельзя.

Федор

Как? Как?
Когда уж я сказал, что я хочу?

Годунов

Дозволь мне, государь...

Федор

Нет, это слишком!
Я не ребенок! Это...

(Начинает ходить по комнате.)

Стольник

(отворяя дверь)

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Годунов

(к стольнику)

Царь его сегодня
Принять не может!

Федор

Кто тебе сказал?
Впустить его!
(Продолжает ходить по комнате.)
Я скоро у себя
Не властен в доме стану!

Входит кн. Иван Петрович Шуйский.

Здравствуй, князь!
Спасибо, что пожаловал! С тобою
Я буду говорить, с тобою, князь,
О Дмитрии, о брате!

Кн. Иван Петрович

Государь,
Я сам давно хотел тебе поведать
О Дмитрии-царевиче, но прежде —
На шурина на твоего тебе
Я бью челом!

Федор

Как? На Бориса?

Кн. Иван Петрович

Да!

Федор

Что сделал он?

Кн. Иван Петрович

Свою солживил клятву!

Федор

Что? Что ты, князь?

Кн. Иван Петрович

Ты слышал, государь,
Как он клялся, что ни единым пальцем
Не тронет он сторонников моих?

Федор

Конечно, слышал! Ну?

Кн. Иван Петрович

Сегодня ж ночью
Он тех купцов, с которыми вчера
Ты говорил, велел схватить насильно
И отвезти неведомо куда!

Федор

Позволь, позволь — тут что-нибудь не так!

Кн. Иван Петрович

Спроси его!

Федор

То правда ль, шурин?

Годунов

Правда.

Ирина

Помилуй, брат!

Федор

Побойся бога, шурин!
Как мог ты это сделать!

Годунов

Я нашел,
Что их в Москве оставить не годится.

Федор

А клятва? Клятва?

Годунов

Я клялся не мстить им
За прежние вины — и я не мстил.
Они за то увезены сегодня,
Что, после примирения, меня
Хотели снова с Шуйскими поссорить,
Чему ты был свидетель, государь.

Федор

Да, разве так! Но всё же надо было...

Годунов

Дивлюся я, что князь Иван Петрович
Стоит за тех, которые так дерзко
Пыталися меж нас расстроить мир!

Кн. Иван Петрович

А я дивлюсь, как ты, боярин, смеешь
Бессовестным, негодным двоязычьем
Оправдывать себя! Великий царь!
Он не в глаза ль смеялся нам вчера,
Тебе и мне, когда, в руках владыки,
Он честный крест на криве целовал?

Федор

Нет, шурин, нет, ты учинил не так!
Твои слова мы поняли не так!

Кн. Иван Петрович

Что будет думать о тебе земля,
Великий царь, когда свою он клятву,
Тобою освященную, дерзнул
Попрать ногами?

Федор

Этого не будет!
Купцов вернуть сегодня ж!

Кн. Иван Петрович

Только, царь?
А он, который обманул тебя,
Меня ж бесчестным сделал пред народом, —
По-прежнему землею будет править?

Федор

Но, князь, позволь... тут не было обмана...
Вы только ведь не поняли друг друга...
Да и к тому ж ведь вы уж сговорились,
Чтоб вместе вам обсуживать дела?

Кн. Иван Петрович

Он так клялся; ему на этом слове
Я подал руку — но ты видишь сам,
Как целованье держит он свое!
Великий царь, остерегись его!

Не доверяй ему ни государства,
Ни собственной семьи не доверяй!
Ты говорить со мной хотел о брате?
Ты знаешь ли, кто тот, кого приставил
Он в Угличе ко брату твоему?
Тот Битяговский? Знаешь ли, кто он?
Изменник он! И вор! И лжесвидетель,
Избавленный от виселицы им!
Не оставляй наследника престола
В таких руках!

Федор

Нет, нет, на этом, князь
Спокоен будь! Уж я сказал Борису,
Что Дмитрия хочу я взять к себе!

Годунов

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Федор

Как? Ты опять? Ты споришь?

Годунов

Государь,
Дозволь тебе сказать...

Федор

Нет, не дозволю!
Я царь или не царь?

Годунов

Дай объяснить мне...
Лишь выслушай...

Федор

И слушать не хочу!
Я царь или не царь? Царь иль не царь?

Годунов

Ты царь...

Федор

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина? Князь, ты слышал?
Он согласился, что я царь! Теперь уж
Не может спорить он! Теперь он — цыц!

(К Годунову.)

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты,
Князь, будь спокоен! Дмитрия к себе
Из Углича я выпишу сюда!
И мачеху, и мачехиных братьев,
Всех выпишу! Что это, в самом деле?
На что это похоже? Даже в пот
Меня он бросил! Посмотри, Арина!

(Ходит по комнате и потом останавливается перед Шуйским и Годуновым.)

Ну, а теперь, как я вас помирил,
Так полно вам сердиться друг на друга!
Ну, полно, шурин! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцелуйтесь! Ну!

Кн. Иван Петрович

Великий царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видел,
Из собственных его ты слышал уст,
Что клятвой он двусмысленно играет,
Его насилье сам ты отменил,
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя в руках наемника его,—
А между тем ты оставляешь царство
В его руках? Великий государь,
Одно из двух! Иль я теперь обманщик,
И ты меня суди за клевету —
Или его за вероломство должен
Ты отрешить!

Федор

Да я ведь уж исправил
Его вину перед тобой? Чего же
Тебе еще? Ничем он не доволен!
Арина, слышишь?

Ирина

Князь Иван Петрович,
Мне кажется...

Годунов

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я от затрудненья
Меж нас решать. Великий государь!
Доколе ты мне верил, я тебе
Мог годен быть — как скоро ж ты не веришь,
Я не гожусь. Князь Шуйский молвил правду:
Один из нас другому должен место
Здесь уступить. Свой выбор, государь,
Ты учинил, когда так благосклонно
Ты обвиненья выслушал его,
Мою же речь отвергнул наотрез.
Дозволь мне удалиться.

Федор

Что ты? Что ты?

Годунов

Кому прикажешь, государь, дела
Мне передать?

Федор

Да ты меня не понял!
Ах, боже мой! Что ты наделал, князь!

Годунов

Нет, государь, твою я волю понял:
Тебе угодно тех людей, которых
Я удалил, чтоб город успокоить, —
Вернуть назад. Тебе Нагих угодно,
С царевичем, в Москву перевести,
Хоть есть причины важные оставить
Их в Угличе. Когда, великий царь,
Ты так решил — твоя святая воля
Исполнится, но на себя ответа
Я не беру!

Федор

Да я не знал, Борис,
Что есть такие важные причины!
Уж если ты...

Кн. Иван Петрович

Прости, великий царь!

Федор

Князь! Князь! Куда?

Кн. Иван Петрович

Куда-нибудь подале,
Чтоб не видать, как царь себя срамит!

Федор

Князь, погоди, мы всё уладим...

Кн. Иван Петрович

Царь
Всея Руси, Феодор Иоанныч,
Мне стыдно за тебя — прости!

(Уходит.)

Федор

Князь! Князь!
Ах, боже мой, — ушел! И этот вот
Меня оставить хочет! Шурин, ты —
Ты пошутил! А что ж с землею будет?

Годунов

Великий царь, могу ль тебе служить я,
Когда ты руки связываешь мне?

Федор

Да нету, шурин, нету! Будет всё
По-твоему. Ну, что ж? Согласен ты?
Да, шурин? Да?

Годунов

На этом уговоре,
Великий царь, согласен я, но помни,
Что только так могу я продолжать
Тебе служить.

Федор

Спасибо же тебе!
Спасибо, шурин. Знаешь ли, теперь
Нам Шуйского бы надо успокоить!

Ведь он тебя не понял; я ведь тоже
Тебя вчера не понял!

Входит Клешнин, подает Годунову бумаги и уходит. Годунов пробегает их и передает Федору.

Годунов

Государь,
Сперва прочти вот это донесенье
Из Углича и тайное письмо,
Которое Михайло Головин,
Сторонник Шуйских, написал к Нагим;
Его прислал с нарочным Битяговский.

Федор

(смотрит в бумаги)

Ну, что же тут? «И в пьяном виде часто
Ругаются негодными словами...»
Да кто же слов не говорит негодных,
Когда он пьян? «И деньги вымогают
С угрозами...» Да ты уж им не мало ль
Назначил, шурин? Ведь они привыкли
Жить широко при батюшке! Ты им бы
Поболе дал! Ну, что же тут еще?
«И хвалятся, что с помощию Шуйских
Они царя...» Помилуй, быть не может!

Годунов

Ты грамоту прочти Головина.

Федор

(читает про себя, останавливается и качает головой)

Меня согнать с престола? Боже мой,
Зачем бы им не подождать немного?
Всем ведомо, что я недолговечен;
Недаром тут, под ложечкой, болит.
Не то хоть Мите подрасти бы дали!
Уж как бы я охотно уступил
Ему престол! А то теперь насильно
Меня согнать, а малого ребенка
Вдруг посадить, а там еще опека,

Разрухи, смуты, разоренье царству —
Нехорошо!

Годунов

Теперь ты видишь, царь,
Зачем Нагим нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

Федор

Нехорошо!

Годунов

Ты благодушно, царь, об этом судишь,
А между тем великая опасность
Грозит земле. Не терпит время. Нам
Решительное надо сделать дело!

Федор

Какое дело, шурин?

Годунов

Государь!
Из грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйские с Нагими в заговоре.
Ты должен приказать немедля Шуйских
Под стражу взять.

Федор

Под стражу? Как? Ивана
Петровича под стражу? А потом?

Годунов

Потом — когда себя он не очистит —
Он должен быть...

Федор

Что должен быть?

Годунов

Казнен.

Федор

Как? Князь Иван Петрович? Тот, который
Был здесь сейчас? Которого сейчас я
Брал зá руку?

Годунов

Да, государь.

Федор

С которым
Тебя вчера я помирил?

Годунов

Тот самый.

Федор

Он? С братьями казнен?

Годунов

Со всеми, кто
Причастен к их измене.

Федор

И с Нагими?

Годунов

Без Шуйских эти не опасны, царь.

Федор

Того казнить сбираешься ты, шурин,
Кто землю спас?

Годунов

Того, кто посягает
На твой престол.

Федор

И это всё затем,
Что в пьяном виде на меня Нагие
Грозилися? Что вздумалось кому-то
К ним написать, без ведома, должно быть,
И самых Шуйских? Шурин, ты скажи мне,
Ты с тем лишь мне служить еще согласен,
Чтоб я тебе их выдал головой?

Годунов

Лишь только так могу я, государь,
Тебе за целость царства отвечать.

Когда тебе мне верить не угодно,
Раз навсегда дозволь мне удалиться,
А на себя за всё возьми ответ!

Федор

(после долгой борьбы)

Да, шурин, да! Я в этом на себя
Возьму ответ! Вот видишь ли, я знаю,
Что не умею править государством.
Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно́,
Избрать я должен — я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать.
Ступай себе, я не держу тебя;
Мне бог поможет. Я измене Шуйских
Не верю, шурин; если ж бы и верил,
И тут бы их на казнь я не послал.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшке, господь ему прости!

Годунов

Но, государь...

Федор

Я знаю, что́ ты скажешь:
Что через это царство замутится?
Не правда ли? На то господня воля!
Я не хотел престола. Видно, богу
Угодно было, чтоб немудрый царь
Сел на Руси. Каков я есть, таким
Я должен оставаться; я не вправе
Хитро вперед рассчитывать, что будет!

Годунов

Но, государь, подумай...

Федор

Что тут думать?
Что думать, шурин? Дело решено.
Мне твоего не надо уговора;

Свободен ты; оставь меня теперь;
Мне одному остаться надо, шурин!

Годунов

Я ухожу, великий государь!..

Направляется медленно к двери, но прежде, чем отворить ее, оборачивается на Федора. Федор дает ему уйти и кидается на шею Ирине.

Федор

Аринушка! Родимая моя!
Ты, может быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержал?

Ирина

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

Федор

Да, я тоже
Так думаю, Аринушка. Что ж делать,
Что не рожден я государем быть!

Ирина

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Так сильно бьется!

Федор

Бок болит немного;
Аринушка, я не пойду к обедне.
Ведь тут греха большого нет, не правда ль,
Одну обедню пропустить? Я лучше
Пойду к себе в опочивальню; там
Прилягу я и отдохну часочек.
Дай нá руку твою мне опереться;
Вот так! Пойдем, Аринушка; на бога
Надеюсь я, он не оставит нас!

(Уходит, опираясь на руку Ирины.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Князь Иван Петрович и княжна Мстиславская. В стороне стол с кубками, за которым стоит Старков.

Кн. Иван Петрович

Не плачь, Наташа, я ведь не серчаю;
Тебе простил я; баба та тебя
Попутала, а бог и наказал.

Княжна

Князь-дядюшка, а с ним-то что же будет?

Кн. Иван Петрович

С Григорьем-то? Да в гору, чай, пойдет,
Когда захочет выдать нас. Два раза
Я посылал за ним, чтобы его
Усовестить, да не могли найти.
Вот голова! Когда б меня дождался,
Так не дошло б до этого.

Княжна

Ты, дядя,
Его простил бы? Ты бы за царя
Меня не стал неволить?

Кн. Иван Петрович

За таким
Тебя мне жаль бы видеть было мужем!
Я пожурил бы вас обоих, слова ж
Назад не взял бы. Ошалели братья.

Княжна

Он не пойдет к царице! Не захочет
Он выдать вас!

Кн. Иван Петрович

И самому мне что-то
Не верится; но выдаст иль не выдаст,
Мы ждать не будем; прежде, чем вернулся
Я от царя, всё было решено.

Княжна

Не мучь меня — скажи мне, бога ради,
Что ты решил?

Кн. Иван Петрович

Не девичье то дело,
Наташенька; узнаешь после.

Княжна

Дядя,
Твой мрачен вид — ты смотришь так сурово —
Со мной одной по-прежнему ты ласков,
Ты добр со мной; но страшно мне смотреть
Тебе в глаза — хотелось бы по ним
Мне отгадать, что́ ты задумал?

Кн. Иван Петрович

Тотчас
Князья придут, мне дело с ними есть;
Поди к себе, Наташа.

Княжна

Дай остаться
С тобою мне! Дай потчевать гостей!

Кн. Иван Петрович

Нельзя, Наташа.

Княжна

(про себя)

Господи, ужели
Недаром сердцу чуется беда!

(Уходит.)

Входят братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубь и Красильников с другими сторонниками Шуйских. Все останавливаются перед ним в почтительном молчании. Кн. Иван Петрович смотрит на них некоторое время, не говоря ни слова.

Кн. Иван Петрович

(сидя)

Вам ведомо, как дело повернулось:
Схватить нас могут каждый миг. Хотите ль
Погибнуть все или со мной идти?

Все

Князь-государь, приказывай что́ хочешь —
Мы все с тобой!

Кн. Иван Петрович

Так слушайте ж меня!
Князь Дмитрий, ты сейчас поедешь в Шую,
Сберешь народ, дворян и духовенство
И с лобного объявишь места им,
Что Федор-царь во скудоумье впал
И государить долее не может;
Царем же нам законным учинился
Его наследник Дмитрий Иоанныч,
Пусть крест ему целуют. — Князь Андрей!
Тебя я шлю в Рязань. Сбери войска
И на Москву веди их. — Князь Феодор!
Ты едешь в Нижний! — Князь Иван, ты
в Суздаль!
Боярин Головин! Тебя избрал
Я в Углич ехать. Там с Нагими вы
Димитрия объявите царем
И двинетесь, при звоне колокольном,
С ним на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславским и со князь Васильем
Останусь здесь, чтоб Годунова взять
Под караул.

(К дворецкому.)

Федюк, подай братину!
Во здравье каждому и в добрый путь —
И да живет царь Дмитрий Иоанныч!

Все

(кроме Василия Шуйского)

Да здравствует царь Дмитрий Иоанныч!

Кн. Василий Шуйский

Князь-дядюшка, не в гнев тебе сказать —
Не скоро ль ты решился? Вспомни только —
Сего утра еще ты не хотел
Дойти до этого!

Кн. Иван Петрович

Я был дурак!
Пред кем хотел я уличить Бориса?
Перед царем? Нет на Руси царя!

Кн. Василий Шуйский

Обдумай, князь...

Кн. Иван Петрович

Я всё обдумал. Голубь!
Я виноват перед тобой — ты прав!
Как малого мальчишку, тот татарин
Меня провел — он лучше знал царя!
Как удалось тебе уйти?

Голубь

Доро́гой,
Князь-батюшка, веревки перетер,
А на плоту, на Красной переправе,
Сшиб двух стрельцов, с повозки прыгнул в воду
И вплавь утек!

Кн. Иван Петрович

Ты вовремя вернулся!
Сегодня же с Красильниковым ты,
И с этими другими молодцами,
Торговых вы подымете людей!

Красильников

Уж положись на нас, князь-государь!
Все поголовно встанем на Бориса!

Кн. Иван Петрович

Лишь смеркнется, готовы будьте все;
Когда ж раздастся выстрел из царь-пушки —
Входите в Кремль.

(К дворецкому)

Федюк, подай стопу!
Во здравье всем!

(Отпивает и передает купцам.)

Купцы

Князь-батюшка! Ты нам
Родной отец! Тобою лишь стоим!
Дай господи тебе сломить Бориса —
И да живет Димитрий-царь!

Кн. Иван Петрович

Аминь!

Купцы уходят.

(Ко Мстиславскому)

Ты, князь, сейчас же выбери надежных
Пятьсот жильцов. Пусть крест они целуют
Царю Димитрию; когда ж стемнеет,
Веди их в Кремль. Я с князь Васильем вместе
Меж тем схвачу Бориса на дому.

Кн. Василий Шуйский

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трус,
Опасного я не боюся дела —
Но всё ж подумай лучше!

Кн. Иван Петрович

Много думать —
От дела отказаться. Нам теперь
Уж нечего раскидывать умами —
И ясен путь открылся перед нами!

ДОМ ГОДУНОВА

Годунов в волнении ходит взад и вперед. Клешнин стоит, прислонясь к печи.

Годунов

Я отрешен! Сам Федор словно нудит
Меня свершить, чего б я не хотел!
Нагие ждут давно моей опалы,
И весть о ней им дерзости придаст.
Они теперь на всё решатся. Дмитрий
Им словно стяг, вкруг коего сбирают
Они врагов, и царских и моих.

Того и жди: из Углича пожаром
Мятеж и смуты вспыхнут. Битяговский —
Мне на него рассчитывать нельзя —
Меня продаст он, если не приставлю
За ним смотреть еще кого-нибудь.
Я принужден — я не могу иначе —
Меня теснят...

(К Клешнину)

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

Клешнин

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к богу, с чертом не в разладе -
Единым словом: баба хоть куда!
Она уж здесь. Звать, что ль, к тебе?

Годунов

Не нужно.
Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примечала б,
Чтó говорят Нагие. Как царя
Оставил ты?

Клешнин

Над кипой тех бумаг,
Которые отнесть ему велел ты;
То лоб потрет, то зá ухом почешет,
И ничего, сердечный, не поймет!

Годунов

Не выдержит.

(Задумывается.)

Мне всё на ум приходит,
Чтó в оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мне было.
Оно теперь свершается: помеха
Моя во всем, вредитель мой и враг —
Он в Угличе...

(Опомнившись.)

Скажи ей, чтоб она
Блюла царевича!

Клешнин

А посмотреть
Ее не хочешь, батюшка?

Годунов

Не нужно!
(Про себя.)

«Слаб, но могуч — безвинен, но виновен —
Сам и не сам — потом — убит!»
(К Клешнину.)

Скажи ей,
Чтобы она царевича блюла!
(Уходит.)

Клешнин
(один)

Чтобы блюла! Гм! Нешто я не знаю,
Чего б хотелось милости твоей?
Пожалуй — что ж! Грех на душу возьму!
Я не брюзглив — не белоручка я!
Пока он жив, от Шуйских и Нагих
Не будет нам покоя. Вишь, как крылья
Подрезали! Не ждал я этой рыси
От Федора Иваныча! Конечно,
Не выдержит — а если между тем
Случится что?
(Отворяет дверь.)

Сударыня, войди!

Волохова
(входит с просвирой в руках)

Благослови, владычица святая!
Поклон тебе, боярин, принесла
От Трех святителей, просвирку вот
Там вынула во здравие твое!

Клешнин
(ласково)

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебе сказали, для чего послал
Я за тобой?

Волохова

(садясь)

Сказали, государь,
Сказали, свет: боярин Годунов
Сменяет, мол, царевичеву мамку,
Меня ж к нему приставить указал.
Уж будь спокоен! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доем, а уж дитятю
Я соблюду!

Клешнин

Бывала в мамках ты?

Волохова

Лгать не хочу, боярин, не бывала,
А уж куда охоча до детей!
Ребеночек ведь тот же ангел божий!
Сама сынка вскормила своего,
Двадцатый вот пошел ему годок,
Всё при себе, под крылышком, держала
До морового года; лишь в тот год
Поопасалась вместе жить.

Клешнин

Что так,
Голубушка!

Волохова

А в этакую пору
Недолго до греха: как раз подсыплет
Чего-нибудь, отпел, похоронил,
Наследство взял — и поминай как звали!
Кому в такое время разбирать!

Клешнин

Ты свахою, голубушка, теперь?

Волохова

Бываю в свахах, батюшка-боярин,
Хвалиться грех, а без меня не много
Играется и свадеб на Москве!

Клешнин

Какую же последнюю ты свадьбу
Устроила?

Волохова

А Шаховского князя
С Мстиславскою княжною, государь.

Клешнин

Не с тою ли, которую вчера
Ты при живой царице за царя
Хотела сватать?

Волохова

Боже упаси!
Какой тебе разбойник то сказал?
Какой собака, вор и клеветник?
Чтоб у него язык распух! Чтоб очи
Полопались!

Клешнин

(грозно)

Молчи, старуха! Цыц!
Мы знаем всё! Покойный государь,
Блаженной памяти Иван Васильич,
На медленном огне тебя бы, ведьму,
Изволил сжечь! Но жалостлив боярин
Борис Феодорович Годунов:
Он вместо казни даст тебе награду,
Когда свою исполнить службу ты
Сумеешь при царевиче.

Волохова

Сумею!
Сумею, батюшка! Сумею, свет!
Уж положися на меня! И мухе
Я на дитятю сесть не дам! Уж будет
И здрав, и сыт, и цел и невредим!

Клешнин

Но если б что не по твоей вине
Случилось с ним...

Волохова

Помилуй, уж чему
При мне случиться!

Клешнин

(значительно)

Он тебе того
В вину бы не поставил!

Волохова смотрит в удивлении.

Слушай, баба:
Никто не властен в животе и смерти —
А у него падучая болезнь!

Волохова

Так как же это, батюшка? Так — что же?
В толк не возьму?

Клешнин

Бери, старуха, в толк!

Волохова

Да, да, да, да! Так, так, боярин, так!
Всё в божьей воле! Без моей вины
Случиться может всякое, конечно!
Мы все под богом ходим, государь!

Клешнин

Ступай, карга! С тобой перед отъездом
Увижусь я — но помни: денег вдоволь —
Или тюрьма!

Волохова

Помилуй, государь,
Зачем тюрьма! Уж ты не поскупись,
Ведь наше дело вдовье. Да дозволь уж
Сынка забрать!

Клешнин

Ты в том вольна, ступай!

Волохова

Прости же, государь; уж будешь нами
Доволен! Так! Конечно, так, конечно!

Час неровён, случиться может всяко!
Один лишь бог силен и всемогущ,
Один господь, а наше дело вдовье!

(Уходит.)

С л у г а

(докладывает)

Федюк Старков!

К л е ш н и н

Зови его сюда!

Старков входит, занавес опускается.

ЦАРСКИЙ ТЕРЕМ. ПОЛОВИНА ЦАРИЦЫ

Ф е д о р сидит за кипою бумаг и обтирает пот с лица. Перед ним стоят государственные печати, большая и малая. И р и н а подходит и кладет ему руку на плечо.

И р и н а

Ты отдохнул бы, Федор.

Ф е д о р

Ничего
Понять нельзя! Борис нарочно мне
Дела такие подобрал! Один лишь
Толковый лист попался: наш гонец
Из Вены пишет: цесарь-де готовит
Подарок мне — шесть обезьян мне шлет.
Аринушка, я их отправлю к Мите!

И р и н а

Так ты его не выпишешь?

Ф е д о р

Вот видишь,
Аринушка, когда бы согласился
Борис остаться...

И р и н а

На его ты место
Еще не выбрал никого?

Федор

Ведь ты же,
Ты ж говорила: лучше подождать.
Ты думала, он сам придет мириться,
А он прислал мне этот ворох дел!
Уж я над ним измучился, и вот
Еще беда: за Шуйским я послал,
За князь Иваном, чтоб помог он мне
Всё разобрать, а он велел ответить,
Что нездоров; упрямится, должно быть.
Я вновь послал: челом-де бью ему,
Такое-де есть дело, о котором
Не знает он!

Входит Клешнин.

А, это ты, Петрович!
Откуда ты?

Клешнин

От хворого.

Федор

Откуда?

Клешнин

От хворого от твоего слуги,
От Годунова.

Федор

Разве он хворает?

Клешнин

А как же не хворать ему, когда
Его, за все заслуги, словно пса,
Ты выгнал вон! Здорово, мол, живешь!

Федор

Помилуй, я...

Клешнин

Да что тут говорить!
Ты, батюшка, был от младых ногтей
Суров и крут и сердцем непреклонен.

Когда себе что положил на мысль,
Так уж поставишь на своем, хоть там
Весь свет трещи!

Федор

Я знаю сам, Петрович,
Что я суров...

Клешнин

Весь в батюшку пошел!

Федор

Я знаю сам — но неужель Борис
Не помирится, если я скажу,
Что виноват?

Клешнин

Он столького не просит.
Лишь прикажи мне приложить печать
Вот к этому листу о взятье Шуйских
Немедленно под стражу — и он снова
Тебе слуга!

Федор

Как? Он не перестал
Подозревать?

Клешнин

Царь! Тут не подозренье,
Тут полная улика налицо!
Старков, дворецкий князь Ивана, нам
Сейчас донес, что князь Иван сегодня
Решил признать царенка государем,
Тебя ж решил с престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть сам спроси!

Федор

Уж эти мне доносы!
Я в первый раз Старкова имя слышу,
А Шуйского звучит повсюду имя,
Как колокол. Ужели хочешь ты,
Чтоб я какому-то Старкову боле,
Чем Шуйскому, поверил?

Клешнин

Верь не верь,
Я говорю тебе: когда их всех
Ты не велишь сейчас же...

Стольник

(докладывает)

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Клешнин

Как? Он сам?

Федор

(радостно)

Пришел!
Пришел, Аринушка!

Клешнин

Вели его
Под стражу взять!

Федор

Стыдись, стыдись, Петрович!

(К стольнику.)

Пускай войдет!

(К Клешнину.)

Я при тебе его
Сейчас спрошу.

Входит кн. Иван Петрович.

Здорово, князь Иван!
Вообрази: есть на тебя донос —

Кн. Иван Петрович смущается.

Но я ему не верю. Я хочу,
Чтоб ты мне сам сказал, что предо мною
Ты чист теперь, как ты пред целым светом
Всегда был чист, и слова твоего
С меня довольно.

Кн. Иван Петрович

Государь...

Федор

Ты, князь,
Меня пойми: ведь я не сомневаюсь,
Я лишь хочу...

Клешнин

Нет, батюшка, позволь!
Уж коль на то пошло, дай лучше мне
Его спросить: князь-государь! Ты можешь
Поцеловать царю вон ту икону,
Что изменить не думал ты ему?

Кн. Иван Петрович

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

Федор

Князь, то не он —
То я прошу тебя!

Клешнин

Вот я икону
Сейчас сыму...

Федор

Не нужно тут иконы.
Скажи по чести мне, по чести только!
Ну, князь!

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Ирина

(которая не спускала глаз с Шуйского)

Свет-государь,
Зачем таким вопросом оскорблять
Того, чья доблесть всем давно известна?
Не спрашивай его — потребуй только,
Чтоб он тебе святое слово дал
И впредь остаться верным, как он верен
Доселе был!

Федор

Нет, я хочу, Арина,
Вот этого порядком пристыдить.
Скажи мне, князь, по чести мне скажи:
Задумал ты что-либо надо мною?
Да говори ж!

Клешнин

По чести! Слышишь, князь?
(Про себя.)
А по иконе было бы вернее!

Ирина

(к Федору)

Свет-государь...

Федор

Ну, князь?

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Федор

Нет, не уволю!

Клешнин

Ты, чай, трусишь, князь?

Федор

Какое трусит? Он упрям и крут,
Да я его и круче и упрямей!
Нашла коса на камень, и, доколе
Он мне не даст ответа, я его
Не выпущу отсель!

Кн. Иван Петрович

Так знай же всё!

Федор

(с испугом)

Что? Что ты хочешь?..

Кн. Иван Петрович

Да! Ты слышал правду —
Я на тебя встал мятежом!

Федор

Помилуй...

Кн. Иван Петрович

Ты слабостью своею истощил
Терпенье наше! Царство отдал ты
В чужие руки — ты давно не царь,
И вырвать Русь из рук у Годунова
Решился я!

Федор

(вполголоса)

Тс! Тише!

(Указывая на Клешнина.)

Не при нем!
Не говори при нем — Борису он
Расскажет всё!

Клешнин

Да продолжай же, князь!

Федор

Молчи, молчи! Глаз нá глаз скажешь мне!

Клешнин

Царь ждет ответа!

Кн. Иван Петрович

Да! Сегодня брата
Я твоего признал царем!

Федор

Петрович!
Не верь ему! Не верь ему, Арина!

Кн. Иван Петрович

Теперь тебя о милости единой
За прежние заслуги я прошу:

Один лишь я виновен! Не вели
Сторонников моих казнить — не будут
Они тебе опасны без меня!

Федор

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты
Не знаешь сам, какую небылицу
Ты путаешь!

Кн. Иван Петрович

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошел. Царить не можешь ты —
А под рукою Годунова быть
Я не могу!

Клешнин

(про себя)

Вишь, княжеская честь!
И подгонять не надо!

Федор

(берет Шуйского в сторону)

Князь, послушай:
Лишь потерпи немного — Мите только
Дай подрасти — и я с престола сам
Тогда сойду, с охотою сойду,
Вот те Христос!

Клешнин

(подходит к столу и берет печать)

Прихлопнуть, что ль, приказ?

Федор

Какой приказ? Ты ничего не понял!
Я Митю сам велел царем поставить!
Я так велел — я царь! Но я раздумал;
Не надо боле; я раздумал, князь!

Клешнин

Да ты в уме ль?

Федор

(на ухо Шуйскому)

Ступай! Да ну, ступай же!
Всё на себя беру я, на себя!
Да ну, иди ж, иди!

Кн. Иван Петрович

(в сильном волнении)

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него —
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от бога, Федор Иоанныч, —
Я не могу подняться на тебя!

Федор

Иди, иди! Разделай, что́ ты сделал!

(Вытесняет его из комнаты.)

Клешнин

(подымая печать над приказом)

Царь-батюшка, вели скрепить приказ!
Не дай ему собрать войска! Царица,
Скажи ему, что участь государства
В приказе сем!

Ирина

В нем нет уже нужды!
Гроза прошла, не враг нам боле Шуйский!

Федор

Петрович, слышишь? Слышал ты, Петрович?
Аринушка, ты ангел! От тебя
Ничто не скроется, ты всё заметишь
И всё поймешь! Да, Шуйский нам не враг!

Шум за дверью. Сенная девушка вбегает в испуге.

Сенная девушка

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился в терем сумасшедший!

Голос Шаховского

(за сценой)

Прочь!
Прочь! Не держите! Я хочу к царице!

В дверях показывается Шаховской, удерживаемый несколькими слугами. Он их отталкивает и бросается Ирине в ноги.

Шаховской

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я от самого утра
К тебе прошусь!

Федор

Да это Шаховской!

Слуги

(вбегают со стрельцами)

Хватайте вора!

Федор

Тише, тише, люди!
Здесь вора нет!

(К Шаховскому)

Скажи мне, растолкуй,
Чего ты хочешь?

Шаховской

Царь! Казни меня —
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотят с твоей царицей развести!

Федор

Ты бредишь, князь!

Клешнин

(про себя)

Так вот оно в чем дело!

(К Федору.)

Царь, выслушай его!

Шаховской

Мою невесту
Они хотят посватать за тебя!

Федор

Кто? Кто они?

Шаховской

Дядья моей невесты,
Княжны Мстиславской, Шуйские-князья!

Федор

Да ты и впрямь помешан, князь!

Шаховской

(встает и подает бумагу)

Вот, вот
Их челобитня! Матушка-царица!
Вели невесту мне отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же — сейчас же
Нас обвенчать!

Клешнин

Об этой челобитне
Слыхали мы. Позволь-ка поглядеть!

(Берет бумагу в руку и, просмотрев, обращается к Федору.)

Вот, батюшка, ты говорил сейчас,
Твоя царица знает князь Ивана —
А на поверку вышло, что не знает!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчас, как ангел,
Стояла за него, — ее он хочет,
Как грешную, преступную жену,
Как блудницу, с тобою развести,
Тебе ж свою племянницу посватать!
Не веришь, батюшка? Смотри, читай!

(Подает Федору бумагу.)

Федор

(читает)

«Ты новый брак прими, великий царь,
Мстиславскую возьми себе в царицы...
Ирину ж Годунову отпусти
Во иноческий чин...»

Клешнин

Ты руку знаешь
Иван Петровича? Читай же подпись!

Федор

(читает)

«И в том тебе соборне бьем челом
И руки прилагаем: Дионисий,
Митрополит всея Руси... Крутицкий
Архиепископ Варлаам... Князь...» Что?

(Дрожащим голосом.)

«Князь... Князь Иван... Иван Петрович
Шуйский»!
Его рука! Он также подписался!
Аринушка, он подписался!

(Падает в кресла и закрывает лицо руками.)

Ирина

Федор...

Федор

Он! Он! Пускай бы кто другой, но он!
Нас разлучить с тобой!

(Плачет.)

Ирина

Опомнись, Федор!

Федор

Тебя сослать!

Ирина

Мой царь и господин!
Не ведаю сама, что это значит, —

Но ты подумай: если князь Иван
Сейчас хотел свести тебя с престола,
Он мог ли мыслить выдать за тебя
Мстиславскую?

Федор

Тебя — мою Ирину —
Тебя постричь!

Ирина

Ведь этого не будет!

Федор

(вскакивая)

Не будет! Нет! Не дам тебя в обиду!
Пускай придут! Пусть с пушками придут!
Пусть попытаются!

Ирина

Свет-государь,
Напрасно ты тревожишься. Кто может
Нас разлучить? Ты царь ведь!

Федор

Да, я царь!
Они забыли, что я царь! Петрович,
Где тот приказ?

(Бежит к столу и прикладывает печать к приказу.)

На! На! Отдай Борису!

Ирина

Что сделал ты...

Федор

Под стражу их! В тюрьму!

Ирина

Мой господин! Мой царь! Не торопись!

Федор

В тюрьму! В тюрьму!

Шаховской

(выходя из оцепенения)

Царь-государь, помилуй!
Я не того просил! Я о невесте
Тебя просил!

Федор

Борис вас разберет!

Шаховской

Он изведет их! Он погубит Шуйских!

Федор

Всех разберет он!

Шаховской

Я палач им буду!
Царь, смилуйся!

Федор

В тюрьму! В тюрьму их!

Шаховской

Боже!
Что сделал я!

(Убегает.)

Ирина

Свет-государь, послушай —
Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйских
Теперь в тюрьму, *теперь*, когда они
Обвинены в измене!

Федор

Ни-ни-ни,
Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумеешь! Если
Я подожду, я их прощу, пожалуй,—
Я их прощу — а им нужна наука!
Пусть посидят! Пусть ведают, что значит
Нас разлучать! Пусть посидят в тюрьме!

(Уходит.)

БЕРЕГ ЯУЗЫ

Через реку живой мост. За рекой угол укрепления с воротами. В стороне рощи, мельницы и монастыри. По мосту проходят люди разных сословий. Курюков идет с бердышом в руках. За ним гусляр.

Курюков. Стой здесь, парень, налаживай гусли, а как соберется народ, зачинай песню про князь Иван Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вот до чего дожить довелось!

Гусляр строит гусли; Курюков осматривает бердыш.

Ишь, старый приятель! От самого от блаженной памяти от Василь Иваныча не сымал тебя со стены, аж всего ржавчина съела. А вот сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народ подходит!

Посадский *(подходит к Курюкову)*. Доброго здоровья дедушке Богдану Семенычу! Что это у тебя за бердыш?

Курюков. Внучий бердыш, батюшка, внучий бердыш! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, так я-то вот и взялся его бердыш на справку снести, да вот парня послушать остановился.

Посадский. А близко нешто татары?

Курюков. Близко, слышно.

Другой посадский. А кого навстречу пошлют?

Третий посадский. Чай, опять князь Иван Петровича?

Курюков. Годунова пошлют!

Первый. Что ты, помилуй, Богдан Семеныч!

Курюков *(злобно)*. А что? Чем Годунов вам не воевода?

Третий. Где ж ему супротив Иван Петровича?

Курюков. Ой ли? *(К гусляру.)* Ну, что ж песня-то? Песня?

Гусляр

(поет)

Копил король, копил силушку,
Подходил он под Опсков-город,
Подошедши, похваляется:

«Уж собью город, собью турами,
Воеводу, князя Шуйского,
По рукам и по ногам скую,
Царство русское насквозь пройду!»

Один из народа. Царство русское насквозь пройду! Ха-ха! Малого захотел!

Другой. Иван Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

Курюков (*к гусляру*). Ну, парень!

Гусляр

(*продолжает*)

То не божий гром над Опсковом гремит,
Бьют о стены то́ ломы железные,
Ядра то́ каленые сыплются!

Женщина. Пресвятая богородица, какие страхи!

Гусляр

(*продолжает*)

А не млад то светёл месяц зарождается,
Государь то Иван Петрович-князь
На стене городской проявляется.
Он идет по стене, не сторонится,
Ядрам сустречь глядит, не морщится.

Один. Да, этот не морщился!

Гусляр

(*продолжает*)

Целовали мы крест сидеть до смерти —
Не сдадим по смерть Опскова-города!

Один. И не сдали Пскова, не сдали!

Другой. Святые угодники боронили его!

Же́нщина. Матерь божия покрывала!

Курюков. А кто сидел-то в нем, православные? Кто сидел-то в нем?

Один. Одно слово: Иван Петрович!

Курюков. То-то!

Гусляр

(продолжает)

И пять месяцев король облегает Псков,
На шестой повесил голову.
А тем часом князь сделал вылазку
И побил всю силу литовскую,
Насилу король сам-третий убежал.
Бегучи, он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне на Руси бывать,
Ни детям моим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам!»

Один. И поделом ему! Знай наших! Знай князь Иван Петровича!

Гусляр

(заканчивает)

Слава на небе солнцу высокому!
Слава на земле Иван Петровичу!
Слава всему народу христианскому!

Один. Слава, воистину слава! Вот утешил, добрый человек!

Другой. Воздал честь, кому честь подобает! *(Кладет ему деньги в шапку.)* На́ тебе, добрый человек!

Все. Прими ж и от нас! И от меня! И от меня!

Все бросают деньги в шапку гусляра.

Один. Братцы, смотри, кто это сюда скачет?

Другой. Ишь, как плетью жарит коня! Должно быть, гонец!

Гонец *(верхом)*. Место! Место! Раздайтесь на мосту!

Посадский. Эй, друг, откуда? С чем едешь?

Гонец. От Тешлова! Татары Оку перешли, на Москву идут! Место! Место!

Все раздаются. Гонец скачет по̂ мосту в город.

Один. Ишь, притча какая! Чай, скоро подступят!

Женщина *(голосит)*. Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои! Опять выжгут наши слободы!

Третий. Ну, расхныкалась! Нешто мы не видывали их! А князь-то Иван Петрович на что?

Четвертый. Король-то небось почище татар, а и тот от Иван Петровича поджамши хвост убежал!

Третий. Не родился еще тот, кто бы сломил Иван Петровича!

Курюков (*выступает вперед*). Родился, православные, родился! Родился он, окаянный! Сломил он Иван Петровича! Сковал его, света нашего! По рукам и по ногам сковал!

Народ. Что ты, дедушка, господь с тобой! Кто смеловал обидеть Иван Петровича!

Курюков. Годунов, православные, Годунов! Годунов хочет извести его! Сейчас его, отца нашего, в слободскую тюрьму поведут, здесь, пó мосту, поведут!

Шум и говор в народе.

Вспомяните, детушки, кто всегда стоял за вас! Кто вас от лихих судей боронил? От старост и воевод? От приставов и от целовальников? Кто не пустил короля на Москву? Кто татар столько раз отгонял? Шуйские стояли за нас, православные! Да есть ли кто на целом свете супротив Шуйских? А к кому ноне примкнулись князья и бояре нашему ворогу, Годунову, отпор дать? Пропадем мы без Шуйских, детушки!

Голоса в народе. Не дадим в обиду Шуйских! Не дадим в обиду отца нашего, князь Иван Петровича!

Курюков. Так отобьем же его у Годунова, православные, да на руках домой понесем!

Народ. Отобьем!

Курюков. Постоим за Шуйских, как при Олёне Васильевне стояли! Вот он, православные! Вот он, отец наш, Иван Петрович! Вот он, с братьями, в кандалах идет!

Из городских ворот выезжают бубенщики. За ними едет Туренин. За Турениным стрельцы ведут кн. Ивана Петровича и других Шуйских (кроме Василья) в кандалах.

Туренин (*к народу*). Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

Курюков. Батюшка, князь Иван Петрович! Говорил я тебе, не мирись! Говорил, родимый, не мирись с Годуновым!

Народ. Правое твое дело, Иван Петрович, а мы за тебя!

Туренин. Раздайтесь, смерды! По царскому указу Шуйских в тюрьму ведем!

Народ. По царскому? Неправда! По Годунова указу!

Туренин (*стрельцам*). Разогнать народ!

Курюков. Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйские живут!

Народ. Шуйские живут! Выручим отца нашего!

Курюков. Ну, теперь за мной, как при Олёне Васильевне! Шуйские! Шуйские! (*Бросается с бердышом на стрельцов.*)

Народ (*бросаясь за ним*). Шуйские! Шуйские!

Туренин (*к стрельцам*). Руби воров! Кидай их в воду!

Свалка.

Курюков (*падая с моста*). Шуйские! Господи, прими мою душу!

Кн. Иван Петрович. Смирно, детушки! Слушайте меня!

Народ. Отец ты наш! Не дадим тебя в обиду!

Кн. Иван Петрович. Слушайте меня, детушки, разойдитесь! То воистину царская воля! Не губите голов ваших!

Туренин. Вперед!

Кн. Иван Петрович. Погоди, князь, дай последнее слово к народу сказать. Простите, московские люди, не поминайте лихом! Стояли мы за вас до конца, да не дал бог удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же воле божией, слушайтесь царских указов, не подымайтесь на Годунова. Теперь не с кем вам идти на него и некому будет отстаивать вас. А терплю я за вину мою, в чем грешон, за то и терплю. Не в том грешон, что с Годуновым спорил, а в том, что кривым путем пошел, хотел царицу с царем развести. А потом и хуже того учинил, на самого царя поднялся! Он — святой царь, детушки, он — от бога царь, и царица его святая. Дай им, господи, много лет здравствовать! (*К Туренину.*) Ну, теперь, князь, идем. Простите, московские люди!

Народ. Батюшка! Отец наш! На кого ты нас, сирот, покидаешь!

Туренин. Бейте в бубны!

Бубенщики бьют в бубны. Народ расступается. Шуйских проводят через сцену. Из городских ворот выбегает Шаховской, без шапки, в одной руке сабля, в другой пистолет. За ним Красильников и Голубь с рогатинами.

Шаховской (*вне себя*). Где князь Иван Петрович?

Один из народа. А на что тебе? Выручать, что ли? Опоздал, боярин!

Другой (*указывая на сцену*). Эвот, сейчас тюремные ворота за ним захлопнулись!

Шаховской. Так за мной, люди! Раскидаем тюрьму по бревнам!

Красильников. Чего, ребята, задумались? Аль не знаете нас?

Голубь. Это князь Шаховской, а нас вы знаете!

Говор в народе. А что ж, братцы! И в самом деле! Нас-то много, как не выручить! Идем, что ли, за князем?

Шаховской. К тюрьме, ребята! Шуйские живут!

Народ. Шуйские! Шуйские!

Все бегут за Шаховским.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПОКОЙ В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов и Клешнин.

Годунов

Сторонники захвачены ли Шуйских?

Клешнин

Быкасовы, Урусовы-князья,
И Татевы, и Колычевы все
Уже сидят. Не удалось накрыть лишь
Головина — пропал, как не бывало!
Мстиславского ж ты трогать не велел.

Слуга

(*докладывает Годунову*)

По твоему боярскому указу,
Василь Иваныч Шуйский приведен.

Годунов

Впустить его.

(К Клешнину.)

Ты нас одних оставишь.

Клешнин и слуга уходят. Василий Шуйский входит.

Здорово, князь. Мне ведомо, что дядю
От заговора воровского ты
Удерживал. Хвалю тебя за это.

Василий Шуйский

Царю быть верным крест я целовал.

Годунов

И доводить на ворогов на царских.
Но ты на князь Ивана не довел.

Василий Шуйский

Я знал, боярин, что через Старкова
Всё ведомо тебе.

Годунов

А знал ли ты,
Что этот лист мне также ведом?

Василий Шуйский

Знал.

Годунов

(показывая ему бумагу)

Ты сознаешься в подписи своей?

Василий Шуйский

Не в ней одной. Я сознаюсь, боярин,
Что челобитня эта мной самим
Затеяна. Зачем мне запираться?
Тебе хотел я службу сослужить:
Когда дядья в союз вошли с владыкой,
А к ним Москва пристала, каждый свой
Давал совет; нашлися и такие,
Что в Угличе признать царем хотели
Димитрия. Чтоб отвратить беду,
Я предложил им эту челобитню.

Зачем ее ты не дал нам подать?!
Ты знал о ней! Царя б ты подготовил,
Он нас бы выслушал, нам отказал бы,
И всё бы кончилося тихо.

Годунов

Гладко
Ты речь ведешь. Я верю ли тебе
Или не верю — в этом нет нужды.
Ты человек смышленый; ты уж понял,
Что провести меня не так легко
И что со мной довольно трудно спорить.
В моих руках ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя и обещаний
Не требую на будущее время.
Как прибыльней тебе: со мной ли быть
Иль на меня идти — об этом ты
Рассудишь сам. Подумай на досуге.

Василий Шуйский

Борис Феодорыч! О чем мне думать?
Я твой слуга!

Годунов

Мы поняли друг друга.
Прости ж теперь, на деле я увижу,
Ты искренно ли говорил.

Василий Шуйский уходит.

Слуга

(докладывает)

Боярин,
Царица к милости твоей идет!

Входит Ирина, в сопровождении нескольких боярынь. Годунов опускается перед ней на колени.

Годунов

Великая царица, я не ждал
Прихода твоего...

Ирина

(к боярыням)

Оставьте нас.

Боярыни уходят.

Брат, не тебе — мне на коленях быть
Перед тобой приходится!

Годунов

(вставая)

Сестра,
Зачем ко мне пришла ты без доклада?

Ирина

Прости меня — мне дорог каждый миг —
Тебя просить пришла я, брат!

Годунов

О чем?

Ирина

Ужели ты погубишь князь Ивана?

Годунов

В своей измене сам сознался он.

Ирина

Он в ней раскаялся! Его мы слову
Поверить можем. Благостью царевой
Он побежден. Чего боишься ты?
Ужель опять ко дням царя Ивана,
К дням ужаса, вернуться ты б хотел?
Им срок прошел! Не благостью ли Федор
Одной силён? Не за нее ли любит
Его народ? А Федорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты должен! Ею ныне,
Лишь ей одной, мы с Шуйскими достигли,
Чего достичь не смог бы страхом казни
Сам царь Иван!

Годунов

Высокая гора
Был царь Иван. Из недр ее удары
Подземные равнину потрясали
Иль пламенный, вдруг вырываясь, сноп
С вершины смерть и гибель слал на землю.
Царь Федор не таков! Его бы мог я
Скорей сравнить с провалом в чистом поле.
Расселины и рыхлая окрестность
Цветущею травой сокрыты, но,
Вблизи от них бродя неосторожно,
Скользит в обрыв и стадо и пастух.
Поверье есть такое в наших селах,
Что церковь в землю некогда ушла,
На месте ж том образовалась яма;
Церковищем народ ее зовет,
И ходит слух, что в тихую погоду
Во глубине звонят колокола
И клирное в ней пенье раздается.
Таким святым, но ненадежным местом
Мне Федор представляется. В душе,
Всегда открытой недругу и другу,
Живет любовь, и благость, и молитва,
И словно тихий слышится в ней звон.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нет на них опоры никакой!
Семь лет прошло, что над землею русской
Как божий гнев пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень,
С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь, —
Русь, о которой мысля непрестанно,
Бессонные я ночи провожу.
Напрасно всё! Я строю над провалом!
В единый миг всё может обратиться
В развалины. Лишь стоит захотеть
Последнему, ничтожному врагу —
И он к себе царево склонит сердце,
И мной в него вложенное хотенье
Он изменит. Врагов же у меня
Немало есть — не все они ничтожны —
Ты наглость знаешь дерзкую Нагих,

Ты знаешь Шуйских нрав неукротимый —
Не прерывай меня — я Шуйских чту —
Но доблесть их тупа и близорука,
Избитою тропой они идут,
Со стариной сковало их преданье —
И при таком царе, каков царь Федор,
Им места нет, быть места не должно!

Ирина

Ты прав, Борис, тебе помехой долго
Был князь Иван; но ты уж торжествуешь;
Его вина, которой ныне сам
Стыдится он, порукой нам, что нет
У Федора слуги вернее!

Годунов

Верю;
Он вновь уже не встанет мятежом,
Изменой боле царского престола
Не потрясет — но думаешь ли ты,
Перечить мне он также отказался?

Ирина

Ты поборол его, тобой он сломан,
В темнице он; ужели мщенья ты
Послушаешь?

Годунов

Я мщения не знаю,
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Перед собой мое лишь вижу дело
И не своих, но дела моего
Гублю врагов.

Ирина

Подумай о его
Заслугах, брат!

Годунов

За них приял он честь.

Ирина

К стенам Москвы с ордою подступает
Ногайский хан. Кто даст ему отпор?

Годунов

Не в первый раз Москва увидит хана.

Ирина

От Шуйского от одного она
Спасенья ждет.

Годунов

Она слепа сегодня,
Как и всегда. Опаснее, чем хан,
Кто в самом сердце царства подрывает
Его покой; кто плевелом старинным
Не устает упорно заглушать
Величья нового посев. Ирина!
В тебе привык я ум высокий чтить
И светлый взгляд, которому доступны
Дела правленья. Не давай его
Ты жалости не дельной помрачать!
Я на тебя рассчитывал, Ирина!
Доселе ты противницей моею
Скорее, чем опорою, была;
Ты думала, что Федор государить
Сам по себе научится; тебе
Внутри души казалося обидным,
Что мною он руководим; но ты
Его бессилье видишь. Будь же ныне
Помощницей, а не помехой мне.
Недаром ты приставлена от бога
Ко слабому царю. Ответ тяжелый
Есть на тебе. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Федора должна
Склонить теперь, чтоб отказался он
От всякого вступательства за Шуйских!

Ирина

Когда б могла я думать, что нужна
Погибель их для блага государства,
Быть может, я в себе нашла бы силу
Рыданье сердца подавить, но я
Не верю, брат, не верю, чтобы дело
Кровавое пошло для царства впрок,
Не верю я, чтоб сам ты этим делом
Сильнее стал. Нет, тяжким на тебя
Оно укором ляжет! Помогать

Избави бог тебе! Нет, я надеюсь
На Федора!

Годунов

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

Ирина

Пути различны наши.

Годунов

Придет пора, и ты поймешь, Ирина,
Что нам один с тобою путь.
(Отворяет дверь и говорит за кулисы.)
Царица
Зовет своих боярынь!

Боярыни входят.

Ирина

Брат, прости!

Годунов

(с низким поклоном)

Прости меня, великая царица!

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД АРХАНГЕЛЬСКИМ СОБОРОМ

Нищие толпятся у входа. В глубине сцены виден народ.

Один нищий. Скоро ль выйдет царь?

Слепой. Слышишь, панихиду служат по покойном государе; уж вечную память пропели; должно быть, сейчас выйдет.

Другой нищий. А кто служит панихиду-то?

Слепой. Иов служит Ростовский. Его, слышно, и в митрополиты поставят, а владыку сведут.

Первый нищий. Дионисия-то сведут?

Слепой. Да, сведут. И Дионисия и Варлаама Крутицкого сведут. Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйских вступались!

Четвертый *(на костылях, протесняется вперед)*. Братие! Слышали, что на Красной площади деется?

Слепой. А чему там деяться?

Четвертый. Купцам головы секут!

Первый. Каким купцам?

Четвертый. Ногаевым! Красильникову! Голубю, отцу с сыном! Еще других повели!

Все. Господи, твоя воля! Да за что ж это?

Четвертый. За то, что за Шуйских стояли. Сами-то Шуйские уж в тюрьме сидят!

Первый. Боже их помилуй! А царь-то что же?

Четвертый. Годунов обошел царя!

Все. Место! Место! Царица идет!

Нищие сторонятся. Ирина подходит со Мстиславской; за ней боярыни. Стольник идет впереди и раздает милостыню.

Ирина. Стой здесь, княжна. Выйдет царь, поклонись ему в ноги и проси за дядю.

Княжна. Государыня-царица, награди тебя господь, что привела ты меня!

Ирина. Не бойся, дитятко, царь милостив. Что же ты так дрожишь? Дай я тебе поднизи подправлю; и косу-то растрепала ты свою!

Княжна. Царица-матушка, сердце замирает; научи меня, как царю сказать?

Ирина. Как у тебя на сердце, так и скажи, дитятко. Где жених твой? Ему бы теперь с тобою быть!

Княжна. Не видала я его, царица, с той самой ночи, с того часа, как... *(Закрывает лицо и рыдает.)*

Ирина. Бедная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы рад, чтобы свое дело поправить!

Княжна. Воздай тебе матерь божия, что жалеешь ты нас!

Трезвон во все колокола. Бояре выходят из собора. Двое из них раздают милостыню. За ними идет Федор.

(Вполголоса.) Теперь, царица?

Ирина. Нет еще, подождем, дитятко; видишь, он помолиться хочет.

Федор

(становится на колени, лицом к собору)

Царь-батюшка! Ты, скольким покаяньем,
Раскаяньем и мукой искупивший
Свои грехи! Ты, с богом ныне сущий!

Ты царствовать умел! Наставь меня!
Вдохни в меня твоей частицу силы
И быть царем меня ты научи!

(Встает и хочет идти.)

Ирина

(ко Мстиславской)

Княжна, теперь!

Княжна

(бросается в ноги Федору)

Царь-государь, помилуй!

Федор

Чего тебе, боярышня? Встань, встань!

Княжна

Помилуй дядю моего!

Федор

Кто ты?
Кто дядя твой?

Княжна

Иван Петрович Шуйский!

Федор

Так ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

Ирина

(становится на колени)

Свет-государь!
Она тебя со мною вместе молит
За князь Иван Петровича!

Федор

Арина,
Что ты, Арина? Встань! Вставайте обе!
Я князь Иван Петровича прощу,
Но надобно, чтобы в тюрьме немного
Он посидел!

Ирина

Свет-государь, прости
Его теперь! Пошли за ним сейчас же!
Вели ему оборонять Москву,
Как некогда он Псков оборонял!

Федор

Ну, хорошо, Арина, я и сам
Хотел послать за ним — немного позже
Хотел послать — но для тебя, Арина,
Пошлю сейчас.

(К Годунову.)

Борис, пошли за ним!

Годунов

Великий царь, ты сам же нам дозволил
Начать сперва над Шуйскими допрос.
Он начался...

Федор

Он должен прекратиться.

Годунов

Но, государь...

Федор

Ты слышал мой приказ?

Годунов

Великий царь...

Федор

Не вовремя ты вздумал
Перечить мне. От нынешнего дня
Я буду царь. Советы все и думы
Я слушать рад, но только слушать их —
Не слушаться! Где пристав князь Ивана?
Где князь Туренин?

Клешнин

Эвот, он идет!

Подходит Туренин.

Федор

(к Туренину)

Сейчас всех Шуйских освободить! Ивана ж
Петровича ко мне прислать!

Туренин не трогается с места.

Ты слышишь?
Чего ты ждешь?

Туренин

Великий царь...

Федор

Как смеешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

Туренин

Великий государь,
Не властен я твою исполнить волю...
Иван Петрович...

Федор

Ну?

Туренин

Он сею ночью...

Федор

Что — сею ночью? Говори! Ну, что?

Туренин

Он сею ночью пётлей удавился!

Княжна

Святая матерь божья!

Туренин

Государь,
В том виноваты, что недосмотрели;
Мы береглися, как народ его бы
Не свободил; вчера толпу отбили;
Привел ее с купцами Шаховской,
Да кабы я не застрелил его,
Вломились бы!

Княжна падает в обморок.

Федор

(смотрит страшно на Туренина)

Князь Шуйский удавился?
Иван Петрович? Лжешь! Не удавился —
Удавлен он!

(Хватает Туренина обеими руками зá ворот.)

Ты удавил его!
Убийца! Зверь!

(К Годунову.)

Ты ведал это?

Годунов

Бог
Свидетель мне — не ведал.

Федор

Палачей!
Поставить плаху здесь, перед крыльцом!
Здесь, предо мной! Сейчас! Я слишком долго
Мирволил вам! Пришла пора мне вспомнить,
Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный
Стал грозным государем! Чрез окольных
Он грозен стал — вы вспомните его!

Гонец, весь запыленный, с грамотой в руках, поспешно подходит к Годунову.

Гонец

Из Углича, боярину Борису
Феодорычу Годунову!

Федор

(вырывая грамоту у гонца)

Дай!
Когда сам царь стоит перед тобой,
Так нету здесь боярина Бориса!

(Глядит в грамоту и начинает дрожать.)

Аринушка, мое неясно зренье —
Не вижу я — мне кажется, я что-то
Не так прочел — в глазах моих рябит —
Прочти ты лучше!

Ирина

(взглянув в грамоту)

Боже милосердый!

Федор

Что там, Арина? Что?

Ирина

Царевич Дмитрий...

Федор

Упал на нож? И закололся? Так ли?

Ирина

Так, Федор, так!

Федор

В падучем он недуге
Упал на нож? Да точно ль так, Арина?
Ты, может быть, не так прочла — дай лист!

(Смотрит в грамоту и роняет ее из рук.)

До смерти — да — до смерти закололся!

Не верится! Не сон ли это всё?
Брат Дмитрий мне заместо сына был —
У нас с тобой ведь нет детей, Арина!

Ирина

Всю Русь господь бедою посетил!

Федор

Его любил, как сына, я — его —
Хотел к себе я взять, но там оставил —
Там, в Угличе. — Иван Петрович Шуйский
Мне говорил не оставлять его!
Что скажет он теперь? Ах, да бишь! Он
Уж ничего не скажет — он удавлен!

Годунов

(который между тем поднял и прочел грамоту)

Великий царь...

Федор

Ты, кажется, сказал:
Он удавился? Митя ж закололся?
Арина, а? Что, если...

Годунов

Государь,
Тебе сейчас отправить в Углич надо
Кого-нибудь...

Федор

Зачем? Я сам отправлюсь!
Я сам хочу увидеть Митю! Сам!
Я никому не верю!

Ратник подходит к Годунову.

Ратник

По дороге
Серпуховской маячные дымы
Виднеются!

Годунов

Великий государь,
То хан идет. Чрез несколько часов
Его полки Москву обложат. Ехать
Не можешь ты теперь.

Клешнин

Царь-государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть прост, а что увижу,
То и скажу!

Годунов

А розыск учинить
Об этом деле мог бы князь Василий
Иваныч Шуйский. Пусть поедут оба
И разберут, чьей в Угличе виной
Беда случилась!

Федор

(с недоумением)

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты в Углич Шуйского, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью...

(Бросается Годунову на шею.)

Шурин!
Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня — мои смешались мысли —
Я путаюсь — я правду от неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мне. Петрович, поезжай
Со князь Васильем. Князь Василий, что бишь
Тебе хотел сказать я? Позабыл!
Да, вот что: я послал на той неделе
Игрушек Мите —

(рыдает)

я хотел бы знать —
Хотел бы знать, успел ли он — успел ли...

Княжна

(которую подводят боярыни)

Всё кончено! Жених застрелен мой...
Удавлен дядя...

Ирина

Дитятко, тебя
К себе возьму я, будешь ты отныне
Мне вместо дочери!

Княжна

Царица, я
Постричься бы хотела...

Федор

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди от мира!
В нем правды нет! Я от него и сам бы
Хотел уйти — мне страшно в нем, Арина, —
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводят княжну.

Ирина

Свет мой, Федор,
В молитве мы у бога утешенья
Должны просить!

Федор

В молитве? Да, Арина!
Я в монастырь пойду, молиться буду —
Посхимлюсь там...

Ирина

Нельзя тебе, свет-Федор!
Венец наследный некому тебе
Твой передать.

Федор

Да, я последний в роде —
Последний я. Что ж делать мне, Арина?

Ирина

Свет-государь, нет выбора тебе;
Один Борис лишь царством править может,
Лишь он один. Оставь на нем одном
Правления всю тягость и ответ!

Федор

Так, так, Арина! Не вмешаюсь боле
Я ни во что!

Годунов

(тихо к Ирине)

Пути сошлися наши!

Ирина

О, если б им сойтись не довелось!

Звон труб. Входит Мстиславский в броне и в шлеме. Оружничий Годунова приносит ему вооруженье.

Мстиславский

(к Годунову)

Полки тебя, боярин, в поле ждут!

Годунов

(вооружаясь)

Все по местам!

Бояре уходят.

Мстиславский

Ты сам ли встретить хана
Нас поведешь?

Годунов

Боярин князь Мстиславский!
Я муж совета, ты же муж войны!
Отныне будь верховным воеводой —

За честь Руси, как вождь, веди нас в бой —
Я ж следую, как ратник, за тобой!

Уходит со Мстиславским. Народ бежит за ними. На сцене остаются только Федор, Ирина и нищие.

Федор

Бездетны мы с тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжских царствующей ветви
Последний я потомок. Род мой вместе
Со мной умрет. Когда бы князь Иван
Петрович Шуйский жив был, я б ему
Мой завещал престол; теперь же он
Бог весть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось всё! А я —
Хотел добра, Арина! Я хотел
Всех согласить, всё сгладить, — боже, боже!
За что меня поставил ты царем!

1864—1868

ЦАРЬ БОРИС

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Борис Федорович Годунов.
Царица Мария Григорьевна, его жена, дочь Малюты Скуратова.
Царевич Федор, Царевна Ксения — их дети.
Царица Ирина Федоровна, во иночестве Александра, сестра царя Бориса, вдова царя Федора Иоанновича.
Царица Мария Федоровна Нагая, во иночестве Марфа, вдова Иоанна Грозного.
Христиан, герцог датский, жених царевны Ксении.
Гольк, Браге — его советники.
Семен Годунов, ближний боярин.
Князь Василий Иванович Шуйский.
Петр Федорович Басманов, боярин и воевода.
Федор Никитич Романов, Александр Никитич Романов, Князь Репнин, Князь Черкасский, Князь Сицкий, Князь Голицын, Салтыков — бояре.
Андрей Петрович Луп-Клешнин, во схиме брат Левкий.
Василиса Волохова, боярыня.
Афанасий Власьев, думный дьяк.
Воейков, воевода Тарский.
Дементьевна, барская барыня.
Ричард Ли, посол английский.
Миранда, папский нунций.
Барон Логау, посол австрийский.
Лев Сапега, посол литовский.
Эрик Гендрихсон, посол шведский.
Авраамий Люс, посол флорентийский.
Гермерс, любский бургомистр, присланный от ганзейских городов.
Архимандрит Кирилл, посол иверский.
Лачин-Бек, посол персидский.
Челибей, посол турецкий.

Хлопко-Косолап, атаман разбойников.
Решето
Наковальня } его есаулы.
Митька, разбойник.
Посадский.
Мисаил Повадин
Григорий Отрепьев } беглые монахи.
1-й
2-й } часовые.
1-й
2-й } сыщики.
1-я
2-я
3-я
4-я } бабы.
Врач.
Стрелецкий голова.
Спальник.
Стольник.
Крилошанка.
Пристав.
Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрельцы, посольская свита, монахи, беглые крестьяне, разбойники, нищие, сыщики, слуги и народ.

Действие — в Москве и ее окрестностях, в конце XVI и начале XVII столетий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Салтыков и Воейков.

Салтыков

Ты вовремя, боярин, с доброй вестью
Вернулся из Сибири: угодил
Как раз попасть в тот день, как государь
Венчается на царство!

Воейков

Богу слава!
Довольно он откладывал венчанье
Со дня, как Земской думою соборной
На царство был избрáн!

Салтыков

Да, да, в шеломе,
А не в венце, с мечом заместо скиптра,
Он ждал татар. Но хан, им устрашенный,
Бежал назад! И то сказать: пятьсот
Нас вышло тысяч в поле. Без удара
Казы-Гирей рассыпан — и ни капли
Не пролилося русской крови!

Воейков

Слава
Царю Борису!

Салтыков

Слава и хвала!
Подумаешь: как царь Иван Васильич
Оставил Русь Феодору-царю!
Война и мор — в пределах русских ляхи —
Хан под Москвой — на брошенных полях
Ни колоса! А ныне, посмотри-ка!
Всё благодать: амбары полны хлеба —
Исправлены пути — в приказах правда —
А к рубежу попробуй подойти
Лях или немец!

Воейков

Что и говорить!
Воскресла вся земля! Царю недаром
От всех любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отроду не видала!
Насилу я проехал чрез толпу;
На двадцать верст кругом запружены
Дороги все; народ со всех концов
Валит к Москве; все улицы полны,
И все дома, от гребней до завалин,
Стоят в цветах и в зелени! Я думал:
Авось к царю до выхода проеду!
Куды! Я чай, от валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Там
Услышал я: в соборе царь Борис —
Венчается!

Салтыков

Сейчас вернется в терем!

Воейков

Ты что ж не там?

Салтыков

Послов примать наряжен.

Воейков

Каких послов?

Салтыков

Да мало ль их! От папы,
От цесаря, от Англии, от Свеи,
От Персии, от Польши, от Ганзы —
Не перечтешь!

Воейков

И всех их примет царь?

Салтыков

Всех с этого престола слушать будет!

Воейков

Пора, пора воссесть ему на нем!
Семь месяцев венчания мы ждали!

Салтыков

А до того, чай, целых шесть недель
Приять венец его молили!

Воейков

Да,
Смирению такому нет примера.
До нас дошло, как вашим он моленьям
Внять не хотел!

Салтыков

И если бы владыка
От церкви отлучением ему
Не угрозил — быть может, и доселе
Мы были б без царя!

Воейков

А говорили:
Честолюбив!

Салтыков

Поди ты! Мало ль что
О нем толкуют! Говорили также:
Он Дмитрия-царевича извел!

Воейков

Безбожники! Бессовестные люди!
Когда б извел Димитрия Борис,
Он стал ли бы от царства отрекаться!

Салтыков

Вестимо, нет! Когда скончался Федор,
Рыдали все, но скорбь ничья сравниться
Со скорбию Бориса не могла.

Воейков

Я был уже в походе; не сподобил
Меня господь к усопшего руке
С другими приложиться. Говорят,
Был чудно светел лик его?

Салтыков

Тиха
Была его и благостна кончина.
Он никому не позабыл сказать
Прощальное, приветливое слово;
Когда ж своей царицы скорбь увидел,
«Аринушка, — сказал он, — ты не плачь,
Меня господь простит, что государить
Я не умел!» И, руку взяв ее,
Держал в своей и, кротко улыбаясь,
Так погрузился словно в тихий сон —
И отошел. И на его лице
Улыбка та последняя осталась.

Воейков

Царь благодушный!

Салтыков

После похорон
Постриглася царица.

Воейков

И тогда же
С ней заперся правитель?

Салтыков

В тот же день.
Молениям боярским не внимая,
Он говорил: «Со смертию царя
Постыли мне волнение, и пышность,
И блеск, и шум. Здесь, близ моей сестры,
Останусь я; молиться с ней хочу я
И здесь умру!»

Звон во все кремлевские колокола.

Воейков

(подходя к окну)

Идут, идут! Народ
Волнуется! Вот уж несут хоругви!
А вот попы с иконами, с крестами!
Вот патриарх! Вот стольники! Бояре!
Вот стряпчие царевы! Вот он сам!
В венце и в бармах, в золотой одежде,
С державою и скипетром в руках!
Как он идет! Все пали на колени —
Между рядов безмолвных он проходит
Ко Красному крыльцу — остановился —
Столпились все — он говорит к народу...

Молчание; потом взрыв радостных криков.

Целует крест — вот на крыльцо вступает —
Как светел он! Сияние какое
В его очах! Нет, сам Иван Васильич
В величии подобном не являлся —
Воистину, то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входят и становятся у престола; потом бояре; потом стряпчие с царской стряпней; потом ближние бояре; потом сам царь Борис, в полном облачении, с державой и скипетром. За ним царевич Федор.
Борис всходит на подножие престола.

Борис

(стоя на подножье)

Соизволеньем божиим и волей
Соборной Думы — не моим хотеньем —
Я на престол царей и самодержцев
Всея Руси вступаю днесь. Всевышний
Да укрепит мой ум и даст мне силы
На трудный долг! Да просветит меня,
Чтобы бразды, мне русскою землею
Врученные, достойно я держал,
Чтобы царил я праведно и мудро,
На тишину Руси, как царь Феодор,
На страх врагам, как грозный Иоанн!

(Садится на престол.)

Царевич Федор садится по его правую руку.

Воейков

(опускаясь на колени)

Великий царь! Господь тебя услышал:
Твои враги разбиты в пух и прах!
Воейков я, твой Тарский воевода,
Тебе привезший радостную весть,
Что хан Кучум, свирепый царь сибирский,
На Русь восстать дерзнувший мятежом,
Бежал от нас в кровопролитной битве
И пал от рук ногайских мурз. Сибирь,
Твоей опять покорная державе,
Тебе навек всецело бьет челом!

Борис

Благодаренье господу! Да будет
В сей светлый день нам знамением добрым
Благая весть! Встань, воевода Тарский,
И цепь сию, в знак милости великой,
От нас прими!

(Снимает с себя цепь и надевает на Воейкова.)

Мой сын, царевич Федор,
Вам здравствует со мной, бояре! Он
Летами млад, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. В нем буду

Готовить мне достойного на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я вас прошу!

Федор кланяется.

Бояре

Да здравствует царевич!
Живет царевич!

Салтыков

Государь, послы
Ждут позволенья милости твоей
На царствии здоровать!

Борис

Пусть войдут!

Трубный туш и литавры. Входит посол английский, предшествуемый двумя стольниками; за ним идет его свита и останавливается, не доходя престола. Посол подходит к престолу; стольники раздаются направо и налево. При входе следующих послов соблюдаются те же обряды.

Салтыков

Посол Елисаветы, Ричард Ли!

Ричард Ли

Британии Великой королева
Царю Борису дружеский поклон
Усердно шлет, его на русском троне
Приветствуя как друга своего,
Как кровного, возлюбленного брата.
Великий царь! Ей дорог несказанно
С тобой союз, и, если бы избрать
Для сына ты меж юными княжнами
Британии невесту захотел,
Твое свойство вменила б королева
Себе в любовь и видела бы в нем
Залог союза наших двух народов
И совершенье мысли Иоанна,
Который был ей другом... Графа Дарби
Младая дочь красою превышает
Красавиц всех, а кровь ее одна
С Елисаветы королевской кровью!

Борис

Благодарю сестру Елисавету.
Ее союзом боле дорожу,
Чем всех других высоких государей,
Писавших к нам о том же. Но мой сын
Феодор млад еще о браке думать —
Мы подождем.

Ричард Ли отходит, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры.
Входит папский нунций.

Салтыков

Миранда, нунций папы!

Миранда

Великий царь всея земли Московской!
Святой отец Климент тебе свое
Апостольское шлет благословенье
И здравствует на государстве! В знак
Особенной своей к тебе любви
Он утвердить твой титул предлагает,
Как титулы богемских королей
И польских утвердил он. Если ж ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь ведомой наместнику Христа,
Как он, о царь, скорбишь о разделенье
Родных церквей — он через нас готов
Войти с твоим священством в соглашенье,
Да прекратится распря прежних лет
И будет вновь единый пастырь стаду
Единому!

Борис

Святейшего Климента
Благодарю. Мы чтим венчанных римских
Епископов и воздаем усердно
Им долг и честь. Но господу Христу
Мы на земле наместника не знаем.
Наш царский сан, по воле божьей, мы
От русской всей земли прияли — боле ж
Ни от кого не просим утвержденья.
Когда святой отец ревнует к вере,
Да согласит владык он христианских
Идти собща́ на турского султана,

О вере братий наших свободить!
То сблизит нас усердием единым
К единому кресту. О съединенье ж
Родных церквей мы молимся все дни,
Когда святую слышим литургию.

Миранда отходит. Трубы и литавры. Входит посол австрийский.

Салтыков

Барон Логáу, цесарьский посол!

Логау

Великий царь! Рудольфус, римский цесарь,
Тебе на царстве братский шлет поклон,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпор, безбожному Махмету,
Грозящему из Венгрии идти
На Австрию!

Борис

Не в первый раз султану
Австрийским мы обязаны посольством.
При Федоре, покойном государе,
Мы учинили с вами договор:
От турок вам помочь казною нашей,
С тем чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовский трон.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, под рукой, с Литвою сговорились —
И Жигимонта свейского признали,
Врага Руси, литовским королем!

Логау

Великий царь, мы не были вольны!
Наш претендент, Максимильян, Замойским
В Силезии был полонен.

Борис

И вместо
Чтобы его оружьем свободить,
С Литвой скорей вы заключили мир
И даром нас поссорили с султаном.

Логау

Не мы, о царь! Султан твой давний враг,
И на Москву он хана насылает
Не в первый раз. Когда ты дашь ему
Нас одолеть, ты своего ж злодея
Усилишь, государь!

Борис

Поход крестовый
Я на него Европе предлагаю.
Он враг нам всем, не мой один. Испаньи,
Сицилии и рыцарям Мальтийским,
Венеции и Генуи он враг,
Досадчик всем державам христианским!
Пускай же все подымут общий стяг
На Турцию! Тогда не из последних
Увидят нас. Но до того мы будем
Лишь наши грани русские беречь.
Мы не хотим для Австрии руками
Жар загребать. Казною, так и быть,
Мы учиним вам снова вспоможенье,
Войска ж свои пока побережем...

Логау отходит. Трубы и литавры. Входит **посол литовский.**

Салтыков

Посол литовский, канцлер Лев Сапега!

Сапега

Великий царь! Твой брат, король на Польше,
Король на Свее и великий князь
Земли литовской, Третий Жигимонт,
Прислал тебе со мною, Львом Сапегой,
Его короны канцлером, поклон
И гратуляцию на царстве! Наше
К концу приходит скоро перемирье,
Но Жигимонт и мы, паны, хотим
Уже забыть вражду с Москвою. То
Король Батур с царем Иваном прались —
На души ж их пускай тот ляжет спор!
Ты ж новую вчинаешь династию,
И твоему величеству не нужно
Литигиум тот старый пильновать.

Коль Жигимонта свейским королем
Признáешь ты и титул обещаешь
Ему давать, который у него
Его ж правитель, Карлус, отымает,
Эстонию ж землей признаешь польской —
То мы тебе Ливонию уступим
И грамоту согласны подписать
На вечный мир с Москвою!

Борис

Пан Сапега!
Ты шесть недель в Москве, кажися, ждал,
Пока тебе перед собой явиться
Дозволил я. Ты времени довольно
Имел узнать войска и силы наши.
Сдается мне, мир будет Жигимонту
Нужней, чем нам. Ливонская земля
С Эстонией есть вотчина Руси
От Ярослава Первого, от сына
Владимира Святого. Род мой нов,
Но я с державой русскою приял
Права ее древнейших государей.
Доколе жив, не уступлю из них
Ни одного. Я Жигимонта свейским
Не признаю владыкой. Герцог Карлус
Владеет Свеей. Титулов пустых
Я не даю.

Сапега

Тогда, великий царь,
Осталось мне, всев на коня, до дому
Скакать без мира?

Борис

Доброго пути!

Сапега

Но, царь великий, я ж не за войною —
За миром прислан я!

Борис

Из уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вам продлю. В моей Боярской думе
Ты можешь мой услышать уговор.

Сапега отходит. Трубы и литавры. Входит посол шведский.

Салтыков

Посол от Свеи, Эрик Гендрихсон!

Гендрихсон

Преславный царь! Правитель свейский Карлус
От всей души тебе на государстве
Свой шлет поклон и просит, чтобы в споре
Его чинов с литовским Жигимонтом
Ты свейскую корону поддержал!

Борис

Его зовут на королевство?

Гендрихсон

Царь...

Борис

Да, да, я знаю! Свейские чины
Уже ему корону предлагали!

Гендрихсон

Когда тебе земли желанье нашей
Уж ведомо...

Борис

Я знаю всё.

Гендрихсон

Но герцог
Чинам ответа не́ дал и короны
Еще не принял...

Борис

Он корону примет.
К престолу Карлус призван всей землей —
Он отказаться от него не может.
Приветствую отныне королем
Его я свейским, Карлусом Девятым!
И если брат наш Карлус с нами хочет
Пребыть в любви — пусть продолжает он
Вести войну с Литвою неуклонно,

Ливонию ж с Эстонией признáет
Землею русской. Мы ему на том
Наш вечный мир и дружбу обещаем!

Гендрихсон отходит. Трубы и литавры. Входит посол флорентийский.

Салтыков

Аврамий Люс, Флоренции посол!

Люс

Тебе, царю Московския державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлет Фердинанд, из рода Медицеев,
Приветствие и дружеский поклон.
Был дед его любовию народной,
Равно как ты, к правлению призван —
Достоинства сроднили оба рода:
Как Козимо и как Лоренцо наш,
Ты друг наук и вольного искусства.
То ведая, тебе великий вождь
Флоренции услуги предлагает
И рад тебе художников своих,
Ваятелей прислать и живописцев,
Литейщиков и зодчих, да цветет
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества вовек!

Борис

Любезного я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суров наш русский край;
Нам не дал бог, как вам, под вольным небом
Красой искусства очи веселить;
Но чтó над плотью высит человека,
Чтó радует его бессмертный дух,
От бога то ведет свое начало,
И верю я, оно на пользу будет
И радость нам!

Люс

Прими же, государь,
В знак непременной дружбы Фердинанда,
Сей небольшой фиал. Иссечен он

Из горного кристалла и оправлен
Искуснейшим из наших мастеров:
Ему Челлини имя.

Борис

Будет мне
Двояко дорог этот дар. Поведай
Великому Флоренции вождю,
Что если есть в земле моей русийской
Что б ни было пригодное ему —
Оно его!

Люс отходит. Трубы и литавры. Входят ганзейские купцы: Гермерс и два ратсгерра, и подходят вместе к престолу. За ними идут слуги с дарами.

Салтыков

Любчанский бургомистер,
От всех имперских вольных городов!

Гермерс

Земли русийской светлый император
И славный царь! Любчанские купцы
От имени Ганзы высокохвальной
На государстве здравствуют тебе!
Усердье наше ведомо Русии:
Когда еще голландцы и французы,
И англичан пронырливый народ
В твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево все лучшие ему
Товары доставляла; и за то
Она была русийскими князьями
Избавлена от пошлин. Государь!
Вели ж и ты, чтоб неприличных пошлин
Не брали с нас! А мы, в усердье нашем,
Тебе дары посильные несем.
Из серебра литого вот фигуры:
Фортуна вот — в ней двадцать фунтов с лишком —
А это вот богиня Венус — в ней
Есть тридцать фунтов — это птица струс —
А вот павлин — вот лев — вот два еленя —
Вот два коня — петух — и славный бог
Меркуриус — всего сто десять фунтов
И двадцать три золотника!

Борис

Издавна
Нам другом был почтенный город Любск.
Благодарю Ганзу́ за поздравленье
И за дары. Имперских городов
Избавить мы от пошлины не можем,
Зане у нас купцы иных земель
Ее несут. Но, в уваженье древней
С любчанами приязни, мы велим
С них пошлин брать отныне половину,
Товары ж их избавим от осмотра,
С тем чтоб они, по совести, их сами
Нам объявляли.

Гермерс и прочие

(махая шапками)

Ви́ват царь Борис!

Купцы уходят. Трубы играют туш другого характера. Из других дверей входит посол персидский; перед ним идет Семен Годунов, которому Салтыков уступает место. За послом слуги его несут драгоценный престол.

Семен Годунов

Великий государь! От шах-Аббаса
К тебе посол персидский, Лачин-Бек!

Лачин-Бек

Великий, грозный и пресветлый царь!
Твой друг и брат, Аббас, владыка перский,
Здоровает тебе на государстве
И братский шлет поклон. Ты держишь Русь
Единою могучею рукой —
Простри, о царь, с любовию другую
На моего владыку и прими
От шах-Аббаса, в знак его приязни,
Сей кованный из золота престол,
В каменьях самоцветных и в алмазах.
Наследье древних шахов — изо всех
Ценнейшее Аббасовых сокровищ!

Борис

Благодарю великого Аббаса.
Его приязнь тем более ценю,

Что слышал я, быть может ложно, будто
Он хочет мир с султаном заключить,
Иверию ж, подвластную нам землю,
И Александра, подданного нам
Ее царя, теснит.

Лачин-Бек

Великий царь,
То клевета! Тебе сказал неправду
Царь Александр. Он сам дружит султану,
Как твоему, как нашему врагу!

Борис

Впустить сюда султанского посла!

Трубы и литавры. Входит посол турецкий и становится рядом с персидским. Слуги его несут за ним дары.

Семен Годунов

К царю посол султанский, Челибей!

Челибей

Всея Руси могучий повелитель!
Султан Махмет, твой друг и брат, тебе
Через меня на воцаренье шлет
Приветствие и, в знак своей приязни,
Седло и златом кованную сбрую
В каменьях драгоценных. Государь!
Султан Махмет, добра тебе желая,
Предостеречь тебя велит, что твой
Неверный раб, царь Александр, замыслил
Тебя предать и к перскому Аббасу
В подда́нство переходит!

Борис

Пусть войдет
От Александра присланный посол!

Входит архимандрит Кирилл и падает на колени перед Борисом.

Арх. Кирилл

Великий, благоверный государь!
Царь Александр, твой ревностный слуга,
Тебе на царстве кланяется земно.

Не попусти, о царь всея Руси,
Ему вконец погибнуть! Шах-Аббас
Безжалостно, безбожно разоряет
Иверию! Султан Махмет турецкий
Обрек ее пожарам и мечу!
Ограблены жилища наши — жены
Поруганы — семейства избиенны —
Монастыри в развалинах — и церкви
Христовые пылают!

Челибей

Славный царь,
Не верь тому — не мы, а персы грабят
Иверию!

Лачин-Бек

Великий государь,
Не верь послу суннитского султана!
На языке суннитов клевета,
Обман и ложь! Не разоряют персы
Иверию — они лишь турок гонят
Вон из нее и только лишь твоих
Изменников карают!

Арх. Кирилл

Боже правый —
Иверия моя!

Челибей

(к Лачин-Беку)

Шеит неверный!
Султан тебе покажет в Испагане,
Как гоните вы нас!

Лачин-Бек

Суннитский пес!
В Стамбуле мы с тобою разочтемся!

Арх. Кирилл

О государь, от злобы их обоих
Будь нам защитой!

Борис

Слушайте! Кто б ни был
Подвластной нам Иверии теснитель —
Шах иль султан — клянусь, не попущу
Ничьей руке касаться русских граней!
Дьяк Афанасий! Ты напишешь ныне ж
Бутурлину с Плещеевым приказ
Вести полки на Терек. Лачин-Бек!
Тебе был путь немалый к нам от моря
Хвалынского. Ты видел нашим войском
Покрытый край от Волги до Москвы.
Пятьсот и с лишком тысяч поднялося
На мой призыв. Когда я захочу,
Я вдвое их могу поставить в поле.
С Аббасом рад я в дружбе пребывать,
Но должен ты в моей Боярской думе
Дать за него нам клятвенный обет:
От персских войск Иверию очистить.
А ты, султана турского посол,
Неси ему дары его обратно!
Нам ведомо, на нас кем поднят, шел
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но он бежал! Прошли те времена,
Когда Руси шатание и беды
Врагам над ней готовили победы!
Она стоит, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьям щитом, а недругам грозою!

Челибей уходит. Звон дворцовых колоколов. Входят боярыни, в большом наряде, пó две в ряд. За ними царица Марья Григорьевна и царевна Ксения. Все кланяются им в пояс. Они садятся по обе стороны престола.

Наш царский долг окончен. Вот царица
С царевною пришли принять, бояре,
Здорование ваше!

Бояре

Бьем челом
Царице и царевне! Им на царском
Здороваем венчанье! Много лет
Вам, матушки вы наши!

Царица

(с поклоном)

Государи,
Благодарим за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
С царевною!

Бояре

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенний цветик наш!

Ксения

(с поклоном)

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себе любовь примаю вашу,
Но батюшке-царю!

Голоса

Касатка наша!
Кто за царя не рад бы умереть?
Но любим мы тебя не за него —
За разум твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельские очи!
Господь с тобой!

Шум за дверьми. Входит стрелецкий голова.

Стрелецкий голова

Великий государь!
Народа мы не можем удержать!
Врываются насильно, голосят:
«Хотим царю Борису поклониться,
Царя Бориса видеть!»

Борис

Настежь двери!
Между народом русским и царем
Преграды нет!

Толпа народа вваливается в палату.

Народ

Отец родной! Поволь
Нам светлые твои повидеть очи!

Борис

Друзья мои, входите! Дорогие
Вы гости мне! Зови, царевна Ксенья,
Зови мирян к почестному столу!

Ксения

(кланяясь)

Пожалуйте, миряне! Просим всех
К нам нá хлеб, нá соль!

Народ

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

Стрелецкий голова

(у дверей)

Назад! Не будет места!
И нищие полезли!

Борис

Всем сегодня
Свободный вход! Кто нищим вступит в терем,
Имущим тот воротится домой!

Входит новая толпа.

Нищие. Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебе Христос-бог с богородицей! Святая троица со Варварой-мученицей! Кузьма со Демьяном!

Борис

Входите, божьи люди! Вы ж, бояре,
Ведите всех к почестному столу!

(Сходя с престола.)

Царица и царевна, — ты, Феодор, —
Гостей моих идите угощать!
Вино и мед чтобы лились реками!
Идите все — я следую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идет во внутренние покои. Царевич Федор, царица, Ксения и боярыни следуют за ними. Палата остается пуста.

(Один.)

Свершилося! В венце и в бармах я
Держу бразды Русийския державы!
Четырнадцать я спорил долгих лет
Со слепотой, со слабостью, с упорством —
И победил! Кто может осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я к цели шел? Кто упрекнет меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, ныне
Проклятие за то бы мне изрек,
Что для ее защиты и спасенья
Не пожалел ребенка я отдать
Единого? Мне на́ душу не раз
Ложилось камнем темное то дело,
И думал я: «Что́, если не достигну,
Чего хочу? Что́, если грех тот даром
Я совершил?» Но нет! Судьба меня
Не выдала! Я с совестию счеты
Сегодня свел — и не боюсь поставить
Моих заслуг и винностей итог!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь от меня притворство и обман!
Чрез пропасти и смрадные болота
К престолу днесь меня приведший мост
Ломаю я! Разорвана отныне
С прошедшим связь! Пережита пора
Кромешной тьмы — сияет солнце снова —
И держит скиптр для правды и добра
Лишь царь Борис — нет боле Годунова!

КЕЛЬЯ В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

Крилошанка вводит Бориса. За ним входит Семен Годунов.

Борис

(к крилошанке)

Ты говоришь: царица на молитве?
Не сметь ее тревожить. В этой келье
Мы подождем.

Крилошанка уходит.

Давно ли здесь, в печали,
С сестрою я беседовал вдвоем!

(Смотрит в окно.)

Вот терем тот, где я хотел провесть
Остаток дней! Судьба не так решила:
Заместо рясы плечи багряницей
Мне облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда нас провожавшие, опять
Послышались! Ты с Шуйским объезжал
Сейчас Москву. Что молвят? Все ль довольны?

Семен Годунов

Кому ж не быть довольным, государь?
На перекрестках мед и брага льются,
Всё войско ты осыпал серебром;
Нет из бояр ни одного, кому бы
Ты не послал иль блюда золотого,
Иль ценной шубы с своего плеча;
Всех должников ты выкупил из тюрем —
Кому ж не быть довольным? Только, царь,
Не в гнев тебе: ты без разбора начал
Всех жаловать; ни на кого опалы
Не наложил; и даже самых тех,
Которые при Федоре хотели
Тебя сгубить, ты наградил сегодня.
Так, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоим усердным слугам,
Что со врагами в милости своей
Ты смешиваешь их!

Борис

Врагов уж боле
Нет у меня. Прошла пора борьбы,
И без различья ныне изливаться
Должна на всех царя Русии милость,
Как солнца свет.

Семен Годунов

И волю языкам
Ты всем даешь. Романовы доселе
Мутят бояр!

Борис

Что говорят они?

Семен Годунов

Да то же, что и прежде говорили:
Не дельно, мол, при Федоре крестьян
Ты прикрепил; боярам недочет-де
В работниках; пустуют-де их земли
От той поры, как некого к себе
Им сманивать!

Борис

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслят как?

Семен Годунов

В огонь и в воду
Готовы эти за тебя; немало
Поправились с тех пор, как Юрьев день
Ты отменил. А тоже бить челом
Сбираются тебе, что в лес от них
Бегут крестьяне.

Борис

Сами виноваты;
Сверх моготы с них требуют они;
Крестьяне не рабы; не в кабалу
Я отдал их. На днях указ объявят:
Чтó за какой надел кому нести.

Семен Годунов

Владельцы, царь, роптать начнут.

Борис

Пусть ропщут,
Всем угодить не властен человек;
И если целой выгода земли
В ущерб пришлася стороне единой,
Ту сторону не вправе я беречь.

Семен Годунов

Начни же, царь, с Романовых. Строптив
Их больно род, Феодор вот Никитич
Ведет такие речи. . .

Борис

Он в отца;
Не может мысли утаить. Тем лучше!
Я не боюсь того, кто говорит,
Чтó думает. Охотно я прощаю
Их речи тем, чьи у меня в руках
Теперь дела. Уже не нужно мне
И день и ночь, без отдыха, как прежде,
За каждым словом каждого следить.
К иным теперь могу я начинаньям
Мысль обратить. Иван Васильич Третий
Русь от Орды татарской свободил
И государству сильному начало
Поставил вновь. Но в двести лет нас иго
Татарское от прочих христиан
Отрезало. Разорванную цепь
Я с Западом связать намерен снова;
Для Ксении из многих женихов
Недаром мною датский королевич
Уже избрáн. С державами Европы
Земля должна по-прежнему стать рядом,
А в будущем их, с помощию божьей,
Опередить.

Семен Годунов

Великий государь,
Ты смотришь вдаль и царственной высоко
Ты мыслию паришь, а между тем
Вокруг тебя не всё идет так гладко,
Как кажется. Романовых за речи
Их дерзкие ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на речи,
На вид покорный, преданный слуга,
Который вряд ли милости твоей
Усердствует в душе: Василий Шуйский.

Борис

Не мнишь ли ты, усердию его
Я веру дал? Он служит мне исправно
Затем, что знает выгоду свою;
Я ж в нем ценю не преданность, а разум.
Не может царь по сердцу избирать
Окольных слуг и по любви к себе
Их жаловать. Оказывать он ласку

Обязан тем, кто всех разумней волю
Его вершит, быть к каждому приветлив
И милостив и слепо никому
Не доверять.

Крилошанка
(докладывает)

Боярин князь Василий
Иваныч Шуйский!

Борис

Милости прошу.

Шуйский входит.

С объезда ты заехал, князь Василий?
Что нового?

Шуйский

Да что, царь-государь,
Не знаю, как тебе и доложить!
На Балчугé двух смердов захватили
Во кружечном дворе. Они тебя
Перед толпой негодными словами
Осмелилися поносить.

Борис

За что?

Шуйский

За Юрьев день.

Борис

Что сделала толпа?

Шуйский

Накинулась на них; чуть-чуть на клочья
Не разнесла; стрельцы едва отбили.

Борис

Где ж эти люди?

Шуйский

Вкинуты пока
Обои в яму.

Борис

Выпустить обоих!
Растолковать им, что на время только
Прикреплены они, затем что всюду
Шаталися крестьяне и скудела
Чрез то земля. Когда же приобыкнут
Сидеть на месте, снимется запрет.

Семен Годунов

Помилуй, царь!

Шуйский

Помилуй, государь!

Семен Годунов

Дозволь пытать их, государь! Должно быть,
Подучены они; другие могут
Найтись еще!

Борис

Не трогать никого.
Хотели б вы, чтоб омрачил я день
Венчанья моего? День этот должен
Началом быть поры для царства новой;
Светить Руси как утро должен он
И возвещать ей времена иные
И ряд благих, безоблачных годов!

Шуйский

Царь-государь, дозволь по правде молвить,
По простоте: ведь страху-то ни в ком
Не будет так!

Борис

Надеюся, не будет.
Не страхом я — любовию хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силен довольно,
Чтоб не бояться милостивым быть.
Вернитеся к народу, повестите
Прощенье всем — не только кто словами
Меня язвил, но кто виновен делом
Передо мной — хотя б он умышлял
На жизнь мою или мое здоровье!

Семен Годунов и Шуйский уходят. Дверь отворяется. Две инокини становятся по обе ее стороны. За ними входит царица Ирина, во иночестве Александра.

Ирина

Прости меня, великий государь,
Я не ждала тебя сегодня. В церкви
В день твоего венчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходят.

Борис

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не без борьбы душевной, я решился
Исполнить волю земскую и царский
Приять венец. Но, раз его прияв,
Почуял я, помазанный от бога,
Что от него ж и сила мне дана
Владыкой быть и что восторг народа
Вокруг себя недаром слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное доверие и бодрость
Вошли в него — и ими поделиться
Оно с тобою хочет!

Ирина

Мир тебе!

Борис

Да, мирен дух мой. В бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всем;
Мой светел путь, и как ночной туман
Лежит за мной пережитое время.
Отрадно мне сознанье это, но
Еще полней была б моя отрада,
Когда б из уст твоих услышал я,
Что делишь ты ее со мною!

Ирина

Брат,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнил ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто мог венец бы царский
Достойно несть.

Борис

В годину тяжких смут,
Когда, в борьбе отчаянной с врагами,
Я не щадил их, часто ты за то
Меня винила. Но, перед собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шел вперед и не страшился все
Преграды опрокинуть. Пред одной
В сомнении остановился я...
Но мысль о царстве одержала верх
Над колебанием моим... Преграда
Та рушилась... Не произнесено
До дня сего о том меж нас ни слова.
Но с той поры как будто бездны зев
Нас разделил... В то время, может быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я перед тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
В величии, невиданном поныне,
Ликует Русь. Ее дивится силе
И друг и враг. Сегодня я оправдан
Любовию народной и успехом
Моих забот о царстве. Я хотел бы
Услышать оправдание мое
И от тебя, Ирина!

Ирина

Оправданья
Ты ожидаешь, брат? В тот страшный день,
Когда твой грех я сердцем отгадала,
К тебе глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Из собственной природы ею ты
Исхищен был. Противникам так часто
Железную являя непреклонность,
Круша их силу разумом своим,
Ты был дотоль согласен сам с собою.
Но здесь, Борис, нежданный, новый, страшный
В тебе раздор свершился. Высоту
Твоей души я ведала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нет, лишь боязнь твоей коснуться раны
Меня вдали держала от тебя.

Когда б ты мне открылся — утешеньем,
Любовию тебе б я отвечала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчал тогда — теперь же хочешь мною
Оправдан быть? Брат, я за каждым днем
Твоим слежу, моля всечасно бога,
Чтоб каждый день твой искупленьем был
Великого, ужасного греха,
Неправды той, через нее же ныне
Ты стал царем!

Борис

Отвороти свой взор
От прошлого. Широкая река,
Несущая от края и до края
Судов громады, менее ль светла
Тем, что ее источники, быть может,
В болотах дальних кроются? Ирина,
Гляди вперед! Гляди на светлый путь
Передо мной! Что́ в совести моей
Схоронено, что́ для других незримо —
Не может то мне помешать на славу
Руси царить!

Ирина

Цари на славу ей!
Будь окружен любовью и почетом!
Будь праведен в неправости своей —
Но не моги простить себе! Не лги
Перед собой! Пусть будет только жизнь
Запятнана твоя — но дух бессмертный
Пусть будет чист — не провинись пред ним!
Не захоти от мысли отдохнуть,
Что искупать своим ты каждым мигом,
Дыханьем каждым, бьеньем каждым сердца,
Свой должен грех! И если изнеможешь
Под бременем тяжелым — в эту келью
Тогда приди...

Борис

Твой приговор жесток.
Безвинным я себя не мню. Безвинен
Не может быть, кто с жизнию ведет
Всегда борьбу, кто хоть какую цель

Перед собой поставил, хоть какое
Желание в груди несет. В ущерб
Другому лишь желанья своего
Достигнет он! То место, где я стал,
Оно мое затем лишь, что другого
Я вытеснил! Не прав перед другими
Всяк, кто живет! Вся разница меж нас:
Кто для чего не прав бывает. Если,
Чтоб тьмы людей счастливыми соделать,
Я бо́льшую неправость совершил,
Чем тот, который блага никакого
Им не принес, — кто ж, он иль я, виновней
Пред господом? Ирина, от тебя
Мое принять пришел я оправданье —
Я жду его — тебе до дна я душу
Мою открыл — еще ли не оправдан
Я пред тобой?

Ирина

Всё ту же на тебе
Я вижу тень. Куда бы ни пошел ты,
Везде, всегда, зловещая, она
Идет с тобой. Не властны мы уйти
От прошлого, Борис!

Борис

Постричься должен,
Кто мыслит так! От дела отказаться!
Отшельником в пустыню отойти!
То не мое призвание. Мой грех
Я сознаю; но ведаю, что им лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мне некогда крушиться!
Не под ярмом раскаянья согбен,
Но полный сил, с подъятою главою,
Идти вперед я должен, чтоб Руси
Путь расчищать! Прости, сестра. Кто прав —
Ты или я — то времени теченье
Покажет нам. Злодейство ль совершил
Иль заплатил Руси величью дань я —
Решит земля в годину испытанья!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Царевич Федор, царевна Ксения и герцог Христиан датский.

Федор

Вот уж который день, брат Христиан,
Мы сходимся с тех пор, как ты помолвлен
Со Ксенией, и каждый раз тебя,
Мне кажется, мы оба больше любим,
Могли б тебя мы слушать без конца,
Но ты досель о родине нам только
Рассказывал своей...

Ксения

Да, королевич,
Пора, чтоб ты нам о себе поведал.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Как вырос ты? И как доселе жил?
И как во Фландрии сражался?

Федор

Всё,
Всё расскажи нам, Христиан. Мы стали
Теперь с тобой родные; вместе нам
Пришлося жить, так надо знать друг друга!

Ксения

Начни сначала. Детство нам свое
Сперва скажи!

Христиан

Несложная то повесть,
Царевна, будет: мой отец, король,
Со мной простясь, услал меня ребенком
Из города в норвежский дальний замок
И указал там жить — зачем? — не знаю.
Мрачны картины первых лет моих:
Среди туманов северной природы,
Под шум валов и сосен вековых
Прошли мои младенческие годы.
Мне помнятся раскаты непогоды,
Громады гор, что к небу вознеслись,

С гранитных скал струящиеся воды
И крутизна, где замок наш повис.
Ребенком там, в мечтанье одиноком,
Прибою моря часто я внимал
Или следил за ним веселым оком,
Когда в грозу катил за валом вал
И, разбиваясь о крутые стены,
Отпрядывал потоком белой пены.
И с ранних пор сказанья старины,
Морских бойцов походы и сраженья
Отважные мне навевали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
В один покой случайно я проник;
Висели латы там под слоем пыли,
А на столе лежало много книг —
Норвежские то летописи были.
Я стал читать — и ими, как огнем,
Охвачен был сильнее с каждым днем,
И ярче всё являлись мне виденья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Так время шло. Четырнадцати лет
Я призван был в столицу. Новый свет
Открылся мне. Я с радостию детской
Предался жизни суетной и светской —
Но ненадолго. Праздности моей
Стыдиться стал я скоро. Прежних дней
Воскресли сны и прежние виденья:
Всё те же сечи, схватки и сраженья.
И думал я: настанет ли тот день,
Когда мечта, которую с любовью
Я всё ловлю, как веющую тень,
Оденется и плотию и кровью?
И он настал. Вскипел великий бой,
Священный бой за веру и свободу:
Испании владыка встал войной,
Грозя цепями вольному народу.
Во Фландрию тогда Европы всей
Стекалися единоверных рати —
И из тюрьмы я вырвался моей
На выручку преследуемых братий.

Федор

Да, Христиан, мы слышали про то,
Как ты с испанцем бился под Остендом.

Счастлив же ты! Тебе уж двадцать лет!
Ты мог уже свои изведать силы,
Ты сам себя на деле испытал —
А я!

Христиан

Тебе, царевич, суждена
Блистательнее доля. Ты стоишь
Близ своего отца, чтоб у него
Державою учиться управлять,
Как те князья, которые отвсюду
Съезжалися в испанский стан, учиться
У Спинолы, у пармского вождя,
Как управлять осадою.

Федор

Ты прав;
Отца пример перед собою видеть —
То счастье для меня, и лучшей доли
Я б не желал, как только научиться
Ему в великом деле помогать.
Но не легко дается та наука,
А праздным быть несносно. Ты ж успел
Узнать войну, ты отражал осаду,
Ты слышал пушек гром, пищалей треск,
Вокруг тебя летали ядра...

Христиан

Да,
И я узнал, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже решают битвы,
Как в славные былые времена,
И грустно мне то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому делу.

Ксения

И за это мне
Ты, королевич...

Федор

Сразу полюбился?
Так, Ксенья?

Ксения

Так. Но я бы знать хотела,
Его спросить хотела б я: как *он*
Чужую мог заочно полюбить?

Христиан

Легко мне дать ответ тебе, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтит весь мир. Далёко
О нем молва в Европе разнеслась;
Кому ж его вблизи случалось видеть,
Обвороженный возвращался тот
На родину; но прославлял он столь же
Величие правителя Русии,
Сколь совершенства дочери его.
Кто б ни был то, посланник, или пленный,
Или купец ганзейский, — ни один
Не забывал царевну Ксенью славить,
Ее красу и ум превозносить
И неземную, ангельскую кротость.
Рассказы те в мою запали душу;
А дальний твой, несхожий с нашим край,
Всё, что молва о нем к нам приносила:
Разливы рек, безбережные степи,
Снега и льды, обычай, столь отличный
От нашего; державы христианской
Азийский блеск, с преданьями отцов
Нам общими,— всё это, как нарочно,
Набросило волшебный некий свет
На образ твой. Ты мне предстала тою,
С кем связан я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслил я тогда,
Но образ твой светил мне как звезда,
Приковывал мои невольно взоры —
И в шуме битв, в пылу кипящих сил,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебе, царевна, мысленно служил!

Федор

Брат Христиан, как странно и как ново
Мне речь твоя звучит! Не думал я,
Чтоб можно было полюбить кого,
Не знаючи иль не видав. Но правда

Мне слышится в твоих словах, и вместе
В них будто что-то чуется родное;
И хорошо с тобой мне, Христиан,
Так хорошо, как будто после долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксенья вот задумалась, смотри!

Ксения

Задумалась я вправду. Новый мир
Ты, королевич, мне открыл. У нас
Не любят так. У нас отцы детей
Посватают, не спрашивая их,
И без любви друг к другу под венец
Они идут. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

Федор

Обычай этот
К нам от татар привился, а до них
Вольна была невеста жениха
Сама избрать.

Христиан

Гаральд норвежский наш
Дочь Ярослава русского посватал.
Но не был он в ту пору знаменит
И получил отказ от Ярославны.
Тогда, в печали, бросился он в сечи,
В Сицилии рубился много лет
И в Африке, и наконец вернулся
В град Киев он, победами богат
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

Федор

Да, в то время
Стекалось в Киев много женихов.
Другая Ярославна за Индрика
Французского пошла, а третья дочь —
За короля венгерского Андрея.
Всем трем отец дал волю выбирать.
Тогда у нас свободней, Христиан,
И лучше было. В те поры у немцов
Был мрак еще, а в Киеве считалось
Уж сорок школ. Татары всё сгубили.

Христиан

Отец твой то, царевич, воскресит,
Вознаградит потерянное время!

Ксения

Да, Христиан. Но, верь мне, ты не знаешь
Еще отца! Доселе видел ты
Его дела; но если б видеть мог ты
Его любовь к земле, его заботу,
Его печаль о том, чего свершить
Он не успел, его негодованье
На тех людей, которые б хотели
Опять идти по-старому, — и вместе
Терпенье к ним, и милость без конца —
Тогда бы ты узнал его!

Христиан

Хотя бы
Его не знал я вовсе — и тогда
Он за любовь великую твою
Мне б дорог стал!

Ксения

Не потому его
Люблю я, Христиан, что он отец мне;
Нет, я за то люблю его, что он
Так мало мыслит о себе!

Федор

То правда;
Лишь об одной земле его забота:
Татарщину у нас он вывесть хочет,
В родное хочет нас вернуть русло́.
Подумаешь: и сами ведь породой
Мы хвастаться не можем; от татар ведь
Начало мы ведем!

Христиан

Но двести лет
Вы русские. Татарской крови мало
Осталось в вас.

Федор

Ни капли не осталось!
И вряд ли бы нашелся на Руси,
Кто б ненавидел более татар,
Чем мы с отцом.

Христиан

Они навряд ли также
Царя Бориса любят с той поры,
Как он разбил, при Федоре, их силу!

Федор

Ведь вот теперь сидим мы здесь втроем
И говорим свободно, а в народе
Ведь думают, что Ксеньи и доселе
Ты не видал, что ты ее увидишь
Лишь под венцом! А вместе показаться
И думать вам нельзя, того обычай,
Вишь, не велит! Хотелось бы мне знать:
Когда она не пряталась, пока
Невестой не была, зачем теперь
Ей прятаться!

Ксения

Нельзя, сказал отец,
Всё разом переделать; глубоко
Пустил у нас чужой обычай корни
И медленно выводится.

Федор

К прискорбью!
И матушка вот следует ему.
Ей нéлюбо, что видеться дозволил
Вам двум отец. Она бы под замком
Тебя держать хотела!

Ксения

Не вини
Ты нашу мать за это, королевич.
Не всякому дано так ясно видеть,
Как батюшке.

Федор

Не то одно. Что́ грех
Уж нам таить! Еще за то косится
На Христиана наша мать, что он
Не нашей веры.

Ксения

(к Христиану)

Но ведь нашу веру,
Не правда ль, примешь ты?

Христиан

Не торопи
Меня, царевна. В этом бог волён.
Учителей я ваших обещал
С благоговеньем выслушать, но только
По убежденью откажусь от веры
Моих отцов.

Ксения

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевич, не принять
Ты нашей веры. Без греха могу я
Тебя любить.

Федор

А я уж и подавно!
Дадим же мы втроем обет друг другу
Любить друг друга, помогать друг другу,
Не мыслить врозь и вместе жить всегда!
Ты, Ксения, согласна?

Ксения

Всей душой!

Федор

Ты, Христиан?

Христиан

И сердцем и душою!

Федор

Но в тайне пусть союз наш остается!
Тем крепче будет он. Подумай только,
Чего не сможем сделать мы втроем!
Ты нас учи всему, чем превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будем
Тебя знакомить с Русью!

Христиан

Дай мне бог
Ей вместе с вами послужить!

Федор

Втроем
Мы воскресим то время, о котором
В старинных книгах ты читал, когда
Так близки были наши деды. Боже!
Продли отцу его надолго дни,
Чтоб Русью стала снова Русь!

Ксения

Господь
Услышь тебя, Феодор!

Стольник

(отворяя дверь)

Царь идет!

Борис

(входя)

Я перервал ваш, дети, разговор.
Вы горячо о чем-то толковали.
Что, Христиан? Успел ты на Руси
Обжиться с нами?

Федор

Да, отец! Он русский!
И русский он обычай перенял:
Он на пути к Москве, себе в забаву,
Смирял неезженых коней!

Борис

Нам Власьев
И Салтыков так донесли. Ты любишь
Искать везде опасность, Христиан,
То укрощать коней, то по волнам
Ладьею править в бурю?

Христиан

Государь,
Я датчанин. Нам, как и русским, любо,
Когда не трубит бранная труба,
Изведывать уменье или силу
Над чем пришлось.

Борис

Но Ксении моей
Твоя отвага даровая может
Не пó сердцу прийтись.

Христиан

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по правде: жениха
Ты робкого могла ли б полюбить?

Ксения

Нет, королевич.

Борис

Если бы у нас
Была война, тогда бы, Христиан,
Ты удаль мог свою нам показать!

Христиан

О, помяни ж ты это слово, царь!
И если кто войну тебе объявит,
Дай русскую вести мне рать! Клянусь,
Я победить врагов твоих сумею
Иль умереть, отец мой, за тебя!

Федор

А мне, отец, дозволь идти с ним вместе!
Обоим нам дай кровью послужить
Родной земле!

Стольникъ (входя.)

Великій государь —
Бояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ!

Борисъ.

Пускай войдетъ!

Ѳедоръ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!

(Всѣ трое уходятъ. Входитъ С. Годуновъ.)

Борисъ (смотря на него съ удивленіемъ)

~~Узналъ ли что Никитичъ~~
~~Что сталось съ тобою? Семенъ Никитичъ?~~
~~Что сталось съ тобой? Узналъ? Узналъ, Что, Никитичъ,~~
~~Лица не видно на тебѣ. Узналъ такъ~~
Что сталось съ тобой? Узналъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

С. Годуновъ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

Борисъ.

Живъ кто?

С. Годуновъ.

Царевичъ Димитрій!

Борисъ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

Борис

Любезен мне ваш пыл
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена от войн теперь надолго.
Не чаем мы вторжения врагов;
Соседние наперерыв державы
Нам предлагают дружбу и союз;
Совместников на царство мы не знаем;
Незыблем наш и тверд стоит престол —
И мирными придется вам делами
Довольным быть.

Стольник

(входит)

Великий государь, —
Боярин Годунов, Семен Никитич!

Борис

Пускай войдет!

Федор

Пойдем, брат Христиан,
Пойдем, сестра. У батюшки дела!

Все трое уходят. Входит Семен Годунов.

Борис

(смотрит на него с удивлением)

Что сталося с тобой? Чем так, Никитич,
Встревожен ты?

Семен Годунов

Великий государь,
Есть чем тревожиться! Возникнул слух:
Царевич жив!

Борис

Жив кто?

Семен Годунов

Царевич Дмитрий!

Борис

С ума ты, что ль, сошел?

Семен Годунов

И сам бы рад
Так думать, царь; но с разных к нам сторон
Всё та же весть приходит: жив Димитрий!

Борис

Кто слышал эту весть?

Семен Годунов

На площадях,
В корчмах, везде, где только два иль три
Сойдутся человека, тотчас шепчут
Они о том промеж себя.

Борис

И что ж
По-ихнему? Как тот царевич Дмитрий
Воскреснуть мог?

Семен Годунов

Всё та же басня, царь!

Борис

Какая басня? Говори!

Семен Годунов

Ты помнишь —
Когда, падучим схваченный недугом,
Упал на нож и закололся он —
Ты помнишь...

Борис

Ну?

Семен Годунов

Нагие оболгали
Тебя, что будто...

Борис

Помню басню их.
Ну, что ж? Когда б и вправду так случилось,
Как мог воскреснуть он?

Семен Годунов

Убийцы, мол,
Ошиблися — зарезали другого.

Борис

(вставая)

Кто смеет это говорить? Его
Весь Углич мертвым видел! Ошибиться
Не мог никто! Клешнин и Шуйский, оба
Его в соборе видели! Нет, нет,
То слух пустой; рассеется он скоро,
Как ветром дым. Но злостный на меня
Я вижу умысел. Опять в том деле
Меня винят. Забытую ту ложь
Из пыли кто-то выкопал, чтоб ею
Ко мне любовь Русии подорвать!

Семен Годунов

Романовы Черкасских угощали
Вчерашний день. За ужином у них
Шла речь о том же. Слуги донесли.

Борис

Романовы? Которых я щадил?
Они молву ту распускают? Нет —
Нет, этого терпеть нельзя!

Семен Годунов

Давно бы
Так, государь!

Борис

Не будем торопиться —
Их чтит народ...

Семен Годунов

Лишь развяжи мне руки!

Борис

(про себя)

Преступником в глазах народа царь
Не может быть. Чист и безгрешен должен
Являться он, чтобы не только воля
Вершилася его без препинанья,

Но чтоб в сердцах послушных как святыня
Она жила!

(К Семену Годунову.)

С Романовыми я
Повременю. Но если кто в народе
Дерзнет о слухе том лишь заикнуться —
В тюрьму его! Ступай разведай, как
И кем тот слух посеян на Москве?
До корня докопайся — и о всем
Мне донеси!

Семен Годунов уходит.

(Один.)

Нет, этого нельзя,
Нельзя терпеть! Хоть я не царь Иван,
Но и не Федор также. Против воли
Пришлось быть строгим. Человек не властен
Идти всегда избранным им путем.
Не можем мы предвидеть, что с дороги
Отклонит нас. Решился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мне невозможно ею —
Им гнев явить и кару я сумею!

ПОКОЙ ЦАРИЦЫ МАРИИ ГРИГОРЬЕВНЫ

Царица и дьяк Власьев.

Царица

Скажи мне всё; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдут из покоя
Из этого. Когда ты с Салтыковым
Был в датскую посылан землю сватом,
Что ты узнал о женихе?

Власьев

Все вести
О нем я, матушка-царица, прямо,
Как слышал, так и отписал к царю,
Не утаил ни слова.

Царица

Не хитри
Со мной, голубчик. Ты, чай, боле знаешь,
Чем отписал. Зачем король покойный
Услал его ребенком от себя?

Власьев

Не ведаю, великая царица.

Царица

Я ведаю. Король не почитал
Его за сына. Так ли?

Власьев

Видит бог,
О том не знаю.

Царица

Афанасий Власьич,
Тебе со мной ломаться не расчет.
Ты думный дьяк, да только ведь и мы
Не из простых. Иным словечком нашим
Тебе не след бы брезгать. В гору может
Оно поднять, да и с горы содвинуть!
Ну, говори ж, да не утай, дружок:
Ведь до рожденья этого Хрестьяна
В совете быть король уж перестал
С своею королевой?

Власьев

Были толки.

Царица

Ну, видишь ли!

Власьев

Великая царица,
Где ж толков не бывает? Мало ль что
Болтает люд! По смерти королевы
Король вернул его к себе; и жил же
Он при дворе с своим со старшим братом,
Как королевский сын!

Царица

Не зауряд ли?
И старший брат, теперешний король,
Кажись, не больно жаловал его.
Так, что ли?

Власьев

Всяко люди говорят;
Язык-то, благо, без костей. Не знаю,
Как было прежде, ноне же они
В согласии; король его зовет
Своим любезным братом.

Царица

А когда
Захочет царь, как он уже задумал,
Его эстонским сделать королем,
Тогда его как братец будет звать?
Дороже, чай, эстонская земля
Ему родства покажется с царем!
Найдутся и улики. Ксенья ж наша
Очутится за неким басурманом
Без племени и роду!

Власьев

Эх, царица!
Бояться волка — не ходить и в лес!
Чтó толковать, когда царевна Ксенья
Помолвлена!

Царица

Помолвка не венец.
Когда бы ты, голубчик, согласился
Сказать царю, чтó мне ты повестил...

Власьев

Побойся бога, матушка-царица,
Я ничего не говорил тебе!

Царица

Ну, ну, добро! Мы знаем то, чтó знаем;
Ступай, дружок, не бойся ничего!

Власьев уходит.

(Обращаясь к двери.)

Дементьевна!

Дементьевна

(входя)

Здесь, матушка-царица!

Царица

Ну, что ты там про них узнала?

Дементьевна

Встали
Ранёхонько; на Воробьевы горы
Поехали; с царевичем жених
Всё ехал рядом; много говорили
Промеж собой; смеялися; потом
Скакались вместе; обскакал жених
Царевича; но этот ничего,
Сам будто рад; души, вишь, в нареченном
Не чает зяте!

Царица

С толку вовсе не́мчин
Его уж сбил.

Дементьевна

Вернулися к закуске;
Откушавши с царевною втроем,
В покое царском вместе оставались,
Как царь поволил.

Царица

Новые порядки
Заводит царь. Он с ними, что ль, сидел?

Дементьевна

Нет, матушка; спустя часок изволил
Войти в покой; пришел Семен Никитич,
Они ж ушли: царевич с женихом,
Царевна во светлицу.

Царица

А часок
Таки сидели вместе? Ну конечно,
Коль выдают за немчина ее,
Так и обычай надо ей немецкий
Перенимать. Что слышала еще?

Дементьевна

Боярыня вернулась Василиса
Из Киева. Твои повидеть очи
Ждет позволенья.

Царица

Милости прошу.
Пускай войдет.

Дементьевна уходит. Входит Волохова и кланяется в землю.

Здорово, Василиса!
Вернулась с богомолья своего?
Ну что, голубушка? Как можешь?

Волохова

Терпит
Господь грехам, великая царица!

Царица

Что ж? Видела Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

Волохова

Ох, матушка-царица,
Как хорошо! Ох-ох, как хорошо!
Просвирку вот там вынула во здравье
Твое, царица; а вот эту вот
За упокой родителя твого,
Григория Лукьяныча!

Царица

Спасибо,
Голубушка. Ну, что путем-дорогой
Узнала ты?

Волохова

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являет
Везде господь: всходили три луны
Намедни враз; теленком двухголовым
Корова отелилась; колокольни
От ветра падают. И всё то мне
Печерский некий старец толковал:

Великие настанут перемены,
И скоро-де совсем не будет можно
Узнать Руси!

Царица

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

Волохова

Как не слышать!
От радости, поверишь ли, царица,
И ноги подкосились!

Царица

Ну, немного
Тут радости.

Волохова

Как, матушка?

Царица

Да разве
Своих князей-то не было? Не то
В Литве князей довольно православных!
Чай, каждый рад бы выехать к царю,
Аксиньюшку посватать!

Волохова

А еще бы!
Еще б не рад!

Царица

Чем немчина бог весть
Отколь выписывать.

Волохова

Ах, свет-царица!
Сказать ли правду? Как узнала я,
Что немчин он, так и кольнуло в сердце!
Ей-богу, право!

Царица

Слушай, Василиса:
Ведь неспроста оно могло случиться!

Волохова

А именно, что неспроста, царица!
Не с ветру, матушка!

Царица

Он, окаянный,
Приворожил царевну. И царя
С царевичем, должно быть, обошел.
Я Федора не узнаю с тех пор,
Как на Москву жених приехал. Смотрит
Ему в глаза, и только!

Волохова

Право дело,
Царица-матушка! Вестимо, так!
Признаться, я о том лишь услыхала,
И говорю: «Владычица святая!
Тут приворот!»

Царица

А как по́-твоему́?
Помочь нельзя?

Волохова

Как, матушка-царица,
Как не помочь! Разведать только надо:
В чем сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Следок его, царица,
Дай вынуть мне и погадать на нем.

Царица

Ну, а потом?

Волохова

Потом его и силу
Мы сокрушим. Есть корешок такой.

Царица

Спасибо, мать. Прости ж теперь. Об этом
С тобою после потолкуем мы.

Волохова уходит.

(Одна.)

Спесив уж больно стал со мной Борис
Феодорыч. Дочь вздумал, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!
Нет, погоди! Еще поспорим вместе!

ЛЕС. РАЗБОЙНИЧИЙ СТАН

Атаман Хлопко-Косолап сидит на колоде. Перед ним есаул Решето. Другие разбойники стоят или сидят отдельными кружками.

Хлопко. Хорош бы день, да некого бить. Кто сегодня на Калужской засеке?

Решето. Саранча с десятью молодцами.

Хлопко. А у Красного Столба?

Решето. Шестопёр с Поддубным. Митька сидит коло московской дороги.

Хлопко. Один, что ли?

Решето. Кого ему еще? Он и один десятерых стоит!

Подходит есаул Наковальня.

Наковальня. Атаман! Обходчики еще пять человек крестьян привели; к тебе просятся. Вот уж третья артель на этой неделе.

Хлопко. Эк их подваливает! Кажинный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходит.

(К Решету.) А повесили тех молодцов, что к нам воевода вчера подослал?

Решето. Чем свет обоих вздернули.

Хлопко. Ладно.

Наковальня возвращается с пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку в пояс.

Голоса. В ноги! В ноги!

Крестьяне кланяются в ноги.

Хлопко. Зачем пришли?

Крестьяне. К твоей милости!

Хлопко. Чего просите?

Один крестьянин. Защити, отец родной. От вот-

чинников своих утекли. Хотим служить тебе вольными людьми!

Хлопко. Что, солоно, чай, на привязи пришлось?

Другой крестьянин. Невмоготу, родимый. Работы ну-тебе, а уходить не смей. Напред того, бывало, не́любо тебе у кого — иди куда хошь! Который вотчинник будет пощедли́вей, к тому и иди! А ноне, каков ни будь, где тебя указ тот застал, там и сиди; хошь волком вой, а сиди.

Хлопко. Спасибо царю: о нас постарался; нашего полку прибыло.

Все крестьяне. Защити, отец! Прими к себе!

Хлопко. Много вас приходит; да так уж быть, приму. А уговор такой: что прикажу — то, не разговаривая, делать. А кто что не так — одна расправа: петля на шею. Согласны?

Крестьяне. Согласны, батюшка! Будем служить тебе!

Хлопко. Ну, ступайте в курень!

Крестьяне уходят. Является посадский.

Посадский. Кто здесь Хлопко?

Разбойники. Этот откуда выскочил? — Кто он такой? С неба свалился? — Да ты знаешь ли, куда попал? — Смотри, и шапки не ломает!

Посадский. Глухи вы, что ли? Где атаман ваш?

Один разбойник. Вишь, какой шустрый! Да ты разве о двух головах?

Посадский. А вы, чай, с придурью? Да я и без вас найду его! *(Осматривается и идет прямо на атамана.)* Ты Хлопко-Косолап!

Хлопко. Косолап и есть. Неладно скроен, да крепко сшит. Побываешь в моих лапах — узнаешь меня!

Посадский. Хаживали на медведя, не в диковину нам.

Ропот.

А коли ты атаман, так чего смотришь? За полверсты отсель меня с двумя товарищи остановил тюлень какой-то, здоровее тебя будет. Я ему толкую: мы к тебе; а он, увалень, не говоря ни слова, сгреб их двух да и потащил.

Разбойники. Ха-ха-ха! Да это они на Митьку наткнулись!

Посадский. Я бы разбил ему череп, да с тобой ссориться не хотел.

Хлопко. Эй, милый человек! Да ты, я вижу, без чинов!

Посадский. Не в моем обычае.

Хлопко. А вот я тебя, душа моя, сперва на сук вздерну, а потом спрошу об имени-прозвище.

Посадский. Ну, нет, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

Хлопко. Да кто ж ты такой?

Посадский. Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить. *(К разбойникам.)* Эй! Вина! *(Садится рядом с Хлопком.)* Я к тебе за делом, дядя; ты нужен мне. Как по-твоему, кто у нас царь на Руси?

Хлопко. Да ты и вправду не шутишь ли со мной?

Посадский. Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

Хлопко. Как кто? Борис Федорыч!

Посадский. Неправда! Не отгадал! Дмитрий Иваныч.

Хлопко. Какой, шут, Дмитрий Иваныч?

Посадский. Да разве их два? Вестимо какой! Сын царя Ивана! Тот, кого вор Годунов хотел извести, да не извел! Тот, кто собирает рать удальцов, на Москву вернуться, свой отцовский стол завоевать! Не веришь? Я от него к тебе прислан. Он жалеет вас; зовет тебя, со всеми людьми, к литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокруг посадского.

Говор. Слышь, слышь! Царевич зовет! Недаром шла молва, что жив царевич!

Хлопко. Молву-то мы знаем, да кто ж мне порукой, что этот к нам не подослан?

Посадский. Какой тебе поруки? Через месяц, много через два услышишь о Дмитрии. Чем тебе здесь от Борисовых воевод отстреливаться, иди ко Брянску лесными путями, становись под царский стяг! Великий государь пожалует тебя; у него с тобой один супостат — вор Годунов!

Хлопко. А, черт возьми, пожалуй, и правда!

Шум за сценой. Является Митька, таща за шиворот одной рукой Мисаила Повадина, другой — Григория Отрепьева.

Разбойники. Вот он и Митька! Ай да Митька! Ай да тюлень! Тащи, тащи! Не давай им упираться! Тащи их сюда, посмотрим, что́ они за люди!

Митька *(подтащив обоих к Хлопку)*. Пущать, что ли?

Хлопко. Погоди пущать: допросим их сперва. Кто вы такие? Ты кто?

Мисаил. Смиренный инок Мисаил!

Хлопко. А ты?

Григорий. Смиренный инок Григорий!

Хлопко. Зачем пришли?

Мисаил. Не сами пришли, пресветлый и многославный воевода! Влекомы есмы силою хищника сего!

Хлопко. Да в лес-то мой как вы попали?

Григорий. От немощи человеческия плотскими боримые похоти, из монастыря пречестного Чуда, что на Москве-реце, бежахом!

Мисаил. А простыми словами: из-под начала ушли; яви нам милость, повелитель, дай у себя пристанище!

Хлопко. Биться дубинами умеете?

Мисаил. Не сподобил господь.

Хлопко. А на кулаках деретесь?

Григорий. И сей не вразумлены мудрости.

Хлопко. Так на кой вы мне прах?

Мисаил. Прийми нас, славный витязь, душеспасения ради!

Григорий. Насыти нас, гладных, паче же утоли жажду нашу соком гроздия виноградного, сиречь: вели пеннику поднести!

Хлопко. Пеннику вам поднесут; только у меня такой обычай: кого к себе примаю, тот сперва должен свою удаль показать. Выходите оба с Митькой на кулачки. Коли вдвоем побьете его, будет вам и пристанище.

Хохот между разбойниками.

Митька. Пущать, что ли?

Хлопко. Пущай!

Мисаил. Умилосердись, повелитель!

Григорий. Не обреки, воевода, членов наших сокрушению!

Хлопко. Да разве он один вам двоим не под силу?

Мисаил. Свиреп и страховиден!

Григорий. Дикообразен и скотоподобен!

Посадский (*вставая*). Оставь их, дядя Косолап! Где инокам смиренным кулачиться? Вот я, пожалуй, выйду заместо их!

Хлопко. Ты?

Посадский. Ну да, я.

Хлопко. На Митьку?

Посадский. На Митьку, коли он Митька.

Хлопко. Один?

Посадский. А то как же еще?

Хлопко. Да ты знаешь ли Митьку? Ведь коли ты подослан, я успею повесить тебя, а коли ты вправду от царевича, так не след тебе убиту быть.

Посадский. За меня не бойся!

Хлопко. Ой ли? Ну, как знаешь, посмотрим. Становись, Митька!

Митька. Чаво становиться-то?

Хлопко. Ну, собачий поп, не разговаривай, становись!

Посадский. Померяемся, тезка! Побей меня.

Митька. А что ты мне сделал?

Посадский. Так тебе надо что сделать сперва? Изволь! (*Сшибает с него шапку.*)

Митька. Что ж ты это?

Посадский. Мало с тебя? (*Толкает его в бок.*)

Митька. Не замай — тресну!

Посадский. А я тебя!

Митька. А ну, подойди!

Разбойники хохочут. Бой зачинается. Митька и посадский, став друг против друга, ходят кругом, левая рука на тычку, правая на маху. Мисаил и Григорий садятся на землю и смотрят.

Посадский. Что ж не бьешь?

Митька. А вот постой!

Хочет ударить посадского; тот увертывается и бьет его в плечо.

Мисаил. Эх!

Григорий. Раз!

Разбойники хохочут.

Митька. Ты чаво вертишься?

Посадский. Не буду, тезка. Изловчись, я подожду.

Митька (*размахнувшись*). Так на ж тебе!

Бьет сплеча, посадский сторонится, Митька с размаху падает оземь.

Посадский (*притиснув его коленом*). Убить аль жива оставить?

Разбойники. Ай да молодец! — Вот лихо было! — Невиданное дело! — Митьку оседлал!

Посадский (*отпуская Митьку*). Кого люблю, того и бью. Вставай, тезка, помиримся! Приходи в Северскую землю, под царский стяг! Царевич Дмитрий пожалует тебя!

Хлопко. Так ты, что ли, вправду от царевича? Побожись!

Посадский. Как бог свят, сам Дмитрий зовет вас! Много ль у тебя беглых крестьян, дядя Косолап?

Хлопко. Довольно есть, да мне всё не верится...

Посадский (*к толпе*). Православные! Когда сядет Дмитрий на свой отцовский стол, всем Юрьев день отдаст, все кабалы порешит, всем свобода по-старому!

Крики. Воздай ему господь! Помоги ему на престол!

Посадский. Казну Борисову меж вас разделит!

Крики. Живет Дмитрий Иваныч!

Посадский. А теперь, ребята, атаман велит про его царское здоровье допьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какие там у вас бочки! Дядя Косолап угощает!

Общее смятение, шум и крики. Посадский незаметно скрывается.

Хлопко. Эй ты, пострел! Да где ж это он?

Один разбойник. Кто?

Хлопко. Как кто? Тот, кто взбудоражил нас!

Разбойник. Он сейчас тут стоял.

Хлопко. Куда ж он пропал? Насатанил да и провалился! Эй вы, отцы святые, кто это был?

Мисаил. Не вем.

Григорий. Не сказался ми.

Хлопко. Как, черти, не сказался? Ведь вы с ним пришли, наплешники?

Мисаил. На исходище путей стеклися, повелитель! Сладкоречием мужа сего прельщенны есмы!

Григорий. Он же убеди нас купно с ним пред очеса предстати твоя, имени же своего не объяви!

Хлопко. Ну, диковина!

Крики. Эхма! Царевич в Северскую землю зовет!

На Москву хочет вести! — Нам Борисову казну отдает! — К царевичу! К царевичу! Веди нас, атаман! — Когда к царевичу поведешь?

Хлопко. Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шум и смятение.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис сидит перед столом, покрытым бумагами.

Борис

Нелепая, безумная та весть —
Не выдумка! Неведомый обманщик,
Под именем Димитрия, на нас
Идет войной; литовскую он шляхту
С собой ведет, и воеводы наши
Передаются в ужасе ему!
Кто этот вор, неслыханный и дерзкий?
Селения к нему перебегают —
Молвой Москва встревожена — его
Нам презирать нельзя! Доколь не сможем
Назвать его по имени, он будет
Димитрием в глазах толпы! Возможно ль?
Меня бродяга изменить заставит
Исконное решение мое!
Не благостью, но страхом уже начал
Я царствовать. Где ж свет тот лучезарный,
В котором мне являлся мой престол,
Когда к нему я темной шел стезею?
Где светлый мир, ценою преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я должен был или признать, что даром
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чем это зло скорей
Я пресеку, тем мне скорее можно
Вернуться будет к милости.

Входит Семен Годунов.

Ну, что?
Что ты узнал? Кто этот человек?

Дѣйствіе III.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

Борисъ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть —
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной, литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему ~~~~ перебѣгаютъ —
Молвой Москва встревожена — его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль

(Входитъ С. Годуновъ.)

Ну, что?
Что ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

С. Годуновъ.

Самъ Сатана, я думаю! Когда
Я до слѣдовъ его не могъ ~~добиться~~ добраться.
Подъ стражу мы людей довольно взяли,

Семен Годунов

Сам сатана, я думаю! Нигде
Я до следов его не мог добраться.
Под стражу мы людей довольно взяли,
Пытали всех; но ни с огня, ни с дыба
Нам показаний не́ дал ни один.

Борис

Мы знать должны, кто он! Во что б ни стало
Его назвать — хотя пришлось бы имя
Нам выдумать!

Семен Годунов

Найти такое можно.
Был в Чудове монах, Григорьем звали,
Стрелецкий сын, из Галича. Бежал
Недавно он и, пьяный, похвалялся:
«Царем-де буду на Москве!»

Борис

Зачем
Меня не известили?

Семен Годунов

Государь,
То был пустой, беспутный побродяга,
Хвастун и враль; монахи все ему
В глаза смеялися.

Борис

Но, может быть,
То он и есть?

Семен Годунов

Нет, государь, не он.
Тот вор умен, мечом владеть умеет,
А этот только бражничал да лгал.

Борис

Каких он лет?

Семен Годунов

Лет двадцати иль боле.

Борис

Куда бежал?

Семен Годунов

На Стародуб. Оттоль
Ушел в Литву.

Борис

Как прозывался он?

Семен Годунов

Отрепьевым.

Борис

Он нам пригоден. Им
Того пока мы вора назовем.
Лишь то, что нам является в тумане,
Смущает нас; что́ осязать мы можем
Или назвать — свою теряет силу.
Гонца в Литву отправить к королю:
Чтобы скорей свою унял он шляхту;
Что стыдно-де пособие чинить
Негодному, беспутному бродяге;
Что Гришка-де Отрепьев, беглый инок,
Морочит их; что если в мире быть
Со мной хотят — чтоб выдали его!
Разведчиков умножить. Знать я должен,
Что́ говорят, что́ думают бояре.
Им на́ руку пришлася эта весть!
Романовым избрание мое
Досель как нож; ближайшею роднею
Они себя Феодору считают;
А Шуйские мне рады б отомстить
За князь Иван Петровича; все ж вместе
Мне Юрьев день простить они не могут!
Что слышно в городе?

Семен Годунов

По вечерам
К Романовым съезжаются бояре
И шепчут много, но от слуг они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
В молчании.

Борис

Изменничье гнездо!
Я знаю чью! Награду обещать
Тому, кто мне на них найдет улику!

Семен Годунов

Улика будет.

Борис

Голод между тем
Досель еще свирепствует. Напрасно
Народу я все житницы открыл,
Истощены мои запасы. В день,
Когда венец я царский мой приял,
Я обещал: последнюю рубаху
Скорей отдать, чем допустить, чтоб был
Кто-либо нищ иль беден. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнит,
Что́ обещал. Когда казны не станет,
Он серебро и золото отдаст,
Последнюю голодным он одежду
Свою отдаст — но чтоб лихих людей
Не слушали; чтобы ловили всех,
Кто Дмитрия осмелится лишь имя
Произнести!

Входит царевич Федор.

Мстиславскому сказать,
Чтоб воеводство над войсками принял.
Украинским уж боле воеводам
Не верю я. Ступай, исполни всё,
Как я велел.

Семен Годунов уходит.

Федор

Отец, так это правда?
Земле грозит опасность? Этот дерзкий,
Безумный самозванец в самом деле
Мог обмануть украйны? Мог рубеж
Переступить? И на тебя войною
Теперь идет?

Борис

Недолго будет он,
Надеюсь я, торжествовать. Улики
У нас в руках.

Федор

Но между тем у нас
Он города берет? Отец, пошли,
Пошли меня и брата Христиана
К твоим войскам! Вели, чтоб под начало
Он взял меня!

Борис

Сын Федор, если б враг
Достойный шел на Русь, быть может, я
Послал бы вас; но с этим темным вором
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахе обречен —
Не царскими тот имется руками.

Федор

Не княжескими также. Ты, однако,
Мстиславского на этого врага
Сейчас послал. Его ты, стало быть,
Ничтожным не считаешь. Ты велишь
Хватать всех тех, кто произносит имя
Покойного царевича; отец,
Нам правосудье ведомо твое —
Ты мог ли бы то сделать, если б ты
Опасности не чаял? Мы со Ксеньей
Об этом долго толковали; горько
Казалося и непонятно нам,
Что ты, отец, который столько раз
Нам говорил: я лишь дела караю,
Но ни во чью не вмешиваюсь мысль, —
Что начал ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы решили так:
Насилуешь свое, отец, ты сердце
Затем, что Русь в опасности. И если
Оно так есть — и если в самом деле
Опасность ей грозит, — кому ж, отец,
Встречать ее, кому, коли не мне?

Борис

Кипит в нас быстро молодости кровь;
Хотел бы ты во что б ни стало доблесть
Свою скорее показать; но разум
Иного требует. Ты призван, сын,
Русийским царством править. Нам недаром
Величие дается. Отказаться
От многого должны мы. Обо мне
Со Ксенией вы вместе толковали —
В одном вы не ошиблись: неохотно
Ко строгости я прибегаю. Сердце
Меня склоняет милостивым быть.
Но если злая мне необходимость
Велит карать — я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестоким.

Федор

Видишь!
Ты говоришь: необходимость — стало,
Опасность есть!

Борис

Она явиться может —
И, чтоб ее предупредить, я должен
Теперь быть строг. Когда придет пора,
Я к милости вернусь. Где Ксенья? Мы
Не виделись сегодня. Пусть она
Ко мне придет.

Федор уходит.

Мне кажется, когда
Ее услышу голос, легче будет
Мне на душе. Царенья моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мне славу обещала!
Ее не может призрак помрачить!
С минувшим я покончил. Что свершилось,
То кануло в ничто! Какое право
Имеет прах? Земля меня венчала,
А хочет тень войти в мои права!
Я с именем, со звуком спорить должен!

Федор возвращается со Ксенией.

Поди ко мне, дитя мое, садись —
Но что с тобой? Ты плакала?

Ксения

Отец...

Борис

Ты так глядишь, как будто ты какую
Утрату понесла?

Ксения

Да, мой отец,
Ты молвил правду — понесла утрату
Я страшную! Не я одна — мы все —
Все понесли ее! Тебя, отец мой,
Утратили мы все — ты стал не тот!
Куда твоя девалась благость? Ты ли,
Ты ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался — радость
Во всех очах сияла; на тебя
С любовию смотрели и с доверьем —
Теперь же — о, какая перемена!
Теперь со страхом смотрят на тебя!
Взгляни вокруг: везде боязнь и трепет —
Уж были казни — о доносах шепчут,
Которые ты награждать велишь, —
Москва дрожит — так было, говорят,
Во времена царя Ивана...

Борис

Ксенья...

Ксения

Ты стал жесток...

Борис

Опомнись, Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Которого терпение тебе
Так ведомо, решаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты-то пойми.

Ксения

Нет, этого понять
Я не могу, нет, не могу, отец!
Зачем твой гнев? Чего боишься ты?

Тебя в убийстве гнусном обвиняют?
Ты чист как день! Презрением лишь должен
Ты отвечать на эту клевету!

Борис

Так на нее доселе отвечал я.
Но, Ксения, презрение мое
Почли за страх. Ты слышала, какую
Они сплели об этом деле басню, —
Неведомый воспользовался вор
Молвою той, и ныне...

Христиан

(отворяя дверь)

Государь,
Могу ли я?..

Борис

Войди.

Христиан

Великий царь,
Дозволишь ли мне молвить?

Борис

Говори.

Христиан

Отец и царь! Уверен ли ты в том,
Что человек, который на тебя
Идет войной, — не истинный Димитрий?

Борис

В уме ль ты, королевич? Кто в тебя
Вселил ту мысль?

Христиан

Молва такая ходит —
За тайну мой советник Гольк сегодня
Мне повестил, что слышал где-то он:
Не сам царевич Дмитрий закололся,
Но был убит. Иные ж говорят,
Что не его убили, но другого,

Ошибкою. Один противоречит
Другому слух. Кто знает, государь,
Не скрыто ль что в сем деле от тебя?
И все ль тебе подробности известны
Димитриевой смерти? Может быть,
В те дни и вправду было покушенье
На жизнь его и спасся он? Я тотчас
Подумал, царь, что если в самом деле
Димитрий жив — ты первый поспешишь
Его признать!

Борис

И ты не обманулся.
Когда б нежданно истинный Димитрий
Явился нам — я первый бы навстречу
Ему пошел и перед ним сложил бы
Я власть мою и царский мой венец.
Но Дмитрий мертв! Он прах! Сомнений нет!
И лишь одни враги Руси, одни
Изменники тот распускают слух!
Забудь о нем. В Димитриевой смерти
Уверен я.

Федор

Но так ли он погиб,
Как донесли тебе, отец? В том слухе
Об углицком убийстве часто правда
Мне чуялась. Со дня ж, как мамку ту
Увидел я...

Борис

Где встретился ты с ней?

Федор

У матушки.

Борис

Ей во дворце не место.
За клевету Нагих ее в ту пору
Я щедро наградил; с нее довольно —
Ей здесь не место!

Федор

Стало быть, и ты,
Отец, ее подозреваешь?

Борис

Нет!
Нет, никого подозрить не могу.
Доказано мне верно: закололся
В недуге он!

Стольник

(входя)

Великий государь,
Царица к милости твоей идет!

Борис

Что надо ей? Мне некогда!

Стольник

Она
Уж у дверей.

Борис

Оставьте, дети, нас!

Федор, Ксения и Христиан уходят. Входят боярыни, а за ними царица.

Царица

(с поклоном)

Не прогневись, свет-государь Борис
Феодорыч, и на свою рабу
Не наложи опалы за докуку!

(К боярыням.)

А вы, голубушки, ступайте в сени,
Пождите там.

Боярыни уходят.

Борис

Какой тебя, царица,
Приводит спех?

Царица

Ох, свет мой государь,
Мы все спешим! Ты Ксеньюшку посватать
Вот поспешил, а королевич твой

Спешит проведать, как пропал царенок
Там в Угличе. И немчины его
Промеж себя толкуют: уж не вправду ль
Зарезан был царенок? Как оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Им толковать не след.

Борис

Их толкам я
Не властен помешать; все ж речи их
Мне ведомы.

Царица

Все ль, свет мой? А вот мне
Оно не так сдается. Не смекнул ли
Чего жених? Он эти дни с чего-то
Стал пасмурен.

Борис

Не мнишь ли ты, он слухам
Поверил тем?

Царица

Где мнить мне, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотел ты слушать,
Что́ про его рождение тебе
Сказала я. Когда ты положил,
Чтоб этот безотецкий сын детей
Сбил с разума,— твоя святая воля!
Так, значит, быть должно!

Борис

Царица Марья,
Куда ты гнешь? Коли что́ знаешь ты,
Скажи мне прямо!

Царица

Батюшки мои!
Что ж я скажу? Ты разве сам не видишь?
Жених с детьми толкует целый день;
Те слушают; сомнение на них
Уж он навел. Пожди еще немного,
И скоро всё они узнают.

Борис

Марья!
Я запретил тебе напоминать
Об этом мне!

Царица

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вот скоро лет молчала,
Да не пришла ль пора заговорить?
Не поздно ль будет, если немчин твой
Доищется улики на тебя?

Борис

Чего ж ты хочешь?

Царица

Мне ль чего хотеть,
Свет-государь! Свое я место знаю.
Мне, бестолковой бабе, и негоже
Советовать тебе. Ты дочь посватал
Без моего совета; без меня же
Ты сам найдешь что́ сделать!

Борис

В Христиане
Уверен я.

Царица

Уверен, так и ладно.
По моему ж, по бабьему уму,
Не от народа ждать беды нам надо,
Не от бояр — не в городе для нас
Опасность есть, а в тереме твоем.
Доколе в нем останется твой немчин —
Спокойно спать не можем мы!

Борис

Довольно!
Молчи о том. Царю Руси нет дела,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по́ сердцу жених, избранный им.
Не твоему то племени понять,
Что́ для Руси величия пригодно!

Царица

Где, батюшка, нам это понимать!
Родитель мой служил царю Ивану
По простоте. Усердие его
Царь жаловал. А ты меня посватал,
Чтобы к царю Ивану ближе стать.
Что ж? Удалось. Ты царским свояком,
Ты шурином стал царским, а потом
Правителем, а ныне государем.
Где ж дочери Скуратова Малюты
Указывать тебе! Перед тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью речь. Вперед, отец, не буду!

(Уходит.)

Входит Семен Годунов.

Борис

Какие вести? Ну?

Семен Годунов

Чернигов взят!

Борис

Не может быть!

Семен Годунов

Изменники связали
В нем воевод и к вору привели.
Путивль, Валуйки, Белгород, Воронеж
Ему сдались, Елец и Кромы также.
Один лишь Северск держится. Басманов
Засел в нем нáсмерть. Лаской и угрозой
Старался вор склонить его, но он
На увещанья отвечал ему
Картечию.

Борис

Я не ошибся в нем!

Семен Годунов

Я говорил тебе: не верь боярам!
Верь только тем, кто, как и мы с тобой,
Не древней крови!

Борис

Что еще принес ты?

Семен Годунов

Мятежный дух как будто обуял
Не только край, но самые войска.
Что день, к врагу они перебегают,
Скудеет рать...

Борис

О чем же воеводы
Там думают? От страху ль потеряли
Рассудок свой? Наказ послать им строгий,
Чтоб вешали изменников! Чтоб всех,
Кто лишь помыслит к вору перейти,
Всех, без пощады, смертию казнили!
Не то — я сам явлюся между них!

Стольник

(входя)

Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Семен Годунов

С чем старая лисица приплелась?

Борис

Пускай войдет!

Шуйский входит. Борис смотрит на него пристально.

Ты слышал вести?

Шуйский

Слышал,
Царь-государь.

Борис

Что скажешь ты на это?

Шуйский

Неладно, царь.

Борис

Неладно — вижу я!
А кто виной? Бояре продают —
Да, продают меня!

Шуйский

Суди их бог!

Борис

Им божьего суда не миновать.
Но до того я в скорых числах буду
Их сам судить. Мстиславского меж тем
Я к рати шлю.

Шуйский

Ему и книги в руки.
Он старше всех. Голов там больно много.
Не прогневись, великий государь,
За простоту, дозволь мне слово молвить.

Борис

Скажи.

Шуйский

Когда б ты захотел туда
Поехать сам — всё снял бы как рукою.

Борис

А вам Москву оставить? Знаем это.
Нет, оставлять Москву царю не час.
Придумай лучше.

Шуйский

А не то еще
Вот что, пожалуй: вдовая царица,
Димитриева мать, теперь на Выксе,
Пострижена сидит. Ее бы, царь,
Ты выписал. Пускай перед народом
Свидетельствует крестно, что Димитрий
Во гробе спит.

Борис

Послать за ней! Но долог
До Выксы путь. Восстановить покорность
Мы здесь должны. Пример я над иными
Уж показал. Что? Утихают толки?

Шуйский

Нет, государь. Уж и не знаешь, право,
Кого хватать, кого не трогать? Все
Одно наладили. Куда ни сунься,
Всё та же песня: царь Борис хотел-де
Димитрия-царевича известь,
Но божиим он спасся неким чудом
И будет скоро...

Борис

Рвать им языки!
Иль устрашить тем думают меня,
Что много их? Но если б сотни тысяч
Меня в глаза убийцей называли —
Их всех молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царем Иваном
Они зовут? Так я ж его не в шутку
Напомню им! Меня винят упорно —
Так я ж упорно буду их казнить!
Увидим, кто из нас устанет прежде!

ДОМ ФЕДОРА НИКИТИЧА РОМАНОВА

Федор Никитич, Александр Никитич, князь Сицкий, князь Репнин и князь Черкасский за столом.

Федор Никитич

(наливая им вина)

Ну, гости дорогие, перед сном —
По чарочке! Во здравье государя!

Черкасский

Которого?

Федор Никитич

Ну, вот еще! Вестимо,
Законного!

Черкасский

Не осуди, боярин,
Не разберешь. Разымчиво уж больно
Твое вино.

Сицкий

Законному царю
Мы служим все, да только не умеем
По имени назвать.

Александр Никитич

А коли так —
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумеет. Нуте ж:
Во здравие царя и государя
Всея Руси!

Черкасский

Храни его господь!

Репнин

Дай всякого врага и супостата
Под нозе покорить!

Сицкий

А уж немало
Он покорил.

Черкасский

Ты о татарах, что ли?

Репнин

Аль, может, о татарине?

Сицкий

Нет, этот
Еще крепóк.

Александр Никитич

Чернигов, слышно, взят.

Федор Никитич

Еще по чарочке!

Все

Про государя!

Входит Шуйский.

Шуйский

Челом, бояре, вам! Чью пьете чару?

Федор Никитич

Царя и государя, князь Василий
Иванович. На, выпей!

Шуйский

Эх, Феодор
Никитич, чай, указ-то государев
Ты позабыл? Не так, бояре, пьете.

(Подымает чару.)

«Великому, избранному от бога,
Им чтимому и им превознесенну,
И скифетры полночныя страны
Самодержащему царю Борису,
С царицею, с царевичем его
И всеми дома царского ветвями,
Мы, сущие в палате сей, воздвигли,
В душевное спасенье и во здравье
Телесное, сию с молитвой чашу.
Чтоб славилось от моря и до моря
И до конец вселенныя его
Пресветлое, царя Бориса, имя,
На честь ему, а русским славным царствам
На прибавленье; чтобы государи
Послушливо ему служили все
И все бы трепетали посеченья
Его меча; на нас же, на рабех
Величества его, чтоб без урыву
Щедрот лилися реки неоскудно
От милосердия его пучины
И разума!» Ух, утомился. Вот,
Бояре, как указано нам пить.

(Не пьет, а ставит чару на стол.)

Федор Никитич

Уж больно кудревато, не запомнишь.

Шуйский

Я выдолбил.

Репнин

Не все его меча,
Кажись, трепещут.

Сицкий

Да и не на всех
Его щедроты льются.

Черкасский

Исчерпáл
Пучину милосердия.

Федор Никитич

(к Шуйскому)

Ты с Верьху?

Шуйский

Был на Верьху.

Федор Никитич

Ну, что ж?

Шуйский

Всё слава богу.
Рвать языки велел.

Черкасский

Что ты? Кому?

Сицкий

Помилуй бог, кому?

Шуйский

Да всем, кто скажет,
Что Дмитрия извел он аль что Дмитрий
Не изведен, а жив.

Репнин

Так как же быть?

Черкасский

Что́ ж надо говорить?

Шуйский

А то, что́ было
При Федоре приказано: что Дмитрий
В недуге закололся.

Репнин

Вот как! Видно,
Уж он чиниться перестал. Да разве
Он казнями кого переуверит?

Шуйский

Пускай казнит; мешать ему не надо.

Сицкий

Как не смекнет он, что, когда к Москве
Подступит *тот*, ему несдобровать?

Шуйский

На каждого на мудреца довольно
Есть простоты. Когда ж мудрец считал,
Да всё считал, да видит, что обчелся,
Тут и пошел плутать.

Черкасский

Ты, князь Василий
Иванович, ты в Углич был посылан
На розыск тот. Скажи хоть раз по правде,
По совести: убит аль нет царевич?

Шуйский

Убитого ребенка видел я.

Черкасский

Да Дмитрия ль?

Шуйский

Сказали мне, что Дмитрий.

Черкасский

Да сам-то ты?

Шуйский

А где ж его мне знать?

Черкасский

Что ж мыслишь ты о том, который ныне
На нас идет?

Шуйский

А то же, что и вы.
Язык нам враг. И батюшка Борис
Феодорыч, должно быть, это знает;
Нас от врага он избавлять велит.

Репнин

(к Федору Никитичу)

Хозяин ласковый, да так, пожалуй,
И до тебя он доберется?

Федор Никитич

Трудно.
Что скажет он? Романовы признали
Димитрия царем? Да вся Москва
Того лишь ждет, чтоб мы его признали.
Аль что его убийцей мы зовем?
Да пусть о том лишь слух пройдет в народе —
Его каменьями побьют!

Александр Никитич

А мы
Пока молчим. Народ же говорит:
Романовы поближе Годунова
К Феодору-царю стояли. Если б
Романов сел на царство — Юрьев день
Нам отдал бы!

Федор Никитич

Романовым не нужно б
Заискивать у меньших у дворян;
Народ боярство любит родовое
За то, что выгоды у них одни.

Александр Никитич

А мелких он не терпит. Нет, до нас
Добраться трудно.

Входит Семен Годунов со стрельцами.

Семен Годунов

Бьем челом, бояре!
Вы, государи, Федор с Александром
Никитичи, по царскому указу
Под стражу взяты!

Федор Никитич

Мы? Под стражу взяты?
За что?

Семен Годунов

За то, что извести хотели
Царя и государя колдовством.
Довел на вас ваш казначей Бортенев.
Коренья те, что вы уж припасли,
Он предъявил. У патриарха вам
Допрос немедля учинят. Вы также,
Князья Черкасский, Сицкий и Репнин,
Обвинены.

Сицкий

Мы в чем же?

Семен Годунов

Заодно
С Романовыми были. Вас под стражу
Беру я с ними.

(К Шуйскому.)

Князь Василь Иваныч!
Тебе велит великий государь
Вести допрос над ними.

Федор Никитич

Видит бог,
Насилие и клевета!

Александр Никитич

Возможно ль?
По одному извету казначея,
Которого за кражу я прогнал
Тому три дня?

Черкасский

Вот он тебе и платит!

Сицкий

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это в точь, как при царе Иване!

Шуйский

Негоже так, бояре, говорить!
Царь милостив. А мне господь свидетель,
Я вашего не ведал воровства!
Помыслить сметь на батюшку царя!
Ах, грех какой! Пойдем, Семен Никитич,
Пойдем к владыке начинать допрос.
Помилуй бог царя и государя!

Уводит бояр, окруженных стрельцами.

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис

(один)

«Убит, но жив»! Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой враг
Встал на меня из гроба грозной тенью!
Я ждал невзгод; возможные все беды
Предусмотрел: войну, и мор, и голод,
И мятежи — и всем им дать отпор
Я был готов. Но чтоб воскрес убитый —
Я ждать не мог! Меня без обороны
Застал удар. Державным кораблем
В моей спокойной управляя силе,
Я в ясный день на бег его глядел.
Вдруг грянул гром. С налету взрыла буря
Морскую гладь — крутит и ломит древо
И парус рвет... Не время разбирать,
Чей небо грех крушением карает, —

Долг кормчего скорей спасти корабль!
Беда грозит — рубить я должен снасти!
Нет выбора — прошла пора медлений
И кротости! Кто враг царю Борису —
Тот царству враг! Пощады никому!
Казнь кличет казнь — власть требовала
жертв —
И, первых кровь чтоб не лилася даром,
Топор всё вновь подъемлется к ударам!

Входит Шуйский.

Шуйский

По твоему, великий государь,
Являюся указу.

Борис

Князь Василий!
Ты избран мной быть старшим у допроса
Романовых. Мне верность показать
Даю тебе я случай.

Шуйский

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Доверие!

Борис

Издáвна злоба их
Мне ведома. Но за мое терпенье
Я ожидал раскаянья от них;
Они ж бояр с собою на меня
Замыслили поднять, а мне погибель
Готовили.

Шуйский

Недаром от меня
Таилися они!

Борис

Твой розыск ныне
Явит: как мыслишь ты ко мне.

Шуйский

Помилуй,
Царь-государь! Уж на мое раденье,
Кажись, ты можешь положиться...

Борис

Прежде ж
Чем Дмитриева мать, царица Марфа,
Свидетельствовать будет на Москве,
Что сын ее до смерти закололся
И погребен, ты выедешь на площадь
И с Лобного объявишь места: сам-де,
Своими-де очами видел ты
Труп Дмитрия, — и крестным целованьем
То утвердишь. Меж тем я со владыкой
Велел везде Отрепьеву гласить
Анафему: в церквах, в монастырях,
На перекрестках всех, его с анвонов
Велел клясти! Быть может, вразумится
Чрез то народ.

Шуйский

Навряд ли, государь.
Не в гнев тебе, а диву я даюся,
Как мало страху на Москве!

Борис

Досель?

Шуйский

Ты кой-кого и пристрастил, пожалуй,
А всё же...

Борис

Ну?

Шуйский

Да что, царь-государь!
Хоть бы теперь: Романовых под стражу
Ты взять велел. И поделом. Да разве
Они одни?

Борис

Другие также взяты.

Шуйский

Кто, государь? Черкасский с Репниным?
Да Сицкий-князь? Всего три человека!
А мало ль их? И думают они:
Всех не забрать!

Борис

Так думают у вас?
Так ведайте ж: что сделано досель —
Одно лишь вам остереженье было,
Острастка то лишь малая была —
Гнев впереди!

(Уходит.)

Шуйский

(один)

Святая простота!
Дает понять: тебя насквозь я вижу,
Ты заодно с другими! А меж тем,
Что ни скажу, за правду всё примает.
Боится нас, а нам грозит. Борис
Феодорыч, ты ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда девалась ловкость
Твоя, отец? И нравом стал не тот,
Ей-богу! То уж чересчур опаслив,
То вдруг вспылишь и ломишь напрямик,
Ни дать ни взять, как мой покойный дядя,
Которого в тюрьме ты удавил.
Когда кто так становится неровен,
То знак плохой!

(Уходит.)

Входит Христиан, за ним Гольк и Браге.

Гольк

Высочество! Подумай:
Сомнений нет, исход в сем деле ясен —
Царем Димитрий будет, а Борису
Погибели не миновать. Чтó нужды,
Что ложный то Димитрий? Он победно
Идет к Москве — и Русь его встречает!

Браге

А в преступлении Бориса, принц,
Достаточно теперь ты убежден:
Нам присланные тайно показанья
Тех в Данию бежавших угличан,
Всё, что мы здесь узнали стороною,
Чего не мог ты не заметить сам, —

А сверх всего, народный громкий голос
И казни те жестокие — всё, всё
Его винит, ему уликой служит!

Гольк

До короля ж дошла молва, что царь
Эстонию, короны датской лену,
Не Дании намерен возвратить,
Но дать тебе. Король за это гневен.
Спеши его умилостивить, принц!
Ждать от Бориса нечего нам боле —
Его звезда зашла!

Браге

Земли русийской
Царевну ты, высочество, посватал,
Не дочь слуги, злодейством на престол
Взошедшего. Когда законный царь
Иль тот, кого земля таким признала,
С него венец срывает — обещаньем
Не связан ты. От брака отказаться
Ты должен, принц!

Христиан

Довольно! Всё, что вы
О нем сказали, сам себе сказал я —
Но я не в силах слушать вас... Моя
Кружится голова...

Гольк

Ты бледен, принц, —
Ты нездоров...

Христиан

Да, да, я нездоров...
Вы совершенно правы — точно так —
Убийца он... Мне холодно сегодня...
Она не знает ни о чем.

Браге

Дозволь
Позвать врача, высочество!

Христиан

Не надо.
Оно пройдет. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

Гольк

Принц,
Ты вправду болен...

Христиан

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нет, я здоров. Оставьте
Меня теперь — я дам ответ вам скоро.

Гольк и Браге уходят.

(Один.)

Под этим кровом доле оставаться
Не должен я. Мне детский крик предсмертный
Здесь слышится — я вижу пятна крови
На этих тканях... Я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь меж нами
Всё кончено.

Входит Ксения и останавливается в дверях.

Ксения

Один ты, Христиан?
С кем говорил ты?

Христиан

Ксения, постой —
Не уходи — тебе сказать мне надо —
Ведь ты еще не знаешь? Мы должны
Расстаться, Ксенья!

Ксения

Что с тобой? Зачем
Расстаться нам?

Христиан

Да, да, зачем расстаться?
Кто хочет нас с тобою разлучить?
Ты не моя ль? Кто говорит, чтоб душу
Я разорвал? Нет, требовать того
Не может честь!

Ксения

Опомнись, Христиан;
Твои слова без смысла. Что случилось?

Христиан

Беги со мной!

Ксения

Святая матерь божья!
Ужель я отгадала? Христиан,
Кто виделся с тобой? Чьей клевете
Ты на отца поверил?

Христиан

Ксенья, Ксенья!
И жизнь и душу я б хотел отдать,
Чтоб эту скорбь, чтоб эту злую боль
Взять от тебя!

Ксения

И ты поверил? Ты?
Ты, Христиан?

Христиан

Нельзя остаться мне —
Нельзя — ты видишь!

Ксения

Выброси скорей
Из сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернит, а не отца! Как мог ты
Поверить ей!

Христиан

Не правда ль? Ей поверить
Я сам не мог? Она вошла насильно!
От лобных мест кровавыми ручьями
В меня влилась!

Ксения

Да, он жесток во гневе!
Я не хочу — я не могу его
Оправдывать! Но разве ты не видишь?

Негодованьем гнев его рожден
На клевету! Таким он не был прежде!
Ты знал его! Ужели ты забыл,
Как был высок, как милостив душою
Он был всегда! Как мог — как мог — как мог
Поверить ты! О Христиан, какую
Ты пропасть вырыл между нами!

Христиан

Нет!
Разъединить чужое преступленье
Нас не должно! Душа моя с твоею
В одно слилась! Когда б земля под нами
Расселася — когда бы это небо
Обрушилось на нас — не врозь, а вместе
Погибли б мы!

Ксения

Уж мы разлучены!
Да, Христиан! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь из сердца вырвать вон?
Когда отца кругом теснят враги,
Друзья ж бегут — ты также переходишь
К его врагам!

Входит царевич Федор, ими не замечаемый.

Но если б от него
И все ушли и если б целый мир
Его винил — одна бы я сказала:
Неправда то! Одна бы я осталась
С моим отцом!

Христиан

Нет у тебя отца!
Твоим отцом убийца быть не может!
Ты сирота! Как я, ты сирота!
Беги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престол! Быть может,
Я осужден к лишеньям и к нужде,
Быть может, я скитаться буду — но,
Где б я ни стал, то место, где я стану,
Оно всегда достойно будет нас!
А этот терем, Ксенья...

Федор

(выступает вперед)

Королевич!

Христиан

А, ты был здесь? Ты слышал всё? Тем лучше!
Я не скрываюсь от тебя — ты должен
Меня понять!

Федор

Тебя я понял. Ты
Царя Бориса оскорбил смертельно —
Ты наглый лжец!

Христиан

Брат Федор...

Федор

Гнусный ты,
Бесстыдный лжец и клеветник!

Христиан

Царевич!
Войди в себя!

Федор

Предатель! Переметчик!
Иуда ты!

Христиан

Войди в себя, царевич!
Опомнися! Когда ты оскорблен —
Не бранью мстить ты должен! На Руси
Так в старину не делали!

Федор

Ты прав —
Спасибо, что напомнил...

(Срывает со стены две сабли и подает одну Христиану.)

Бейся на́смерть!

Ксения

Побойтесь бога! Что вы, что вы? Стойте!
Как? Брат на брата!

Христиан

(бросая саблю)

Нет, не стану биться!
Ты брат ее!

Ксения

О, до чего дошли мы!
Давно ли мы втроем, в покое этом,
Так мирно говорили, так хотели
Служить Руси — а ныне!

Христиан

Что со мной?
Кругом меня всё потемнело вдруг —
Меня не держат ноги...

(Садится.)

Федор

(бросая саблю)

Христиан,
Ты нездоров?

Христиан

(озираясь)

Вы оба здесь? Со мною?
Как счастлив я! Друзья, скажите, что
Случилося?

Ксения

Он болен!..

Федор

Слава богу,
То был лишь бред! Сестра, останься с ним,
Я за врачом пойду!

Христиан

Не уходи —
Мне хорошо. Но что-то надо мною
Как облако внезапно пронеслось —
Был шум в ушах — так, говорят, бывает,
Когда дурману выпьешь... Я припомнить
Стараюсь что-то... сам не знаю что...
Ловлю, ловлю... и всё теряю...

(Вскакивая.)

Вспомнил!
Бежим отсель!

(Падает в кресла.)

У пристани корабль
Норвежский ждет — уж якорь подымают —
Скорей на палубу, скорей!

Ксения

Он бредит!

Христиан

Я говорю вам всем: неправда то!
Всех, кто дерзнет подумать, что царевна
Убийцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мне — не бойся, Ксенья, этих
Зеленых волн! — Я слушать вас устал —
Я знаю сам. — Прибавьте парусов!
Какое дело нам, что на Руси
Убийца царь! — Вот берег, берег! Ксенья,
Мы спасены!

Ксения

Брат, брат, что сталось с ним?

Христиан

Друзья мои, мне кажется, я бредил?
Мне очень дурно. Голова моя
Так кружится, а сердце то забьется,
То вдруг замрет...

Ксения

Ты болен, Христиан!
Встань, обоприся на́ руку мою...

Федор

Я поведу его!

Христиан

Спасибо, брат,
Спасибо, Ксенья, это всё пройдет —
Как хорошо мне между вас обоих!

(Уходит, поддерживаемый Федором и Ксенией.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ С ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Несколько переодетых сыщиков.

Главный сыщик

(наряженный дьячком)

Сейчас народ повалит из церквей!
Вмешайтеся в толпу; глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрию идет,
Отрепьева ж клянут; так будут толки!

Второй сыщик

(в одежде купца)

Какие толки! Всяк теперь боится
Промолвиться.

Первый

А мы на что? Зачем
Двойную нам награду обещал
Семен Никитич? Зачинайте смело
Тот с тем, тот с этим разговор, прикиньтесь,
Что вы к Москве Отрепьевым тем тайно
Подосланы; когда ж кто проболтнется —
Хвать зá ворот его! А если будет
Кому из вас нужна подмога — свистом
Подать маяк! Ну, живо, рассыпайтесь!
Идет народ!

Толпа выходит из церкви.

Один посадский

Великий грех служить
Живому человеку панихиду!

Другой

Тяжелый грех!

Третий

А кто же тот Отрепьев,
Кому они анафему гласили?

Первый

Монах какой-то подвернулся.

Второй

Что ж,
Какое дело до того монаха
Царевичу Димитрию?

Первый

Молчи!
Нас слушают.

Сыщик

О чем вы, государи,
Ведете речь?

Первый

Да говорим: дай бог
Изменщика, Отрепьева того,
Что Дмитрием осмелился назваться,
Поймать скорей!

Сыщик

(про себя)

Гм! Эти-то с чутьем!

Подходят несколько других.

Один

Вишь, изворот затеяли какой!
Безбожники!

Другой

Знать, плохо им пришлось,
Губителям!

Третий

Романовы в тюрьму
Посажены.

Четвертый

Помилуй бог, за что?

Пятый

Боятся их за то, что много знают!

Проходят.

Одна баба *(догоняет другую)*. Да постой, голубушка, куда ж ты спешишь?

Вторая. В собор, в собор, матушка! Панафиду, вишь, служат и большую анафему поют!

Первая. Да кто ж это скончался?

Вторая. Никак, Гришка Отрепьев какой-то! Ох, боюсь опоздать.

Третья баба *(пристает к ним)*. Не Гришка, не Гришка, матушка! Царевича Дмитрием зовут!

Первая. Так ему, стало, анафему служат? А панафида по ком же?

Вторая. По Гришке, должно быть!

Четвертая баба *(догоняет их)*. Постойте, кормилицы, и я с вами! По какому Гришке царевич панафиду служит?

Все четверо вместе. Да пойми ты, мать,— я в толк не возьму. — Ахти, опоздаем! — Да побойтесь бога — кто же скончался-то? — Пойдем, пойдем! Анафема скончался, Гришка-царевич служит панафиду! *(Уходят.)*

Сыщик

(глядя им вслед)

Проваливай, бабье! От вас ни шерсти,
Ни молока!

Подходят два мужика.

П е р в ы й

(указывая на сыщика)

Федюха! А Федюха!
Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается! Чай, из духовных?

В т о р о й

Божественный, должно быть, человек.
Покажем лист ему!

П е р в ы й

Нештó, покажем!

(К сыщику.)

Отец родной, позволь тебя спросить:
Ты грамотный, никак?

С ы щ и к

Господь сподобил.

П е р в ы й

Так сделай божескую милость: вот
Какой-то лист нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

С ы щ и к

Предъяви!

(Читает.)

«Мы, божиею милостью, Димитрий
Иванович, царь и великий князь
Всея Руси, ко всем русийским людям:
Господним неким превеликим чудом
Сохранены и спасены. . .» Гм, гм!

(Читает про себя, потом громко.)

«И первых тех, которые навстречу
Со хлебом-солью к нам придут, тех первых
Пожалуем». Эй, люди, говорите:
Кто дал вам лист?

П е р в ы й

Нашли под воротами,
Ей-богу-ну!

Второй

Под самой подворотней!

Сыщик

А кто подкинул?

Первый

Видит бог, не знаем!

Сыщик

Не знаете?

Свистит. Несколько сыщиков подбегают.

Хватайте этих двух!
В застенок их!

Первый

Отец родной, за что?

Второй

За что, помилуй?

Сыщик

Вам в застенке скажут!

Мужиков уводят среди общего ропота. Подходит купец в разговоре со вторым сыщиком.

Сыщик

Да что, почтенный, что за торг у нас?
Себе в наклад ведь продаем сегодня.
А с немцов пошлин половину снял!
Какой тут торг!

Купец

Так, так, родимый: сами
Концов свести не можем. Разоренье
Пришло на нас!

Сыщик

(таинственно)

Одна надежда ноне —
Царь Дмитрий Иоаннович. Не терпит
Ни немцов он, ни англичан. Пусть только
Пожалует!

Купец

А что?

Сыщик

Подметный лист
Попался мне: всех, говорит, купцов
От пошлин свобожу!

Купец

Подай-то бог!

Сыщик

(хватает его зá ворот)

Так вот ты как! Так ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

Посадские и народ

Да что вы! Бойтесь бога!
За что его?

1-й сыщик

А вы чего вступились?
Хватай их всех!

Народ. Нет, всех-то не перехватаешь! Бей их, ребята! Довольно нам терпеть от сыщиков!

Звон бубен. Пешие бубенщики. Перед ними пристав.

Пристав

Раздайтесь! Место! Место!
Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Шуйский

(в сопровождении двух дьяков)

С чего, миряне, подняли вы шум?
Грех вам мутиться!

Народ

Батюшка, Василий Иванович! Вступись, отец родной! Твой род ведь всегда за нас стоял, а ноне нам от сыщиков житья нет! Вступись, батюшка!

Шуйский

Опомнитесь, миряне. Царь Борис
Феодорыч так приказал. Он знает,
Кого хватать. А вы пройти мне дайте
До Лобного до места; по указу
По царскому я речь скажу.

(Идет к Лобному месту.)

Один из народа

Нет, этот
Не вступится!

Другой

Да, не чета Иван
Петровичу!

Третий

Какую ж речь он скажет?

Первый

А вот послушаем.

Шуйский

(с Лобного места)

Народ московский!
Вам всем: гостям и всем торговым людям,
Всем воинским, посадским, и слободским,
Митрополичьим всем, и монастырским,
И вольным, и кабальным всяким людям,
Я, князь Василь Иваныч Шуйский, бью
Напред челом!

(Кланяется на все стороны.)

Вам ведомо, что некий
Еретик злой, расстрига, чернокнижник
И явный вор, Отрепьев Гришка, бога
Не убоясь, диаволу в угоду,
Дерзнул себя царевичем покойным,
Димитрием Иванычем назвать...

Ропот.

И с помощью литовской рати ныне
Идет к Москве, а с ним немало наших...
Из Северской земли...

Один

Слышь, с ним и наши!

Шуйский

Изменников. И хочет он, расстрига,
Великого, почтенного от бога
Царя Бориса Федорыча свергнуть,
И церковь православную попрать,
И вовлекти в латинскую нас ересь.
Что́ ведая, великий государь
Мне повелел вам повестить сегодня
Всё, что своими видел я очами,
Когда, при Федоре-царе, посылан
Я в Углич был, чтоб розыск учинить:
Как там царевич Дмитрий Иоанныч
Упал на нож и закололся.

Другой

Знаем!

Третий

Слыхали то!

Шуйский

И по приезде мы,
С Андреем со Петровичем, в собор
Отправились, с Луп-Клешниным, и там
Увидели младенца бездыханна,
Пред алтарем лежаща, и его
Пресечена была гортань.

Третий

(вполголоса)

Да кто же
Младенец был?

Шуйский

Что Гришка же Отрепьев
Не Дмитрий есть, а некий беглый вор,

От церкви отлученный и проклятый, —
В том я клянусь и крест на том целую,
И не видать мне царствия небесна,
И быть на Страшном божием суде
Мне прокляту, и в огнь идти мне вечный,
Когда солгал!

(Целует свой тельный крест.)

Первый

Да в чем же он клянется?

Второй

Что Дмитрий не Отрепьев.

Третий

Без него
Мы знаем то!

Первый

Постой, он говорит!

Шуйский

И ведомый еретик тот и вор
Великого, почтенного от бога
И милосердного царя Бориса
Кусательно язвит, а от себя
Вам милостей немало обещает,
И Юрьев день обратно вам сулит.
И вам велит великий государь
Тому расстриге веры не давать;
А кто поверит или кто посмеет
Сказать, что он есть истинный Димитрий, —
Великий царь тому немедля вырвать
Велит язык. Я всё сказал — простите!

(Кланяется и сходит с Лобного места.)

Молчание в народе.

Один

Вот те и речь!

Другой

К чему он вел ее?

Третий

Знать, близко тот.

Первый

И наших с ним довольно.

Четвертый

И милости, слышь, обещает нам.

Второй

Да, Юрьев день, слышь, отдает.

Пятый

Так что же?

Первый

А то, что, слышь, язык свой береги.

Четвертый

Побережем.

Пятый

А не идти ль туда?

Второй

Куда туда?

Пятый

Навстречу-то?

Третий

Ну, ну,

Чай, подождем.

Пятый

Да долго ль ждать?

Второй

А здесь-то́

Спужались, чай.

Третий

Да, есть с чего спужаться:

Ведь тот-то прирожонный!

Четвертый

Подождем!

Второй

Ну, подождем.

Первый

И вправду подождем.

Народ расходится, разговаривая вполголоса.

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ С НИЗКИМ СВОДОМ И РЕШЕТЧАТЫМ ОКНОМ

Вдовая царица Мария Нагая, во иночестве Марфа, одна.

Марфа

Четырнадцать мину́ло долгих лет
Со дня, как ты, мой сын, мой ангел божий,
Димитрий мой, упал, окровавленный,
И на моих руках последний вздох
Свой испустил, как голубь трепеща!
Четырнадцать я лет всё плачу, плачу,
И выплакать горючих слез моих
Я не могу. Дитя мое, Димитрий!
Доколь дышу, всё плакать, плакать буду
И клясть убийцу твоего! Он ждет,
Чтоб крестным целованьем смерть твою
Я пред народом русским утвердила —
Но кто б ни был неведомый твой мститель,
Идущий на Бориса, — да хранит
Его господь! Я ни единым словом
Не обличу его! Лгать буду я!
Моим его я сыном буду звать!
Кто б ни был он — он враг тебе, убийца, —
Он мне союзник будет! Торжество
Небесные ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви с него украденный венец!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтоб он, как зверь во прахе издыхая,
Тот вспомнил день, когда в мое дитя
Он нож вонзил! Но слышатся шаги —

Идут! Меня забила дрожь, и холод
Проникнул в мозг моих костей — то он!
Убийца тут — он близко, матерь божья!
Дай мне владеть собой! Притворством сердце
Исполни мне — изгладь печаль с лица —
Перероди меня — соделай схожей
Коварством с ним, чтоб на моих чертах
Изобразить сумела бы я радость
О мнимом сыне, возвращенном мне!

Входит Борис со свечой, которую ставит на стол.

Борис

(с поклоном)

Царица Марья Федоровна, бью
Тебе челом!

Марфа

Пострижена царица
По твоему указу. Пред тобой
Лишь инокиня Марфа.

Борис

Твой обет
Не умаляет званья твоего.
Я пред тобой благоговею ныне,
Как некогда благоговел, когда
Сидела ты с царем Иваном рядом.

Марфа

Благодарю.

Борис

Царица, до тебя
Уж весть дошла...

Марфа

Что сын мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословен господь!
Когда его увижу я?

Борис

Царица,
В уме ли ты? Твой сын, сама ты знаешь,

Четырнадцать уж лет тому, в недуге
Упал на нож...

Марфа

Зарезан был. Ты то́ ли
Хотел сказать? Но я лишилась чувств,
Когда та весть достигла до меня —
Его я мертвым не видала!

Борис

Но
Он мертв, царица, — он убился, в том
Сомнений нет...

Марфа

Так мнила я сама...

Борис

Его весь Углич мертвым видел...

Марфа

Я
Не видела его!

Борис

На панихиде
Ты у его молилась трупа...

Марфа

Слезы
Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрий жив! Приметы мне его
Все сказаны — он жив, он жив, мой Дмитрий!
Он жив, мой сын!

Борис

Возможно ль? Радость блещет
В твоих очах? Ужель ты вправду веришь,
Что жив твой сын? Ужель мне сомневаться?
Ужели был и Клешниным и Шуйским
Обманут я?

Входит царица Мария Григорьевна.

Царица

Не прогневись, Борис
Феодорыч. Твой разговор с царицей
Я слышала за дверью. Невтерпеж,
Свет-государь, мне стало: поклониться
Царице Марфе захотелось.

(Кланяется.)

Земно
Тебе я, матушка-царица Марфа
Феодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвым не считаешь?
Так, стало, тот, кто в Угличе убился,
Тебе не сын?

Марфа

Не знаю, кто убился, —
Димитрий жив! От ваших рук он божьим
Неведомо был промыслом спасен!
Хвала творцу и матери пречистой,
Мой сын спасен!

Борис

Царица, если веришь
Ты истинно тому, что говоришь, —
Поведай мне: кто подменил его?
Кем он и как из Углича похищен?
Где он досель скрывался? Чтобы веру
Тебе я дал, я должен ведать всё!

Марфа

Какое дело мне, ты веришь, нет ли?
Верь или нет — довольно: жив мой сын —
Не удалось твое злодейство!

Борис

Нет!
Не может быть! Неправда! Быть не может!
Как спасся он?

Марфа

Дрожишь ты наконец!

Борис

Как спасся он? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мне!

Царица

Свет-государь Борис
Феодорыч, быть может, обойдемся
Без пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитым не видала?

Марфа

Нет!

Царица

А полно, так ли, матушка? Подумай.

Марфа

Могла ль его убитым видеть я,
Когда убит он не был?

Царица

А посмотрим.

(Отворяя дверь.)

Войди, голубка!

Входит Волохова.

(К Марфе.)

Знаешь ты ее?

Марфа

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

Царица

Что, матушка, с тобой?
Что взволновалася ты так? Зачем
Тебя приводит в ужас Василиса?

Марфа

Прочь! Прочь ее! Кровь на ее руках!
Кровь Дмитрия! Будь проклята вовеки!
Будь проклята!

Царица

(к Волоховой)

Довольно, Василиса,
Ступай себе.

Волохова уходит.

Ну, батюшка Борис
Феодорыч? Уверился теперь,
Что нет в живых ее царенка? То-то!
Уж ты за пытку было! Ты умен,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иные
Чувствительней и дыба и когтей.
Чего ж ты, свет, задумался? Забыл ли,
Зачем пришел?

(Дергает Марфу за руку.)

Опомнися, царица!
Опомнись, мать. Ну, государь?

Борис

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаем,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшего назваться
Димитрием. Как ни погиб царевич —
Хотя б о том мне ложно донесли, —
Но он погиб. Твоя печаль, поверь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мне нá душу твое ложится горе.
Я б много дал, чтоб прошлое вернуть,
Но прошлое не в нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящем думать.
Великую, царица, можешь ты
Беду от царства отвратить: лишь стоит
Перед народом клятву дать тебе,
Что Дмитрий мертв и погребен. Согласна ль
На это ты?

Марфа

Я выдала себя —
Мой сын убит. Но как о том народу
Я повещу? Ты в том ли мне велишь
Крест целовать, что на моих глазах
Тобою купленная мамка сына
Убийцам в руки предала?

Борис

Клянусь,
Я не приказывал того!

Марфа

Мой сын
Тобой убит. Судьба другого сына
Послала мне — его я принимаю!
Димитрием его зову! Приди,
Приди ко мне, воскресший мой Димитрий!
Приди убийцу свергнуть твоего!
Да, он придет! Он близко, близко — вижу,
Победные его уж блещут стяги —
Он под Москвой — пред именем его
Отверзлися кремлевские ворота —
Без бою он вступает в город свой —
Народный плеск я слышу — льются слезы —
Димитрий царь! И к конскому хвосту
Примкнутого тебя, его убийцу,
Влекут на казнь!

Царица

Пророчит гибель нам
Твоя гортань?
(Схватывает зажженную свечу и бросается с нею на Марфу.)
Так подавись же, сука!

Борис
(удерживая ее, к Марфе)

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не может
Царевича вернуть, но что в твоей,
Царица, власти помешать потокам
Кровавым течь и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы без боя
Дойдет тот вор! Нет, он лишь чужеземцев
К нам приведет! Раздор лишь воспалит он!
Утраченный тебе твой дорог сын;
Но менее ль тебе, царица, дорог
Покой земли? Молчанием своим
Усобице откроешь ты затворы,
Тьма бед, царица, по твоей вине,
Падет на Русь! За них пред богом будешь
Ты отвечать. О том раздумать время
Даю тебе — прости! Свети мне, Марья!
(Уходит с царицей.)

Марфа

(одна)

Ушли — и жало жгучее уносят
В своих сердцах! Я ранила их на́смерть,
Я, Дмитриева мать! Теперь их дни
Отравлены! Без сна их будут ночи!
Лишь от меня спасения он ждал —
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топор падет на голову ему!
Прости, мой сын, что именем твоим
Я буду звать безвестного бродягу!
Чтоб отомстить злодею твоему,
На твой престол он должен сесть; венец твой
Наденет он; в твой терем он войдет;
Нарядится он в золото и в жемчуг —
А ты, мой сын, мое дитя, меж тем
В сырой земле ждать будешь воскресенья,
Во гробике! О господи! Последний
Ребенок нищего на божьем солнце
Волён играть — ты ж, для венца рожденный,
Лежишь во тьме и в холоде! Не время
Твои пресекло дни! Ты мог бы жить!
Ты вырос бы! На славу всей земле
Ты б царствовал теперь! Но ты убит!
Убит мой сын! Убит, убит мой Дмитрий!

(Падает наземь и рыдает.)

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис сидит в креслах. Перед ним стоит врач.

Борис

Не легче королевичу?

Врач

Увы,
Великий царь, припадки стали чаще!

Борис

Надежда есть?

Врач

Не много, государь.

Борис

Но чем он так внезапно заболел?

Врач

Неведомые признаки сбивают
Нас с толку, царь.

Борис

Послушай! Жизнь его
Мне собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Которого б не отдал за него!
Скажи своим товарищам, скажи им —
И помни сам, — нет почестей таких,
Какими бы я щедро не осыпал
Спасителя его!

Врач

Великий царь,
Не почести нам знанья придадут.
По долгу мы служить тебе готовы;
Награда нам не деньги, а успех.
Но случая подобного ни разу
Никто из нас не встретил.

Борис

Воротись
К нему скорей. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во что б ни стало
Спаси его! Скажи другим: пределов
Не будет благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врач уходит.

(Один.)

Ужели нас господь
Еще накажет этою потерей!
Он то звено, которым вновь связал бы
Я древнюю, расторгнутую цепь
Меж Западом и русскою державой!
Через него ей возвратил бы море
Варяжское! Чтó Ярослав стяжал,

Что́ под чужим мы игом потеряли —
Без боя то, без спора возвратил бы
Я вновь Руси! Со смертию его
Всё рушится. А Ксения моя!
Чем чистая душа ее виновна,
Что преступленье некогда свершил
Ее отец? Ты, бедная! Легко
Жилось тебе, и понаслышке только
Ты ведала о горестях людских.
Ужели их на деле испытать
Так рано ты осуждена? Ужели
Все беды съединятся, чтобы разом
На нас упасть? Здесь умирает зять,
А там растет тот враг непостижимый —
Моя вина, которой утвердить
Навеки я хотел работу жизни,
Она ж тяжелой рушится скалой
На здание мое!

Входит Семен Годунов со свертком в руках.

Семен Годунов

Великий царь...

Борис

Какую новую беду еще
Ты мне принес?

Семен Годунов

То не беда, а дерзость,
Великий государь; к тебе писать
Осмелился тот вор...

Борис

Подай сюда.
Вид царской грамоты имеет сверток;
И царская привешена печать...
Искусно всё подделано. Прочти!

Семен Годунов

(читает)

«Великий князь и царь всея Русии
Димитрий Иоаннович, тебе,
Борису Годунову! От ножа
Быв твоего избавлены чудесно,

Идем воссесть на царский наш престол
И суд держать великий над тобою.
И казни злой тебе не миновать,
Когда приимем наши государства.
Но если ты, свою познавши мерзость,
До нашего прихода с головы,
Со скверныя своея, сам сложи́шь
Наш воровски похищенный венец,
И в схиму облечешься, и смиренно
Во монастырь оплакивать свой грех
Затворишься, — мы, в жалости души,
Тебя на казнь не обречем, но милость
Тебе, Борису, царскую мы нашу
Тогда явим. Путивль, осьмого марта».

Борис закрывает лицо руками.

Семен Годунов

Тебя кручинит этот дерзкий лист?

Борис

Не оттого, что после всех трудов
И напряженья целой жизни тяжко
Лишиться было б мне венца! Всегда
Я был готов судьбы удары встретить.
Но если он мне *милость* предлагает,
Рассчитывать он должен, что вся Русь
Отпасть готова от меня! И он,
Быть может, прав. Те самые, кто слезно
Меня взойти молили на престол,
Они ж теперь, без нуды и без боя,
Ему предать меня спешат! И здесь,
Здесь, на Москве, покорные наружно,
В душе врагу усердствуют они!
А что́ я сделал для земли, что́ я
Для государства сделал — то забыто!
Мне это горько.

Семен Годунов

Государь, что́ может
Тот наглый вор?..

Борис

Таким его считал я,
Таким считать велит его рассудок —

Но после всех невзгод моих невольно
Сомнения рождаются во мне.
Свидетеля мне надо, кто бы видел
Димитрия умершим!

Семен Годунов

Но царица
Созналася...

Борис

Сознание ее
Могло испугом вынуждено быть.
Я ведаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

Семен Годунов

Его
Василий Шуйский мертвым видел...

Борис

Шуйский!
Могу ли верить я ему?

Семен Годунов

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Он схиму принял, богу отдался,
Он не солжет.

Борис

Послать за ним! Но тайно
Пусть он придет. И говорить ни с кем
Чтобы не смел!

Стольник

(отворяя дверь)

Великий государь,
Врачи тебе прислали повестить:
Отходит королевич!

Борис

Боже правый!

Уходит с Годуновым. Царевич Федор отворяет дверь, осматривается и говорит за кулисы.

Федор

Нет никого — войди, сестра!

Ксения

(входя)

Как мне
Наедине с тобою быть хотелось!
Что ты узнал о нем?

Федор

Не допустили
Меня к нему; но я у двери слушал:
Тебя зовет с собою громко он
В Норвегию и то же обвиненье
Твердит о нашем об отце...

Ксения

Ужасный,
Ужасный бред!

Федор

Бред, говоришь ты?

Ксения

Как?
Ты думаешь, он вправду верит?

Федор

Ксенья,
Когда б одно лишь это мог я думать!

Ксения

Но что ж еще?

Федор

Нет, нет, об этом знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

Ксения

(взяв его за руку)

Брат, слышишь?

Федор

Что?

Ксения

На половине той
Забегали!..

Федор

Отец идет сюда...

Ксения

Мне страшно, Федор!

Борис

(входя)

Ксения моя...

Ксения

Отец, что там случилось?

Борис

Будь тверда —
Крепися, Ксенья!

Федор

(к Борису)

Пощади ее!

Ксения

Да, я тверда! Я всё могу услышать —
Надежды нет? Нет никакой? Скажи!

Борис

Всё кончено!

Ксения шатается и падает.

(Поддерживая ее.)

Господь с тобою, Ксенья!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Ночь. Луна играет на стенах и на полу. Двое часовых.

П е р в ы й

Что, долго ли до смены?

В т о р о й

Чай, устал?

П е р в ы й

Нет, жутко как-то.

В т о р о й

Да и мне, признаться,
Не по́ сердцу в палате этой. Всё
Как будто ходит кто-то. Поглядишь —
Нет никого!

П е р в ы й

Ну, бог с тобой! Не к ночи
Об этом речь.

В т о р о й

Часок еще, пожалуй,
Стоять придется.

П е р в ы й

То-то. А ей-богу,
Двойную смену на дворе бы лучше
Я простоял!

В т о р о й

Вишь, сам заводишь речь!

П е р в ы й

Нет, чур меня! О чем-нибудь другом
Заговорим. Заметил ты сегодня,
Как пасмурен был царь?

В т о р о й

И впрямь, он был
Еще мрачней, чем эти дни.

Первый

Кручина...

Второй

Да, есть о чем. А говорят, Басманов
Того разбил недавно вора.

Первый

Что же
Всё мрачен царь? Не верит, что ли?

Второй

Лик-то
Как страшен стал!

Первый

Глядит и не глядит...

Второй

Я б не хотел теперь его увидеть!

Первый

Избави бог!

Второй

Постой — ты слышал?

Первый

Что?

Второй

Дверь скрыпнула!..

Первый

Ну, ври себе!

Второй

Шаги!..

Первый

И впрямь шаги...

Второй

То из покоев царских
Сюда идут... Всё ближе...

Первый

(с испугом)

Кто идет?

Второй

Молчи, молчи! Он сам!

Борис, в рубахе, поверх которой накинут опашень, входит, их не замечая.

Борис

(про себя)

«Убит, но жив»!
Меня с одра всё тот же призрак гонит.
Даны часы покоя всякой твари;
Растение и то покой находит,
В росе купая пыльные листы!
Так быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумом владеть свободным должен.
Мне нужен сон. Не может без наклада
Никто вращать в себе и день и ночь
Всё ту же мысль. И жернов изотрется,
Кружась без отдыха... «Убит, но жив»!
Я совершил без пользы преступленье!
Проклятья даром на себя навлек!
Когда судьбой так был обманут я —
Когда он жив — зачем же я, как Каин,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатил за эту смерть — душою
Ее купил! Я требую, чтоб торг
Исполнен был! Я честно отдал плату —
Так пусть же мой противник вправду сгинет
Иль пусть опять безвинен буду я!

(Осматривается.)

Куда зашел я? Это тот престол,
Где, в день венчанья моего, я в блеске
Невиданном дотоле восседал!
Он мой еще. С помазанной главы
Тень не сорвет венца!

(Подходит и отступает в ужасе.)

Престол мой занят!

(Приходит в себя.)

Нет, это там играет лунный луч!..
Безумный бред! Всё та же мысль! Рожденье
Бессонницы! Но нет — я точно вижу —
Вновь что-то там колеблется, как дым, —
Сгущается — и образом стать хочет!
Ты — ты! Я знаю, чем ты хочешь стать, —
Сгинь! Пропади!

Первый часовой

Святая сила с нами!

Второй

Помилуй бог нас!

Борис

Кто здесь говорит?

(Увидев часовых.)

Кто вы? Зачем вы здесь? Как смели вы
Подслушивать?

Второй

Великий государь,
Наряжены мы терем караулить!..

Борис

Вы на часах? Так где же ваши очи?
Смотри туда! Что на престоле там?

Второй

Царь-государь... я ничего не вижу!..

Борис

Так подойди ж и бердышем своим
Ударь в престол! Чего дрожишь? Иди —
Ударь в престол!

Часовой подходит к престолу.

Стой! Воротись — не надо!
Я над тобой смеялся! Разве ты
Не видишь, трус, что это месяц светит
Так от окна? Тебе и невесть что
Почудилось?.. Смотрите же вы оба:

О том, что здесь вы слышали сейчас
Иль видели, — молчать под смертной казнью!
Вы знаете меня!

(Вздрогнув.)

Кто там?

Входит **Семен Годунов.**

Семен Годунов

То я,
Великий государь! Тебя ищу я...

Борис

Кто право дал тебе за мной следить?

Семен Годунов

(тихо)

Андрей Клешнин, по твоему веленью,
К тебе пришел.

Борис

(к часовым)

Ступайте оба прочь!

Часовые уходят.

Никто не видел Клешнина?

Семен Годунов

Никто.
По тайному крыльцу его я в терем
Сам проводил.

Борис

Впусти его!

Семен Годунов уходит.

Под схимой
Он от мирских укрылся треволнений,
А я, как грозный некогда Иван,
Без отдыха мятусь. Как он, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомненье мне
Он разрешил. И как при нем, так ныне
При мне грозит Русии распаденье!

Ужель судьба минувшие те дни
Над нею повторяет? Или в двадцать
Протекших лет не двинулся я с места?
И что́ я прожил, был пустой лишь сон?
Сдается мне, я шел, всё шел вперед
И мнил пройти великое пространство,
Но только круг огромный очертил
И, утомлен, на то ж вернулся место,
Откуда шел. Лишь имена сменились,
Преграда та ж осталась предо мной —
Противник жив — венец мой лишь насмешка,
А истина — злодейство есть мое —
И за него проклятья!

Входит Клешнин в схиме и в веригах.

Это ты?

Клешнин

Я сам. Зачем меня ты потревожил?
Спокойно не́ дал умереть? В чем дело?

Борис

Давно с тобою не видались мы.

Клешнин

И лучше бы нам вовсе не видаться.

Борис

Ты нужен мне.

Клешнин

Еще? Кого зарезать
Задумал ты?

Борис

Твоя не в пору дерзость,
Ее терпеть я не хочу!

Клешнин

А я
Хочу быть дерзок. Или, мнишь ты, после
Того, что я видаю по ночам,
Ты страшен мне?

Борис

Оставь обычай свой.
Дай мне ответ по правде: в Углич ты
На розыск тот посылан с Шуйским был,
Дай мне ответ — и царствием небесным
Мне поклянись: убит иль нет Димитрий?

Клешнин

Убит ли он? Дивлюся я тебе.
Или мою не разглядел ты схиму?
Так посмотри же на мое лицо!
Зачем бы я постился столько лет?
Зачем бы я носил вериги эти?
Зачем живой зарылся б в землю я,
Когда б убит он нé был?

Борис

Ты его
Сам видел мертвым?

Клешнин

Будь спокоен. Мы
Его убийц нзванье не украли —
Оно, по праву, наше: на гортани
Зияет рана в целую ладонь!

Борис

И не было подмена?

Клешнин

Нет. Когда бы
Его черты забыть я мог — мне их
Мои бы сны напомнили...

Борис

Кто ж тот,
Кто называет Дмитрием себя?

Клешнин

Почем мне знать! Дух, может быть, иль хуже,
Но говорить с тобой об этом ночью
Я не хочу. Об эту пору чуток
Бывает тот!

Борис

Андрей...

Клешнин

Забудь Андрея!
Четырнадцать уж лет в болоте черти
Играют им. Брат Левкий пред тобой.

Борис

Постригся ты, но схима не смирила
Твой злобный дух. Не кротостию речь
Твоя звучит.

Клешнин

Не в кротости спасенье.
Ты мягко стлал, но не помог себе
Медовой речью в горькую годину.
Не помогли и казни. Над тобой
Проклятье божье. Мерзость ты свою
Познай, как я; прими такую ж схиму;
Сложи венец; молися и постись;
Заприся в келье...

Борис

Русскою землею,
Блюсти ее, на царство я избра́н!
В невзгоды час с престола моего
Я не сойду, как скоморох с подмосток!
С мечом в руках, не с четками, я встречу
Врага земли!

Клешнин

Земля тебя клянет!
А враг у нас с тобой один: оружью
Он твоему смеется! С ним сразиться
Ты можешь, только павши ниц во прах
Перед крестом!

Борис

Когда придет мой час,
Я принесу за грех мой покаянье.
Теперь грозу я должен встретить. Если
Тебе еще что ведомо в сем деле,
Скажи мне всё!

Клешнин

Я всё тебе сказал.
Убийца ты. Волхвы тебе когда-то
Семь лет царенья предсказали. Близок
Твой смертный час. Прости — я ухожу.
От инока от Левкия прими
Благословенье днесь.

Борис

Перед твоей
Священною склоняюся я схимой —
Не пред тобой, монах!

Клешнин

Лобзай же руку,
Благословляющую тя!

Борис

Твою?

Клешнин

Она в крови? Так что ж? Ты разве чище?
Сложи венец!

Борис

С судьбой бороться буду
Я до конца!

Клешнин

Так умирай как пес!
(Уходит.)

УТРО. ПОКОЙ ПЕРЕД ЦАРСКОЙ ОПОЧИВАЛЬНЕЙ

Спальник слушает у дверей. Входит Семен Годунов.

Семен Годунов

Что государь? Каков он?

Спальник

До рассвета
В постелю не ложился. Всё ходил
По-прежнему и сам с собою всё
Как будто разговаривал.

Семен Годунов

Басманов
Сей ночью прибыл; о своей победе
Царю отчет привез он. Царь его
Не принимал?

Спальник

Нет. Грамоту к себе
Потребовал; прочтя, перекрестился,
Ему ж велел быть к лобному столу.

Семен Годунов

И лег в постель?

Спальник

Лег, только ненадолго;
Чрез краткий час встал снова и велел
Царевича позвать; а нам дал строгий
Запрет за два покоя никого
К ним не пускать.

Семен Годунов

Они доселе вместе?

Спальник

Досель... Но вот, кажись, идут!

Семен Годунов

Уйдем!

Оба уходят. Борис входит в разговоре с царевичем Федором.

Борис

Мы трудные с тобою времена
Проходим, сын. Предвидеть мы не можем,
Какой борьба приимет оборот
С врагом Руси. Мои слабеют силы;
Престол мой нов; опасна смерть моя
Для нашего теперь была бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положил: торжественною клятвой
Связать бояр в их верности тебе.
Сегодня, сын, тебя венчать на царство
Я положил!

Федор

Отец, помилуй! Как?
В тот самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную победу
Готовишься?

Борис

Изменчива судьба.
Мы на лету ее всечасно ласку
Ловить должны. Усердье к нам людей
С ней заодно. Сегодня прежним блеском
Мой светит скиптр. В Бориса счастье снова
Поверили. Сегодня уклониться
От царской воли никому не может
И в мысль войти. Но знаем ли мы, что́
Нас завтра ждет? Я на обеде царском
От всех бояр хочу тебе присяги
Потребовать.

Федор

Прошу тебя, отец,
Уволь меня!

Борис

Приять венец русийский
Назначен ты в тот самый час, когда
На царство я взведен был Земской думой.
Себе и роду своему престол
Упрочить ты обязан.

Федор

Нет, отец!
Я не могу — уволь меня!

Борис

Сын Федор,
Что значит это?

Федор

Не гневись, отец, —
Венчаться не могу я! На престол —
Я не имею права!

Борис

Как?

Федор

Отец,
Прости меня! Ты борешься упорно —
Я ж не уверен, что противник твой —
Не истинный Димитрий!

Борис

Не уверен?
Ты, Федор, — ты?

Федор

Я углицкое дело
Читал, отец, и Шуйского тот розыск.
Бессовестно допрос был учинен!
Отыскивать не так бы должен правду,
Кто б искренно хотел ее узнать!

Борис

Но правда та мне ведома!

Федор

Ты мог
Обманут быть!

Борис

Нет, не был я обманут!

Федор

От Шуйского лишь углицкое дело
Ты то узнал!

Борис

Я прежде знал его!

Федор

Ты?

Борис

Я!

Федор

Отец! Как мог его ты знать?

Борис

Когда тебе улики дам я в руки,
Что Дмитрий мертв...

Федор

Как? У тебя иные
Улики есть, чем те, что со́брал Шуйский?

Борис

Иные — да!

Федор

И ты доселе их
Не предъявил?

Борис

Я их не предъявлю!
Мне на́ слово поверить должен ты!
Димитрий мертв!

Федор

Нет, прежде не по́верю,
Чем сам увижу те улики!

Борис

Ты —
Их требуешь? Ты хочешь их, сын Федор?
Так знай же всё!

Федор

Нет, нет, отец! Молчи!
Поверил я! Не говори ни слова —
Поверил я!

Молчание.

Борис

Недолго мне осталось
На свете жить. Земли мне русской слава,
Свидетель бог, была дороже власти.
Но, вижу я, на мне благословенья
Быть не могло.

Федор

Нет, нет! Оно не может
Быть на тебе!

Борис

Ты чист и бел. Тебя
От прикасанья зла предохранить
Мне удалось. Господь твою державу
Благословит.

Федор

О, если б не пришлось мне
Ее принять!

Борис

Неизлечим недуг
Душевный мой. Он разрушает тело —
И быстро я, усильям вопреки,
Иду к концу. В страданье человек
Бывает слаб. Мне ведать тяжело,
Что все меня клянут... Услышать слово
Приветное я был бы рад...

Молчание.

Федор

Прости!

(Уходит.)

СТОЛОВАЯ ПАЛАТА

Великолепно убранные столы в несколько рядов. За ними, в ожидании, сидят бояре. На правой стороне просцениума царский стол с пятью приборами. Несколько лиц разговаривают на просцениуме.

Салтыков

Нам не везет!

Голицын

Победу над собою
Мы празднуем!

Салтыков

Неволей торжествуем!

Голицын

Да полно, так ли плохо? Ведь виной
В победе этой лишь один Басманов;
Не будь его, Димитрий смял бы нас!

Салтыков

Он нас и смял. Уж наши отступали,
Как враг того Басманова принес.
Окрысился, уперся — а к нему
Как раз на помощь немцы подоспели.

Голицын

Проклятые!

Салтыков

Какое горе им!
Борису присягали, за Бориса
Кладут живот!

Голицын

Басманов за него же!

Салтыков

А то небось за нас? Собака знает,
Чей ела корм!

Шуйский

(подходит)

О чем, бояре, вы?

Салтыков

Да всё о том же, князь Василь Иваныч,
О радости великой.

Шуйский

Как бы только
Не горевать пришлося нам! Мне пишут:
Он вновь собрать успел свои дружины,
К нему идет подмога от Литвы,
А Роща-Долгорукий со Змеёвым
Передались ему; Мосальский также
И Татев тож!

Голицын

Ты шутишь, князь?

Шуйский

Ей-богу.

Салтыков

Царь ведает?

Шуйский

Зачем его тревожить?
Пожалуй, пир сегодняшний та весть
Испортила б.

Голицын

Ну, слава богу! Лишь бы
Басманова царь не послал опять!

Шуйский

Нет, нет, зачем! Нельзя нам на Москве
Быть без него!

Салтыков

Признайся, князь Василий,
Ведь это *ты* царя-то надоумил
Басманова призвать?

Шуйский

(смеясь)

А кто ж еще?
Ведь он себе награду заслужил!

Голицын

Хитер же ты!

Шуйский

Ну, где уж нам хитрить!

Салтыков

А вот и он!

Входит Басманов, все раздаются.

Шуйский

(идет ему навстречу)

Челом, боярин Петр
Феодорыч, тебе от всей от Думы!
Утешил нас, ей-богу-ну! А то
И батюшке-царю кручинно стало;
Как с вором, мол, не справиться-то с тем,
С расстригою!

Басманов

Навряд ли он расстрига.

Шуйский

Расстрига, нет ли — тот же вор. Теперь,
Чай, не начнет!

Басманов

Нет, князь Василь Иваныч,
Боюсь, начнет. Хоть он и вор, а удаль
Нам показал свою. И любо видеть,
Как рубится! В беде не унывает:
Когда его войска погнали мы,
Последний он, и шаг за шагом только
Нам уступил. Так, говорят, косматый,
Осиленный ловцами, покидает
Добычу лев!

Шуйский

(смеясь)

Да ты, никак, боярин,
Не в шутку хвалишь вора!

Басманов

Не таюсь,
Мне пó сердцу и вражая отвага!

Шуйский

А за твою тебе сегодня царь
Воздаст почет!

Басманов

Храни его господь!
Но лучше бы меня теперь у войска
Оставил он. Не надо б дать врагу
Опомниться.

Шуйский

И без тебя, боярин,
Его добьют. Ты ж для совета нам
Здесь надобен.

Салтыков

Недаром государь
Пожаловал тебя в бояре. Будешь
Нас разуму учить!

Голицын

Нам будешь в Думе
Указывать!

Басманов

Боюся, не сумею
Вам быть под стать.

Голицын

Мы славимся породой,
А ты умом!

Басманов

Кто чем богат!

Входит Семен Годунов. Все ему кланяются. За ним два стольника несут богатую шубу.

Семен Годунов

(к Басманову)

Боярин
Петр Федорыч! Великий государь,
До своего до царского прихода,
Мне приказал приветствовать тебя
И эту шубу, с своего плеча,
Прислал тебе в подарок!

Все

(кланяясь Басманову)

С царской лаской!

Стольники надевают на него шубу.

Басманов

Не заслужил я милости великой!

Семен Годунов

То лишь почин. Угодно государю
Тебе такие почести воздать,
Каких еще он никому доселе
Не воздавал!

Шуйский

Мое взыграло сердце!
Кому ж и честь, когда не воеводе,
Что от врага лютейшего вконец
Избавил нас!

(К Семену Годунову.)

Но успокой, родимый,
Скажи, Семен Никитич, правда ль: ночью
Недужил царь?

Семен Годунов

Нет, миловал господь,
Одна была усталость.

Шуйский

Богу слава!
И то сказать, ни день ни ночь покоя
Нет милости его. Зато теперь
Он от хлопот уж может отдохнуть!

Звон дворцовых колоколов. Входит Борис в царском облачении. За ним царевич Федор, царица и Ксения.

Салтыков

(к Голицыну)

Как бледен он!

Голицын

Мертвец!

Борис
(к Басманову)

Боярин Петр
Феодорыч!

Басманов опускается на колени, Борис его подымает.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь —
Прими от нас великий наш поклон
И от земли русийской челобитье!
(Берет у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подает Басманову.)

Басманов
(принимая блюдо)

Великий царь! За малую ты службу
Чрез меру мне сегодня воздаешь!
Дозволь мне, царь, вернуться к войску. Там,
Быть может, мне твою удастся милость
И вправду заслужить!
(Передает блюдо стольнику.)

Борис

Пожди еще.
Тяжелое принудило нас время
Быть строгими. Москва все эти дни
Опал довольно видела и казней.
Она должна увидеть на тебе,
Как верных слуг, за правду их, умеет
Царь награждать. Садись со мною рядом.

Садится за стол. По правую его руку царица, Федор и Ксения; по левую Басманов. Бояре размещаются за другими столами. Слуги разносят блюда.

Один боярин
(за крайним столом налево)

Мне на царевну Ксенью жаль смотреть,
Вошла в палату, на ногах едва
Держалася.

Другой

По женихе тоскует.
Чай, нелегко сидеть в алмазах ей
Да в жемчуге, когда на сердце смерть!

Первый

Царевич также нѐвесел.

Другой

А царь-то!

Борис

(к Басманову)

Не в радостный ты час к нам прибыл, Петр.
Семейное меня постигло горе,
Затем порой задумчив я кажусь;
Но славная твоя победа нас
Оправила.

Басманов

Великий государь,
Дай бог тебе веселья и здоровья
И всех врагов под ноги покорить!

Салтыков

(за другим столом налево)

Мы похоронный точно пир справляем.
Смотри, как он веселым хочет быть,
А сам не свой!

Голицын

Ему недуг, быть может,
Невмоготу.

Салтыков

Кабы да тот недуг
Нам впрок пошел! Царевны Ксеньи жаль.

Голицын

Да, жаль ее.

Салтыков

Что с братом и с сестрой
Мы сделаем, когда на царство тот
Пожалует?

Борис

Царевна Ксенья, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

Ксения

(обходит стол и подносит стопу Басманову, с поклоном)

Уважь, боярин!

Басманов

(принимая стопу)

Во здравие царя и государя!

Все

Во здравие царя и государя!

Борис

(вставая)

Во здравие боярина Петра
Басманова! Пусть долго он живет,
На образец другим, земле на славу,
Врагам на страх!

Все

Во здравие его
И много лет!

Борис

Да славится вовеки
Святая Русь и да погибнут все
Ее враги!

Все

Анафема врагам!

Борис

(садясь)

Семь лет прошло, что я земли русийской
Приял венец. Господня благодать
Была над ней — доколь, подобно язве
Египетской, тот не явился враг,
Над ним же мы победу торжествуем.

Час недалек, когда, проклятый богом,
Он на земле достойную себе
Приимет мзду. Господь дела карает
Неправые; в сердцах читает он,
И суд его, как громовая туча,
Всегда висит над головою тех,
Что злое в сердце держат умышленье.
Бояре все! Чтó заслужили б те,
Что, сидя здесь, за царскою трапéзой,
В душе своей усердствовали б тайно
Разбитому Басмановым врагу?

Голоса

Помилуй, царь!

Борис

Моей бы ждали смерти,
Чтоб перейти к тому, лихому вору,
Наследника ж хотели б моего
Ему предать?

Голоса

(с разных сторон)

Царь-государь, помилуй!
Возможно ли! — И в мысль то не вместится! —
Нет между нас предателей!

Борис

Пусть встанет,
Кто верен мне!

Все

(вставая)

Мы все тебе верны!

Голицын

(к Салтыкову)

Что, встал небось?

Салтыков

А ты-то?

Голицын

Поневоле
Подымешься. Не выдать же себя!

Борис

Клянитесь мне, что будете служить
Феодору по вере и по правде!

Все

Клянемся, царь!

Борис

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станет!

Все

Все клянемся!

Борис

Клянитесь мне, что, если между вас
Кто-либо держит злобу на меня,
Он злобы той на сына не захочет
Перенести!

Все

Во всем тебе клянемся!

Шуйский

Уж положися на своих рабов,
Царь-батюшка!

Борис

В соборе вашу клятву
Вы целованьем крестным утвердите.
Мы в животе и смерти не вольны —
Я Федора хочу еще при жизни
Моей венчать. От младости он мной
Наставлен был в науке государской.
Господь ему превыше лет его
Дал светлый ум, и с духом твердым кротость
В нем сочетал, и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьем ложным,

В него вложил. Его царенье будет
На радость вам, на славу всей земле!
Чего я сделать не успел для царства —
То он свершит —

(выступает вперед)

и за него теперь
Заздравный сей я кубок подымаю!

Все

Да здравствует царевич! Много лет
Царевичу Феодору!

Один боярин

(указывая на Бориса)

Что с ним?

Другой

Шатается!

Борис

Басманов...

Басманов

(подхватывает его)

Государь!

Смятение между боярами.

Ксения

Отец! Отец!

Борис

Мне дурно...

Федор

За врачом
Бежать скорей!

Борис

Не надо... смертный час
Мой настает...

Его сажают в кресла.

Царица

Ах, господи! Не просто
Случился грех! Знать, тут была отрава!

Несколько голосов

Отравлен царь!

Борис

Нет — не было отравы!
Иль мните вы, бессильна скорбь одна
Разрушить плоть?

Федор

О, вели́ка твоя
Пред богом скорбь!

Борис

Сын Федор, Ксенья, дети!
Храни вас бог! Князь Шуйский, подойди!
Друг друга мы довольно знаем. Помни,
В мой смертный час я господа молю:
Как ты мне клятву соблюдешь, пусть так
И он тебя помилует! Басманов,
Спеши к войскам! Тебе я завещаю
Престол спасти! О господи, тяжел,
Тяжел твой гнев! Грехи мои ты не дал
Мне заслужить!

Федор

Клянусь тебе, отец,
Не забывать, что искупить я должен
Их жизнью всей!

Борис

(к боярам)

Блюдите вашу клятву!
Вам ясен долг — господь карает ложь —
От зла лишь зло родится — всё едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!

Царица

(кланяясь в ноги)

Свет-государь! Прости меня, в чем я
Грешна перед тобой!

Борис

Мой меркнет взор...

Ксения

О господи! Будь милостив к нему!

Борис

Простите все! Я отхожу, сын Федор,
(встает)
Дай руку мне! Бояре! Вот ваш царь!

(Падает в кресла.)

Занавес опускается.

1868—1869

II

ДОН ЖУАН

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Посвящается памяти Моцарта и Гофмана

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, daß der Feind die Macht behielt dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann[1]

ПРОЛОГ

Красивая страна. Весенний вечер. Захождение солнца. Небесные духи спускаются на землю.

Духи

Из иной страны чудесной,
Людям в горести помочь,
Нас на землю царь небесный
Посылает в эту ночь;
Принести живое слово,
Жатвы все благословить,
Человека к жизни новой
Ободрить и укрепить!

Один дух

Жаль мне рода, что для хлеба
Маять век свой осужден;

[1] Но ужас грехопадения в том, что у врага сохранилась власть подстерегать человека и расставлять ему коварные ловушки даже в его стремлении к высшему, там, где человек выражает божественность своей природы. Это противоборство божественных и демонических сил рождает понятие земной жизни, точно так же, как одержанная победа — понятие жизни неземной. *Гофман* (нем.). — *Ред.*

Мысль его стремится в небо,
Сам над плугом он согбен;
Всем страданьям, без изъятья,
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Другой дух

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Всё лишь отблеск божества,
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный —
Не светить ему нельзя!

Третий дух

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но, струящаясь от бога,
Сила борется со тьмой;
В нем могущества покой —
Вкруг него времен тревога!

Четвертый дух

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит;
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

Пятый дух

И усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается всё снова
Спор враждующих начал.

В битве смерти и рожденья
Основало божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Шестой дух

Вечно вкруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен:
Нарушенье и возмездье
Есть движения закон.
Чрез всемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И, как символ возрожденья,
За зимой ведет весну!

Седьмой дух

Вот она, весна младая,
Свежим трепетом полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
В неба синие объятья
Поднялась земли краса, —
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

Все

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых
И куда ни кинешь взор,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит бога
Жизни полная весна!

Проходят облака

Миновало холодное царство зимы,
И, навстречу движенью живому,
В юных солнца лучах позлатилися мы
И по небу плывем голубому.
Миновало холодное царство снегов,
Не гонимы погодою бурной,

В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим господа в тверди лазурной!

Расцветают цветы

Снова небо с высот улыбается нам,
И, головки подняв понемногу,
Воссылаем из наших мы чаш фимиам,
Как моление господу богу!

Пролетают журавли

По небесным пространствам спеша голубым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью виясь издалека.
Видим сверху мы праздник веселый земли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкруг, журавли, журавли,
Хвалим криками господа бога!

Озера и реки

Зашумели ручьи, и расторгнулся лед,
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной.
И вверху и внизу всё миры без конца,
И двояко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе творца,
Славят вместе его бесконечность!

Солнце зашло.

В роще запевает соловей

Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом всё дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!
Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье —
Всё мне звучит как обещанье
Другой, неведомой весны!

Духи

Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит,
Но мыслью, вечно восходящей,
Не в жизни ищет идеал,
И кто души своей любящей
Упорно к ней не приковал!

Соловей

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мне;
Но в их неровном колыханье
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье —
Всё мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!

Духи

Чем тени сумрачней ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувший выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит божья воля,
Явлений двойственность храня, —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех сомнений мимо
Дорогой светлою идет!

Голос

Прекрасно всё. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.
Жаль только, что ее краса недолговечна
И декорация уж слишком непрочна!

Духи

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Голос

Я живописи тень. Я темный фон картины,
Необходимости логическая дань.
Я нечто вроде общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цветочки.

Духи

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает,
Земля под нами задрожала, —
О братья, близко здесь недоброе начало!

Голос

Хотя не Слово я, зато я — все слова!
Всё двигаю собой, куда лишь сам ни двинусь;
По математике я — минус,
По философии — изнанка божества;
Короче, я ничто; я жизни отрицанье;
А как господь весь мир из ничего создал,
То я тот самый матерьял,
Который послужил для мирозданья.
Клеветникам назло, прогресс во всем любя,
Чтоб было что-нибудь, я в дар принес себя,
Не пожалел отдать часть собственного теста,
Чтоб вылепиться мог вселенной сложный шар;
А так как быть нельзя, не занимая места,
То в остальное он вошел, как в свой футляр.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи к небесам,
Акафисты свои поете фистулою,
Я к звонким вашим дишкантáм —
Фундаментальный бас.

Духи

По дерзостным речам
Тебя узнать легко. Явись же лучше к нам
И не веди происхожденья
Хвастливо от предвечной тьмы;

Увы, ты был, до дня паденья,
Таким же светлым, как и мы!

Голос

Мне грамоту мою отстаивать — бесплодно;
Во мне так много есть сторон,
Что быть готов я, коль угодно,
Не что иное, как *бурбон.*
Но если с этой точки зренья
Мы будем на мое смотреть происхожденье,
Тогда осмелюся сказать,
Вам не во гнев и не в обиду,
Что я, имев несчастье потерять
Архангельский мой вид, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вам подлинно собрат,
То одолжите мне, любезные собратья,
Какой-нибудь наряд,
Приличный облик или платье!

Духи

Бери любой; явися нам
Как змий, как ворон иль иначе!

Сатана

(является в виде черного ангела)

Вот так известен я певцам,
А живописцам наипаче.

Первый дух

Замолкнул соловей, поблекнули цветы,
Подернулися звезды облаками...
Скажи, погибший брат, чего здесь хочешь ты
И что есть общего меж нами?

Второй дух

Дух отрицания, безверия и тьмы,
Дух возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видим мы,
Врага и правды и святыни?

Третий дух

Ты ль, мной самим, как червь, низверженный
во прах,
Теперь, с насмешкой на устах,
Дерзаешь в сонме сем являться?

Сатана

Превосходительный! Не стыдно ль так ругаться?
Припомни: в оный день, когда я вздумал сам
Владыкой сделаться вселенной
И на великий бой поднялся дерзновенно
Из бездны к небесам,
А ты, чтоб замыслам противостать свободным,
С негодованьем благородным,
Как ревностный жандарм, с небес навстречу мне
Пустился и меня шарахнул по спине,
Не я ль в той схватке благотворной
Тебе был точкою опорной?
Ты сверху напирал, я снизу дал отпор;
Потом вернулись мы — я вниз, ты в поднебесье, —
И во движенье сил всемирных с этих пор
Установилось равновесье.
Но если б не пришлось тебе меня сшибить
И, прыгнув сгоряча, ты мимо дал бы маху,
Куда, осмелюся спросить,
Ты сам бы полетел с размаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это всё *дела давно минувших дней,*
Преданья старины глубокой —
Кто вспомнит старое, того да лопнет око!

Духи

Какое ж ныне замышленье
Тебя из бездны вызвало опять?

Сатана

Хотелось мне, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочем, у меня есть и другое дело.
Коль вам беседовать со мной не надоело,
Охотно сообщу задуманный мной план.

(Садится на обгорелый пень.)

Есть юноша в Севилье, дон Жуан,
А по фамильи — де Маранья.
Ему пятнадцать лет. Счастливые года!
Чуть пухом поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но в мыслях колебанье
И беспокойство видны иногда.

Как размышляет он глубоко
И как задумчив он порой!
К какой-то цели всё неясной и высокой
Стремится он неопытной душой;
Но если речь зайдет о воинской отваге
Или любви коснется разговор,
Его рука уже на шпаге,
Огнем горит орлиный взор.
Как он хорош в толпе придворной,
Одетый в бархат и атлас,
Когда он клонит так притворно
Свой взор при встрече женских глаз!
Зато как иногда он смело
На них украдкою глядит!
Сам бредит о любви, а кровь кипит, кипит...
О молодость моя, куда ты улетела!
Вы правы, господа! На утре бытия
Мечтателем когда-то был и я,
Пока не преступил небесного предела!

Духи

О Сатана, кого назвал ты нам!
Сей дон Жуан любимец есть природы,
Он призван к подвигам и благостным делам,
Пред ним преклонятся народы,
Он будет славен до конца,
Он стражей огражден небесной неприступно,
К нему ты не прострешь руки своей преступной —
Познай: сей дон Жуан избранник есть творца!

Сатана

Мой также. Я давно его заметил.
Я знаю, сколь удел его в грядущем светел,
И, юношу всем сердцем возлюбя,
Я сделаю его похожим на себя.

Духи

Но где же власть твоя? Где сила?

Сатана

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всем я к точности привык.

Ведь каждый данный пункт, характер или лик
Мы можем мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжи́ть и книзу.
Я часто сам от скуки наблюдал,
Как иногда моя меняется натура:
Взберусь наверх — я мрачный идеал;
Спущуся вниз — карикатура.
Теперь, как с кафедры адъюнкт,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмем как данный пункт;
Коль кверху продолжи́м ее мы очертанье,
То наша линия, как я уже сказал,
Прямехонько в ее упрется идеал,
В тот чистый прототип, в тот образ совершенный,
Для каждой личности заране припасенный.
Я этот прототип, не зримый никому,
Из дружбы покажу любимцу моему.
Пусть в каждом личике, хоть несколько годящем,
Какое бы себе он ни избрал,
Он вместо копии всё зрит оригинал,
Последний вывод наш в порядке восходящем.
Когда ж захочет он, моим огнем палим,
В объятиях любви найти себе блаженство,
Исчезнет для него виденье совершенства
И женщина, как есть, появится пред ним.
И пусть он бесится. Пусть ловит с вечной жаждой
Всё новый идеал в объятьях девы каждой!
Так с волей пламенной, с упорством на челе,
С отчаяньем в груди, со страстию во взоре
Небесное Жуан пусть ищет на земле
И в каждом торжестве себе готовит горе!

Духи

О дух неправды! Тот, кто ищет свет,
Кто жаждет лишь обнять, что вечно и прекрасно,
Над тем у ада власти нет,
И ты сгубить его надеешься напрасно.
Познает правду он, рассеется твой мрак,
Как ветром на луну навеянная тучка!

Сатана

Вот в этом-то и закорючка.
Уладить дело надо так,
Чтобы, во что бы то ни стало,

Всё по́д носом ловил далекий он призра́к
И с толку сбился бы искатель идеала.
Ведь черту, говорят, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волос,
Чтоб душу всю его держать за эту нить
И чтобы с ним она уж не боролась;
А дон Жуан душой как ни высок
И как ни велики в нем правила и твердость,
Я у него один подметил волосок,
Которому названье — гордость!

Духи

О братья, окружим незримою толпой
Младое сердце дон Жуана,
С врагом в упорный вступим бой,
Да не свершит над ним обмана!
Туман и мрак разгоним с юных дум,
Да явится им истины дорога!

Сатана

К чему весь этот треск и шум?
Помилуйте, побойтесь бога!
Зачем кричать заране: караул!
Могу сказать вам непритворно,
Мое влиянье благотворно,
Без дела праведник, пожалуй бы, заснул.
Поверьте, для людей толчки полезны эти,
Как галванисм полезен для больных.
И если б черта не было на свете,
То не было бы и святых!

Духи

Довольно. В сумраке земля уже почила,
Безмолвен лес, тиха поверхность вод,
Покой и мир для смертных настает...
Да сгинет Сатаны завистливая сила!

Сатана

Покойной ночи всем! Увидим, чья возьмет!

(Исчезает.)

Духи

(одни)

В тревожном жизни колебанье
Всегда с душой враждует плоть;
Да озарит твое сиянье
Стезю блудящего, господь!
Но если, пламенный и страстный,
Он слепо вступит в мрак и ночь,
В час испытанья, в час опасный,
Дозволь нам слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоих судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех соблазнов мимо
Дорогой светлою идет!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПРОЛОГА

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛ В СЕВИЛЬЕ

Заседание в Casa santa.[1] Инквизитор, три члена, фискал и секретарь. У дверей стража.

Инквизитор

Предмет, о коем рассуждать мы будем,
Уже известен вам, святые братья:
Над исполнителями Sant' officio,[2]
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дело.
Прочтите обвинение, фискал.

Фискал

(читает)

«Три дня тому назад святое братство
Под стражею вело из Антекеры
В тюрьму отпавшего мориско. Вдруг,
Одетый в плащ, черты сокрыты шляпой,
На них напал какой-то кавалер.

[1] Святом доме (исп.). — *Ред.*
[2] Священного трибунала (исп.). — *Ред.*

С угрозами и шпагою махая,
Он многих ранил, прочих разогнал,
Преступника ж освободил и скрылся».

Инквизитор

Мориско был назначен на костер —
Святая церковь вопиет о мести.

Один член

И не нашли виновного?

Фискал

След найден.
При кавалере был его слуга.
Агент, узнав его по описанью,
Подговорил идти с собой в трактир;
Там схвачен он и ждет теперь допроса.

Другой член

Дозволит ли священный председатель
Нам допросить агента и слугу?

Инквизитор

(к офицеру стражи)

Сеньор Мигель, введите их обоих.

Входят шпион и Лепорелло. Последний с завязанными глазами.

Сними с себя повязку, сын мой. Кто ты?

Лепорелло

(снимая повязку)

Ай-ай! Где я?

(Увидев шпиона.)

А, господин Диего!
Так поступать нечестно. Вы меня
Своим недавно другом называли!

Фискал

Преступник, отвечай, кто ты?

Лепорелло

Позвольте —
Меня вчера на улице он встретил,
Подговорил с ним вместе отобедать
И угостил пуляркой. А теперь...

Фискал

Теперь, когда ты отвечать не станешь,
Ты будешь пыткой угощен. Кто ты?

Лепорелло

Я, господин почтенный? Я не знаю.

Фискал

(к инквизитору)

Позволите ль железные ему
Надеть ботинки?

Лепорелло

Что за вздор? Зачем?
Я сущую вам правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенок.
Коль по моим наклонностям судить,
Я гранда сын, а может быть, прелата!

Фискал

Сеньор Мигель! Железные ботинки!

Инквизитор

(к фискалу)

Не будем торопиться.

(К шпиону.)

Что с тобой
Он говорил, когда вы вместе пили?

Шпион

Он хвастался, что с господином он
Преступника избавил от костра,
Слуга он дон Жуана де Маранья
И соучастник в деле.

Лепорелло

(тихонько, к шпиону)

Фуй, Диего!
Мы говорили вместе как друзья;
Что я тебе за рюмкой сообщил,
Должно остаться было между нами!

Шпион

Его прозванье Лепорелло. Он
Уже лет десять служит дон Жуану.

Лепорелло

Нехорошо, Диего; право, стыдно!
Я вижу, ты болтун. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорей домой меня отправить?

Инквизитор

Итак, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вместе вы с Мараньей, на дороге,
Напали на святую инквизицью?

Лепорелло

Кто? Я? Избави боже! Я был сзади!

Инквизитор

Теперь ты должен всё нам рассказать,
Что о своем ты знаешь господине:
Каких он лет? И кто его друзья?
И часто ль в церковь ходит он? И кто
В интриге с ним? И что он говорит?
И как он судит о священном братстве?
Всё должен откровенно ты поведать
Или мученья пытки испытать.

Лепорелло

Помилуйте, священный председатель!
Вы столько задали вопросов вдруг,
Что с памятью сперва собраться надо,
Чтоб пó ряду на всё вам отвечать.
Каких он лет? Я думаю, ему
Лет двадцать пять, а может быть, и боле.

Какие у него друзья? Их много,
Но, кажется, он им не очень верит...
И хорошо он делает! Что дружба?!
Вот этот господин меня сейчас
Пуляркой угостил; теперь же он
Показывает на меня. Диего!
Признайся, брат, что скверно?

Фискал

К делу! К делу!

Лепорелло

Ну, что ж еще? Да! Часто ль ходит в церковь?
Коль правду говорить — не слишком часто;
Так, разве для забавы; да и то
Когда в кого влюблен, то встречи ради.

Инквизитор

В интриге с кем он?

Лепорелло

Он-то? Правый боже!
Да с кем в интриге не был дон Жуан?
Подумать страшно! Верите ль, сеньор,
Из сил я выбился носить записки
И на часах стоять то тут, то там.
Мы ездили с ним вместе по Европе;
Не пропустил нигде он никого;
Что город, то интрига, а в иных
По десяти, по двадцати случалось.
Уж я ему, бывало, говорю:
«Сеньор, остепенитесь!» Так вот нет же!
Вот так и прет его в интриги, право;
И точно будто ищет он чего-то;
Попробует одной, давай другую!
Как будто женщины не все равны.
Ведь, согласитеся, отцы святые,
У курицы один и тот же вкус,
Что с черным ли хохлом она, что с белым!

Инквизитор

(к фискалу)

Немножко дерзок этот Лепорелло,

Но вместе глуп. Из болтовни его
Нам кое-что, быть может, пригодится.

(К Лепорелло.)

Твой господин великий греховодник.
Теперь в кого влюблен он?

Лепорелло

В донну Анну,
В дочь командора дон Альвара. Но
Не слишком-то податлива она;
Уж с месяц мы волочимся напрасно.

Инквизитор

Что говорит он про духовных лиц?
Об инквизиции святой как мыслит?
В его речах, с друзьями, за вином,
Или с любезной в тайных разговорах
Заметна ль ересь?

Лепорелло

Правду вам сказать,
С любезными своими дон Жуан
Не много говорит о богословье.

Инквизитор

Но быть не может, чтоб в его речах
Ты ереси преступной не подслушал.

Фискал

Подумай, вспомни. Дай нам в руки нить,
Чтоб до его безверия добраться, —
Не то готовься к пытке. Выбирай.

Лепорелло

Помилуйте, ведь я его слуга:
Нечестно доносить на господина!

Фискал

Сеньор Мигель, железные ботинки!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Я вспомнил! Погодите!
Дозвольте только мне один вопрос:

Беды ему от этого не будет?
Ведь это только так? Из любопытства?

Фискал

Из любопытства.

Лепорелло

А когда я вам
Всё расскажу, меня вы отошлете?

Инквизитор

Когда ты всё расскажешь нам, мой сын,
И приведешь точь-в-точь его слова,
Тебе дарует церковь награжденье
И ты уйдешь свободно. Если ж ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я должен буду, с сокрушенным сердцем,
На пытку согласиться.

Лепорелло

Понимаю.
Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:
«Святые братья глупы. Человек
Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной».
Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работящий;
Что их не следовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманин иль ерéтик
Не столько вреден, сколь сокрытый враг;
Что если бы сравняли всех правами,
То не было б ни от кого вражды.
«Поэтому, — так говорит мой барин, —
Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мне вам такие речи,
Но часто слышал я, как дон Жуан
Говаривал: «Святые братья глупы».

Фискал

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя в железную посадят клетку!

Лепорелло

Вот этого уж я не понимаю:
Молчу — ботинки; рот разину — клетка!

Инквизитор

(к фискалу)

Оставьте, брат фискал. Слова глупца
Святыни нашей оскорбить не могут.

(К Лепорелло.)

Послушай. С господином ты своим,
Вы совершили вместе преступленье,
Которое заслуживает смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный суд согласен,
С тем чтобы свято нам ты обещал
Следить и наблюдать за дон Жуаном.
О каждом шаге должен ты его,
О каждом слове доносить — не то —
Увы, мой сын, — смерть и проклятье церкви!

Лепорелло

(в сторону)

Вот этого еще недоставало!

(К инквизитору.)

Извольте, я готов за ним следить
И доносить про всё с благоговеньем.

Инквизитор

Иди же с миром.

(Подавая ему кошелек.)

А червонцы эти
Дари́т тебе святая инквизицья.

Лепорелло

(кладя кошелек в карман)

Беру — из уваженья. Господина б
Не продал я ни за какие деньги.

Инквизитор

Ступай, мой сын, но помни обещанье!

Фискал

Коль будешь ты болтать — костер и пытка!

Лепорелло

Не беспокойтеся, отцы святые,
Всё можно сделать лаской из меня.
Мое почтение всему собранью!
А вы, сеньор Диего, вы себе
Других друзей ищите; на меня
Вы боле не надейтесь. Ваш слуга!

Лепорелло и шпион уходят в сопровождении стражи.

Инквизитор

Сомненья нет. Преступник был Маранья,
Еретик он, святого братства враг,
И на костре заслуживает смерть.

Фискал

Давно пример остывшей вере нужен.
Везде сильнее ересь возрастает
И слабые колеблются умы.
Сожженье дон Жуана де Маранья
Спасет от казни тысячу других.

Инквизитор

Так. Но принять в соображенье надо,
Что он испанский гранд, богат свя́зями,
Что явной на него улики нет
И что от слов он может отказаться.
Когда его мы прямо обвиним,
Наделает процесс наш много шума,
А преступленье так невероятно,
Что ропот всех подымется на нас.
Пожалуй, сам король за дон Жуана
Заступится, и этим пошатнется
Религии святой авторитет.

Один член

Процесс начать неловко. Но нельзя ж
Еретика оставить на свободе.

Другой член

Избавиться его есть много средств.

Третий член

Цель освящает средства. Братство наше
Нам дозволяет в случаях подобных
К кинжалу или к яду прибегать.

Фискал

Торжественную казнь в глазах народа,
Великолепное auto da fe [1]
Я предпочел бы этой темной казни;
Но если все согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжал.

Инквизитор

Итак, мы в настоящем заседанье
Торжественно, но тайно объявляем
Еретиком Жуана де Маранья,
Ему же ныне смертный приговор
Постановляем все единогласно.
Да будет так. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан сидит в задумчивости и держит раскрытое письмо.

Дон Жуан

Опомнись, дон Жуан! Какое чувство
В твоей груди проснулося опять?
Какой давно забытый, светлый мир
В тебе записка эта пробудила?
Чем донна Анна лучше всех других?
Такой же стан, и гибкий и прекрасный,
Не раз я обнимал; к устам таким же
Я прижимал горячие уста;
Такой же голос и такой же взгляд
Не раз меня Мадонной заклинали...
И этот взгляд, и голос, и моленья,
И мой восторг, и жизни полнота —

---

[1] Дословно: дело веры (португ.). — *Ред.*

Всё было ложь. Я обнимал лишь призрак.
От женщины, которую любил я,
Которую так ставил высоко
И на земле небесным исключеньем
Считал, — не оставалось ничего —
Она была такая ж, как другие!
А, кажется, я понимал любовь!
Я в ней искал не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединив,
Стеною их от мира отделяет.
Она меня роднила со вселенной,
Всех истин я источник видел в ней,
Всех дел великих первую причину.
Через нее я понимал уж смутно
Чудесный строй законов бытия,
Явлений всех сокрытое начало.
Я понимал, что все ее лучи,
Раскинутые врозь по мирозданью,
В другом я сердце вместе б съединил,
Сосредоточил бы их блеск блудящий
И сжатым светом ярко б озарил
Моей души неясные стремленья!
И если бы то сердце я нашел!
Я с ним одно бы целое составил,
Одно звено той бесконечной цепи,
Которая, в связи со всей вселенной,
Восходит вечно выше к божеству
И оттого лишь слиться с ним не может,
Что путь к нему, как вечность, без конца!
О, если бы из тех, кого любил я,
Хотя б одна сдержала обещанье!
Я им не изменял — нет, нет, — они,
Они меня бесстыдно обманули,
Мой идеал они мне подменили,
Подставили чужую личность мне,
И их любить наместо совершенства —
Вот где б измена низкая была!
Нет, сам себе я оставался верен:
Я продолжал носить в себе ту мысль,
Которая являлась в них сначала;
Но вскоре я подлог их узнавал,
Одну покинув, я искал другую,
И, каждый раз всё сызнова обманут,

С ожесточенным стал я любопытством
В них струны сердца все перебирать,
Когда ж они рвалися, равнодушно
Изломанный бросал я инструмент
И дале шел и всюду находил
Одни и те же пошлые явленья!
И в ярости тогда я поклялся
Любви не верить, ничему не верить.
Искал я в ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну в ней находил.
Да, я искал ее лишь для того,
Чтобы насмешкой мстить ее насмешкам...
А ныне? Что со мной? Что эти строки?
Зачем они надежду оживили?
Уж в третий раз прочитываю их,
И в сердце тот же непонятный трепет.

(Читает.)

«Я к вам писать решаюсь, дон Жуан,
Решаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться с вами я должна.
Успехи ваши, нрав непостоянный,
Отчаянье и слезы стольких жертв,
К несчастью, мне давно уже известны.
Для вас легко любить и разлюблять...
Ужель вы также и меня хотели б
Игрушкой сделать прихоти своей?
Нет, вопреки тяжелым обвиненьям,
Которых много так на вас лежит,
Мне говорит какой-то тайный голос,
Что уважать вас можно, дон Жуан!
Скажите ж, как должна я оправдать
Преследованья ваши? Может быть,
Вам самолюбье не дает покоя,
И требуете вы, чтобы я вам
Сама в любви призналась? Если так —
Я притворяться доле не умею,—
Я вас люблю — да — высказано слово,
Но, заклинаю вас святой Мадонной
И честью вашей заклинаю вас,
Меня увидеть доле не ищите;
Отныне я почла бы оскорбленьем
Старанье ваше сблизиться со мной.

Я вам призналась — вы достигли цели, —
Теперь не трудно вам меня забыть».

(После некоторого молчанья.)

Как эти мне знакомы выраженья!
Такие ж строки часто я читал.
Вас заклинают честью, долгом, верой,
Потом свиданье робко назначают,
Потом придет развязка, а потом...
Исчезнет сон, и правды час наступит!
Всё это я уж знаю наперед.
Но отчего ж записка донны Анны
Мне душу так волнует глубоко?
Встают опять чудесные виденья,
И манят снова призраки любви!
Так марево в пустыне аравийской
Пред путником рисует вдалеке
Озер и рек желанных очертанья;
Когда же он, собрав остаток сил,
Дотащится до них, изнеможенный, —
Исчезло всё. Пред ним одна лишь степь,
Песков сыпучих пламенное море!

(Смотрит на письмо.)

Слова всё те же, но как будто смысл
Другой, и будто между этих строк
Читаю я невидимые строки.
А вот и слез следы. Как будто дождь
Кропил руки неверной начертанья.
И это мне знакомо. Часто я
Такие пятнышки видал на письмах.
Нет, это не любовь. То кровь играет,
Желанья дразнит ненасытный бес!
Так что же? Где ж преграда? Или вкралось
Мне в душу состраданье? Или совесть
Меня тревожит? Что такое совесть?
Пойми себя, Жуан! Когда любовь
Есть ложь, то все понятия и чувства,
Которые она в себе вмещает:
Честь, совесть, состраданье, дружба, верность,
Религия, законов уваженье,
Привязанность к отечеству — всё ложь!
Религия! Не на любви ль ее
Основано высокое начало?

Но если основанье есть ничто —
Тогда и самоё ничтожно зданье!
Двоякая в нем ложь заключена:
По мысли ложь и ложь по примененью.
Вы, райского вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для ваших жертв священные костры?
А вы, которых жгут благочестиво,
Вы, проповедники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нет любви, то нет и убеждений;
Коль нет любви, то знайте: нет и бога!
Вы ж, за отечество в кровавых битвах
Бессмысленно губящие друг друга,
Вы можете ль сказать, кто приковал
К известному пространству человека?
Кто ограничил ваш свободный дух
Стеной, горами, морем иль заставой?
Когда б любовь оправдывалась в мире,
Отечеством была бы вся земля,
И человек тогда душою вольной
Равно любил бы весь широкий мир,
Отечеством бы звал не только землю,
Он звал бы им и звезды и планеты!
А совесть? Справедливость? Честь? Законы?
Всё громкие и пошлые слова,
Всё той же лжи лишь разные названья!
Что ж остается в жизни? Слава? Власть?
Но где венец, где светлая тиара,
Которые бы стоили труда
К ним руку протянуть? Какая власть
Того насытит, кто искал блаженства?
И если б все живущие народы
И всех грядущих поколений тьмы,
Все пали ниц передо мной — ужели б
Я хоть на миг ту жажду позабыл,
Которой нет на свете утоленья?
Всё в мире ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
И, если все явленья перебрать
И призраки пустые все откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимок,
Который иногда, зажмуря очи,
Еще принять мы можем за любовь.

К чему же нам зазреньями стесняться?
Нет! Я мириться не могу с судьбой
И рабски покоряться тени. Нет!
Не веря ничему, ничем не сдержан,
Моим страстям я отпущу бразды;
Не разбирая средств, я каждой цели
Достигну скоро, всё попру ногами,
Унижу всё и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводит к донне Анне!
Я к ней влеком — она моею будет!
Не нужно мне лукавить, ни хитрить;
Я и доселъ в любовных приключеньях
Не обольщал с холодностью бесстрастной
И никогда рассчитывать не мог.
Воображенью дать лишь сто́ит волю,
Оно меня на крыльях унесет,
Минутной верой мне наполнит душу,
Искусственной любовью опьянит;
Красноречиво жгучие слова
Из уст польются; как актер на сцене,
Я непритворно в роль мою войду
И до развязки сам себе поверю.
Так. Решено. Восстань же, дон Жуан!
Иди вперед как ангел истребленья!
Брось снова вызов призраку любви,
Условий пошлых мелкие сплетенья
Вокруг себя, как паутину, рви —
Живи один, для мщенья и для страсти!
Назло судьбе иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытие призва́н,
Плати насмешкой вечным их обманам
И, как корабль над бурным океаном,
Над жизнью так господствуй, дон Жуан!

Лепорелло, вбегает запыхавшись.

Лепорелло

Ай-ай, сеньор! О, о! Ай-ай! О, о!

Дон Жуан

Откуда ты? И чем ты так встревожен?

Лепорелло

Откуда я? Сейчас всё по порядку,
Сеньор любезный, всё вам расскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнес вчера записку к донне Анне,
Дорогой я немного на мосту
Остановился посмотреть, всё так же ль,
По-прежнему ль бежит Гвадалквивир?
Облокотяся на перилы, там
С час места я, не боле, оставался,
Как вдруг ко мне подходит господин
И в разговор со мной вступает; он
Наружности был самой благородной.
Поговорив со мной о том о сем,
Он предложил мне вместе отобедать
И угостил пуляркой...

Дон Жуан

Что за вздор!

Лепорелло

И угостил пуляркой. Вдруг меня
Схватили, завязали мне глаза
И повели — куда? Ей-ей, не знаю,
Но где б вы думали я очутился?

Дон Жуан

Ну, где же?

Лепорелло

В Casa santa, ей-же-ей!

Дон Жуан

Ого! И что же там тебе сказали?

Лепорелло

Расспрашивали вежливо меня
О нашем нападении на стражу,
Когда Мориско мы освободили.

Дон Жуан

И, вероятно, ты во всем признался?

Лепорелло

Во всем упорно заперся, сеньор.

Дон Жуан

Навряд ли. Но потом? Что было после?

Лепорелло

Потом, сеньор? Потом мы говорили
О важных государственных делах;
Они со мной советовались, как
Искоренить еретиков в Испаньи.

Дон Жуан

Скажи, болтун, без лжи и отступлений,
О чем тебя расспрашивали там?

Лепорелло

Сеньор любезный, будьте осторожны,
Поверьте мне: святая инквизицья
Участье в вас большое принимает.

Дон Жуан

Я по твоим глазам, мошенник, вижу,
Что ты болтал; но мне то всё равно.
Чем кончился допрос твой?

Лепорелло

О сеньор,
Они меня настойчиво просили
О каждом вашем слове, каждом шаге
Им доносить.

Дон Жуан

Ты принял порученье?

Лепорелло

Что было делать? Там у них лежат
Какие-то железные ботинки.

Дон Жуан

Когда они хотят за мной следить,
Дела мои еще не слишком плохи.

Я к сведенью участье их приму;
Ты ж, Лепорелло, будешь к ним являться
И доносить им, слово в слово, то,
Что каждый раз тебе я продиктую.

Лепорелло

Душевно рад, сеньор. Но хорошо б
На время вам Испанию оставить.

Дон Жуан

Теперь оставить? Ни за что на свете!
А донна Анна?

Лепорелло

То-то донна Анна!
Из-за нее бы не нажить беды!
Ей-ей, поверьте мне, остепенитесь,
В опасную играем мы игру.

(Уходит и тотчас возвращается.)

Сеньор, что я сейчас вам сообщил,
Не правда ли, останется меж нами?
Ведь это государственная тайна,
Я им честно́е слово дал.

Дон Жуан

Ступай.

Лепорелло уходит.

(Один.)

Итак, я нахожусь под наблюденьем
Святых отцов. Мне по́ сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросил. Кровная вражда
Уж началась открыто между нами.
Взойди ж, моя зловещая звезда!
Развейся, моего восстанья знамя!

ДОМ КОМАНДОРА

Командор и дон Октавио.

Командор

Сеньор, мне тяжело, мне очень больно
Нежданным вас отказом огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ее уж выбор сделан. Дон Жуан
Из уст ее уж получил согласье.
Я ваши чувства знаю и ценю;
Поверьте, я люблю вас, дон Октавьо,
Я сам, как вы, глубоко огорчен.
Ведь этот брак моею был мечтою,
Я вас давно хотел усыновить.
Но вы, не правда ль, будете нам другом
И братом донне Анне. Видит бог,
Я вам хотел отдать ее. Что ж делать?
Судьба не так решила. Дайте руку!

Дон Октавио

О мой отец! Могу ли я еще
Назвать вас этим именем священным?
Прощайте, дон Альвар. Скажите ей,
Что я иду — куда? И сам не знаю!
Иду я дале, дале от нее.
Забыть ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, дон Альвар!

Командор

Постой, Октавио. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

Дон Октавио

Что значат эти речи, дон Альвар?

Командор

Октавио, послушай. Если вправду
Ты любишь дочь мою — не уходи.
Я всё скажу. Недаром сердце
Предчувствует беду. Ты знаешь Анну,
Ее душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просил ее, напрасно
Молил отсрочить горькую помолвку —

Не помогли мольбы, ни увещанья.
Она бы помешалась иль зачахла,
Когда б я власть мою употребил.
Ее умом теперь Жуан владеет,
В ее душе лишь он один царит.
Быть может, я несправедлив. Быть может,
Он искренно отрекся для нее
От прежних заблуждений. Он святыней
Клялся мне отказаться навсегда
От бурной жизни юношеских лет.
Дай бог! Но сердце чует, дон Октавьо,
Что дочь не будет счастлива за ним.
Я стар, уже давно гляжу в могилу.
Случиться может, я умру сегодня ж
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другом ей, Октавио, будь братом;
А если он свою забудет клятву
И если оскорбит мое дитя —
Будь мстителем ее! Клянись мне, сын мой,
Своей сестры в беде не покидать!

Дон Октавио

Тяжелый долг, отец, на сердце мне
Ты просьбою своею возлагаешь.
Их счастья быть свидетелем я должен!
О, лучше б тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мне,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всем, о дон Альвар,
Клянусь тебе, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна. У ног ее сидит дон Жуан.

Донна Анна

Так это правда? Это не обман?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Других ты женщин для меня забыл?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

Дон Жуан

О донна Анна!
Тебя одну и вижу я и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Всё, что я прожил, всё, что ощущал,
Я всё забыл! И как впадают в море,
В бездонное, все реки и ручьи,
Так, без следа, мои воспоминанья
В твоей любви теперь поглощены!

Донна Анна

Я часто так во сне тебя видала,
Как ты теперь у ног моих сидишь;
Во сне я так в глаза тебе глядела,
И было в них темно и глубоко;
И мне хотелось глубже в них вглядеться,
И я в них дна не находила; мне
Казалося, что в пропасть я гляжу;
И страшно было, и так сладко вместе!
Что, если и теперь я вижу сон?

Дон Жуан

Нет, жизнь моя! Всё призрак и мечта,
Всё дым и сон — одна любовь есть правда!

Донна Анна

И любишь ты давно меня, Жуан?

Дон Жуан

Давно? Всегда! Твой образ, донна Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда один, в крушительной тревоге,
Я с жизнию боролся, как пловец,
Тебя мой взор отыскивал вдали,
Тебя увидев, берег я увидел.

Донна Анна

О мой Жуан! И я была одна,
И мне тебя всегда недоставало!
Зачем отцу ты прежде не открылся?

Дон Жуан

Меня пугал его суровый нрав.
Боялся я отказа. И теперь
Я б не решился говорить, когда бы
Он не застал меня у ног твоих.

Донна Анна

То, видно, нас соединило небо!
Но, милый друг, теперь, когда нашли
Мы оба в жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бег?
Какую цель своим поставишь силам?
Душе высокой, светлому уму
Какую ты задашь теперь задачу?

Дон Жуан

Весь мир открыт пред нами, донна Анна;
Моя душа свободна и ясна.
К чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставим
Мы этот разговор. Теперь любовь,
Одна любовь моею будет целью!

Донна Анна

Ты сам себя не знаешь, дон Жуан,
Но сердцем я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебе. Когда
Любовь твои стремленья заградит,
Я, я, Жуан, тебе о них напомню.
Я не хочу тебе преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мешать я не должна. Но что с тобой?
Какая мысль твой омрачила взор?

Дон Жуан

Я вспомнил... да, прости мне..

Донна Анна

Что ты вспомнил?

Дон Жуан

Что ты меня не первого уж любишь.

Донна Анна

Как? Ты ревнуешь?

Дон Жуан

Дон Октавьо был
Тобой любим.

Донна Анна

И ты ревнуешь? О,
Скажи мне всё, расспрашивай меня —
Я отвечать на всё тебе готова!

Дон Жуан

Чистосердечью твоему я верю.

Донна Анна

Но ты, не правда ль, часто был обманут,
И оттого ты стал ревнив?

Дон Жуан

Напротив,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я место уступал; когда ж соперник
Мне докучал без повода и права,
Меж нами спор моя кончала шпага
И не давала времени созреть
Ревнивости. Я чужд ее остался.

Донна Анна

Что ж значили сейчас твои слова?

Дон Жуан

Вот видишь ли: любовь я в мысли ставлю
Так высоко, так свято понимаю
И для меня ее так нежен цвет,
Что от малейшего прикосновенья
Легко мрачится он и увядает.
Когда любил я и когда во мне
Другой, неясный образ зарождался,
Я, чтоб любви священное начало
Борьбою двух явлений не нарушить,
Спешил расстаться с той, кого любил...

Донна Анна

Расстаться, дон Жуан? Но отчего же
В тебе тот чуждый образ зарождался?

Дон Жуан

Не знаю сам. Но я с собой был честен
И двум идеям вместе не служил.
Просторно сердце женщины, напротив;
В нем резкие противоречья могут
Ужиться рядом. В нем бывает слышен,
Среди любви живой и настоящей,
Нередко запоздалый отголосок
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тут нет: подобные явленья
В природе женской. Но делиться я
И с тенью даже не могу тем сердцем.
Которое мне отдалóся. В нем
Я должен быть один.

Донна Анна

Ты в нем один.
То чувство, что тебя смущает, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

Дон Жуан

Но, может быть, ты и теперь вполне
Себя не понимаешь?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не оскорбляй меня таким сомненьем.
Когда б я не уверена была
В себе самой, когда б я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мне собственная гордость помешала б
Собой располагать. Нет, я твоя!
С сознанием твоя и без раздела!

Дон Жуан

О ангел мой, клянись мне в том скорей,
Клянися всем, что для тебя священно!

Донна Анна

Клянусь тебе пречистою Мадонной,
Клянусь тебе Спасителя крестом,
Клянусь отца священной сединою,
Клянуся прахом матери моей —
Вся жизнь моя и все мои мышленья
Навек, Жуан, тебе принадлежат!

Дон Жуан

А если бы тебе я изменил?

Донна Анна

В тебя я верю; мне того довольно —
Не требую я клятвы от тебя!

Дон Жуан

Однако если б?

Донна Анна

Если бы в тебя
Я верить перестала, о, тогда...

Дон Жуан

Что б сделала тогда ты?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не спрашивай меня, мне страшно думать,
Я не хочу о невозможном думать!

Дон Жуан

И не тревожишься ты тем, что я
Уж изменил столь многим?

Донна Анна

Сознаюсь,
Мне эта мысль не раз уж приходила.
Но для меня скрывается тут тайна;
Сейчас ты что-то намекнул об этом,
Но я тебя, Жуан, не поняла.
Не может быть, чтобы с подобным взглядом,
С улыбкой этой, с голосом твоим
Была совместна ложь. Не может быть,
Чтобы когда-нибудь ты притворялся

И мог смеяться над любя́щим сердцем!
Нет, не таким является обман!
В его очах заметно беспокойство,
Изысканна его бывает речь,
И самое старание казаться
Прямым, и откровенным, и правдивым
Его всегда невольно выдает.
Ты не таков. Не хочешь ты казаться,
Нет ничего поддельного в тебе;
Ты не старался предо мною скрыть
Своих ошибок или недостатков.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молве,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидела тебя,
Невольное сомнение во мне
Насчет худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты в это время
Сближаться с нами понемногу стал,
И, чем с тобою чаще я встречалась,
Тем каждый раз мне делалось яснее
Противоречье меж твоей душой
И жизнию твоей. Я поняла,
Что есть в тебе какая-то загадка.
Да, дон Жуан, загадка есть в тебе.
Твоих бровей грозящая дуга
Являет самолюбие и гордость,
В твоих очах видна бывает грусть —
Но непритворен лик твой благородный,
И в этом сердце места нет для лжи!

Дон Жуан

О, проницательность души любя́щей!
Так. Для обмана не был я рожден.
Когда б из тех, кого я в жизни встретил,
Хотя б одна с тобой могла сравниться,
Я не был бы теперь у ног твоих!

Донна Анна

Мне говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законов,

Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
Твои ошибочно толкуют мысли.
Не правда ли, со временем, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты всё мне скажешь?

Дон Жуан

Жизнь моя! Зачем,
Чего мне ждать? Теперь, не отлагая,
Я всё тебе скажу. Ты не похожа
На прочих женщин; всё тебе доступно.
Суди меня — и, если я виновен,
Я пред твоим склонюся приговором.
Тебя не обманули. Да, я враг
Всего, что люди чтут и уважают.
Но ты пойми меня; взгляни вокруг:
Достойны ль их кумиры поклоненья?
Как отвечает их поддельный мир
Той жажде правды, чувству красоты,
Которые живут в нас от рожденья?
Везде условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболепство!
Весь этот мир нечистый я отверг.
Но я другой хотел соорудить,
Светлей и краше видимого мира,
Им внешность я хотел облагородить;
Мне говорило внутреннее чувство,
Что в женском сердце я его найду, —
И я искал. Зачем тебя смущать
Рассказом долгих, горьких заблуждений?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

Донна Анна

О, не страшися своего доверья!
Да, всё я понимаю. Но скажи мне,
Чего ты ждал от тех, кого любил?
Чем был ты оскорблен иль чем обманут?
Чего ты требовал? Скажи мне всё!

Дон Жуан

Чего я ждал от них, чего искал,
Определить уже не в силах я.
Теперь я всё нашел, теперь я счастлив!

Неполно было б это чувство, если б
Его словами выразить я мог!

Донна Анна

А я, Жуан, когда б мою любовь
Могла измерить или обозреть,
Мне было б страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не досягнет.
Но меры нет в ней! Нет во мне боязни!
Сомнений нет! Я в будущее верю,
Как верю в бога и в тебя, Жуан!

Дон Жуан

Да! Верь, о ангел! Верь! Нам надо верить!
Лишь в вере счастье! Миг единый веры
Есть вечность. Пусть он нашу жизнь поглотит!
Прочь думы! Прочь сомненья хладный червь!
Забудем всё! Весь мир! Себя самих!
В одном восторге и в одном блаженстве
Смешаем жизнь и смерть!

Входит командор.

Командор

Сеньор, простите.
Вам долго вместе быть еще нельзя.
Никто еще не извещен в Севилье
О вашем сватовстве. Но я сегодня
Пошлю к родным и близким приглашенье,
Чтоб съехались на сговор; до того ж
Вам видеться лишь можно на гулянье.
Обычай так велит. Коль вам угодно,
Вы встретите нас завтра у фонтана
В тот час, когда взойдет луна.

Дон Жуан

(в сторону)

Проклятье!
Холодною водой меня он обдал.
Он мне напомнил, что любовь есть призрак,
Что я сюда пришел лишь роль играть.
Перехитрил старик, поторопился
Накидывать аркан свой на меня!

(К командору.)

Сеньор, тяжел ваш строгий приговор,
Но я во всем вам покоряться должен;
До завтра я изгнанью обречен.

Командор

Простите, дон Жуан. Мы у фонтана
Вас встретим завтра.

Дон Жуан

Я не опоздаю!

(Уходит.)

Командор

(про себя, следя за ним глазами)
Как омрачилось вдруг его лицо!
Не в первый раз уже я замечаю,
Что выраженье ясное внезапно
В нем исчезает и вокруг бровей
И возле уст играет и змеится
Насмешливо-суровая черта.
Не нравятся мне эти перемены!

Донна Анна

(ласкаясь к отцу)

Ты всё еще не примирился с ним?
Не бросил ты своих предубеждений?

Командор

Его любить готов я горячо,
Когда твою любовь он оправдает.

Донна Анна

Но ты ему не веришь. Для меня
Свое ты пересилил отвращенье,
Свой нрав крутой с трудом переломил ты,
К улыбке принужденной приневолил
При встрече с ним ты свой враждебный лик;
О мой отец, не сожалей о том,
Что дал ты нам согласие. Ты знаешь,
Тебе во всем покорна я была;
Но сердцу я приказывать не в силах,
Любить я вполовину не могу.

Вот видишь ли, во мне частица есть
Твоей решимости. Когда бы ты
Нас разлучил, о, что б со мною было!
Тебя любить, отец, я перестала б,
С тобой остаться я бы не могла!

Командор

Ты никогда ни в чем не знала меры.
Бывало, до его знакомства с нами,
Когда о нем лишь заводили речь,
Ты слов не находила порицать
Его двуличный и коварный нрав;
Когда о нем упоминали только,
Ты изменялась вся в лице; тебе
Чудовищем казался он, а ныне...
Но я не упрекать тебя пришел.
Он твой жених; любить его ты вправе;
Но ты теперь в другую впала крайность:
Все совершенства ты находишь в нем,
На всё ты смотришь лишь его очами,
От собственных суждений отреклась.
Дитя, поверь мне, крайности опасны,
Их избегать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

Донна Анна

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда так думала, как ныне;
Но я не вдруг переменила мысли,
Не ветрено ему я отдалась.
Нет, кровь твоя течет во мне недаром,
Моей любви, отец, я знаю цену
И важность всю поступка моего.
О нем, отец, я долго размышляла
И долго, перед тем чтобы решиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни, как ты нынешней весною
Со мной садился ночью у окна
Дышать прохладой и внимать гитарам,
Которые вблизи, вдали, кругом
До самого рассвета раздавались.
Он часто мимо проходил тогда,
И останавливался у решетки,
И зачинал с тобою разговор.

Не много на меня вниманья он
В то время обращал; но я, напротив,
Уже тогда, молве не доверяя,
Его старалась втайне изучить.
Для вас обоих часто неприметно
И будто ненарочным словом я
Давала направление беседе
И вызывала вас на мирный спор;
Сама ж над ним я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и после,
Одна, в моем покое запершись,
Я проходила весь ваш разговор,
И каждое им сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взгляд его припоминала
И долго, долго взвешивала их.
Так этот нрав, не понятый никем,
Себе я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отец, ты сам его
Не безусловно осуждал. Ты часто
Его благоразумию дивился
И говорил, шутя, ему не раз:
«Вы, дон Жуан, боюся, повредите
Себе во мненье дам: в тот час, когда
Другие им приносят серенады,
Теряете вы золотое время
Со мною, стариком!» Потом, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорил: «Однако
Мне нравится довольно дон Жуан;
Гораздо он скромнее, чем я думал,
И старость он умеет уважать.
Его мне слишком черным описали».
Не так ли было, мой отец?

Командор

Всё правда,
Обворожить умел он и меня;
Я был неосторожен. Но в то время
Не думал я, что ты его полюбишь. . .
Иные были у меня надежды.

Донна Анна

Да, мой отец, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.

Сперва во мне проснулось любопытство,
Потом участье; а потом, лишь только
Я поняла значенье дон Жуана,
Участье обратилось в удивленье,
И волю я любви тогда дала —
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты прав, отец мой, я его люблю
Без памяти, без воли, без сознанья!

Командор

Храни господь тебя, мое дитя,
От позднего раскаянья!

Донна Анна

Я знаю,
Тебя страшит прошедшее его.
Но верь, отец, минувшие те бури
Порукой нам грядущих ясных дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Он был преступен, но порочен не был.
Его дела нельзя равнять с другими,
И общей мерой мерить их нельзя.
Кто над другими так стоит высоко,
Чья мысль проникнуть алчет в недра жизни,
Кто в ней, как средь египетского храма,
Гиероглифы видит и загадки,
И объяснить себе их вечно хочет,
И вечно неудачей раздражен —
Тому невыносим условий гнет,
И тот не мог законам подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иных путей душа его искала,
Неясная звезда его вела,
Ему другой души недоставало,
Которая б понять его могла!
Из женщин не одна его любила,
Но их союз был слишком боязлив;
Пугала их его стремлений сила,
Его ума несдержанный порыв!
И робко все остались у преддверья,
Когда он смело шел во храма тьму, —
Жуана сердце требует доверья, —
И я, отец, поверила ему!

Я отдалась ему душою вольной,
И к правде путь мы вместе совершим;
Ему помочь есть сил во мне довольно —
Моя любовь меня сравняла с ним!

Командор

Мой милый друг, к чему нам снова спорить
И рассуждать о том, что решено!

Донна Анна

(обнимая отца)

Будь добр к нему! Оставь свои сомненья!

Командор

Дитя мое, я вас благословил,
И с той поры он сделался мне дорог.

Донна Анна

О мой отец, поверь ему, как я!
Тот дон Жуан, который бурной жизнью
Негодованье наше возбуждал,
Не есть Жуан счастливый, возрожденный,
Который ныне любит дочь твою!
Будь добр к нему! Когда мы завтра ночью
С ним на условленном сойдемся месте,
Не оскорбляй холодностью его!

Командор

Я оскорблять Жуана не намерен.
Но... я сейчас с Октавьо говорил.
Узнав из уст моих, что для него
Надежды нет, хотел он удалиться,
Искать хотел он смерти где-нибудь.
Я удержал его — он был нам другом, —
Я упросил его остаться с нами —
Он здесь. Судьбе тяжелой он покорен.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была к нему не без участья прежде.
Он в горести, и много облегчило б
Его твое приветливое слово...
Скажи, согласна ль ты его принять?

Донна Анна

К чему, отец мой? Что ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза!

Командор

(про себя)

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ее, как сон, приятно опьяненье —
Но горестно бывает пробужденье!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан в богатой одежде. Лепорелло надевает на него кружевной воротник.

Лепорелло

Вот так. Лишь дайте эту цепь поправить,
И настоящий вы теперь жених!
Ну, слава богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конец!
А знаете ль, сеньор, что вся Севилья
Завидует вам?

Дон Жуан

Право? Но откуда
Ты взял, что я хочу жениться?

Лепорелло

Как?
Да разве не объявлена уж свадьба?
Нет, вы теперь жених, и, слава богу,
Вам на попятный двор уже нельзя!

Дон Жуан

Жениться не намерен я.

Лепорелло

Позвольте,
Позвольте, что это такое? Как?
Досель вы изменяли, это правда,
Но не были ничьим вы женихом
И слово никому вы не давали;

А слово вещь святая. Быть не может,
Чтоб вы хотели взять его назад!

Дон Жуан

Его возьмет назад сама невеста.

Лепорелло

Как? Донна Анна вас чтоб разлюбила?
Коль на нее рассчитывали вы,
То я совсем на этот счет спокоен;
Она вас любит, как досель никто.
Нет, вы теперь уже не отвертитесь,
Уж дело в шляпе. И позвольте мне
Вам принести покорнейшую просьбу:
Вы знаете, как честно я всегда
И бескорыстно вам служил, как ваши
Любовные я часто порученья
С опасностью здоровья исполнял.
Теперь за все заслуги я прошу,
Чтобы, когда у вас родятся дети,
Вы мне их воспитанье поручили
И жалованье положили б мне,
Приличное наставнику. Сеньор,
Я хвастать не хочу, я не ученый;
О нет! Но что касается до чести,
Поспорить я могу с великим Сидом,
Дурному я детей не научу!

Дон Жуан

(смотрит в окно)

Луна взошла. Дай плащ мне и гитару.

(В сторону.)

Решительным ударом кончить надо!
Старик откажет мне и нашумит;
А перед ней найду я оправданье
И без отца сойдуся с ней опять!

Лепорелло

(подавая гитару и плащ)

Задайте ж ей скорее серенаду.

Они ведь это любят. В женихе
Предупредительность всегда похвальна!

Дон Жуан уходит.

(Один, потирая руки.)

Ну, слава богу! Скоро отдохнем!
Его понудить к браку было надо,
Как робкого купальщика, который
Воды холодной до тех пор боится,
Пока его насильно не толкнут.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА

Два кавалера встречаются.

Первый кавалер

Вы слышали ли новость? Дон Жуан
Посватан с донной Анной.

Второй кавалер

Быть не может!

Первый кавалер

Увидите; они сегодня вместе
Здесь будут на гулянье. Кто б подумал,
Что кончит так похвально дон Жуан?

Двое других в разговорах.

Первый

Я этому поверю лишь тогда,
Когда увижу сам. Пусть кто другой —
Но дон Жуан — продать свою свободу!

Второй

Сеньор, напрасно вы так говорите,
Дочь командора хороша, как день,
Охотно был бы на его я месте!

Пожилая дама с супругом и дочерью.

Дама

И что они нашли в нем? Как отец
На то мог согласиться? Ни за что б
Не отдала ему я Инесильи!

Супруг

Гм, гм!

Дочь

За что его так все бранят?
Что в нем дурного, маменька?

Дама

Молчи,
Тебе рассказывать про это рано.

Две молодые дамы.

Первая

Как мог в нее влюбиться он? Скажи,
Что в ней хорошего?

Вторая

Одно кокетство!
Она его кокетством завлекла!

Несколько кавалеров и дам.

Первый кавалер

Здесь подождем. Они сюда придут.

Первая дама

Но донне Кларе, может быть, теперь
Не хочется увидеть дон Жуана?

Вторая дама

Зачем же, если донне Консепсьоне
Приятно будет встретить вместе с ним
Счастливую соперницу свою!

Первая дама

Когда бы мне он сделал предложенье,
Я молча дверь ему бы указала.

Вторая дама

Как жаль, что он не сделал вам его!

Второй кавалер

Вот он идет! Смотрите! И гитара
В его руке. Зачем теперь гитара?

То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, он у дома командора
Простаивал до самого утра.

Третья дама

Как он глядит на эти окна. Кто
Живет над тем балконом?

Третий кавалер

Как, над тем?
Не смею вам сказать, сеньора, там...
Живет одна... одна... Не смею, право!

Третья дама

Смотрите, он остановился. Он
Гитару строит. Кто же там живет?

Третий кавалер

Глазам своим не верю! Там живет
Потерянная женщина одна
По имени Нисета. Целый город
Нисету знает, но никто б не смел
На улице ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Как?
Он сбросил плащ, он шляпу загибает,
Его лицо освещено луной,
Как будто хочет он, чтоб вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишком!
Возможно ль! Он поет!

Третья дама

Какая наглость!

Дон Жуан
(поет под балконом)

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовию сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,

О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

Нисета

(показываясь у окна)

О дон Жуан, уйдите, ради бога!
Вы губите меня. Скорей уйдите!
Когда о том узнает командор,
Он заколоть меня велит. Молю вас...

Дон Жуан

(продолжает)

От Севильи до Гранады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам, —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

В продолжение серенады подходит командор, под руку с донной Анной, и останавливается в некотором расстоянии.

Командор

Как? Что? Не может быть! Не верю! Нет!

Дон Жуан оборачивается к нему, продолжая перебирать струны.

Так! Это он! Злодей! Бездельник! Изверг!
(К тем, которые хотят удержать его.)
Прочь от меня!
(К дон Жуану, обнажая шпагу.)
Бездельник! Шпагу вон!

Дон Жуан

(насмешливо)

Сеньор, умерьте гнев ваш. Это шутка.

Командор

Вон шпагу, иль убью тебя!

Донна Анна

О боже!

Дон Жуан

Сеньор, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

Командор

(выпадая)

Так умри ж теперь!

Дон Жуан

(отскакивает и вынимает шпагу)

О, если так, извольте, я готов!

Дерутся. Командор роняет шпагу. Дон Жуан скрывается.

Командор

Я ранен! Дочь! Ко мне... Я умираю!

Донна Анна

Отец, отец! О боже! Помогите!
Врача! Скорей врача!

Командор

(падая)

Не надо, Анна.
Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мне поближе, Анна. Милый друг,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свете...
Ты сирота... но друг есть у тебя..,
Октавио... Не отвергай его...
Быть может, после... через год.., о Анна,
Нет сил... Я умираю...

(Умирает.)

Донна Анна

(бросаясь на труп отца)

Боже, боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА

Дон Жуан и Лепорелло, в разговоре.

Лепорелло

Охота, право, вам была, сеньор,
Связаться с этим стариком. Извольте
С его семейством справиться теперь!

Дон Жуан

Я знать не мог, что он остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойник бешен был не по летам.
А я хотел его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбе.

Лепорелло

Так только в том была его вина,
Что сделаться хотел он вашим тестем?
Ну, что ж? И слава богу! В добрый час!
Давно бы вам пора остепениться.
Что мы за жизнь ведем? Скажите сами.
А донна Анна чем была не пара?
Вы были бы теперь отцом семейства
И жили б смирно, тихо, хорошо,
Как бог велит, и прыгали б вкруг вас
Без счета и числа мал мала меньше.
Всё маленькие дон Жуаны. Да.

Дон Жуан

Приятная картина в самом деле,
Но забываешь ты, что года нет
С тех пор, как я был женихом.

Лепорелло

Так что же?
Вы в полгода успели б сделать то,
На что другим бывает жизни мало;
Вы время не теряете.

Дон Жуан

Глупец.

Лепорелло

И кажется, ведь вы ее любили,
По крайней мере, больше, чем других.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потом.

Дон Жуан

Я и теперь люблю ее.

Лепорелло

Быть может,
Да проку-то от этого нам мало.
Теперь небось не сунетесь вы к ней.

Дон Жуан

Она моею будет. Так хочу я.
Я до моей достигну цели.

Лепорелло

Ой ли?
Спровадивши отца, за дочкой вы
Уж не хотите ль снова волочиться?

Дон Жуан

Я никому ее не уступлю.

Лепорелло

Ха-ха! Го-го! А дон Октавьо? А?
Я чай, уже теперь их свадьба близко;
Пожалуй, донна Анна уж за ним.

Дон Жуан

За ним иль нет, она моею будет.

Лепорелло

Забавная была бы то исторья!
Ха-ха! Как, донна Анна?

Дон Жуан

Полно врать.
Смотри. Ты видишь этого гидальго,
В плаще и маске, что минут уж с пять
Взад и вперед всё ходит перед нами?
Спроси его, чего он хочет.

Лепорелло

Как?
Вон этого? Не лучше ль нам, сеньор,
Убраться от него подале?

Дон Жуан

Трус!
Спроси его сейчас, чего он хочет.

Лепорелло

Поверьте мне, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мне новые знакомства.

Дон Жуан

Так оставайся. Я его спрошу.

(Идет навстречу незнакомцу.)

Кого вам надобно, сеньор?

Незнакомец

Сеньор,
Ищу я дон Жуана де Маранья,
К нему есть у меня письмо.

Дон Жуан

Подайте,
Я дон Жуан.

Незнакомец, подавая письмо, хочет ударить дон Жуана кинжалом. Дон Жуан хватает его за руку и сжимает ему горло.

В другой раз будь ловчее!
Мне голос твой знаком. Эй, Лепорелло!

Лепорелло

(издали)

Я говорил, сеньор, уйдем! Ну, что же?
Вы ль держите его, иль он вас держит?

Незнакомец

Простите, я ошибся.

Дон Жуан

Вижу, друг.
Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

Лепорелло

(издали)

Сейчас, сеньор! Башмак мой развязался!

Дон Жуан

Трус! Я держу разбойника. Иди!

Лепорелло

(издали)

Держите же покрепче. Да кольните
Его сперва немножко под ребро.

(Подходит с осторожностью.)

Дон Жуан

Сними с него скорее маску.

Лепорелло снимает с незнакомца маску.

Как?
То наш приятель Боабдил? Мориско,
Которого спасли мы от костра?
Скажи, за что хотел меня убить ты?
Что сделал я тебе?

Боабдил

Сеньор, простите,
Я силою был вынужден к тому.
Освобожденный вами так чудесно,
Я пойман был опять. Святое братство
Мне обещало полное прощенье,
Когда я вас убью в известный срок;
Не то — я должен быть сожжен. Сегодня
Срок кончился.

Дон Жуан

Итак, любезный друг,
Тебя сожгут. Но кто ж тебе мешал
Уйти и скрыться где-нибудь?

Боабдил

Нельзя!
За мной следят. Меня б опять поймали.

Дон Жуан

Ты, видно, снова принял христианство?

Боабдил

Вторично; вам к услугам.

Дон Жуан

Но зачем
Ты в первый раз отрекся от Христа?

Боабдил

Торговлю я веду с тунисским беем,
В Берберию невольниц поставляю.

Дон Жуан

Причина недурна. Ты веришь в бога?

Боабдил

Смотря по обстоятельствам, сеньор.

Дон Жуан

А в совесть веришь?

Боабдил

В совесть? Как придется.

Дон Жуан

Я вижу, ты мошенник откровенный.
Философ ты, не зная сам того.
Без размышлений дальних и глубоких,
Ты до того же вывода дошел,
К которому меня приводит опыт
И логики неумолимой нить.
Куда ж ты денешься теперь?

Боабдил

Теперь?
Когда бы были у меня цехины,
Я где-нибудь фелуку бы достал
И сделался б пиратом.

Дон Жуан

Лепорелло!
Сейчас его в дворец мой проводи.

Пусть спрячется он. Там его не будет
Искать теперь святая инквизицья.
Да угости его как можно лучше,
Он мой приятель. В бога он не верит.
Я этаких людей люблю. Ступайте.

Лепорелло

(снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу)

Дон Боабдил, слуга я ваш покорный!
Рекомендуюсь вам. Я в бога верю;
Но, может быть, я ошибаюсь. Если
Один лишь черт вселенной господин,
На том свету прошу вас мне у черта
В протекции своей не отказать.

Уходят вместе.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна

(вся в черной одежде сидит у окна)

Как в ясный день крушительная буря,
Так на меня обрушилась судьба.
О мой отец! Услышь меня из гроба!
Перед тобой его я обвиняю!
Да, он тебя не одного убил.
Он, он убил души моей святыню,
Надежды все и чистые мечты,
Заветные убил он убежденья,
Он всё убил! В отчаянье он ввергнул,
В безверие низринул дочь твою!
То был дух тьмы, вид ангела принявший,
Но в нем не я ошиблась — нет, не я!
Отец мой, не вини меня! Предвидеть
Никто не мог того, ни угадать.
Здесь выводы нарушены событий,
Насилован предвечный ход судьбы;
То истин всех закон непогрешимый
Разбился о двуличие его!
Нет, не меня ты обманул, Жуан, —
Ты обманул и бога и природу!

Входит дон Октавио. Она его не замечает.

Дон Октавио

(после долгого молчания)

Уж год к концу приходит, донна Анна,
С тех пор, как страшный вас постиг удар.
Ужели нет вам в горе облегченья?
Отчаянью ужели нет конца?
Всё так же вы бледны и молчаливы,
Всё так же смотрит ваш недвижный взор;
О, если бы на миг я вас увидел,
Какою я когда-то вас знавал!

Донна Анна

Прошло то время, дон Октавьо. Ныне
Пора другая настает. Я стала,
Вы видите, спокойнее теперь.
Я в монастырь решилась удалиться.

Дон Октавио

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

Донна Анна

Я так решилась, дон Октавьо.

Дон Октавио

Нет!
Я не могу молчать пред вами доле!
Я дал себе святое обещанье
Не говорить вам о любви, но нет,
Молчать нет силы доле. Донна Анна!
Я вас люблю, как никогда никто
Доселе не любил еще на свете!
Я вас люблю не для себя. Бог видит,
Нет жертвы, нет такого униженья,
Которого б не принял я для вас.
Мученья ада были бы ничто
В сравнении с ревнивостью моею!
Но я ее насильно заглушил,
Обезоруженную подал руку
Сопернику. Я знал, о донна Анна,
Что он вас недостоин; но его
Любили вы — и он мне стал священен!

И самое мне ваше заблужденье
Священно было; и, чтобы для вас
Спасти того, кто жизнь мою похитил,
Я, не колеблясь, кинулся бы в пламя!
Забыв, кто он, забыв себя, весь мир,
Я вас лишь видел, вас одних лишь помнил;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодейства став неслыханного жертвой,
Вы на мое безмолвное участье
Холодностью одною отвечали,
Я вас любил, любил вас безнадежно!
Все действия мои и все мышленья
К одной я только цели направлял,
В себе самом давно уж не живу я,
Мою всю душу в вашу перелил!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я всё отринул, всё в себе убил,
Всё, что не вы, — мне всё невыносимо!

Донна Анна
(рассеянно)

Мне кажется, дня три уж, дон Октавьо,
Я не видала вас.

Дон Октавио

Дня три? Без чувств
Лежал я с месяц. Я был ранен.

Донна Анна

Право?
Кем ранены вы были?

Дон Октавио

Тем, кого
Назвать при вас я не хочу.

Донна Анна

И что же?
Вы ранены... а он?.. Убит?..

Дон Октавио

Два раза
Мы с ним сходились. Первый раз он шпагу
Из рук мне вышиб и хотел мириться.

Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Он выпал и насквозь мне проколол
Плечо. Нас разлучили.

Донна Анна
(после некоторого молчания)

Дон Октавьо,
Вы о любви сейчас мне говорили;
Как думаете вы, могу ли я
Спокойно вас и хладнокровно слушать?
Могу ли жить, смотреть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока он жив? Как? Он, мой враг смертельный,
Убийца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Он жив, он также видит это небо,
Он воздухом одним со мною дышит,
Он на одной живет со мной земле,
Своим присутствием он заражает
Тот мир, где жить я с ним осуждена,
А вы, вы о любви мне говорите!

(Презрительно.)

Вы с ним дрались! Он вышиб вашу шпагу!
Он ранил вас! И думаете вы,
Что долг вы свой исполнили, что можно
Вам о любви теперь мне говорить!
Да разве всё вы совершили? Разве
К нему законы чести применимы?
Дрались вы разве с человеком? Как?
Когда б с цепей сорвался хищный зверь
И в бешенстве весь край опустошал бы,
Ему бы также вызов вы послали?

Дон Октавио

О донна Анна, верьте, вам не нужно
Мою вражду насмешкой разжигать!
Меж им и мной не кончен спор кровавый,
Но те слова, что вырвались у вас,
Они не ваши были, донна Анна,
Отчаяние их произнесло!

Донна Анна

Нет, он не так бы поступил, как вы!

Когда бы он любил меня, когда бы
Он был на вашем месте — о, давно
Сумел бы он от вас меня избавить!
Любить он мог бы, если б захотел!

Дон Октавио

Опомнитесь! В себя придите! Вам ли
Меня язвить так горько, донна Анна?

Донна Анна

Какие только знаю я проклятья,
Я все зову на голову его!
Быть может, смертный грех я совершаю,
Но нам обоим места в свете нет!
Душою всей и каждым помышленьем,
Дыханьем каждым я его кляну,
Биеньем сердца каждым ненавижу,
Но ваше малодушье, дон Октавьо,
Я презираю. Слышите ли? Вас
Я презираю.

(Уходит.)

Дон Октавио

Да простит ей бог!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА БЛИЗ КАДИКСА

Дон Жуан с приятелями за столом.

Первый

Ха-ха-ха-ха! Забавное, дон Цезарь,
Вы рассказали похожденье нам!

Второй

И что же? Чем кончилось оно?

Дон Цезарь

Инеса
В тот самый год от горя умерла.

Первый

И совесть вас не мучила?

Дон Цезарь

Нисколько.

Второй

Ее вы разве не любили?

Дон Цезарь

Нет.

Первый

А долго ли вы были женихом?

Дон Цезарь

Пока моя к ней прихоть продолжалась.

Второй

Что скажет нам на это дон Жуан,
Учитель наш и мастер в волокитстве?

Дон Жуан

(к дон Цезарю)

Святая церковь вас осудит.

Дон Цезарь

Нет,
Мой дядя кардинал, и мне из Рима
Прислал он отпущений про запас.

Дон Жуан

Вы цените, как должно, отпущенья?

Дон Цезарь

Я не язычник, и моей души
Я погубить нисколько не намерен!

Дон Жуан

Вас жизнь не тяготит? Вы ей довольны?
В явлениях ее вы ничего
Не ищете душою беспокойной?

Дон Цезарь

Чего ж искать в ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь,

Дон Жуан

Когда паспо́ртом в рай вы запаслися,
А жизнию довольны, то с Инесой
Вы поступили как подлец.

Дон Цезарь

(вскакивая)

Как? Что?
Что вы сказали?

Дон Жуан

Я сказал, что вы
Подлец.

Дон Цезарь

(хватая бутылку)

Я проучу вас!

Дон Жуан

(хладнокровно)

Берегитесь,
Я вас убью.

Гости

(бросаясь между них)

Стыдитесь, господа!

Входит дон Карлос.

Дон Карлос

Я, дон Жуан, принес вам новый вызов
От дон Октавьо. Исцелясь от раны,
Он бой вам на́ смерть предлагает...

Дон Цезарь

Стойте!
Я первый должен биться с дон Жуаном!

Дон Карлос

Сеньор, за дон Октавьо первенство́ —
Он первый оскорблен.

Дон Цезарь

Я не согласен!

Дон Жуан

Я весь к услугам вашим, господа;
Решите это дело между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА. ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан, Лепорелло в длинных сапогах, с плетью в руке.

Дон Жуан

Что нового?

Лепорелло

Сеньор, я из Севильи
Скакал всю ночь. Я думаю, ваш конь
Поездку эту долго не забудет.

Дон Жуан

Фискала видел ты? Донес ему
О новых преступленьях дон Жуана?

Лепорелло

Исполнил, слово в слово, всё, что вы
Мне приказать изволили намедни.

Дон Жуан

И что же?

Лепорелло

О сеньор, нам очень плохо!
Случайно я проведал стороною,
Что к ним из Рима будет новый член,
Какой-то дон Иеро́нимо. Он в Кадикс
На корабле на днях приехать должен.
Святых он братий хочет подтянуть;
Они его со страхом ожидают;
Чтоб избежать в бездействии упрека,
Формальный вам готовится процесс;
Арестовать должны вас очень скоро.

Меж тем разосланы во все концы
Глашатаи, чтоб ваше отлученье
От церкви и закона объявить.
Пропали мы совсем!

Дон Жуан

Где Боабдил?

Лепорелло

Насчет его позвольте мне, сеньор,
Вам сообщить богатую идею.
Она пришла мне в голову, когда
Я к вам скакал с известьем из Севильи.
Кто этот Боабдил? И как ему
Вы можете так безусловно верить?
За то ль, что он хотел вас ткнуть кинжалом,
Ему от вас все милости идут
И наравне вы ставите его
Со мной, и даже выше, чем меня,
Который столько лет вам служит честно?
Ведь это вас к добру не поведет;
Увидите, еще бродяга этот,
Отступник, шельма, висельник и вор,
На вас беду накличет. Средство ж есть
Не только избежать беды, но пользу
Из шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совета
И в рассужденье вникнете мое.
Мой взгляд на это дело очень прост:
Ведь Боабдил, не правда ль, осужден
Был инквизицьей на сожженье? Так ли?
Его мы свободили. Но потом
На нашу жизнь он покусился. Так ли?
Теперь спрошу вас: если бы мы знали,
Что он покусится на нашу жизнь,
Спасли ли б мы тогда его от смерти?
Нет, мы тогда его бы не спасли,
И был бы он теперь сожжен. Не правда ль?
Итак, коль мы сожжем его теперь,
Мы этим не возьмем греха на совесть,
Понеже всё останется, как было.
А мой совет: схватить его сейчас
И на дворе публично сжечь. Мы этим
Докажем всем, в ком есть на нас сомненье,

Что добрые мы христиане. Ну,
Что скажете, сеньор, на эту мысль?

Дон Жуан

Что ты дурак и, сверх того, завистлив.

Лепорелло

Прикажете ли разложить костер?

Дон Жуан

Поди и позови мне Боабдила.

Лепорелло

Сейчас, сеньор. Я очень вас прошу
Мое серьезно взвесить предложенье.
У вас на шее новых два убийства:
Октавьо и дон Цезарь.

Дон Жуан

Первый мне
Своими вызовами надоел,
Второго же не жаль: он был подлец.
Но ты наскучил мне. Поди сейчас
И Боабдила позови.

Лепорелло

Извольте.

(Уходит.)

Дон Жуан

(один)

Мне оставаться доле невозможно,
Испанию покинуть должен я.
Но мысль о донне Анне не дает
Покоя мне. Я не был никогда
Особенно к чувствительности склонен;
Не помню даже, чтобы мне ребенком
Когда-нибудь случалось плакать. Ныне ж,
В мучительных и сладких сновиденьях,
Когда ее я вижу пред собой,
Я делаюся слаб, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лице.

Я сам себя не узнаю. Когда бы
Не горький мой и многократный опыт,
Я б это чувство принял за любовь.
Но я не верю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мне, и, может быть,
Я трудностью победы подстрекаем!
Чего же ждать? Не буду малодушен,
Чувствительность рассудком изгоню,
Без нежных вздохов и без колебаний
Пойду я прямо к цели и сомненьям
Развязкой скорой положу конец!

(Задумавшись.)

Тогда и этот новый призрак счастья
Исчезнет, как все прежние. Да, да,
Я излечусь; но это излеченье
Тяжеле будет самого недуга,
И я куплю спокойствие мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этот цвет
Несорванным, но издали дышать
Его томительным благоуханьем
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бред! То было бы возможно
Другому, но не мне. Мечтатель я —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясных положений не терплю.
Я не могу туманным обещаньем
Довольствоваться в жизни. От нее
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержит слова,
Но, чем скорее выйдет ложь наружу,
Тем лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюкан этим заблужденьем.
В Испании да будет донна Анна
Моим последним, горьким торжеством!
С чего ж начну? Еще не знаю сам,
Но чувствую, что уж готов мой демон
Мне снова помогать: в моей груди
Уж раздувает он губящий пламень,
К безумной страсти примешал вражду. . .
В моем желанье тайный гнев я чую,
Мой замысел безжалостен и зол,

На власть ее теперь я негодую,
Как негодует раненый орел,
Когда полет влачить он должен низко,
И не решу, что́ мне волнует кровь:
Любовь ли здесь так к ненависти близко
Иль ненависть похожа на любовь?

Приходит Боабдил.

Ты всё ли сделал, как я приказал?

Боабдил

Надежных удальцов до полусотни
На ваши деньги нанял я, сеньор.
Фелука также уж совсем готова:
Ходок отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта в воздухе дрожит;
Прилажен к ней косой латинский парус;
Мадонна шелком вышита на нем;
На флаге герб Тенорьо де Маранья,
И провианту вдоволь. По волнам,
Как ласточка скользя на них без звука,
Запрыгает разбойничья фелука!

Дон Жуан

Где вы на якоре стоите?

Боабдил

Близко
От вашего дворца. Скалистый мыс
От крейсеров пока нас закрывает.

Дон Жуан

По первому готовы будьте знаку
К дворца ступеням подойти. На пир
Я моряков удалых приглашаю.
Сегодня или завтра я намерен
Испанию оставить навсегда.

Боабдил уходит, входит Лепорелло.

Лепорелло

Ну что ж, сеньор? Обдумали вы план мой?

Дон Жуан

Седлай сейчас мне лучшего коня,
С тобою вместе я скачу в Севилью.

Лепорелло

В Севилью? Боже мой!

(В сторону.)

Мой господин,
Мне кажется, немного помешался!

Дон Жуан

В Севилью скачем мы с тобой сейчас,
И прежде, чем настанет новый день,
В моих объятьях будет донна Анна.

СУМЕРКИ. КЛАДБИЩЕ

Дон Жуан и Лепорелло слезают с лошадей.

Дон Жуан

Здесь жди меня.

Лепорелло

Помилуйте, сеньор,
Нельзя ли выбрать вам другое место?
Ведь это есть то самое кладбище,
Где погребен убитый командор!
Смотрите — вон и памятник его!
Весь мраморный, на мраморном коне;
У, как на нас он сверху смотрит строго!

Дон Жуан

Ее отсюда вилла недалёко,
Сюда же ночью не придет никто.
Здесь жди меня, я до зари вернуся.

(Уходит.)

Лепорелло
(один)

Брр! Дрожь меня по жилам пробирает!
Ведь, право, ничему не верит он,
Всё для него лишь трын-трава да дудки,
А на меня могильный холод веет,
И чудится мне, будто меж гробниц
Уже какой-то странный ходит шепот.
Ух, страшно здесь! Уйду я за ограду!

(Уходит.)

Сатана

(является между могил)

Люблю меж этих старых плит
Прогуливаться в час вечерний.
Довольно смешанно здесь общество лежит,
Между вельмож есть много черни;
Но это не беда, а жаль, что посещать
Иные мне нельзя гробницы:
Здесь есть две-три отроковицы,
Пять-шесть еретиков, младенцев дюжин с пять,
К которым мне нельзя и носу показать.
Под веденьем небесной силы
Их состоят могилы;
Мне портят ангелы житье.
Не нужно напрягать им слуха,
Сейчас проведают по духу,
Такое тонкое чутье!
Уж я их слышу приближенье...
Ну, так и есть, явилися сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

Небесные духи

Оставь усопшим их забвенье,
Оставь гробы до Страшного суда,
Не преступай священного предела!

Сатана

На этот раз до мертвых нет мне дела.
Иной заботой занят я.
Вы помните, друзья,
Наш давний спор про дон Жуана?
Я говорил, что поздно или рано
Он будет мой. И что ж? Свет победила мгла.
Не понял той любви святого он значенья,
Которая б теперь спасти его могла,
И слепо он свершит над нею преступленье.

Духи

В безмолвии ночи
Мы с ним говорили,
Мы спящие очи
Его прояснили,

Из тверди небесной
К нему мы вещали
И мир бестелесный
Ему показали.
Он зрел, обновленный,
В чем сердца задача,
И рвался к нам, сонный,
Рыдая и плача;
В дневной же тревоге
Земное начало
Опять от дороги
Его отвращало;
Он помнил виденье,
Но требовал снова
Ему примененья
Средь мира земного,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь он преступный
Гнал замысл обратно,
И мысли доступна,
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И наш он был снова,
Рыдая и плача!

Сатана

Я вижу из сего, что путь его двойной,
И сам он, кажется, двоится:
Во сне он ваш, но наяву он мой —
На этом я согласен помириться!

Духи

Высокой он душой на ложь ожесточен,
Неверие его есть только плод обмана.
Сгубить лишь на земле ты можешь дон Жуана,
Но в небе будет он прощен!

Сатана

Тогда бы в небе толку было мало!
Он сердится на ложь, — сердиться волен всяк.

Но с правдой ложь срослась и к правде так
пристала,
Что отскоблить ее нельзя никак!
А он скоблит сплеча, да уж едва ли
Насквозь не проскоблил все истины скрижали.
Не верит на́ слово он никому ни в чем;
Веков работу предприняв сначала,
Он хочет всё, что нам преданье завещало,
Своим исследовать умом.
Немножко щекотливо это!
Я сам ведь враг авторитета,
Но пообтерся меж людьми;
Беда всё отрицать! В иное надо верить,
Не то пришлось бы, черт возьми,
Мне самого себя похерить!

Духи

Лукаво ты его смущал,
Ты истощил его терпенье,
И гнаться он устал за тою беглой тенью,
Что лживо на земле ему ты показал.

Сатана

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочил много лет,
Но нынешний его предмет
Есть между всеми исключенье.
Могу вам доложить, без лести и похвал,
Она точь-в-точь на свой походит идеал,
И даже самому мне странно,
Что в форму вылилась так чисто донна Анна.
Когда б ее сумел он оценить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моих сетей разорвала́сь бы нить
И со стыдом бы мне пришлось бежать отсюда.
Но слеп он, словно крот. К чему ж еще обман?
Уж нечего мне боле добиваться;
Могу я руки положить в карман
И зрителем в комедии остаться.
Без цели за него идет у нас борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Влияний наших нет — влечет его судьба
И неизбежности закон неумолимый!

Духи

Вкруг дел людских загадочной чертой
Свободы грань очерчена от века;
Но без насилья может в грани той
Вращаться вольный выбор человека.
Лишь если он пределы перейдет,
В чужую область вступит святотатно,
Впадает он в судьбы водоворот
И увлечен теченьем невозвратно.
В тревоге дум, в разгаре мощных сил
Жуан блуждает, дерзостен и страстен,
Но за черту еще он не ступил
И к правде он еще вернуться властен.
Лукавый дух, бежишь ты со стыдом!
Святой любви таящееся чувство
Сознáет он.

Сатана

Я сомневаюсь в том.
Я отказался здесь от всякого искусства,
На гвоздик я свою повесил сеть;
Но к милой он пошел, совсем уж сбитый с толку,
И вам, я думаю, пришлось бы покраснеть,
Когда б на них теперь вы поглядели в щелку!

Духи

Он к истине придет! Его туманный взор
Уже провидел луч божественного света!

Сатана

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилат на свой вопрос остался без ответа,
А разрешить загадку — сущий вздор:
Представьте выпуклый узор
На бляхе жестяной. Со стороны обратной
Он в глубину изображен;
Двояким способом выходит с двух сторон
Одно и то же аккуратно.
Узор есть истина. Господь же бог и я —
Мы обе стороны ея;
Мы выражаем тайну бытия —
Он верхней частью, я исподней,
И вот вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и господней.

Духи

Когда, как хор одушевленный,
Земля, и звезды, и луна
Гремят хвалой творцу вселенной,
Себя со злобою надменной
Ему равняет Сатана!
Но беса умствованья ложны,
Тождествен с истиною тот,
Кого законы непреложны,
Пред чьим величием ничтожны
Равно кто любит иль клянет!
Как звездный блеск в небесном поле
Ясней выказывает мгла,
Так на твою досталось долю
Противуречить божьей воле,
Чтоб тем светлей она была!

Сатана

Известно, что от всякого контроля
Должны выигрывать дела.

Духи

Два разнородные начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала, —
Нам быть глаголом идеала,
Тебе же быть глаголом тьмы!

Сатана

Согласен и на то. Без комплимента,
Мы, значит, вроде парла́мента;
Мы, так сказать, правления весы.
Сознайтесь, что господь здесь только для красы;
Он символ лишь замысловатый;
Делами ж правим мы, две равные палаты;
Точней: коль на него посмотришь с двух сторон,
Выходит, вы да я, мы совокупно — он.
Разрыв наш — только умозренье,
Но в самом деле мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться целому смешно.
Пора двух половин устроить сочетанье:
Химически смешав со злобою любовь,

В итог бесстрастия сольемся вновь
И погрузимся в самосозерцанье!
А мир советую предать его судьбе,
Как заведенную раз навсегда машину.
Когда же внешности с себя мы смоем тину
И будем сами по себе —
Какое дело нам, каким путем к сознанью,
С какого именно конца,
С парадного иль с черного крыльца,
Придет какой-нибудь маркезе де Маранья?

Духи

Едино, цельно, неделимо,
Полно созданья своего,
Над ним и в нем невозмутимо
Царит от века божество.
Осуществилося в нем ясно,
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито,
Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Ее созданья вновь и вновь.
Всемирным полная движеньем,
Она светилам кажет путь,
Она нисходит вдохновеньем
В певца восторженную грудь;
Цветами рдея полевыми,
Звуча в паденье светлых вод,
Она законами живыми
Во всем, что движется, живет.
Всегда различна от вселенной,
Но вечно с ней съединена,
Она для сердца несомненна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкий сын паденья,
И слов язвительных не трать —
Тебе святого провиденья
Душой холодной не понять!

Сатана

Я только пошутил. Хотел вам доказать я,
Что всем системам, без изъятья,

Есть в беспредельности простор
И что, куда мы наш ни кинем взор,
Мы, метя в круг неизмеримый,
Никак попасть не можем мимо.
В той области, где центра нет,
Где центром служит каждый пункт
случайный,
Где вместе явно всё и тайно
И где условны мрак и свет, —
Там все воззрения возможны,
Все равно верны или равно ложны.
Поэтому и ваш я допускаю взгляд,
И если на явлений ряд
С известной точки посмотрю я,
Готов, как вы, кричать я: «Аллилуя!
Ура! Осанна! Свят, свят, свят!»
Усердья моего ничье не перевысит;
Досадно то, что результат
От точки зрения зависит.

Духи

Царь тьмы, к чему двусмысленная речь?

Сатана

К тому, чтоб вас предостеречь
От бесполезного старанья
Спасти Жуана де Маранья.
Какую б нам систему ни принять:
Систему веры иль рацьонализма,
Деисма или пантеисма,
Хоть все до одного оттенки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая присма, —
Того, кто промысла отвергнул благодать,
Но сесть не хочет в кресла фатализма,
А прет себе вперед, и в сторону, и вспять,
Как по́ льду гладкому скользя, —
Спасти нельзя!

Духи

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что́ смутно видел он вдали!
Души мучительную рану
Сознаньем правды исцели!

Но если, тщетно званный нами,
Он не поймет твоей любви,
Тогда сверкающий громами
Свой гневный лик ему яви,
Да потрясет твой зов могучий
Его, как голос судных труб!

Сатана

На эти чудеса господь довольно скуп
И скромно прячется за тучей,
Когда гремит. На всякий случай
Позвольте мне сюда ту силу пригласить,
Которая, без воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только даст ей приказанье.
Кто б ей ни овладел, порок иль благодать,
Слепа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовут душой земли,
Ты, что магнитный ток сквозь мир всегда струила,
Услышь теперь мой зов, словам моим внемли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агент, алхимиков азот,
Незримое астральное теченье,
Твой господин тебя зовет,
Явись принять его веленья!
Ты, что людской всегда питаешь пот и труд,
Ты, что так много душ сгубила.
Усердье, преданность иль как тебя зовут,
Явись, бессмысленная сила.

Является туманная фигура.

Смотрите, вот она, покрыта пеленой,
Еще не знает, чем ей выйти из тумана.
Готовься ж петлю, спутанную мной,
Рассечь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отныне будь ему во всем подчинена:
Что б ни задумал он от прихоти иль скуки,
Всё слепо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершил свое и умываю руки!
Смотрите: ревности полна,
Уже дрожит и зыблется она,
Все виды принимать и образы готова.

Терпенье, бабушка! Жди знака или слова,
Потом уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай, что он велит, без мысли, ни пощады,
И, воплотившись раз, топчи, круши преграды —
И самого его в усердье раздави!

Духи

Постой, внемли и нам! В то страшное мгновенье,
Когда на бездны край уж ступит дон Жуан,
Последнее ему неси остереженье
И духа тьмы пред ним разоблачи обман.
Тогда лишь, если он от правды отвратится, —
Его судьба да совершится!

Фигура исчезает.

МЕСТО ПЕРЕД ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ

Офицер с патрулью.

Первый солдат

Сейчас он промелькнул передо мною.

Офицер

Уверен ты, что это точно он?

Первый солдат

Я видел белое перо на шляпе.

Офицер

Довольно белых перьев без него.

Второй солдат

Мне кажется, он в этот двор вошел.

Офицер

Не может быть. То вилла донны Анны;
Сюда войти не смел бы дон Жуан.

Второй солдат

Я точно видел.

Третий солдат

Мне так показалось,
Что зá угол он повернул.

Офицер

Пойдем
Сперва по этой улице, когда же
Там никого не встретим, то вернемся.

Уходят.

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ

Сначала сумерки. Потом луна освещает часть комнаты. Другая остается в тени.

Донна Анна

(одна)

Всё та же неотвязчивая мысль
Вокруг меня как черный ворон вьется...
Так поступить! Зачем он не сказал мне,
Что он во мне ошибся? Что не та я,
Которую искал он? Не сказал мне,
Что, полюбив, он разлюбил меня?
Я поняла б его, я извинила б,
Я оправдала бы его! Ужели
Моих упреков, слез или молений
Боялся он? Я не давала права
Ему так низко думать обо мне!
Всё мог он сделать, всё, но это — это, —
О боже, боже, пожалей меня!

(Подходит к окну.)

Октавио нейдет. Я знаю, где он.
Но мысль о нем мне не тревожит сердца —
Я не страшуся друга потерять —
Страшуся только, чтоб его противник
Из боя вновь не вышел невредим.
Уже во мне иссякли без возврата
И жалость и участие. Меня
Он как поток схватил неумолимый
И от всего родного оторвал.
С боязнию теперь в себя гляжу я:
Там прошлого не видно и следа,
И чуждые мне чувства поселились
В опустошенном сердце. Страшно, страшно!

Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мне может!
Пока он жив, ни здесь, ни на могиле
Отцовской, ни в стенах монастыря
Не в силах я ни плакать, ни молиться.
Но, кажется, послышались шаги...
Звенят по мраморным ступеням шпоры...
Идут сюда... Октавио вернулся!

Дон Жуан показывается, в плаще, с надвинутой на глаза шляпой. Донна Анна бросается к нему навстречу.

Октавио! .. Ну, что же?

Дон Жуан

(сбрасывая плащ)

Это я.

Донна Анна, в ужасе, отступает.

Я знаю, донна Анна, что мой вид
Вселяет в вас и ненависть и ужас.
Вы правы. Для меня прощенья нет —
Нет никаких пред вами оправданий.
Я был для вас орудием судьбы
И не могу исправить, что случилось.
Но я пришел сказать вам, что навек
Я покидаю этот край, что вы
От близости избавитесь несносной
И можете свободнее дышать.

Донна Анна

(в сторону)

Что мне мешает в грудь ему сейчас
Вонзить кинжал? Какое колебанье
Мою бессилит руку?

Дон Жуан

Донна Анна,
Когда до вас известие дойдет
О смерти ненавистного Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы боле проклинать?

Донна Анна

Он говорит о смерти! Боже правый!
О смерти он дерзает говорить,

Тот, кто всегда кровавой смертью дышит,
Кому она послушна, как раба!
Где дон Октавьо? Отвечайте, где он?

Дон Жуан

Октавио убит.

Донна Анна хочет говорить, он ее предупреждает.

Я не искал
Его погибели. Он сам хотел
Со мною биться. Я не мог ему
Подставить горла, как овца; но я
Завидую теперь его судьбе.

Донна Анна

Обрызган кровью моего отца,
Он моего еще зарезал брата
И хвалится убийством предо мной!
И не расступится под ним земля?
И пламя не пожрет его? Гром божий,
Ударь в него! Испепели его!

Дон Жуан

Увы, никто не слышит, донна Анна,
Проклятий ваших. Ясен свод небес,
Мерцают звезды, лавр благоухает,
Торжественно на землю сходит ночь,
Но в небесах всё пусто, донна Анна.
В них бога нет. Когда б внезапно гром
Теперь ударил, я б поверил в бога,
Но гром молчит — я верить не могу.

Донна Анна

Он богохульствует! Доколь, о боже,
Терпение твое не истощится?

Дон Жуан

О, если бы я мог в него поверить,
С каким бы я раскаяньем пал ниц,
Какие б лил горячие я слезы,
Какие бы молитвы я нашел!
О, как тогда его я умолял бы,
Чтобы еще он жизнь мою продлил,

И мог бы я, босой, и в власянице,
Простертый в прах, и с пеплом на главе,
Хоть долю искупить тех преступлений,
Которые безверьем рождены!
Каких бы я искал себе мучений,
Каким бы истязаньям предал плоть,
Как жадно б я страданьем упивался,
Когда бы мог поверить в божество!
О, горе мне, что не могу я верить!

Донна Анна

Что слышу я? Тот самый, кто в других,
С рассчитанным, холодным наслажденьем,
Всегда святыню сердца убивал, —
Тот сожалеет о своем безверье!

Дон Жуан

Я разрушал, в моем ожесточенье,
Обман и ложь везде, где находил.
За жизнь мою и за мое рожденье
Слепой судьбе без отдыха я мстил.
Себя, других, весь мир я ненавидел,
Я всё губил. Один лишь только раз,
В тот светлый день, когда я вас увидел,
В моей душе надежда родилась.
Но я уж был испорчен. Я не мог
Моей любви поверить. Слишком часто
Я был обманут. Я боялся вновь
Попасться в сеть; я гордо захотел
Убить в себе мучительное чувство,
И святотатно я его попрал.
Я сам себе безумно посмеялся,
И моего упорного безверья,
Моей насмешки горькой над собой
Вы сделалися жертвой. Не глядите
Так гневно на меня — увы, я знаю,
Что я преступник, но уж я наказан.
Не удалося мне торжествовать.
Я победить себя не мог. Ваш образ
Не в силах я изгладить, ни забыть.
Да! В бога я давно уже не верю,
Но верить в вас еще не перестал!
Когда б я мог, хоть изредка, вас видеть —
Не здесь — о нет, но в церкви где-нибудь;

Незримый вами, в темном углубленье,
Меж нищими, колонною сокрыт,
Когда б я мог, хоть издали, украдкой,
Ваш иногда услышать голос — о!
Тогда, быть может, был бы я спасен
И верить вновь тогда бы научился!

Донна Анна

Уж слишком долго слушала я вас —
Меж нами разговоров быть не может.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утешенья в лоне церкви,
Меня ж оставьте — вам не место здесь.

Дон Жуан

Я церковью отринут. В этот миг,
Пока я с вами говорю, убийцы
Везде уж рыщут по моим следам,
И голова оценена моя.
От церкви не могу я ждать пощады!

Донна Анна

Идите в Рим. К ногам падите папы.
Петра наместник может вас простить.

Дон Жуан

Когда не верю в самого я бога,
Чего у папы мне еще искать!
Не папа может воскресить надежду,
Не папа с жизнью может помирить!
Простите, донна Анна. Я безумец.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нет, для меня не может быть спасенья!
Идти я должен до конца. Нельзя
Остановиться мне на полдороге.
В отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянят мой разум преступленья,
В страстей тревоге пусть забуду я
Блеснувший мне отрадный луч надежды!
Как бешеный, неукротимый конь,
Я к пропасти направлю бег безумный
И, как шумящий водопад, с высот
Низринусь в бездну. Мне одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

Донна Анна

Слова безумья или ослепленья!
Я ненавижу вас... но долг велит
Вам указать убежище молитвы...

Барабанный бой.

Голос под окнами

«Во имя короля и Sant' officio!
Сим объявляется всем христианам,
Что дон Жуан, маркезе де Маранья,
От церкви отлучается Христовой
И вне законов ныне состоит.
Все для него убежища закрыты,
Не исключая божьих храмов. Всем,
Кому его известно пребыванье,
Вменяется в священный долг о нем
Немедленно начальству донести.
К кому ж он обратится, тот его
Обязан выдать в руки местной власти,
Под опасеньем вечного проклятья,—
Таков над ним церковный приговор».

Барабанный бой.

Дон Жуан

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться с церковью или с законом?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

Донна Анна

(которая между тем подошла к двери и прислушивалась)

Стойте, дон Жуан!

Входит слуга. Донна Анна становится перед дон Жуаном, который остается в тени.

Слуга

Сеньора, офицер священной стражи
Желает вас увидеть.

Донна Анна

Пусть войдет.

Офицер

Прошу меня простить, сеньора. Я
С патрулью наряжен от Sant' officio
Арестовать преступника.

Донна Анна

Кто он?

Офицер

Нам показалось, что он в эту виллу
Вошел недавно.

Донна Анна

Как его зовут?

Офицер

К несчастью, вам его известно имя:
То дон Жуан, маркезе де Маранья.

Донна Анна

Как можете вы полагать, чтоб он
Осмелился сюда прийти? Вы, верно,
Заметили кого-нибудь другого.
Но я велю везде вас проводить
И позволяю осмотреть всю виллу.

Офицер

(поднимая плащ дон Жуана, с замешательством)

Сеньора... этот плащ?..

Донна Анна

Какую связь
Имеет с порученьем вашим чей-то
Оставленный здесь плащ? Надеюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убийцу моего отца?

Офицер

Сеньора,
Я виноват, простите, мы ошиблись.

(Уходит.)

Донна Анна следит за ним глазами, потом смотрит на дон Жуана, шатается и готова упасть. Дон Жуан ее поддерживает.

Лепорелло

(вбегая в ограду)

Нет, страшно мне и там! Кругом везде
Всё движется и шепчет! Рвутся кони
И фыркают, покрыты белой пеной...
Где господин мой? Уж пора б давно
Ему сюда вернуться!

Дон Жуан

(входя)

Свершено!
Полуобман и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому так сладко уступать,
Мне предали в объятья донну Анну.
Я победил! Не будет боле мучить
Меня любви обманчивая тень!

Лепорелло

Скорей, сеньор! Ускачемте отсюда!

Дон Жуан

Как вновь во мне кипит и жизнь и сила!
Весь мир теперь я вызвал бы на бой!

Лепорелло

Прочь, прочь отсель! Ускачем, ради бога!
Нечисто здесь, любезный мой сеньор!

Дон Жуан

Всё тот же ты! Всегда труслив как заяц!

Лепорелло

Поверьте мне, ускачем! Командор...

Дон Жуан

Что командор?

Лепорелло

(показывая на статую)

Глядите, как он смотрит!

Дон Жуан

Зови его ко мне на ужин завтра!

Лепорелло

Ай, ради бога, не шутите так!

Дон Жуан

Я не шучу. Зови его на ужин!

Лепорелло

Уйдем, уйдем!

Дон Жуан

Нет, надо проучить
Твою мне трусость. Подойди сейчас
И пригласи на ужин командора!

Лепорелло

О, не могу!

Дон Жуан

Я заколю тебя!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Исполню вашу волю!

(Подходит к памятнику.)

Великая статýя командора!
Мой господин — не я, ей-ей, не я —
Вас приглашает... Нет, я не могу!

Дон Жуан

Кончай сейчас!

Лепорелло

Вас приглашает завтра
Пожаловать к нему на ужин... Ай!

Дон Жуан

Ну что?

Лепорелло

Она... ей-ей, она кивнула!

Дон Жуан

Постой же трус, я научу тебя
Бесстыдно лгать. Сюда! Смотри наверх!

(Берет Лепорелло за ворот и обращается к статуе.)

Статýя командора! Я даю
Прощальный ужин завтра и желал бы,
Чтоб на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужин?

Стáтуя кивает.

Что за черт!
Я, кажется, не пьян, а вижу мутно.
Должно быть, я устал. То к голове
Кровь приливает и туманит зренье.
Эй, Лепорелло! Лошадей!

Лепорелло

Бегу!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Зала окнами к морю.

Дон Жуан

(один, пасмурный и недовольный)

Я победил. Но удовлетворенья
Ожиданного я не нахожу.
Она мне отдалася без сознанья;
Мне помогли внезапность и расплох;
Победу я украл, как вор. Не так
Мне овладеть хотелось этим сердцем!
Нет: шаг за шагом, медленно вперед
Всё далее и дале подвигаться,
Вражду, и стыд, и совести боренье
В последние убежища тѐснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей к изумлению, заставить
Мне сделаться послушною рабой, —
Вот где была бы ценность обладанья,
Вот что победой полной я б назвал!
Нет, недоволен я собою. Много
Нетронутых я в ней оставил струн,

И много темных сердца тайников
Я не изведал. Но теперь уж поздно!
Над головой моей сверкает меч,
И должен я Испанию покинуть!
Утешусь тем, что я б и в этом сердце
Открытья сделать нового не мог.
Жалеть о неисчерпанной интриге
Не всё ль теперь равно, что сожалеть
О кой-каких местах моей отчизны,
Которых я не посетил? Отчизна,
И женщины, и целый род людской
Известны мне. Зачем же не могу я
Воспоминание о донне Анне
На дне души моей похоронить,
Как и другие все воспоминанья?

Входит Б о а б д и л в вооружении пирата.

Но вот моей фелуки капитан.
Послушаем, что он принес.

Б о а б д и л

Сеньор,
Исправно всё. К отплытью мы готовы!

Д о н Ж у а н

(осматривая его наряд)

Вот так люблю тебя. Колпак, и куртка,
И абордажный на цепи топор,
Узорные морские шаровары
И туфли на босую ногу. Браво!
Ты молодец, разбойник хоть куда!

Б о а б д и л

И хоть куда готов я вас доставить,
Лишь поскорей бы в море нам уйти!

Д о н Ж у а н

(про себя)

Вот этого сомнения не мучат,
И нет разлада в нем с самим собой.
Мне любопытно знать, как на моем
Он поступил бы месте.

Постараюсь
Вопрос мой применить к его понятьям.

(К Боабдилу.)

Скажи мне, Боабдил, тебе не жаль
Расстаться навсегда с твоей отчизной?

Боабдил

Сеньор, весь этот андалузский край
Был наш когда-то. Нам принадлежал
Весь кругозор, что обнимает око
С зубчатых башен царственной Альгамбры.
В ту пору я, быть может, пожалел бы
О родине, как о своем добре;
Но ныне проку мало в ней, и я
Давно пустые бросил предрассудки;
Я родиной считаю всякий край,
Где золото мне сыплется в карманы.

Дон Жуан

Ты судишь здраво. С этой точки зренья
Твой образ мыслей можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашел
Несметный клад, таких сокровищ груду,
Какие, по преданию, лежат
В заваленных подвалах под Альгамброй,
Что б сделал ты тогда?

Боабдил

Сказать вам правду,
Нашедши клад, я рассудил бы тотчас,
Что бо́льший клад еще найти возможно,
И бо́льший бы отыскивать я начал.

Дон Жуан
(про себя)

Я к этому мошеннику недаром
Сочувствие имел. Мы схожи нравом,
Но в клады я не верю уж давно!
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! В память глубоко
Слова и голос врезались ее,
И этот взгляд испуганный, когда
Опомнилась она в моих объятьях.

Безумный дон Жуан! До коих пор
Играть тобой воображенье будет!
Стыдись хоть Боабдила. Этот ищет,
Чтó находить и добывать возможно, —
А ты? Стыдись! Тебя смущает сон!

(К Боабдилу.)

Ты не забыл различною одеждой,
На всякий случай, запастися? Нам,
Я думаю, придется в Барселоне
Дня два иль три инкогнито прожить.

Боабдил

От капуцина и до пикадора
Припасены наряды всех сортов;
Лишь стóит их доставить на фелуку.

Дон Жуан

Я ночью сняться с якоря намерен,
Теперь же всех зову ко мне на пир.

Лепорелло

(вбегая в испуге)

Сеньор! Сеньор! Дворец ваш окружают
Со всех сторон святые familiares! [1]
Весь двор уж полон стражи; все ворота,
Все двери ими заняты! Сейчас
Арестовать придет вас их начальник!

Дон Жуан

Ого! Должно быть, дон Йерóнимо,
Тот новый член, которого из Рима
Они в Севилью ждут, шутить не любит!
Мы их принять готовы. Боабдил,
Твои одежды нам пришлися кстати:
Забавный мы затеем маскарад.
Ты будешь капитан, который в Кадикс
Йерóнимо привез; ты ж, Лепорелло,
Ты — сам Йерóнимо. Смотрите ж оба,
Я каждому его назначу роль.

---

[1] Собратья (лат.), т. е. святое братство — инквизиторы. — *Ред.*

ГАЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦЕ

Боабдил и офицер стражи.

Боабдил

С утра они в молельне заперлись.
Я подходил на цыпочках ко двери:
Там тихо всё; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье
Да увещанья честного отца.
Должно быть, дон Жуан великий грешник!
Во время рейса дон Йеро́нимо
Мне говорил, что у него от папы
Инструкция особенная есть
Насчет сего еретика, Жуана.

Офицер

Я наряжен его арестовать;
Из уст дон Йеро́нимо я должен
О том услышать, как мне поступить.

Боабдил

Вы подождать должны, пока они,
Свою беседу кончив, из молельни
К нам выйдут.

Офицер

Извините, капитан,
Ответственность и служба мне велят
Немедленно войти в молельню. Мне
Не можно ждать!

Боабдил

Я умываю руки.

Офицер входит в боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лепорелло в креслах, одетый доминиканцем. Перед ним на коленях дон Жуан. Входит офицер стражи.

Офицер

Отец, простите...

Лепорелло

Это что такое?
Кто смеет нас в молитве прерывать?

Офицер

Я наряжен от Sant' officio
Арестовать Жуана де Маранья.

Лепорелло

Как? Что? Теперь? При мне? Ты знаешь ли,
Мошенник... я хотел сказать: мой сын, —
Что я с инструкцией от папы прислан
И сам могу тебя арестовать?

Офицер

Простите. Вот мандат мой! Я обязан
Вам предъявить комиссию мою.

Лепорелло

Где твой мандат? Давай его сюда!

Офицер подает бумагу. Лепорелло ее раздирает.

Вот твой мандат! И знай, что булла папы
Дает мне власть Жуана де Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и от грехов очистить;
Знай, что сей самый грешник, дон Жуан,
Которого арестовать пришел ты,
Моих словес проникнулся елеем,
Отверг душой мирскую суету
И поступает кающимся братом
В Севилию, в картозский монастырь!
Не так ли, сын мой?

Дон Жуан

Так, отец мой, так!
Мне мир постыл, я быть хочу монахом;
Моей беспутной, невоздержной жизни
Познал я сквернь, и алчет беспредельно
Душа молитв, а тело власяницы!

Лепорелло

Ее ты примешь, сын мой, скоро примешь;
Тебе лишь испытанье предстоит —
И ты монахом будешь. Pax vobiscum! [1]

(К офицеру.)

[1] Мир вам! (лат.) — *Ред.*

Ну что! Чего стоишь, разиня рот?
Ты этого не ожидал, безбожник?

Офицер

Отец...

Лепорелло

Отец, отец! Скажи мне лучше,
Как исповедь ты нашу смел прервать?
Ты должен быть отъявленный ерéтик!
Распущенны вы все, я это вижу;
Но я вас подтяну. Ты знаешь ли
Железные ботинки? Пытку? Цепи?
Тюрьму? Костер? Проклятье церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

Офицер

Я виноват, что вас прервал, но служба...

Лепорелло

Нет, ты скажи мне, как ты не размыслил,
Что прерывать меня есть преступленье?

Офицер

Отец мой, как я смею размышлять?
Начальству должен я повиноваться.

Лепорелло

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

Офицер

Священный трибунал.

Лепорелло

Так было прежде.
Но с той поры, как я ступил на берег,
Твое начальство я. Смотри мне в грудь
И выражай лицом подобострастье,
Доверье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвечай!

Офицер

Повиновение, отец мой?

Лепорелло

Да!

Офицер

Повиновенье есть...

Лепорелло

Неправда! Врешь!
Повиновение есть то, что если
Я прикажу тебе плясать качучу,
То должен ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если ж
Не хватит сил твоих и ты умрешь,
Ты должен умереть, а всё плясать!
Вот что повиновенье. Понимаешь?

Офицер

Отец мой...

Лепорелло

Как? Ты смеешь отвечать?
Епитимью тебе! Епитимью!
Бей каждый день сто пятьдесят поклонов,
И на коленях тридцать патерностров
И пятьдесят читай Ave Maria! [1]
Ну что? Чего стоишь? Беги в Севилью
И объяви, что видел!

Офицер

Мой отец,
Мне письменное нужно приказанье.

Лепорелло

Ну да, конечно. Я бы посмотрел,
Как ты посмел бы убежать отсюда
Без письменного приказанья!

(К дон Жуану.)

Сын мой,
Встань, напиши сейчас к святым отцам
Цидулу. Я под ней поставлю крест,
Его в Севилье знают, слава богу!

---

[1] Радуйся, Мария! (лат.) — *Ред.*

Дон Жуан пишет и подает бумагу Лепорелло, который ставит крест и передает офицеру.

Вот приказанье... На, ступай, да помни:
Ста два поклонов! Сорок патерностров!
И семьдесят Ave Maria в день!

Офицер кланяется и уходит.

Дон Жуан

(смотря ему вслед)

Ушел, глупец. Счастливого пути!
И все они такого же покроя!
Он так привык всё слушаться начальства,
Что размышлять совсем уже отвык.
Играть таким отродием нетрудно,
Лишь сто́ит подменить начальство. Право,
Как вспомню я, что целый род людской
Привычке служит, под привычкой гнется,
То стыд берет, на эту сволочь глядя,
Что к ней и я принадлежу!

Лепорелло

Мороз
Меня теперь по коже подирает,
Когда я вспомню, чем я рисковал.
А славную мы выкинули штуку!
Ха-ха! Монахом будет дон Жуан!
Пожалуй, из монахов можно в папы!
Сеньор, когда вы сделаетесь папой,
Прошу и мне пожаловать местечко!

Дон Жуан

Ты был бы инквизитором в Севилье.

Лепорелло

И строгим инквизитором, сеньор!
Иль думаете вы, я б не сумел
Безнравственность преследовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмелился б при мне
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не в пользу б инквизиции сказал!
Будь он хоть шепетун, будь он заика,
Мне первого довольно было б слога,
Чтоб остальные отгадать. Да что тут!

Я мысль его узнал бы по глазам,
По шапке, по походке. Стой, брат, шутишь —
И тотчас на костер! Мне не учиться,
Уловки все я знаю наизусть,
На всё я в вашей школе насмотрелся,
Меня б не провели. А с новым платьем
И правила б я новые надел,
Вы не узнали бы меня!

Дон Жуан

Не первым
И не последним был бы ты. Однако
Меня проделка эта развлекла,
А то с утра еще мне было как-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорей, скорей прожить мне эту жизнь
И весело пробиться до конца!
Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворец
Был освещен, чтоб музыка гремела
И чтоб вино всю ночь лилось рекой!
Мы на рассвете подымаем якорь!

НОЧЬ. ОТКРЫТАЯ ГАЛЕРЕЯ У МОРЯ

В глубине видны мачты фелуки. Великолепное освещение и музыка. За убранными столами сидят пираты. Гости сходятся со всех сторон.

Дон Жуан

Всех звать ко мне! Все дорогие гости!
Прошу моих соседей веселиться
И быть как дома!

(К музыкантам.)

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

(К Боабдилу.)

Никто из крейсеров вас не заметил?

Боабдил

Никто, сеньор. Мы подошли к дворцу,
Когда уж всё стемнело. Эти псы
Подозревать не могут ничего.

Им виден с моря блеск дворцовых окон
И музыка веселая слышна;
А убежать готовится не так,
Чья голова обречена на плаху!

Дон Жуан

Чтоб праздник наш и наше освещенье
Казались им еще великолепней,
Перед отплытьем я зажгу дворец —
Пусть это будет также утешеньем
Соотчичам моим, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпит,
Я вдаль плыву, и требует учтивость
Спеть что-нибудь в честь родины моей!

(Берет гитару, строит ее и поет, глядя на море.)

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрест,
На излучины сонные
Смотрят тысячи звезд;
Волн влюбленных лобзания
Раздаются кругом,
Тихо дремлет Испания
Упоительным сном.
Но нередко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я изменою лестницу
Укреплял у окна.
Так и наш, о Испания,
Я кончаю союз
И с тобой, без прощания,
Навсегда расстаюсь!

Лепорелло

(тихо к дон Жуану)

Сеньор, два слова! Слова два, не боле!

Дон Жуан

*(не обращая на него внимания,
переходит в другой тон и продолжает)*

То, что снилося мне, того нет наяву!
Кто мне скажет, зачем, для чего я живу?
Кто мне смысл разгадает загадки?

Смысла в ней беспокойной душой не ищи,
Но, как камень, сорвавшись с свистящей
пращи,
Так лети всё вперед, без оглядки!
Невозможен мне отдых! Несносен покой!
Уж я цели нигде не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, как крепким вином,
Но зато я, смеясь, опрокинул вверх дном
Бесполезно шипящую чашу!

Лепорелло

(на ухо дон Жуану)

Сеньор, здесь маскированная дама
Желает с вами говорить!

Дон Жуан

Проси!
Люблю всегда я новые знакомства.
Не много времени осталось мне,
Но приключенье кстати на отъезде!

Лепорелло

Пожалуйста, сеньор, поосторожней!
Не забывайте, что у жен мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтоб женщины замужние все были,
А все б мужчины были холостые!

Дон Жуан

Иди, болтун, проси ее сюда!

Донна Анна подходит, в маске.

Дон Жуан

(идет к ней навстречу)

Сеньора, как я счастлив...

Донна Анна

(снимая маску)

Дон Жуан...

Дон Жуан

(отступая)

Вы? Вы? Возможно ль?

(В сторону.)

Как она бледна!

Донна Анна

Я навсегда пришла проститься с вами...
Услышьте умирающей слова...
В моей душе нет более упреков,
Я вас пришла предостеречь.

Дон Жуан

Сеньора...

Донна Анна

Мой срок короток... Я должна спешить...
Послушайте внимательно меня:
Спасенья дверь для вас еще открыта,
Но скоро будет поздно, дон Жуан...
Я, перед смертью, вижу вашу участь!

Дон Жуан

Сеньора, что за речи? И зачем
Вам без нужды о смерти помышлять?

Донна Анна

Надеюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, дон Жуан?

Дон Жуан

Сеньора,
Быть может, вас тревожат опасенья...
Но будьте без боязни. Честь моя
Мне обо всем велит хранить молчанье,
А если б кто дерзнул подозревать —
Его молчать заставит эта шпага!

Донна Анна

Оставьте, дон Жуан. Такие речи
Теперь уж неуместны. Боже мой,
Как всё мне стало ясно и понятно!

С моих очей как будто спал туман,
И без труда я различаю нить
Запутанных событий и дорогу,
Которой вы к погибели пришли.
То, что случилось и что скоро будет,
Теперь я разом обнимаю. Время,
Мне кажется, исчезло для меня
И вечность началась. Я ошибалась,
Когда вас обвиняла беспощадно;
Преступной жизни вашей, дон Жуан,
Найдутся, я надеюсь, объясненья,
Которые смягчат господень суд,
Но вы спасетесь только покаяньем!

Дон Жуан

(про себя)

Она теперь вступила в перио́д
Раскаянья и мыслей религьозных!
Но как идут к ней эти угрызенья!
Исчезла гордость с бледного чела,
И грусть на нем явилась неземная...
Вся набожно отдавшися Мадонне,
Она теперь не знает и сама,
Как живописно с гребня кружевное
Ей падает на плечи покрывало...
Нет, право, никогда еще досель
Я не видал ее такой прекрасной!

Донна Анна

Покайтесь, дон Жуан! Еще не поздно!
Я знаю, что́ в вас веру погубило:
Искали вы блаженства — есть оно!
Но на земле гнали́ся вы напрасно
За тем, что только в небе суждено.

Дон Жуан

(про себя)

Несчастная вдалася в мистицизм!
Но взгляд ее и голос музыкальный
Предательски меня обворожают...
Не думал я вчера, как мы расстались,
Что продолжи́тся чувств моих обман!

Донна Анна

О, если в вашей жизни, дон Жуан,
Хоть что-нибудь вам было свято — если
Кого-нибудь хоть раз любили вы, —
О дон Жуан, воспоминаньем этим
Я вас молю!

Дон Жуан

(про себя)

Еще единый миг —
И я паду к ее ногам. Рассудок
Уж начинаю я терять. Нет, нет!
Прочь глупый бред! Опомнись, дон Жуан!

(К донне Анне.)

Осмелюсь ли вам предложить, сеньора,
Участье в нашем празднике принять?

Донна Анна

Несчастный! Ослепленный! Боже, боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... Пора... Я умираю...

Уходит. Боабдил подходит к дон Жуану.

Боабдил

Уже светлеет небо на востоке,
Нам время плыть. Мы ждем!

Дон Жуан

(в раздумье)

Она сказала:
«Я умираю...» Вздор! Не может быть!
Однако, если... если в самом деле
Она решилась на самоубийство?

(К прислуге.)

Бежать за ней! Догнать ее сейчас!
Следить за ней! Не выпускать из вида!

Лепорелло убегает.

Боабдил

Пора, пора! Когда мы опоздаем,
Галеры все погонятся за нами!

Дон Жуан

Зачем мое так больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

Боабдил

(топая ногой)

Скорей, сеньор! Мои матросы ропщут!

Дон Жуан

(опомнясь)

Ступайте к черту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебе фелуку.

Боабдил

В уме ли вы, сеньор? А инквизицья?

Дон Жуан

Что мне до инквизиции, до смерти,
Когда, быть может, вправду я люблю!

Боабдил

(в сторону)

Нет, он с ума сошел. С ним погибать
Нам не приходится.

(К пиратам.)

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустеет.

Дон Жуан

(в сильном волнении)

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Как будто от ее последних слов
Отдернулася предо мной завеса,
И всё иначе вижу я теперь...
Когда она так ясно повторила,
Что хочет умереть, во мне как будто
Оборвало́ся что-то; словно я
Удар кинжалом в сердце получил —
Еще доселе длится это чувство...
Что ж это, если не любовь? Каким
Моя душа исполнилась волненьем?
Сомнения исчезли без следа...

Я снова верю, как в былые дни...
О, я с ума сойду от счастья! Я...
О боже, боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мне! Я твой! Ко мне! Люблю, люблю!

Бежит и вдруг останавливается как вкопанный. Лампы гаснут. Входит статуя командора.

Статуя

Ты звал меня на ужин, дон Жуан, —
Я здесь.

Дон Жуан

Во сне ли я иль наяву?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Не может быть! Неправда! Сон!
Не он стоит из камня предо мной —
Воображенье мне на ум приводит
Убитого отца! Прочь, призрак! Прочь!

Статуя стоит неподвижно. Молчание.

Спирается дыханье... Бьются жилы...
Рассудок мой туманится...

Статуя

Молись.

Дон Жуан

В ушах шумит... Темнеет зренье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Где донна Анна?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Где донна Анна?

Статуя

Отравилась.

Дон Жуан

(хватаясь за сердце)

О, что со мною?

Статуя

Ты любил ее.

Дон Жуан

Остыла кровь, и сердце холодеет!

Статуя

Подумай о душе.

Дон Жуан

(воспрянув от цепенения)

Смерть и проклятье!
К чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мне боле нечего терять —
И смерть и ад на бой я вызываю!

Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчание.

Статуя

Твой час пробил.

Дон Жуан

(в отчаянии)

Любил я! Горе, горе!
В нее поверив, я поверил в бога,
Но поздно! Всё погибло с нею — всё, —
И злее прежних эта злая шутка!

Статуя

В последний раз, молися.

Дон Жуан

(в бешенстве)

Не хочу!
Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И как в безверье я не покорялся,
Так, верящий, теперь не покорюсь!

Статуя

(касаясь рукою дон Жуана)

Погибни ж, червь.

Духи

(являются с неба)

Назад, слепая сила!
Оставь того, кто верует и любит!

Сатана

(вырастает из земли)

Он мой! Отверг он покаянье!
Он богохульствует! Он мой!

Духи

Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

Сатана

Нет, это против договора!
Уж ад над ним разинул пасть!
Хватай его, статýя командора,
Как исполнительная власть!

Статуя стоит неподвижно.

Меж двух начальств колеблется усердье,
И преданность вдруг чувствует зазор?
Хватай его назло земле и тверди —
Иль провались, булыжный командор!

Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и дон Жуаном, который падает в обморок. Сатана исчезает.

Духи

Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход.
Всю жизнь обманами водимый
Теперь к сознанию придет!
Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть веры ключ живой,
Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

(Исчезают.)

Утро. Дон Жуан лежит на кровати без чувств. Лепорелло старается привести его в память.

Лепорелло

Сеньор! Очнитесь! Добрые известья!
Очнитеся, сеньор!

(В сторону.)

С чего вчера
Он в обморок упал?

Дон Жуан

(приходит в себя)

Тяжелый сон!
Ужасные во мне воспоминанья
Остались от него.

(Увидя Лепорелло.)

Ты здесь?

Лепорелло

Да, да,
Я с вами, здесь, и радостную новость
Я вам принес: во-первых, та галера...

Дон Жуан

(вскакивая с кровати)

Где донна Анна?

Лепорелло

(пожимая плечами)

Кончена исторья!
Близ нашей виллы труп ее нашли, —
Но слушайте известия, сеньор:
Во-первых, та галера, на которой
Плыл дон Йеро́нимо, разбита бурей,
И сам он потонул; а во-вторых,
Все члены Sant' officio сменены.
На место их назначены другие,
И ваш процесс покамест прекращен.
Вы можете свое обделать дело.
Да, да, сеньор, позвольте вас поздравить!

Дон Жуан

(в изнеможении опускаясь в кресла)

Она погибла. Это был не сон.
Изо всего, что в эту ночь случилось,
Мне ясно лишь одно: она погибла!
Всё остальное, может быть, мечта —
Но это правда!

Лепорелло

Стоит ли, сеньор,
Так долго размышлять об этом? Право,
Как будто это первый случай с нами?

Дон Жуан

(в раздумье)

Я мнил восстать как ангел-истребитель,
Войну хотел я жизни объявить —
И вместе с ложью то, что было чисто,
Светло как день, как истина правдиво,
В безумии ногами я попрал!

Лепорелло

Что ж делать! Вы отыщете другую.
От вас зависит снова закутить!

Дон Жуан

Закон вселенной — это равновесье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чем вознаградить что я разрушил?

Лепорелло

На вашем месте я б сейчас в Севилью
Отправился, и прерванные связи б
Связал опять, да золота побольше
Рассыпал бы направо и налево!

Дон Жуан

Как я был слеп! Как счастье было близко!

Лепорелло

Сеньор, развеселитесь! Ей же богу,
Я вас не узнаю.

Дон Жуан

Чем кончу я?
Искать любви мне боле невозможно,
А жизни мстить я право потерял.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходят часто так из затрудненья;
Но этим долга выплатить нельзя —
Я должен жить. Я умереть не смею!

Лепорелло

Храни нас бог! Зачем нам умирать!
Давайте жить, сеньор, и веселиться!

Дон Жуан

Я должен жить. И жаль, что слишком скоро
Меня избавит смерть от этой муки.
О, если б мог я вечно, вечно жить!

Лепорелло

По крайней мере, сколько можно доле.
Теперь, сеньор, нам нечего бояться!
Теперь всё трын-трава!

Дон Жуан

Оставь меня.

Лепорелло уходит; дон Жуан облокачивается на стол и закрывает лицо руками.

ЭПИЛОГ

МОНАСТЫРЬ БЛИЗ СЕВИЛЬИ

Престарелый настоятель сидит в креслах. Перед ним стоит монах.

Настоятель

Как чувствует себя больной?

Монах

Отец мой,
Всё в том же положенье брат Жуан:
Болезни в нем совсем почти не видно,
Но с каждым часом пульс его слабей.

Настоятель

Душевная болезнь его снедает.
Раскаянья такого постоянство
Высокий есть для братии пример.
До сей поры он ходит в власянице,
Ни разу он не снял своих вериг.
Я не видал подобного смиренья!

Монах

Вчера к себе он призывал всю братью,
У каждого прощенья он просил
И каялся в грехах передо всеми.

Настоятель

Нам исповедь его давно известна:
Владела им когда-то суета,
Шептала на ухо мирская прелесть
И нашептала много грешных дел.
Но он уж их загладил покаяньем,
А всё еще покоя нет ему!
Доселе всё не хочет он постричься —
Достойным не находит он себя.

Монах

Своей он смерти чует приближенье
И нас просил, в последнюю послугу,
Похоронить его на том кладбище,
Где тело командора дон Альвара,
Убитого им некогда, лежит
И где потом была погребена
Дочь командора, донна Анна.

Настоятель

Это
С уставом нашим было б несогласно.
У нас для братий общее кладбище;
Особенного места выбирать
Никто себе не волен. Впрочем, он
Не произнес последнего обета
И в этом смысле есть еще мирянин.
Да сбудется его желанье.

Другой монах
(входит)

Отче,
Пожалуй в келью, брат Жуан отходит!

Слышно протяжное пение. Входят, попарно, братия с зажженными свечами.

Хор монахов

С нашей жизнью вечно смежная,
Вечно ищущая нас,
Смерть приходит, неизбежная,
В каждый день и в каждый час.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,

Неусыпно посылавшему
К небесам молящий глас!

Настоятель

(вставая)

Подайте мне мой посох. И сказать,
Чтобы в отходный колокол звонили.

Хор монахов

В это страшное мгновение
Ты услышь его, господь!
Дай ему успокоение,
Дай последнее мучение
Упованьем побороть!
Мысли прежние, крамольные,
Обращенному прости,
Отыми земное, дольное,
Дай успение безбольное
И невольное и вольное
Прегрешенье отпусти!

Раздаются мерные удары отходного колокола.

Мы моление соборное
Ныне шлем к тебе, господь:
В жизни — доли непокорная,
Скоро прахом будет плоть,
В дни былые дерзновенного
Скоро кончится борьба;
Ты ж помилуй сокрушенного,
Ныне верою смиренного,
В вечный мир от мира бренного
Отходящего раба!

Процессия уходит, попарно, вслед за настоятелем. Слышно постепенно удаляющееся пение, сопровождаемое колокольным звоном.

1859—1860

ПОСАДНИК

ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Боярин Глеб Мироныч, степенный посадник новгородский.
Посадница, жена его.
Вера, дочь их.
Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежнего посадника.
Вышата, Рогович, Жирох, Кривцевич — новгородские бояре.
Василько, жених Веры, дочери посадника.
Ставр, Головня, Радько — товарищи его.
Боярин Фома Григорьич, бывший новгородский воевода.
Боярин Андрей Юрьевич Чермный, новый новгородский воевода.
Наталья, полюбовница Чермного.
Рагуйло, брат ее, из неприятельского стана.
Кондратьевна, няня ее.
Девушка, прислужница ее.
Мечник.
Гридень.
Подвойский.
Один из бояр
Другой »
Третий »
Четвертый »
Один из народа
Другой »
Третий »
Четвертый »
Пятый »
Шестой »
Седьмой »
Восьмой »
Граждане. Бояре. Гридни. Огнищане.

Действие в Великом Новгороде, в XIII столетии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

УЛИЦА

Толпа народа возвращается с площади.

ЯВЛЕНИЕ 1

Первый из народа. Конец вечу! Договорились до дела!

Второй из народа. По шеям боярина Фому!

Третий из народа. Давно бы так! Что он был за воевода! Суздальцам хотел ворота отпереть! Не можем-де доле держаться!

Четвертый из народа. К черту его! Боярин Чермный не отопрет!

Третий из народа. Не таковский!

Первый из народа. А и у Фомы сильна сторона! Я как увидел, что плотницкие один за другим в доспехах подседают, ну, думаю, в топоры пойдут.

Второй из народа. И пошли бы в топоры, когда б не посадник! Дай бог ему здоровья, Глебу Миронычу! Не речист, да метко его слово: «Не о том, говорит, спор, кому воеводой быть, а о том, вольным ли нам городом оставаться! Хотите ли послушаться Фомы? Хотите ли суздальским пригородком учиниться?» Тут мы первые закричали: «Не хотим! Долой Фому!»

Первый из народа. А плотницкие-то свое несут, как Фома их учил, так и долбят: «Не можем держаться! Приступом нас возьмут!»

Второй из народа. А как осерчал это на них Глеб Мироныч! «Неправда! — говорит, — три дня еще продержимся, пока псковичи на выручку подойдут! Кто смелует мне, посаднику Глебу, не верить?» Так и сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Третий из народа. Велик его почет в Новегороде! Как сказал: «Кто смелует мне не верить?» — так вся Добрынина улица в один голос: «Верим тебе, верим! Долой Фому! Тебе, Глебу, воеводой быть!»

Четвертый из народа. Нет, то не Добрынина, а наша Люгоша-улица напред всех закричала: «Тебе воеводой быть!»

Второй из народа. Обе улицы закричали. Да спасиба-то он никому не сказал: «Не мне, говорит,

а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всех дело знает, нет супротив Чермного во всем в Новегороде!»

Четвертый из народа. А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всех концах заголосили: «Чермного! Чермного!» Они-то и перекричали плотницких!

Первый из народа. Не они одни, все мы их перекричали. Заставили язык прикусить!

Третий из народа. Куда одному концу против всех!

Первый из народа. А в кольчугах было подсели! Думали Новгород надвое разделить. Тут бы они и ударили за Фому, да не удалось, когда посадник сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Второй из народа. Даром их, значит, Фома угощал!

Четвертый из народа. Ни про что исхарчился!

Первый из народа. Ну, не простит же он посаднику!

Четвертый из народа. Не простит!

Первый из народа. А тому — какое горе! Когда Глеб смотрел на кого?

Второй из народа. Тем-то себе и недругов нажил!

Третий из народа. Правда, шеи гнуть не умеет! А уж что до порядков, не приведи бог!

Первый из народа. Спуску никому не даст. Говорит: «Я не просился в посадники, а выбрали меня, так уж знайте, кого выбрали!»

Четвертый из народа. За то ему, видно, и Чермный по нраву. Этот также не гнется.

Первый из народа. Ну, Чермный посаднику рознь. В ратном-то деле нет супротив его, а дома уж больно до женского пола охоч; от своей от Натальи души не чает!

Четвертый из народа. Кому до того нужда, коли он в строю не бабится!

ЯВЛЕНИЕ 2

Другая толпа — иные в кольчугах.

Пятый *(в кольчуге)*. Что за оторопь на вас нашла? Дали сменить Фому Григорьича, теперь напляшемся с Чермным! До осени миру не будет, до весны кораблей своих не увидим!

Шестой из народа. Чего ж вы, кольчужники, сложа руки сидели?

Пятый. Какой сложа руки! Мы, кричамши, животы надсадили! А как побожился тот чертов посадник, что Чермный город отстоит, тут все, как шальные, пошли реветь: Чермного! Чермного! Не со всем же Новым-городом на драку лезть!

Седьмой. И подлинно шальные. Эка беда, что Фома за князя говорил! Не всё ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли воле? Без торгу-то небось лучше?

Восьмой. А стал бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

Пятый. Разорит нас этот Чермный!.. Не отстоим города. Суздальцы на щит возьмут!

Первая толпа.

Первый. Как города не отстоим?

Второй. Да разве нам впервой низовых бить?

Вторая толпа.

Седьмой. Вам-то, чай, от войны не накладно, так вы и горланили за Чермного!

Первая толпа.

Второй. А вам бы мошну набивать, а Новгород пропадай!

Вторая толпа.

Пятый. Глеб-то вам перед вечем, чай, из своего погреба по стопе поднес?

Первая толпа.

Третий. А много вам князь заплатил за Фому стоять?

Вторая толпа.

Шестой. Крысы подпольные!

Первая толпа.

Второй. Суздальские собаки!

Обе толпы бросаются одна на другую. Является Чермный в сопровождении бояр.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чермный, Василько, бояре, Ставр, Головня, Радько и воины, потом посадник.

Чермный

Что тут за шум? Кто смел затеять ссору?
Забыли вы, что Новгород мне дал
На время облежания расправу
На жизнь и смерть?

Говор в народе.

Второй. Вишь, этот не Фоме чета!

Третий. С ним несдобровать!

Первый (*увидев посадника*). А вот и посадник идет.

Второй. От этого еще хуже будет.

Посадник

(*к Чермному*)

Что тут опять горланили они?

Чермный

Повздорили маленько, Глеб Мироныч,
Да ничего, уж я им погрозил;
Сам ведаешь, народ ведь вольный!

Посадник

Вольный!
Они вольны на вече говорить,
А приговор когда постановили,
Он должен быть, как божье слово, свят!
Ты не грози тому, кто спорить станет,
А с жерновом на шее кинуть в Волхов
Его вели!

Чермный

Так им и будет, если
Опять начнут!

Народ расходится по сцене.

(*К боярам.*)

Великую от вас
Я честь приял сегодня, государи,

А с ней ответ великий. Не должны
Мы забывать, какая угрожает
Опасность нам. Князь не с одной своей
Дружиною для мщенья к нам вернулся;
Его дядьев дружины с ним пришли,
Не пошлиной, на древлих Ярославлих
На грамотах, обратно стол княжой
Он требует, но вотчиной своею
Уж нас зовет. Все пригородки взял,
Посады сжег. Уж турами бьет стены.
От приступов его всё боле наша
Редеет рать — и если псковичи
На помощь к нам не подойдут, придется
И впрямь княжой нам вотчиною стать
Или за вольность нашу без остатка
Всем лечь костьми!

Крики

Все, все за вольность ляжем!

Чермный

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псков им в тыл ударит.
Мы ж вылезем — и правому тогда
Поможет бог!

Из толпы.

Третий

С тобой нам бог поможет!

Второй

Ты наша бронь!

Все

Живет боярин Чермный!

Чермный

А чтобы дать их множеству отпор,
Все за один теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сиденье
Держали мы, как было при Фоме!
На сонных мух под ним мы походили!

Теперь не так! Теперь не оставайся
Никто в дому! На стены стар и млад!
Кто годен в строй, тот надевай кольчугу,
Кто нет, таскай тот землю и песок
На новый вал! Передние ли люди
Иль младшие — бояре или чадь —
Всяк топором, мечом или лопатой
Теперь служи, и если б даже кто
И дьяком был, и было б уж гуменце
Пострижено, все винны за святую
Софию стать!

Все

Все станем за Софию!

Второй

Измрем с тобой!

Первый

За Новгород Великий!

Четвертый

За грамоты!

Третий

За волю!

Все

Станем все
Живой стеной!

Чермный

Ступайте ж, государи,
К своим местам — вам ведомы они.
Всяк знай свое, в чужое не мешайся,
Перебегать не смей от места к месту,
Как при Фоме. Не ваша то печаль,
Коль на какой облом иль вежу приступ
Услышите. Ответ за всё на мне.
Простите же; сейчас приду на вал
Осматривать работы.

Бояре уходят, народ расходится также.

ЯВЛЕНИЕ 4

Чермный и посадник.

Чермный

(к посаднику)

Глеб Мироныч!

Посадник

Что, государь?

Чермный

Сей ночью из тюрьмы
Один из пленных суздальцев ушел.
Вели его сыскать во что б ни стало,
Теперь опасность велика. Нельзя
Врага оставить в городе. Поджог
Он учинит или маяк, пожалуй,
Своим подаст. Сыскать его вели.

Посадник

Велю сыскать. Еще что мне прикажешь?

Чермный

Ни в ворота, ни из ворот чтоб стража
Не пропускáла никого. Объезды
По улицам чините день и ночь.
Неслушливых хватайте. Только, Глеб
Миронович, тебе не в укоризну:
Пожалуй, ты уж через меру крут.
Остерегись, теперь такое время,
Друг зá друга держаться все должны.
Не возбудил бы строгостью излишней
Ты ропота. Ино — кто делом вор,
Ино — кто только словом провинился:
Не всяко лыко в строку!

Посадник

Всяко в строку!
Когда наш враг под городом стоит,
Когда его прихлебники бесстыдно
Мутят народ, когда Фома чуть-чуть
Уже ворот ему не растворил —
От слова тут до дела недалёко,
И никому мирволить нам нельзя!

Чермный

Чини ж, как знаешь; вечером тебя
Прошу к совету; вместе потолкуем
И подкрепим себя чем бог послал.
Три дня с тобой очей мы не смыкали,
И голова кружиться начала́.
Пусть также зять придет твой нареченный,
Ему работу на́ ночь я задам.

Посадник

Придем.

Чермный

Постой, я было позабыл!
В монастыре во Спасском со двора
Есть тайный ход, ведет он под землею
За городскую стену и выводит
В Свенельдов враг. Ключ от дверцы́ железной
Там в ризнице. Пожалуй, у игумна
Его возьми и принеси ко мне.

Посадник

Не слыхивал про этот ход.

Чермный

Да вряд ли
Кто и слыхал. Случайно прошлым летом,
Охотясь, я на устие набрел.
Игумен говорит, что при варягах
Он вырыт был.

Посадник

Засыпать бы его.

Чермный

Напротив, он теперь нам пригодится:
Через него лазутчика пошлю
Иль сам пойду, переодетый, ночью
Во вражий стан.

Посадник

Как знаешь. Принесу
Тебе тот ключ. Еще чего сказать,
Не вспомнишь ли?

Чермный

Одно сказать осталось:
Поклон тебе, боярин Глеб Мироныч,
Что воеводство мне ты уступил,
Что, о себе не мысля, за меня
Стоял на вече!

Посадник

Не на чем поклон.
Не за тебя, за Новгород стоял я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоял.

Чермный

Не в гнев тебе я молвил,
Но от души. В твоих руках, боярин,
Пусть будет город. Ты ж его блюди
По своему по разуменью.

Посадник

Буду
Блюсти, как знаю, государь.

Чермный

Прости ж.
К вечéре до свиданья!

Посадник

До свиданья.

Посадник уходит. Чермный хочет идти, Наталья бросается ему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чермный и Наталья.

Наталья. Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времечко вылучила!

Чермный. Наташа! Ты зачем здесь, сумасшедшая!

Наталья. Невтерпеж стало, свет Андрей Юрьич! Двое суток домой не приходишь! Как ударили к вечу, я выбежала на площадь; всё время позади народу с бабами стояла. Слышала, как тебя в воеводы поставили. Ду-

маю: господи! Теперь и того меньше придется видеть его! Хоть на улице на света моего посмотрю!

Чермный *(ласково)*. Сумасшедшая, право сумасшедшая!

Наталья. Издали всё шла за тобой, а тут к воротам прижалась, покуда ты с посадником говорил. Насилу-то он ушел! И что это ты затеял! Один во вражий стан идти! Я всё слышала!

Чермный. А тебе нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будут.

Наталья. Да не гони же меня, успею приготовить!

Чермный. Непригоже нам на улице вместе быть.

Наталья. Иду, иду. Да ведь уже и нет никого, все разошлись, а мне бы только еще посмотреть на тебя: ведь двое суток не видела!

Чермный. Увидимся вечером, а теперь ступай; мне самому идти надо.

Наталья. Да скажи мне хоть словечко-то ласковое!

Чермный. Ведь знаешь, что люблю тебя. Чего ж тебе еще?

Наталья. Тяжело уходить-то мне ноне, ведь ты целый день всё под стрелами! Долго ли до беды, до вечной разлуки с тобой. Ох ты, болезный мой! Дай же мне хоть обнять тебя, — ведь кто знает? — может быть, в последний раз! Свет ты мой! Голубчик ты мой! *(Бросается ему на шею и уходит.)*

Чермный идет в другую сторону. Является боярин Фома с Кривцевичем и Жирохом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Фома, Жирох и Кривцевич.

Фома

Вы видели?

Жирох

Как не видать!

Кривцевич

Каков!

Жирох

Ай да боярин! Ай да воевода!

Кривцевич

Знай, времени не тратит!

Жирох

Целоваться
Нашел с своей Наталкой место!

Фома

Что ж!
Такого, видно, надо воеводу!
Чай, государь-то Новгород Великий
На то его и выбрал. Исполать!
Мы с бабами не зналися; о том лишь
Заботились, как город бы сберечь,
До грабежа б не довести; хотели,
Чем суздальцам на щит себя отдать,
Добром отдаться князю; так вот нет!
Посаднику, вишь, стали неугодны!
А что велит посадник, то у нас
И деется и свято!

Жирох

Эх, Фома
Григорьевич! Эх, если бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмут
Нас приступом. Ведь силы-то такой
Не видано доселе.

Фома

Ничего!
Боярин Чермный справится.

Кривцевич

Хорош!
Еще принять и гридьбы не успел,
А с ним уж и Наталка!

Фома

Человек,
Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
И показать хотелось бы себя.

Мы на своем рубилися веку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему в диковинку.

Жирох

Уж будут
Ему рубцы! И Новгороду будут!
Не скоро мы залечим их.

Фома

Поди ты!
А вот посадник говорит, что Чермный
Всё отстоит; Фома-де не умел,
А мы сумеем с Чермным; ото Пскова,
Вишь, рать придет, осаду сымет! Знаем
Мы псковичей. Чай, пьяны напилися
От радости, что плохо нам пришлось.
Ну, да посадник обещает — значит,
Оно и так. И Новгород за ним
Твердит: побьем, побьем низóвых! Ну-тка!
Посмотрим, как побьете их!

Кривцевич

Хорош
И Новгород! Баранье стадо, право!
Давно ли был им хуже горькой редьки
Посадник Глеб? Боярам не давал
Созванивать народ, помимо веча;
А безземельных с площади гонял:
«Не вечники вы, дескать!» И стоял
Всем поперек. А стоило сказать,
Что грамоты похерят, — и пошли
Кричать за ним. Вот приступом возьмут,
Тогда увидят грамоты!

Жирох

Смотри,
Когда и тут не выйдет прав он!

Фома

Выйдет,
Коли молчать мы будем. Смирны очень
Уж стали мы.

Кривцевич

Да мы, Фома Григорьич,
На вече не молчали-то!

Фома

Эх вы!
Богатыри! Да разве в крике дело?
Иное так словечко мимоходом,
Как невзначай, проронишь, а оно
И во́ сто крат сильней, чем если б горло
Ватага целая драла. А вы
Наладили себе одно: не можно
Держаться нам! Не можно да не можно!

Жирох

А что ж нам было говорить?

Фома

Про Глеба
Про самого сказать вам было, вот что!
Свою-де он, Глеб, выгоду блюдет!
Догадлив, чай; он знает, что не правят
Долгов в войну. Ведь от войны кому
Живет наклад? Тем, у кого в подвалах
Товар лежит! А много у него
Товару есть? А? Много ли товару?

Жирох

Так, так, Фома Григорьич, все его
Разбило в море корабли!

Фома

Вот то-то!
Одной святой Софии тысяч тридцать
Стоит должо́н. А с любскими купцами
И до́ ста наберется.

Кривцевич

Будет до́ ста.

Фома

Так мира-то зачем ему хотеть?
Он не дурак. Теперь небось не правят
С него долгов; а Новгород возьмут —
Так что ему? С него-то взятки гладки:

Кривцевич

Вестимо так.

Фома

Вот мы — другое дело.
Что́ день, то нам убыток от войны.
Ты, например: на сколько у тебя
Лежит парчи?

Кривцевич

На сорок будет тысяч.

Фома

(к Жироху)

А у тебя скатного жемчугу?

Жирох

На столько же, пожалуй.

Фома

Так смотрите ж:
По малому вам счету, по сту в месяц
На каждого червонцев из мошны!
А приступом коль Новгород возьмут,
Так ты и вовсе без парчи, а ты
Без жемчугу! В софийские подвалы,
Чай, суздальцы найдут дорогу! Как,
По-вашему?

Кривцевич

Что тут и говорить?
По-нашему, так поскорей бы дело
Помимо тех двоих поладить. Князь бы
За то спасибо нам сказал.

Фома

Смекнули?

Жирох

Оно бы можно, если б этот Чермный
Тут был один, да старого-то пса
Не проведешь, глазаст уж больно!

Фома

Гм!
Большой тебе приятель он?

Жирох

Приятель?
Кто? Глеб? Да я б туда его послал,
Куда крятун костей не заносил!

Фома

Ах да бишь, помню! То, никак, ведь он
В голодный год тебе нажиться нé дал,
Скупил весь хлеб?

Жирох

Когда б одно лишь это!
Уж перехват ему бы я простил;
Бери себе да подавися — дело
Торговое. Но он не для себя,
А нáзло мне! Скупил запас да тотчас
За полцены спустил его в народ.
Смотрите, мол: Жирох хотел нажиться,
А я, мол, вам задаром отдаю!

Фома

Вишь, старый черт!

Жирох

И вече созвонил:
Тяжелый-де настал для смердов год,
От глада мрут. Велите, государь
Великий Новгород, чтобы по прошлым
У нас запас по ценам продавался,
А то уж вот хотел было Жирох
Повысить хлеб!

Фома

Эх, удружил тебе!

Жирох

Проклятый ворон! Так меня ославил,
Хоть выходи из сотни. Уж ему бы
Припомнил я!

Кривцевич

Да что, не одного
Тебя он, чай, ославил. Уж кому
Досадчиком он не был!

Фома

Так зачем же
Его жалеть?

Жирох

Да кто ж его жалеет?

Фома

А коли так, то слушайте вы оба:
Покуда Глеб посадником, а Чермный
Детинец держит, нечего о сдаче
И думать нам. А можно это дело
Так повести, что Новгород и сам
Их отрешит. Ведь если правду молвить,
Не сразу князь нас приступом возьмет;
А до того могли бы мы проруху
На них найти. Старик уж больно крут,
Он и своих не милует; как раз
Обидит город; ну, а молодой —
Вы видели каков: опричь сиденья,
Бабьё на мысли у него; так вот
Подвесть бы их, когда ж один слетит,
Так и другой удержится недолго.

Жирох

Пусть только Глеб слетит, а с Чермным нам
Полегче сладить будет!

Кривцевич

Всё едино:
Пусть только промах Чермный даст, сейчас
Начнем кричать: кто посадил его?
Никто как Глеб! Тащить к ответу Глеба!
На вече-то расправа недолга —
Не усидит!

Жирох

А коль обоих ссадим,
Кому ж тогда и воеводой быть,
Коль не тебе ж опять, Фома Григорьич!

Фома

Ты думаешь? Гм! Дай хоть на часок
Детинец мне, теперь уж не на вече
Я толковать о мире буду. Настежь
Все воротá! Князь-то батюшка, пожалуй!
Челом тебе на вотчине твоей!

Кривцевич

Держись тогда и Глеб и Чермный! Праздник
На нашей будет улице! Услуг
Князь не забудет наших!

Жирох

И тогда
С тобою, Глеб Мироныч, мы свои
Покончим счеты!

Фома

Так-то, государи.
Ну, а теперь поклонную пока
Нам голову приходится держать.
Пойдем приказ принять от воеводы
От нового; авось еще удастся
И на его Наталку поглядеть!

Уходят.

ДОМ ПОСАДНИКА

Посадница и боярыня Мамелфа Дмитровна.

Боярыня

Что ж это значит, матушка? Чай, вече
Уж отошло, а Глеба твоего
Мироныча доселе нету? Полно,
Уж ведомо ль ему, что у тебя
Сижу я?

Посадница

Как же, матушка Мамелфа
Димитровна! Перед его уходом
Твой посланный нам повестил, что ты
Пожаловать изволишь.

Боярыня

Дивно мне,
Что он не поторопится; чай, знает —
О вечевом услышать приговоре
И мы хотим! Ну, а невеста где ж?

Посадница

Вишь, у ее кормилицы вчера
Убили мужа; утешать вдову
Она пошла, сударыня.

Боярыня

Да; много
Теперя есть в Новегороде вдов,
Да и сирот не мало. И затем-то
Советовал Фома Григорьич мир
Нам учинить. Он дело говорил.
Его же вздумали сменять. Пустое
Затеяли!

Посадница

Да, говорят, он город
Сбирался сдать?

Боярыня

Кто это говорит?
Не верь тому! На всей новогородской
На воле он хотел мириться с князем!
От самого слыхала.

Посадница

Статься может.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

Боярыня

Знаю,
Сударыня: благочестив и вежлив;
Почтителен и скромен; вхож ко мне
Не первый год; а я ведь не со всяким
Вожу хлеб-соль.

Посадница

Кто ж этого не знает!
Кого к себе примаешь ты, того
Весь город чтит.

Боярыня

Да, матушка; на деньги
Да на породу не смотрю. Кто прям,
Боится бога да живет по правде,
Хоть черный будь он — милости прошу!
Кто ж в чем не чист, так будь он хоть сам
князь —
Не прогневись, ворота на запоре!
Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

Посадница

Право? А за что?

Боярыня

Проведал, вишь, что корабли разбило
Путятины, да с долговым листом
Пристал к нему; притиснул так Путяту,
Что тот ему за полцены товары
Свои отдал; а Аввакум возьми их
Перепродай да ссуду ровно вдвое
И выручи!

Посадница

Ах, стыд какой!

Боярыня

И после
Бессовестного дела своего
Он, скаредник, еще не побоялся
Ко мне прийти; да я ему при всех:
Пей, батюшка, свою сегодня чару
И помни вкус — вперед не поднесут!

Посадница

Что ж? И ушел?

Боярыня

Небось не засиделся.

Посадница

Жена-то, бедная!

Боярыня

Та ни при чем;
Я в тот же день сказать велела ей:
По-прежнему ко мне пускай-де ходит,
Ей рада-де!

Посадница

Да как же ей теперь-то
Ходить к тебе?

Боярыня

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Вару́ху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но если б он, господь меня прости,
Что́ студное бы учинил, я с ним бы
Не стала жить, пошла бы в монастырь!

Посадница

Так, матушка; но ведь сама же ты
Пускать к себе, кажися, перестала,
Как бишь ее?.. Что с мужем-то не ходит?

Боярыня

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыд и обык позабыла:
Пока Якун в Новегоро́де был,
Они ни разу с Чермным не видались,
А только лишь уехал муж в Торжок,
Что́ день, то к ней таскаться начал Чермный!
По моему жена по разуменью
Должна пред мужем голову держать
Поклонную: хранить не только верность,
Но так вести себя, чтоб про нее
Никто не смел худого и подумать.
Но если муж бесчестный — брось его,
Вернись к родным, не то — вселися в пу́стынь
Иль постригись!

Посадница

Так, матушка, вестимо...

Боярыня

И матерям твержу, для дочерей
Чтоб женихов богатых не искали;
Напред всего, чтоб зять боялся бога
И правду блюл!

Посадница

Вестимо...

Боярыня

А не то
Пусть лучше в девках дочери сидят!

Посадница

Вестимо так; да где ж найти такого,
Чтоб не было на нем укору?

Боярыня

Значит,
Есть и на вашем?

Посадница

Грех его винить,
А посмирней, конечно бы, хотелось
Для нашей Веры.

Боярыня

Значит, сорванец?
Зачем же ты дала согласье?

Посадница

Я-то?
И, матушка! Да мне ль со Глебом спорить
С Миронычем? Согласья моего
Не спросит он. К тому ж и полюбились
Друг другу молодые...

Боярыня

Не причина!
Опричь тебя, тут некому решать;
Коль матери не пó сердцу жених,
Так прочь его! Тебе, чай, лучше ведать,
Чтó дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

Посадница

Да не за что его
Корить-то, матушка.

Боярыня

Благочестив?

Посадница

Благочестив, сударыня.

Боярыня

И вежлив?
Почтителен как следует к тебе?

Посадница

Уж как же зятю к теще нареченной
Почтительну не быть!

Боярыня

Одно мне в нем
Не нравится: в повольниках бывал.

Посадница

Что ж делать, матушка! Муж говорит:
Не удержать боярам молодежи;
Коль нет войны, где ж удаль показать?

Боярыня

Да удаль-то безбожная. На Волгу
Твой, что ль, ходил?

Посадница

На чудскую, кажись,
Ходил на емь аль на Студено море.

Боярыня

А то поход затеяли на Волгу
Повольники при муже. В Костроме
Урвали девок, отвезли в Сарай,
Да там и продали татарам. Что?
Чай, добрая повольница?

Посадница

Помилуй,
Какие же повольники то были!
То воры, матушка!

Боярыня

Не велика
Меж ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Чермный вот, что ноне
Толкается по женам по чужим,
Он также был в повольниках; на Пермь,
Никак, ходил.

Вера вбегает, испуганная, и бросается на лавку.

Посадница

Что, Верушка, с тобой?
Чего дрожишь ты?

Боярыня

Что те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что ль, меня?

Вера

(вставая)

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Димитровна! С испугу я... прости!
На улицах такая давка, крик,
Бегут, шумят, толкаются, чуть с ног
Не сшибли...

Боярыня

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бывает так,
Когда народ от веча по домам
Расходится.

Посадница

Хлебни водицы, Вера,
Да расскажи, не слышала ль чего?
Чем кончилось?

Вера

Поставлен воеводой
Боярин Чермный.

Боярыня

Чермный? Воевода?
На Фомино на место?

Вера

Меж собой
Так говорили встречные; о том-то
У них и спор.

Боярыня

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще б кого другого — пусть бы так!
Но Чермного!

Посадница

Я, матушка, слыхала,
И Глеб Мироныч также говорит,
Что доблестней нет Чермного во всей
Земле Новогородской.

Боярыня

Сорванец!
Прихвостник бабий! Человек без страху
Без божьего!

Посадница

Но, кажется, его
И рать и город любит...

Боярыня

А за что?
За то, что лих вертеться на коне,
Да каждый день на площадь в новом корзне
Выходит к ним! Да медом угощает
Все пять концов! Да уличан своих
Знай кормит до отвалу! Вот за что
Ему любовь! А чтоб он смог сидеть,
Когда Фома не может, — нет, не верю!
Он сгубит нас! То Глеб Мироныч кашу
Твой заварил! Уж не взыщи, а я
В глаза ему скажу!

Посадница

Но может статься,
Оно не так, сударыня; быть может,
Ослышалася Вера...

Боярыня

Чермный! Вот уж
Сокровище нашли! И водит им
Всегда не та, другая баба. Ноне
Какая-то Наталка завелась;
Что вздумает, то и чинит; казну
Его, пиявка, высосала всю!
Прогнать ее, бесстыжую, велела б
Я метлами из города!

Вера

Наталью?
Нет, матушка-боярыня, должно быть,
Тебе не так сказали; не такая
Она совсем! Неправду про нее
Тебе сказали!

Боярыня

Что ты, что ты, мать!
Отколе знать тебе? Да про нее
И говорить тебе не след, ни даже
Упоминать! Не девичье то дело,
Сударыня!

Вера

Я видела ее...

Боярыня

Что-о? Ее? Ослышалась, никак, я?

Посадница

Где видела ее ты, Вера?

Вера

В церкви,
На той неделе, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись к уголку,
Молилась так усердно, и на ней
Была одежа бедная, простая;

Когда же служба кончилась, тихонько
И робко так к иконе подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повесила на венчик и скорей
Из церкви вон. Отца Захарья кто-то
О ней спросил; вздохнул отец Захарий
И говорит: «Наталья это, та,
Которую боярин Чермный любит;
Всё, что б он ей ни подарил, на церковь
Она несет; казну ж, какая есть,
Меж нищих делит; духом, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!»

Посадница

Пусть так, но всё ж тебе
Знать про нее негоже...

Боярыня

Что подарки
Она свои на церковь отдает
И нищую жалеет братью — это
Зачтется ей, на том свету зачтется;
Ты ж неразумна, дитятко, еще;
Не ведаешь, о чем бывает вместно
Боярышне, о чем невместно знать.
Коль при тебе вперед о той Наталье
Заговорят, ты, дитятко, молчи.

Звон струн и песня за сценой.

Голос

Как ушкуйники по морю
Славить Новгород пошли,
Они, славя, проходили
Аж до Мурманской земли!

Хор

Ай люли, люли, люли,
Аж до Мурманской земли.

Боярыня

(к посаднице)

Кто это там в сенях твоих горланит?

Василько

(входит с товарищами)

Опускайте стяг, мурмане!
Выдавайте корабли...

(Увидя боярыню, прерывает песню.)

Боярыня, прости! Не чаял я,
Что здеся ты...

Боярыня

А если бы меня
И не было, всё ж, государь, не входят
Так в честный дом. На приступ, что ль, ты
лезешь?
Аль думаешь, что с вражьим кораблем
Ты сбáгрился?

Василько

Боярыня, прости!
С разбегу мы, на радости вошли,
Что побоку спровадили Фому,
А Чермный стал над нами воеводой!

(К товарищам.)

Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчас к вам!

Радько

Смотри ж, не заживайся!

Головня

Заклада не забудь!

Василько

Небось!

Ставр

Простите,
Боярыни!

Радько

Обычай наш веселый
В вину нам не поставьте!

Головня

Бьем челом!

Все трое уходят. За сценой слышна удаляющаяся песня:

Мы, ушкуйники, с баграми
Славить Новгород пришли...
и пр.

Боярыня

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

Василько

Виноваты,
Сударыня!
(Подходит к Вере.)
Дай на тебя скорей
Полюбоваться, радость ты моя,
Бесценная!..

Боярыня

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! С тобой, кажись,
Я говорю, так ты сперва постой
Да выслушай меня, а уж потом,
Когда я кончу да скажу: ступай! —
Тогда иди к невесте.

Василько

Виноват!
Что, матушка, прикажешь?

Боярыня

А чтоб ты
Обычай помнил, батюшка. С чего
У вас сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Стал воеводой Новгородским! Шут он
Гороховый, твой Чермный!

Василько

Уж на этом
Нас извини, боярыня! Позволь,
Тебе не в гнев...

Боярыня

Да ты меня, отец,
Перебивать-то не моги! Тебя
Я разуму учу, так стой да слушай,
Авось умнее будешь. И не только
Тебе скажу, беспутному повесе,
А всем скажу, и на́перво твому
Скажу я тестю...

Входит посадник.

Легок на помине!

Посадник

Поклон тебе, боярыня Мамелфа
Димитровна! Как, матушка, живешь?

Боярыня

С находкой поздравляю, Глеб Мироныч!
Ну, батюшка, уж есть чем похвалиться!
Убил бобра!

Посадник

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чермного? Он вечем
Поставлен есть. Об этом толковать
Уж нечего.

Боярыня

А кто мне запретит?
Я с той поры, как помню лишь себя,
Всем в очи правду резала; и ноне
Скажу тебе: где был у вас рассудок
Фому сменить?

Посадник

Про то тебе ответ
Я после дам, сударыня. Теперь
Дозволь мне дело кончить.

(К Васильку.)

Там подвойский
Ждет у дверей. Проси его войти.

Василько уходит.

Боярыня

Смотри, пожалуй! Вечем, вишь, поставлен!
Да разве всё апостолы сидят
На вече-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тех, кто был разумней!
Да, слава богу, Новгород не весь
По дудке пляшет по твоей! Доселе,
Слышь, спорят как! Опомнятся, даст бог,
Еще до завтра!..

Входит подвойский.

Посадник

Государь подвойский!
Дай знать кончанским старостам, что я
Прошу их всех пожаловать, приказ
По городу услышать, да вели,
Чтоб бирючи по улицам кричали:
Боярину-де Чермному дана
От веча власть на жизнь и смерть, а он
Смерть положил от нынешнего дня
Всем, кто ему нарушит послушанье.
Коль делом кто иль словом провинится —
Хватать строптивых!

Боярыня

От часу не легче!
С которых пор в Новéгороде слово
Уж не вольно? Не в Ироды ль цари
Вы Чермного поставили?

Посадник

(к подвойскому)

Сей ночью
Бежал один из пленных. Повестить
По всем концам, чтобы во что б ни стало
Его нашли.

Боярыня

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я всё ему толкую, он же словно
Меня и нет!

Посадник

(отпустив подвойского)

Что, матушка, тебе
Угодно от меня?

Боярыня

Ушам не верю!
На жизнь и смерть судить нас будет Чермный!
Приказано на улицах хватать,
Кто Чермного не хвалит! Да ведь этак
Ты, государь, пожалуй, и меня
Схватить велишь?

Посадник

Нет, матушка, мы баб
Не трогаем. Кричи себе, коль хочешь,
Во здравие!

Боярыня

И буду, государь!
Кому вы город отдали-то в руки?
Беспутному, шальному сорванцу!
Да не ему — его Наталке город
Вы отдали! Не знаем разве мы,
Кто держит верх над кем? Не воеводу,
А воеводшу, господи прости,
Вы над собой поставили!

Посадник

Ты всё ли,
Сударыня, сказала?

Боярыня

Нет, не всё!
За что Фому сменили вы? За то ли,
Что мир хотел он учинить? Чай, лучше,
Чтоб приступом нас взяли? Из церквей
Иконы потащили б? Да на щит
Дружиннику б досталась дочь твоя?
Вот до чего не допустить хотел
Фома, а вы его же очернили,

Иудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока язык мой
Еще к гортани не присох, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставлен он! Уж не взыщи, а кто
Безвинно терпит, да к тому ж мне друг,
Уж за того до самой смерти буду
Горой стоять!

Посадник

Ты кончила ль теперь,
Сударыня?

Боярыня

Могу еще и боле
Тебе сказать, отец мой...

Посадник

Не трудися.
Хотя Великий Новгород тебе
Ответа и не держит, но за то,
Что вдовью честь твою он уважает
И поделом тебя за правду чтит,
Я, так и быть, тебе отвечу. Слушай,
Боярыня: Фому сменили мы
За то, что сдать советовал он город,
Когда еще держаться можно нам.
Который же верховный воевода
Не верит сам, что он побьет врага, —
Уж тот побит заране. Чермный верит
В себя и в нас, в него же верит рать.
Неправда то, что им Наталка водит, —
Никто еще досель им не водил.
А что живет он в Новгороде весел —
То до поры, пока ответа не́ взял
Он на себя. Ты, матушка, пойми:
Он словно шелк блестящий, шамаханский,
Что и цветист и гибок: поглядеть —
Уж ничего нет мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

Боярыня

Хвали, хвали его, отец, а я
Скажу тебе: нет божьего на том
Благословенья, кто не верит в бога!

Не ходит в церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его в соборе!

Посадник

Некогда ему
В соборе быть. Уж две недели с валу
Он не сходил. Под прыском вражьих стрел,
От приступов спасая город, служит
Он господу!

Боярыня

Что? Некогда быть в церкви?
Нет времени молиться? Стало быть,
Нам не нужна молитва?

Посадник

Не криви
Моих речей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если воле нашей
Грозит беда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитник нужен нам!
И не о том мы спрашивать должны:
Он часто ли, не часто ль ходит в церковь,
А как он в бой полки свои ведет!

Боярыня

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О теле он велит лишь помышлять,
А душу ставит ни во что! Ступай
В свою светлицу, Вера, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчас!
Безбожницей тебя он сделать хочет!
Сударыня-посадница, скорей
Дочь уведи!

Посадник

Боярыня! Тебе
Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь дал. Но при себе учить
Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогневись, а в доме я своем
Сам господин!

Боярыня

(вставая)

Здесь доле оставаться
Невместно мне. Другим давать уроки,
А не себе их слышать от других
Привыкла я. Учиться благочестью
И вежеству сбирается ко мне
Весь Новгород. Самой же научаться,
Как мне вестись, — на это я стара,
И отвыкать молиться богу также!
Я, матушка-посадница, тебя
За мужнины за речи не виню,
Одно тебе на память только слово
Еще скажу: дочь от него держи
Подале, матушка, подале — слышишь?
Теперь прости — прошу не провожать!

(Уходит.)

Посадник

(следит за ней глазами)

Тьфу, взбалмошная баба!

Посадница

Глеб Мироныч!
Свет мой, голубчик! Что б тебе пойти
Догнать ее, пред ней бы извиниться?
Нам, право, с нею ссориться не след,
Она в великом гневе!

Посадник

Как? Еще
Пред ней мне извиняться?

Посадница

Свет, подумай:
Все на тебя подымутся теперь!

Посадник

А мне какое дело?

Посадница

И слова
Твои перетолкуют!

П о с а д н и к

Мне-то что ж?
Иль в самом деле я безбожник?

П о с а д н и ц а

Сила
Святая с нами! Но тебя, мой свет,
Осудят все! От недругов твоих
Бог весть теперь пойдут какие толки!

П о с а д н и к

Бояться толков — шагу не ступить!

П о с а д н и ц а

Ведь чтил же ты и сам ее доселе!

П о с а д н и к

Я чту ее, но гнуться перед ней —
Уж не взыщи! Нашла коса на камень!

В а с и л ь к о

И подлинно! Такого не встречала
Она отпора!

П о с а д н и к

Новгород старуху
Избаловал!

В а с и л ь к о

А выплыла каким
В дверь кораблем!

П о с а д н и к

Шабаш о ней — довольно!
О чем вы тут шептались меж собой?

В а с и л ь к о

Мы, государь...

В е р а

Они хотят...

П о с а д н и к

В чем дело?

Вера

Вишь, вылазку затеяли они!

Посадник

Как вылазку? Кто вылазку затеял?

Василько

Мы, государь, словенские ребята,
С гончарскими побились об заклад.
Те говорят: не пустит воевода!
Мы ж говорим: зачем его спрошать?
Мы вылезем в полу́ночь о себе,
А после скажем воеводе!

Посадник

Кто
Вам отопрет ворота?

Василько

Не в ворота —
Мы по веревкам, государь. За нами
Их приберут, когда ж вернемся, снова
Нам выкинут!

Посадник

Изрядно! И могли
Подумать вы, что я и с воеводой
Позволим то?

Василько

Пожалуй, государь,
Нам не мешай; у нас уже всё дело
Улажено.

Посадник

С ума вы, что ль, сошли?
Когда нам князь готовит новый приступ,
Тут каждый дорог человек, а вы
Ребячиться затеяли? Брось дурь!

Василько

Не можем, Глеб Мироныч! Об заклад
Побились мы!

Посадник

Так я перевязать
Вас прикажу.

Василько

Не в гнев тебе, а нас
Вязать не след. В Новéгороде было
Так искони, что молодежь могла
Всегда как хочет тешиться, и воля
У нас на то от прадедов идет!

Посадник

Великое ты выговорил слово;
А знаешь ли, какой его есть толк?
В чем воля-то? В том, что чужой мы власти
Не терпим над собой! Что мы с князьями
По старине ведем свой уговор:
Се будь твое, а се будь наше. В наше ж
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тот уговор забудет князь, ему
Мы кажем путь, другого ж промышляем
Себе на стол. Вот наша воля в чем.
И за нее с низóвыми мы ноне
Ведем войну, и за нее, коль надо,
Поляжем все! И чтобы воля эта
Была крепка, и чтоб никто не мог
Над нами государем называться —
Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду,
Не прихоти княжи́е исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь наш Новгород велит, —
Вот воля в чем! А чтобы всякий делать
Волён был то, что в голову взбредет, —
Нет, то была б не воля — неурядье
То было бы! Когда б такую волю
Терпели мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной иль разделили б нас
Между собой соседи! Выкинь дурь
Из головы!

Василько

Сам вижу, Глеб Мироныч,
Что виноват, и, если только прежде
Подумал бы, заклада б не держал.
Но посуди: словенские меня
Начнут корить; гончарские же на́ смех
Меня подымут!

Посадник

Что тебе за дело?

Василько

Как что за дело? Трусом обзовут!
Стыд будет мне, бесчестье понесу я!

Посадник

Ты разве трус?

Василько

Ты знаешь сам, что нет!

Посадник

А коль не трус, о чем твоя забота?
Не пред людьми — перед собой будь чист!

Василько

Так, государь, да не легко же...

Посадник

Что?
Чужие толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья —
Чужое вздор!

Василько

Тебе-то благо, Глеб
Миронович, так говорить! Высо́ко
У каждого стоишь ты в мысли. Твой
Велик почет. Но что бы сделал ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

Посадник

Плюнул бы на них!
Вот что бы сделал. Иль уж сам себе
Неведом я? Себя я, благо, знаю,
Сам чту себя. Довольно мне того.

Посадница

Ах, свет мой Глеб! Вот этим-то и нажил
Ты недругов! Ни зá что никому
Не сделаешь уступки! Ни других,
Ни самого себя, вишь, не жалеешь!
А так нельзя! Живем ведь не одни,
С людьми живем. Ужели ж на людей
И не смотреть? Когда б ты захотел,
Иной бы раз друзей себе словечком
Нажить бы мог!

Посадник

Не в норове моем
За дружбою гоняться. Если б я
Пошел на то, чтоб людям угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Всё мало б им казалося. Людей
По шерсти ль гладь иль против шерсти — то же
Тебе от них спасибо! Я ж хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совести и сам
Свое себе спасибо говорить.
А чтó болтать они про это будут,
То для меня равно, как если дождь
По крыше бьет!

(К Васильку.)

Поди к своим, скажи:
Посадник Глеб вам запретил и думать
О вылазке. А к вечеру вернись;
С тобой пойдем мы вместе к воеводе,
Укажет он, как удаль показать!

(Идет к двери.)

Василько

(топнув ногой)

Хоть утопиться, право, в ту же пору!

Посадник

(услышав его, оборачивается)

Топись, когда врагов от наших стен
Прогоним мы, — теперь же и топиться
Ты не волён! Ты Новгороду держишь
Теперь ответ! Как смеешь ты иметь
Хотение свое, когда я сам,
Я, Глеб, себя другому подчинил,
Из рук Фомы мной вырванную власть
Тому вручил, кто лучше всех защиту
Умеет весть? Как смеешь о стыде
Ты помышлять, когда у нас свобода
Шатается? Что значит честь твоя
Пред новгородской честью? Двадцать лет
Посадничью мою храню я честь —
Но если б только ей спасенье наше
Я мог купить — как свят господь, я б отдал
Ее сейчас! Всё ныне позабудь —
Одну беду грозящую нам помни!
А стыд тому, чья подлая душа
Иное б что, чем Новгород, вмещала,
Пока беда над ним не миновала!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДОМ БОЯРИНА ЧЕРМНОГО

Наталья прибирает горницу и ставит посуду на стол.

Наталья. Уж эти мне гости! Не дадут и часочка с ним посидеть! Вернется усталый: чем бы отдохнуть, а тут разговоры пойдут, а там, глядишь, опять приспело время на вал идти.

Девушка. А много ль будет гостей?

Наталья. И сама не знаю.

Девушка. Ты что ж не спросила?

Наталья. До того ли мне было, как после двух суток его увидала.

Кондратьевна. Что ж ты, государыня, сама-то на стол ставишь? Дай, мы и без тебя соберем!

Девушка. Кто же сегодня прислуживать будет? Челядь ведь вся брони надела, на завалы ушла, а нам с Кондратьевной в кухне быть.

Наталья. А я разве не сумею?

Девушка. Сама, нешто, будешь посуду носить?

Наталья. А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

Девушка. Вестимо — боярыня! Не сегодня, так завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу в закон вступить.

Наталья. Просила я тебя не говорить мне о том. Сколько раз просила. Коли опять начнешь, ей-богу, осерчаю.

Девушка. Ну, да! Таковская.

Кондратьевна. Молчи, ты, постреленок! Ей слово, а она тебе два! Пошла в кухню, смотри пирог — не пригорел бы.

Девушка уходит.

Ох, ох, дитятко! Избаловала ты нас, страху-то нет к тебе, к государыне к нашей.

Наталья. И ты туда же! Этакие вы, право.

Кондратьевна. По душе говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Все мы любим тебя за милостивость твою.

Наталья. А я-то и в глаза смотреть вам не смею. Сама ведь кружевницей в Новгород пришла, думала через год домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себе в золоте, а как подумаю, что и мать и отец плачут теперь по мне, так иной раз сама себе противна стану, что руки бы на себя наложила. Всех я вас хуже, а вы же меня государыней величаете.

Кондратьевна. Родимая ты наша! Служить-то тебе не в труд, а в радость. Уж кротче тебя и не видывали.

Наталья. А иной раз как вспомню, что ведь это для него я своих бросила, просветлеет у меня снова на сердце и опять всё кажется трын-трава!

Кондратьевна. Кто богу не грешен, дитятко! Господь помилует тебя за простоту за твою.

Наталья. Вишь, как я нарядилась сегодня. Ведь это он так велит, а мне и самой совестно.

Кондратьевна. Уж горазда ты наряжаться, нечего сказать! Лучшие окруты по церквам пораздала.

Вишь, и повязки-то новой не надела. Надень, дитятко, повязку — краше будет, а я в кухню сбегаю, не то эта егоза, пожалуй, пирог просмотрит. *(Уходит.)*

Наталья садится к окну, задумывается и напевает песню.

Голос *(под окном)*. Подайте, Христа ради! Подайте убогому! Подайте калике перехожему, Христа ради!

Наталья *(в окно)*. Войди, божий человек! Вот тут направо, по крылечку! *(Берет со стола хлеб и наливает кружку.)*

Входит нищий.

Нá тебе, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себе... *(Вглядывается в него.)* Господи! Что это?

Нищий. Узнаешь меня, Наталья?

Наталья *(бросаясь к нему)*. Рагуйло! Брат!

Рагуйло *(отталкивая ее)*. Прочь, негодная! Разве ты сестра мне? Разве ты не отреклась от родни? Разве ты не полюбовница воеводы новгородского?

Наталья. Брат, брат, дай в себя прийти! После кори меня — скажи скорей про отца, про мать... Живы ли они?

Рагуйло. Так вот где ты, бесстыдная, отыскалась! Что ж, хорошо тебе жить у боярина?

Наталья. Ругай меня, бей меня, но скажи мне про отца, про мать! Скажи, как ты сам попал сюда?

Рагуйло. Как попал? На той неделе в полон твои новгородцы взяли меня; сею ночью из тюрьмы вылез, нищим нарядился, пришел на сестру свою посмотреть, на честь ее великую порадоваться.

Наталья. Господи, если увидят тебя!

Рагуйло. Что ж, выдай меня своему полюбовнику.

Наталья. Спрячься, спрячься скорей! Пойдем со мной!

Рагуйло. Куда?

Наталья. Сама не знаю — на сеновал, в кладовую, в анбар!

Рагуйло. А потом?

Наталья. Потом? Ты ночью из города выйдешь.

Рагуйло. Ай да бабий ум! Как я выйду, когда все ворота заняты?

Наталья. Нищего, может, пропустят...

Рагуйло. Ай да сестрица! При Фоме еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхал, каков он, твой полюбовник, есть! И поставлен в воеводы за то, что не дрем-

лет. В тюрьме, чай, спохватилися меня, ищут теперь по городу.

Наталья. Пресвятая богородица! Как же быть нам?

Рагуйло. Выдумай! Найди! Ты стала теперь новгородкой, чай, знаешь свой город. Можно ли где через стену перелезть? Нет ли где выхода какого мимо сторожей?

Наталья. Выхода? Постой — да! Есть выход! В Спасском монастыре, со двора, ход подземный.

Рагуйло. Куда ход?

Наталья. За стену, в овраг какой-то...

Рагуйло. Что ж там? Дверь? Решетка? Как мне найти этот ход?

Наталья. Не знаю, боже мой! Ничего не знаю, а ключ сегодня посадник принесет...

Рагуйло. Кому принесет?

Наталья. Боярину Чермному...

Рагуйло. Полюбовнику-то? Достань мне ключ.

Наталья. Как я его достану?

Рагуйло. Украдь!

Наталья. Да я не видала его, не знаю, какой он.

Рагуйло. Узнай! Проведай! Напой своего полюбовника. Задуши его. Зарежь его, а ключ достань.

Наталья. Да если б и достала я, как же тот выход найдешь?

Рагуйло. В монастырь пустят нищего. На погосте ночевать останусь, там как-нибудь проведаю.

Наталья. Ну, а он-то?

Рагуйло. Что он?

Наталья. Коли на него ответ падет? Коли, неравно... через тот ход вороги ворвутся?

Рагуйло. А и в самом деле! Вот надоумила! Да кого ж ты это ворогами зовешь? Наших, что ли?

Наталья. Брат, я не могу дать тебе ключа.

Рагуйло. Так ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

Наталья. Я тебя иначе спасу — иначе; а этого я не могу — не проси, пожалей меня!

Рагуйло. А разве сама ты жалела нас, негодная? Мать свою ты уморила! С горя она померла!

Наталья. Господи!

Рагуйло. Проклинаючи тебя, померла. Отец твой помешанный ходит, сестры твои без пристанища, а ты

с новгородским воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, от тебя, плюют на тебя люди. Да тебе всё равно, миловал бы тебя воевода новгородский.

Наталья. Что же мне делать? Боже мой, что мне делать?

Рагуйло. А как надоешь ты ему да прогонит он тебя из дому, сорóм один на тебе останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

Наталья. Да скажи же сам, что делать мне? Научи сам меня. Что мне делать?

Рагуйло. Как что делать? Ключ достать! Брата спасти! Грех свой искупить перед богом!

Наталья. Не могу, видит бог, не могу! Приказывай что хочешь, но этого не могу!

Рагуйло. Так будь же ты проклята и в этом свете, и в будущем! Погуби еще брата, как ты мать и отца погубила! Живи себе в сраме и стыде на земле, а по смерти ступай на муки вечные, где блудницы и убийцы в адовом огне горят!

Наталья. Постой... Да не кляни же меня!.. Не кляни... Дай дух перевести...

Рагуйло. Полюбуйся завтра на мою голову, как она будет над городскими зубцами на копье торчать!

Наталья. Да пожалей же меня... Дай опомниться... голова кру́гом идет...

Рагуйло. Зови свою челядь! Выдай меня, и будь над тобой анафема божья!

Наталья. Брат, брат, не кляни! Всё, что хочешь, сделаю, всё сделаю — достану тебе ключ!

Рагуйло. Побожись!

Наталья. Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцев не впустишь,— побожись и ты!

Рагуйло. Добро, побожусь!

Наталья. Постой! Слышишь?

Рагуйло. Что?

Наталья. Конский топ на улице — это он!

Рагуйло. Куда спрятаться?

Наталья. Иди за мной! *(Подходит к двери и останавливается, прислушиваясь.)* Нельзя! Он уж на крыльце!

Рагуйло. Куда же?

Наталья. Сюда! Скорей сюда! Отсюда лесенка на вышку. *(Толкает его в боковую дверь.)*

Входит Чермный.

Чермный. Здравствуй, Наташа! Вот, теперь поцелуемся! Да что с тобой? Что ты так дрожишь? Ты на ногах еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается к нему на шею.

Что с тобой? С беспокойства ты это, что ли? Али с радости, что я не убит?

Наталья. С радости, с радости, дорогой мой!

Чермный. Экая ты неразумная! С радости плачет! Да пусти же меня, я из сил выбился; дай мне вина, Наташа, горло засохло. *(Садится.)*

Наталья подает ему стопу.

Чермный *(выпив)*. Ну, что? Успокоилась?

Наталья *(рыдая)*. Не могу! Прости меня, не могу, силы нет!

Чермный. Экой же ты ребенок! Да быть не может, чтоб ты с радости так плакала. Тут что-нибудь другое. Обидел тебя кто, что ли?

Наталья. Свет ты мой, разве можно меня обидеть?

Чермный. Так, стало, горе у тебя?

Наталья. Да! Горе, горе! Да что я сказала! Сама не знаю, что говорю. Неправда, нет у меня горя! Так, по глупости, плачу.

Чермный. Не верю, Наташа, ты проговорилась. Что у тебя на душе? Скажи мне, авось помочь можно.

Наталья. Нет, мой родимый, нет! Никто, никто мне не поможет!

Чермный. Так есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни в чем тебе не отказываю.

Наталья. Ни в чем, ни в чем, свет мой, никогда не отказывал ты мне! Ты уж так добр, так жалостлив ко мне, — а я-то, я-то!

Чермный. Не о родных же ты плачешь? Ведь ты сказала, нет у тебя родных? Да говори же, Наташа, болен ли кто? Убит ли кто? Есть у тебя кто близкий в городе?

Наталья. Да, свет мой, прости меня — я солгала тебе — я не одна на свете; есть у меня...

Чермный. Ну, говори же! Кто у тебя? Отец? Мать? Брат?

Наталья. Нет, нет, не думай, нет! Тетка есть — только тетка одна — при смерти больна!

Чермный. Ну, выговорила наконец! В бедности она, твоя тетка?

Наталья. В бедности, государь, да, в бедности!

Чермный. Что ж ты сразу не сказала? Глупая ж ты, глупая! Или не знаешь меня? *(Отворяет поставец.)* На, возьми, отнеси своей тетке, купи для нее всё, что надо. Что хочешь в доме возьми, отнеси больной, да и сама останься с ней на ночь, тебе спокойнее на душе будет! .. Ну, что опять с тобою?

Наталья. Государь ты мой! Дорогой мой! Ты как господь бог — как господь бог ко мне, — а я-то, я-то негодная, окаянная! Да как ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

Чермный. С ума ты сошла, право! Уж чересчур ты совестлива! Перестань же плакать, у меня и без того голова кругом идет. Дай-ка еще вина, надо быть пободрее, сейчас гости придут. *(Выпивает стопу.)*

Входит посадник.

А, вот уж и один! Оправься, Наташа! *(К посаднику.)* Здорово, Глеб Мироныч! Милости просим!

Посадник. Здравствуй, Андрей Юрьич!

Наталья подает ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравие твое, Андрей Юрьич. А сам-то что же ты?

Чермный. Дай мне чарку, Наташа. Во твое, Глеб Мироныч! Всё благополучно в городе?

Посадник. Слава богу. Беглого того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

Чермный. Вели еще искать. Так оставить нельзя. Надо над ним пример показать.

Посадник. Уж велел. По всем домам ищут. Вот тебе ключ от монастыря, от тайного хода.

Чермный. Спасибо. *(Вздевает ключ на пояс.)* Так будет вернее. Ступай же, Наташа, ступай к своей больной, завтра увидимся.

Наталья уходит.

Посадник. Что с ней?

Чермный. Тетка у нее захворала, так вот и кручинится. А иной раз и так себе плачет. Чудная такая! То словно пташка поет, заливается, то вдруг плакать начнет.

Посадник. Дурь бабья. Избаловал ты ее.

Чермный. Нет, она не то, что другая; и не просит никогда ни о чем, скромная такая.

Посадник. А всё ж не след тебе нянчиться с ней. Поискал бы себе ровни, в закон бы вступил.

Чермный. И сам иной раз так думаю, и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее — жалость берет, язык не поворотится.

Посадник. Ну, это твое дело.

Чермный. А где ж Василько?

Посадник. Сейчас придет. Чуть было беды не накурил, вылазку с своими затеял. Я пригрозил им.

Чермный. Хорошо сделал, Глеб Мироныч, а то пришлось бы их смертию казнить.

Входит Василько и кланяется молча.

Чермный. Здравствуй, Василько! С повинной пришел? Благодари тестя, что блажить не пустил, а то бы я вас в Волхов кинуть велел. Дружба дружбой, а дело делом. Ты знаешь, я с делом не шучу.

Василько. Прости нашу дурость, Андрей Юрьич!

Чермный. Жаль было бы тебя, а не пощадил бы. Нá, выпей чару, не кручинься, без дела не останешься.

Входят Вышата и Рогович.

Поклон,
Бояре, вам! Чтó видно с валу?

Вышата

Смирно
Покамест всё; с моей лишь стороны
Огней у них прибавилось как будто.

Рогович

С моей убавилось огней.

Посадник

Должно быть,
К Словенскому концу хотят стянуться,
Под Городище.

Чермный

Там у них стоят
Владимирцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

Вышата

По всему
Должно смекать: они готовят приступ.

Входит Жирох.

Жирох

Боярину Андрею бью челом!
Всем по поклону! Я, никак, последний?
Не осудите — путь мне дале всех!

Чермный

Какие вести?

Жирох

Всё благополучно.

Чермный

Движенья нет?

Жирох

Не видно ничего;
Костры зажгли на старых на местах,
По-прежнему.

Чермный

Садитесь, государи!
Во здравье вам!

Все садятся за стол.

Все

Во здравие тебе!

Пьют.

Жирох

Тобой, Андрей, мы, Юрьевич, из мертвых
Воскрешены.

Кондратьевна с девушкой ставят блюда на стол и уходят.

Чермный

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

Жирох

Да чья же
Теперь в дому? Ведь мы уж, слава богу,
Не при Фоме! Кишит, как муравейник,
Весь Новгород!

Посадник

Кажися, ты на вече
Был за Фому? Так отчего ж теперь
Не то ты говоришь?

Жирох

Был — не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видит то
И сам Фома. Когда при нем бы гридьба
Держалась так, как держится теперь,
Не говорил бы он о мире.

Посадник

Гридьбу
Винить грешно. То не она, а он
Отходную нам затянул.

Рогович

На ком
Прорухи не бывает, Глеб Мироныч!
А благо то, что подняли вы нас
С Андреем Юрьичем.

Вышата

До псковичей
Продержимся, даст бог!

Жирох

Я ж говорю:
Мы и без них продержимся. Ведь каждый
Десятерых стал стоить, словно рубль,
В рост пущенный.

Посадник

Ты в росте знаешь толк.

Жирох

Куда уж мне! Лишь не нажить долгов бы!
Ни у кого в долгу мне оставаться
Не пó сердцу.

Чермный

Откуда, государи,
По-вашему, ждать приступа?

Вышата

Последний
От Прусских мы ворот отбили. Вновь
Там не начнут. Чай, кинутся к Торговой;
Затем они, должно быть, к Городищу
Стянулися.

Рогович

Глаза хотят отвесть.
Там топь кругом; не провезти им туров.

Вышата

Настелют путь. За Волховом весь день
Владимирцы рубили лес. Нам слышен
Стук топоров был и дерев паденье.

Рогович

По мне, скорей к Баяним воротáм
Их надо ждать.

Жирох

По мне ж, не будет вовсе
И приступа. Чай, колокол был слышен
Им вечевой! Чай, видели они,
Как закипел Детúнец, и смекнули,
Что новый воевода ноне в руки
Сиденье взял. Теперь одна осада
От них пойдет, морить нас будут гладом,
А приступа не будет.

Чермный

(к посаднику)

Глеб Мироныч,
Как мыслишь ты?

Посадник

Спроси-ка Василька;
Пусть скажет он, а я отвечу после.

Чермный

Как, Василько, по-твоему?

Василько

Когда
Ты, государь, мне говорить велишь,
То мне сдается: ведомо им вправду,
Что новый избран воевода, он же
Не кто, как ты, которого нет лучше;
Но ведомо им также, что идет
На выручку нам Псков; когда ж доспеет,
Плохая им останется надежда
Взять Новгород. Теперь иль никогда!
Затем они, не дожидаясь Пскова,
На приступ завтра же полезут.

Посадник

(к Жироху)

Слышал?
Не старый то и не бывалый молвит,
А молодой. То ясно есть как день,
То всякая понять сумеет баба.
Зачем же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будет?

Вышата

Нет, теперь-то
Нам их и ждать.

Рогович

Теперь-то и начнут.

Чермный

О том и речи нет!

Жирох

Пусть, государи,
По-вашему. Я что же? Я сказал:
Коль при Фоме нахрапом нас не взяли,

То при Андрее Юрьиче подавно
Нас не возьмут. Они, чай, сами знают.
А захотят попробовать — пожалуй,
Пусть сунутся!

Вышата

Вопрос: откуда нам
Их ожидать? Урону слишком много
Мы понесли. Не хватит нашей рати
Все стороны успешно боронить.

Рогович

Великая была б нам льгота, если б
Разведчика послать.

Жирох

Уж сколько было
Посылано! Перехватали всех.
Небось они не дремлют: днем и ночью
Объезды их круг города кружат:
Что ни увидят, всё хватают; пса бы
Не пропустили. Где ж тут посылать
Разведчика.

Чермный

Авось нам бог поможет
Объезды их сей ночью миновать.

Вышата

Как так, боярин?

Чермный

Есть подземный ход
Ко самому их стану...

Прислужницы вносят блюда.

Посадник

(к Чермному)

Отошли-ка
Ты лучше баб: что слушать им!

Чермный

И то!

(К прислужницам.)

Возьмите по корзине, отнесите
Вина и хлеба челяди. Без вас
Мы справимся.

Кондратьевна

Кто ж, батюшка-то, в доме
Останется? Окроме нас двоих,
Все на валу; и бабы наши землю
Таскают, вишь!

Чермный

Не бойтесь, не украдут
Меня без вас. Ступайте!

Прислужницы уходят.

Рогович

О каком
Ты это ходе говорил?

Чермный

В овраг
Свенельдов он, под городской стеною,
Из Спасского ведет монастыря;
Кустарником густым оброс вкруг устья
И неприметен даже днем. А стан их
Стоит к оврагу тылом.

Вышата, Рогович и Жирох

Не слыхали
Про этот ход.

Чермный

Я сам узнал случайно.

Вышата

Его б засыпать лучше. Неравно
Проведают они.

Чермный

Как им проведать?
Искать его нарочно — и тогда
Дня три овраг обшаривать бы надо;
А если б кто случайно и набрел,
То всё ж ему пройти неможно в город:
Ключ у меня — вот он!

Жирох

Позволь спросить:
Давно ль тебе тот ход, боярин, ведом?

Чермный

С той осени. А что?

Жирох

Да так; я только
Подумал: жаль, что прежде не сказал ты.

Чермный

Из головы он вышел у меня:
То было до войны.

Жирох

Оно и лучше,
Что ты в свое лишь вспомнил воеводство,
А то Фома, пожалуй, только дело
Испортил бы.

Рогович

Кого ж послать ты хочешь
Разведчиком сей ночью?

Чермный

Сам пойду,
Дождуся только, чтоб темнее стало.

Вышата

Час неровён; пошли другого лучше.

Чермный

Нельзя! Себе могу лишь одному
Довериться.

Р о г о в и ч

Но вот уж третьи сутки
Ты на ногах; ты отдохнуть бы должен;
Хоть на часок приляг.

Ч е р м н ы й

Избави бог!
Когда теперь прилягу, то мертвецки
Сейчас засну, а надо до зари
Наверно знать, откуда будет приступ,
Чтоб силы все в ту сторону собрать;
У нас и впрямь осталось мало рати.

В ы ш а т а

Сам о себе пойдешь?

Ч е р м н ы й

Нет, одного бы
Товарища взять надо.

(К Васильку.)

Василько!
Что делает твоя сей ночью сотня?

В а с и л ь к о

Наряжены к дозору, государь.

Ч е р м н ы й

Поставь над ней другого; наперед же
Всем сделай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потом
Ко Спасскому ступай монастырю.
Там жди меня. Тебя беру с собой
Ко вражьему я стану.

В а с и л ь к о

Государь,
Воздай господь тебе за эту честь!

(Уходит.)

Ч е р м н ы й

Последнюю теперь, бояре, чару —
И по местам! За Новгород Великий!

Все встают и пьют.

Жирох

За Новгород — и доброго успеха
Тебе, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотреть, как всё кипит в твоих руках!
Везде ты сам, на всё тебя хватает!

Вышата и Рогович

Прости, боярин, — доброго успеха!

Чермный

Простите все — и помните приказ:
Очередной никто чтоб не помыслил
Очей сомкнуть; чтобы глядели в оба,
О каждом бы движении во стане
Сказали мне, как только я вернусь,
Мы на валу увидимся зарею.

Вышата, Рогович и Жирох

Спокоен будь, мы знаем наше дело.

Направляются к двери.

Вышата
(уходя, к посаднику)

Ты что же, Глеб Миронович?

Посадник

Идите,
Я догоню вас.

Вышата, Рогович и Жирох уходят.

Посадник
(проводив их глазами)

Надо бы Жироха
Сменить.

Чермный

А что?

Посадник

Сдается, ненадежен.

Чермный

Мне самому сдается.

Посадник

Злобы он
Не может скрыть — с Фомою заодно.

Чермный

Переместить его могу я завтра.

Посадник

Перемести; поставь его туда,
Где приступа не будет; ты заметил,
Как он искал, какую б на тебе
Найти вину? Они с Фомой бы рады
Тебя подвесть.

Чермный

Беречься буду их.

Посадник

Еще один совет. Боярин Чермный!
На волоске повисла воля наша.
Тобой одним лишь Новгород стоит:
Когда тебя убьют или захватят —
Вразброд как раз сидение пойдет
И легкая добыча будет князю!
Не забывай, что ты святой Софии
И щит и стяг и что друзья княжие
В самих стенах новогородских ищут
Тебя избыть. В опасность не хоти
Соваться даром.

Чермный

Милостив господь!
Но не идти в разведку не могу я:
От этого отпор успешный завтра
Зависит наш.

Посадник

Не лучше ль Василька
Отправить одного?

Чермный

Нет. Молод слишком;
Удерживать приходится его;

Мне ж не впервые: суздальцем оденусь
И, от костра переходя к костру,
Узнаю всё.

Посадник

Блюди ж тебя господь!

Чермный

Ты сам куда?

Посадник

Прилягу до рассвета,
А то совсем не чую ног.

Чермный

Прости ж,
Чем свет с тобою свидимся.

Посадник

Блюди
Тебя господь!

(Уходит.)

Чермный

(один)

Да, надобно Жироха
Переместить. Предвидеть надо всё!
Ему с Фомой я как бельмо на око.
Прав старый Глеб! Проклятая дремота!
Вино и то сегодня не бодрит.
Сейчас пойду. . .

(Задумывается, потом подходит к столу и выпивает чару.)

Что бишь ему сказал я?
Да! Суздальцем оденусь. . . а Жироха
Перемещу. . . Не надо позабыть
Переместить Жироха. . . надо помнить. . .
Две вещи помнить. . . Суздальцем одеться. . .
И что еще? Вот так ко сну и клонит. . .
Сменить Жироха. . . Суздальцем одеться. . .

Сейчас пойду... На миг присяду только...
Сейчас пойду...

(Садится за стол; голова его опускается на руки, он засыпает.)

Две двери медленно отворяются: из одной показывается **Наталья**, из другой **Рагуйло**. Разговор их идет шепотом.

Рагуйло

Ну, что ж ты?

Наталья

Не могу!..

Рагуйло

Бери же ключ. Отвязывай!

Наталья

Брат, руки
Мои дрожат!..

Рагуйло

(вынимая нож и делая шаг вперед)

Иль мне уж самому?

Наталья

Сейчас, сейчас!

(Подходит осторожно к Чермному и снимает с его пояса ключ.)

Рагуйло

Давай.

Наталья подает ему ключ, падает на колени и закрывает лицо руками.

Нет, шутишь! Встань!
Остаться с ним тебе не дам — разбудишь.
Пускай он спит! Ты проводи меня —

(поднимает ее насильно)

Иди со мной!

(К Чермному.)

А ты — спокойной ночи!

(Уходит, уводя с собой сестру.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДОМ БОЯРИНА ФОМЫ

Ночь. Фома, Жирох и Кривцевич разговаривают.

Фома

(ходит по комнате)

Подземный ход! И этого не знал я!
Как он его проведал?

Жирох

Говорит,
Случайно будто.

Фома

А с которых пор?

Жирох

С той осени; и будто он о нем
Совсем забыл, сегодня только вспомнил!

Фома

Поверю я!

Кривцевич

Хитер! Молчал небось
Да про свое припас про воеводство.

Фома

Хотя б одним деньком мне ране знать!

Кривцевич

Хоть утром бы нам знать, Фома Григорьич,
Успели б князю весточку подать,
Как приступ весть.

Фома

(к Жироху)

И на разведку хочет
Он сам идти?

Ж и р о х

Так нам сказал.

Ф о м а

Один?

Ж и р о х

Нет, с Васильком.

К р и в ц е в и ч

Кабы на той разведке
Ухлопали его!

Ж и р о х

Не уповаю:
Вернется здрав!

Ф о м а

О чем еще шла речь?

Ж и р о х

Всё об одном: откуда князя ждать?
Кто говорит: пойдет на Городище,
Кто — к воротáм Баяним. Я пытался
Их с толку сбить, да срезал старый черт!
Я, правда, тож ввернул ему загвоздку:
Его долгами здóрово кольнул.

Ф о м а

С ума сошел? Какие тут загвоздки!
Ты должен был поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче шелка с ним,
Кадить ему!

Ж и р о х

Что ж делать — сорвалось,
Не вытерпел. Когда б ты только видел,
Как на меня смотрел он! Вспомнишь — сердце
Так и вскипит!

Ф о м а

А ты его рассудком
Придерживай. Взгляни хоть на меня:

Ко Глебу разве мене сердце злобой
Во мне кипит? А разве волю я
Даю ему? Нет, злобу приглушать
Умею я! Боярыня Мамелфа
Сегодня вот мне говорит про Глеба:
Он то и то! И в бога-то не верит,
И в церковь-то заказывал ходить,
И даром-то безвинного меня
Оклеветал! Я что ж? Небось помог ей
Чернить его? Нет, я не так-то прост!
Горою встал за Глеба! Он-де мне
Хотя и враг, хоть вправду благочестья
Немного в нем, а всё ж его я чту
За то, что он душою не кривит,
По-своему, вишь, Новгород он любит,
Неведеньем меня лишь оскорбил,
И прочее, и прочее! Старуху
Так умилил — чуть-чуть не прослезилась,
А Глеб чрез то и вдвое стал черней!
Вот надо как!

Кривцевич

С тобой кому тягаться,
Фома Григорьич! Бог тебя сподобил,
А мы себе по простоте!

Фома

Вот то-то
По простоте!

(К Жироху.)

Ругал ли ты меня,
Как я тебе наказывал?

Жирох

Ругать-то
Неловко было; за тебя на вече
Ведь я стоял, а я сказал: Фома, мол,
И сам смекнул, что был не прав.

Фома

Не то!
Ругать меня ты должен был; звать бабой,
Звать дураком, звать вором, трусом звать!

Фома, мол, трус! Фома — княжой прихлебник.
Фома, мол, вор! Фома — христопродавец!
Он и меня лукавством обошел!

Жирох

Пересолил бы так, Фома Григорьич,
Заметили б расчет!

Фома

Эх, простота!
Пересоли́шь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно нам? Чтоб мнили бы они,
Что сторону мою ты бросил. Так ли?
А из чего ты им передался —
Вопроса нет — вестимо, из расчета!
Своим ты их усердьем не обманешь,
Ни у кого святым не прослывешь;
Не чистотой ты в Новгороде ведом,
Так чистого не корчи из себя.
Всяк должен знать, о нем что́ мыслят люди,
В чем можно их уверить, в чем нельзя.
А с Чермным Глеб тебе лишь в том поверят,
Что ты меня из выгод продаешь.
Так продавай! И чем наглей, тем лучше!
Не очищай — черни меня пред ними,
Черни сплеча.

Жирох

Я думал понемногу
В их мнении отречься от тебя.

Фома

Нет времени нам делать понемногу —
Железо куй, пока красно́! У нас
Псков на носу! Мы пень через колоду
Валить должны! Мы Чермного подсечь
Должны теперь, покуда псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Нам заодин работать, а наружно
Врозь надо быть.

(К Кривцевичу.)

Так иль не так?

Кривцевич

Фома

Григорьевич! Царь Соломон глаголет
Из уст твоих; придай же нам ума:
Как Чермного подсечь?

Фома

Рыбак, закинув
Свою уду, глядит на поплавок;
А не клюет его наживы щука —
За лодкою волочит он лесу
Иль с берега нахлесткой дразнит рыбу.
Так или так — под промах подведем
Мы Чермного; иль улучу я случай,
Иль сам рожу́. Вы ж помните одно:
Наружно врозь, на деле ж тесно вместе;
Что ни скажу, навстречу говорить;
А между тем смекать из полуслова,
Куда я гну, и спорить так, чтоб я
Всегда был прав...

Звон в колокол.

Жирох

Позволь — никак, набат!

Кривцевич

Набат и есть!

Жирох

(отворяя окно)

И зарево пожара!

Крики на улице.

Кривцевич

С оружием по улице бегут!
Не ворвались ли суздальцы?

Жирох

Без боя?
Не может быть!

Фома

Пойдемте посмотреть!
Нежданное нам что-то приключилось —
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Все трое поспешно уходят.

ПЛОЩАДЬ С ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Ночь. Зарево пожара. Набат и стук сечи. Граждане с оружием бегут через сцену.

Крики. Суздальцы! Суздальцы! Измена! Новгород взяли! Режут! Где суздальцы? Бей их!

Пробегают. Из боковой улицы выходит Василько в схватке с Рагуйлом, одетым в кольчугу. Набат умолкает, зарево гаснет.

Василько (*наступая на Рагуйло*). Сдайся! Все твои перебиты!

Рагуйло. Не таковский, чтоб сдаться! Кому бог поможет!

Дерутся. Рагуйло падает. Из той же улицы выбегают Ставр и Головня.

Ставр. Ай да Василько! Последнего растянул!

Василько. Где наши?

Головня. Пожар гасят.

Радько (*подходя*). Уже погасили. (*Указывает на нескольких людей, выходящих из той же улицы.*) Вот эти нам помогли!

Один из народа. Да что это за притча была? Откуда они взялись?

Другой. Словно с неба упали!

Головня. Из земли словно выросли.

Ставр. Нет, они из монастыря выскочили, как раз когда мы дозором шли.

Василько. Да точно ли все перебиты?

Радько. Всех положили! Немного их и было, человек пятьдесят!

Третий. А поджечь-таки успели!

Ставр. Кабы не наш дозор, они с разных концов подожгли бы: у каждого связка смоленого хворосту была.

Головня. А тем часом и приступ начался бы. Внутри пожар гаси, а снаружи врагов отбивай!

Радько (*к Васильку, указывая на Рагуйло*). Смотри, твой жив еще!

Четвертый. Пришибить его, что ли?

Рагуйло (*приподнимаясь*). Православные... Дайте по-христиански умереть... Отнесите в церковь али попа позовите...

Пятый (*замахиваясь*). Я тебе поп! Благословлю как раз!

Василько (*отталкивая его*). Прочь, зверь! Лежа-

чего не бьют! Спросим его, как они в город вошли? *(К Рагуйлу.)* Эй, молодец!

Ставр. Обмер, должно быть, али уж кончился?

Василько. Нет, жив еще, да говорить не может! Отнесите его в монастырь.

Радько и Головня уносят Рагуйло. Народ шумно собирается на площадь. С одной стороны входит посадник, с другой — Фома с Жирохом и Кривцевичем.

Посадник. Что это было? Что случилось?

Василько. Толпа суздальцев ворвалась, государь. Да уже все перебиты.

Посадник. Ты как здесь? Отчего не с воеводой?

Василько. Я по его указу сделал: после переклички сотню по дорогам разделил, а сам пришел к монастырю дожидаться его. Часа три у ворот стоял, как из них ратники показались; я их окликнул, а они на меня с мечами бросились. Тут наш дозор подошел, и мы вместе перебили их.

Посадник. А воевода? Воевода?

Василько. Не видали его, не приходил.

Фома *(к Жироху и Кривцевичу)*. Смекайте! Тут что-нибудь для нас! Ведь это его ходом суздальцы пролезли.

Чермный вбегает с мечом в руке.

Чермный. Не может быть! Не верю! Где они? Где суздальцы?

Голоса. Без тебя справились!

Чермный. Как они вошли? Быть не может!

Радько и Головня, отнесшие Рагуйла, возвращаются.

Радько. Ход подземный в монастыре есть. Мы видели — монахи его заваливают.

Фома. Ход подземный? Который это ход?

Жирох. Да не тот ли, про который воевода вчера говорил? От которого ключ у него?

Чермный хватается за пояс.

Кривцевич. Ловко прикинулся!

Головня. Вот ключ! Он в дверце снутри торчал.

Ропот.

Чермный. Господи — что это? Он у меня на поясе был!

Фома. А теперь в дверце очутился? Гм! Странное дело!

Ж и р о х. Что, странное дело? Уж ты, прости господи, не держишь ли подозрения на воеводу?

К р и в ц е в и ч. Ты, чай, зол на него за то, что он на твое место сел?

Ж и р о х. Рад безвинного чернить!

Ф о м а. Что вы, что вы, побойтесь бога, с чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, как с его пояса ключ в дверцу попал и ворогов в город впустил?

К р и к и. К ответу воеводу! К ответу!

П о с а д н и к. Постойте, люди! Разве можно так спрашивать? Подождем утра, соберем вече, воевода Новугороду ответ даст.

Г о л о с а. Дело, дело! Подождем утра, на вече спросим.

П о с а д н и к *(к Чермному)*. Кто это учинил? На кого ты мыслишь?

Ч е р м н ы й. Ума не приложу!

П о с а д н и к. Голову отдам, чтоб вора найти!

К р и в ц е в и ч. Да зачем же воеводу к ответу ставить? Воевода никому не держит ответа. Это не простой воевода; он и смертную казнь наложил всем, кто не слушает его: какой же на нем ответ?

К р и к и в н а р о д е. Что ж, он князь над нами, что ли? Мы и князей судим, а его и подавно! Говори! Отвечай! — У тебя был ключ? — Кому ключ отдал? — Зачем ворогов впустил? — К ответу! К ответу!

П о с а д н и к. Молчите, смерды! Воевода одному вечу повинен!

К р и к и. Так соберем вече! Чего тут ждать! Бегите на колокольню! — Ударьте в колокол! — Вече! Вече!

Крики и возрастающее смятение. Рассветает.

Ф о м а *(к Кривцевичу)*. На ловцов зверь набежал! Станем вразбивку, чтоб не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Удар в колокол. Площадь наполняется всё боле. Впереди черного народа становятся бояре и огнищане. Каждая улица под своим стягом. Колокол умолкает. Посадник всходит на лобное место. Молчание.

П о с а д н и к. Государь Великий Новгород! Повелите ли вечу быть?

О б щ и й к р и к. Вече! Вече! Вече!

Посадник

Великий Новгород! Открыто вече!
Горсть суздальцев сей ночью ворвалась
Чрез тайный ход подземный, от него же
У воеводы Чермного был ключ.
Тот ход уже завален, и враги
Побиты все. А кто у воеводы
Похитил ключ — не ведаем. Велите ль
Ему ответ держать?

Крики

Пусть говорит!

Посадник

Кому вести прикажете допрос?
По грамотам держал по Ярославлим
Доселе князь в Новегороде суд;
В бескняжие ж и в смутные годины
Всегда судил посадник.

Крики

И теперь
По старине! По пошлине! Посадник,
Допрашивай!

Жирох

Кому же, государи,
Как не ему? И кто же лучше Глеба
Мироныча очистит воеводу?
Ему он друг; его ж на воеводство
Он посадил.

Кривцевич

Так как же правду мы
Через него узнаем? Он не может
Допрашивать — он будет выручать!

Крики

Нельзя ему! Нельзя! Фома пусть будет
Допрашивать!

Фома

Увольте, государи!
Когда посадник Чермному есть друг —
Я не таюсь: ему я другом не был;

Я говорил, что молод слишком он
И доверять нельзя ему сиденье.
Коль он себя, не дай бог, не очистит,
Подумают, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запутал.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Он сторона!

Посадник

Придумал бы хитрее!
С Кривцевичем вы словно два перста.
Он или ты — едино! Государь
Великий Новгород! Коли не мне —
Вышате прикажите — этот чист!

Общий крик

Вышате! Да! Вышате весть допрос!
Сойди долой, а Чермный стань к ответу!

Посадник сходит со ступеней. Чермный всходит.

Вышата

Боярин Чермный! Новгород знать хочет:
Как суздальцы сей ночию вошли
Чрез тайный ход, от коего был ключ
В твоих руках?

Чермный

Как свят господь, не знаю!

Вышата

Кого-нибудь подозреваешь ты?

Чермный

Нет — никого!

Вышата

Чрез этот самый ход
Вчера идти хотел ты на разведку —
Ходил ли ты?

Чермный

Нет.

Вышата

Отчего?

Чермный

Судите,
Как знаете, меня! Не помню сам,
Что сделалось со мной, когда ушли вы;
Стыд вечный мне! Один на лавке сидя,
Забылся я — забылся и заснул,
Очнулся лишь, когда набат услышал!

Сильный ропот.

Вышата

И не нашел на поясе ключа?..

Чермный

Я, не глядя́, бежать сюда пустился —
Лишь здесь увидел, что с меня он снят.

Вышата

С кем виделся по нашем ты уходе?

Чермный

Ни с кем.

Вышата

Кто был из челяди в дому?

Чермный

Никто. При вас я отослал прислужниц,
А прочие с утра ушли на вал.

Вышата

Боярин Чермный, дома ли Наталья
Твоя была, когда ты нам тот ключ
Показывал?

Чермный

Нет. К тетке ночевать
Пред тем ушла. Посадник слышал, как
Я сам ее отправил.

Посадник

Слышал, точно, —
Но вправду ли она ушла — бог весть!
Никто ее не видел.

Голос

Видел я!

Вышата

Кто говорит? Коль послух — выступай!

Выходит из толпы мечник.

Поведай всё, что знаешь о Наталье!

Мечник

От смены я во Спасский монастырь
Вчера пришел ко всенощной. Там, вижу,
Стоит она меж нищих, горько плачет
И молится. И говорю я ей:
«О чем ты, горемычная душа,
Так горько плачешь?» — «К тетке, говорит,
Иду к больной, путем же помолиться
Сюда зашла».

Фома

Ну, значит, не Наталья!

Вышата

Кого другого не было ль в дому?

Чермный

Я был один.

Фома

Один, в пустых покоях,
На поясе с ключом! Ключ, стало, сам
С него снялся́ и отпер супостату
Тот самый ход, о коем ни душа,
Опричь его, не ведала!

Возрастающий ропот.

Ж и р о х

Постой,
Не радуйся, Фома Григорьич! Было
Нас пятеро вчера у воеводы;
Нам пятерым показывал он ключ.
Когда судить доводится измену,
В допросе нет обиды никому,
Пусть спросят нас: все ль вместе мы ушли
Иль с Чермным кто последний оставался?

П о с а д н и к

Последний я остался. Что ж с того?

Ж и р о х

Гм! Ничего! Я только так!

К р и к и

На Глеба
Он говорит! Каменьями его!
Вор! Клеветник!

П о с а д н и к

Оставьте, государи!
Я не из тех, до коих клевета
Могла б достичь!

Ф о м а

Еще б! Иль мы не знаем
Посадника? На Чермном на одном
Лежит ответ!

К р и в ц е в и ч

Тогда изменник Чермный!

К р и к и

Изменник он! Изменник! Смерть ему!

П о с а д н и к

В уме ли вы? Когда б он замышлял
Нам изменить, не стал бы нам он ключ
Показывать. Он не сказал бы нам
О ходе том.

Кривцевич

Зачем о нем он прежде
Нам не сказал? Он знал его давно.

Вышата

Боярин Чермный, отвечай на это!

Чермный

Что вам ответить! Летом, на охоте,
Я на него набрел случайно; было
То до войны; не показался важным
Он мне тогда — и я о нем забыл.

Кривцевич

В свое ж опять припомнил воеводство?

Чермный

Когда ответ я принял на себя,
К сиденью всё пригодное мне ясно
Представилось.

Фома

Свидетельствуюсь богом,
Когда бы я об этом ходе знал —
Всё, что враги на нас ни замышляли б,
Я б ведал всё! Мне б не было нужды
Со князем мир для нашего спасенья
Советовать.

Жирох

Вишь, хвастается чем!
Да разве сам не собирался Чермный
Сей ночью на разведку?

Кривцевич

И заснул!
И кстати ж сон напал на воеводу:
Как раз когда все из дому ушли!
И кстати вор нашелся в самый миг,
Как он заснул! И кто же этот вор?
Как он о том о потаенном ходе
Проведать мог, когда никто из нас
О нем не знал? И как он догадался,

Что самый ключ на поясе висит
У воеводы? Новгород Великий!
Боярина Фому вы отрешили
За то, что мира с князем он хотел, —
Что ж Чермному вы за его измену
Положите?

Взрыв криков

Смерть за измену! Смерть!

Посадник

(всходит на ступени)

По грамотам! По пошлине! Во имя
Святой Софии! Дайте, государи,
Посаднику к вам слово молвить!

Говор

Тише!
Глеб говорит! Молчите! Слушать Глеба!

Посадник

Великий Новгород! Нельзя казнить
Без обыска! Нам надо сделать обыск,
Его домашних надо допросить.
Вор сыщется! Как вору не сыскаться?
За Чермного ж я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадник Глеб! Коль смените его —
Всё пропадет! Один он держит город,
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь им одним — лишь им свобода наша
Теперь жива!

Один из народа

Вишь, голос как трясется
У старика!

Другой

Слеза по бороде
Скатилася! Диковина! Никто
Не видывал, чтоб плакал старый Глеб!

Посадник

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!
Когда ж дотоль мы вора не найдем —
Казните нас обоих!

Кривцевич

А меж тем
Он нас продаст? Какой еще тут обыск?
Окончен суд!

Фома

(тихо к Жироху, который к нему неприметно подошел)

Шепни скорее нашим,
Чтоб за меня кричали!

Кривцевич

Пусть он вора
Нам назовет — не то на казнь его!

Крики

Пусть назовет! Пусть назовет! Не то
Смерть Чермному!

Крики с другой стороны

Фому на воеводство!
Фому! Фому! Хотим Фому опять!

Крики с разных сторон

Живет Фома! Фому на воеводство!

Посадник

Дозвольте слово, Новгород Великий,
Последнее!

Крики

Ну, что еще? Скажи!

Посадник

Я господом спасителем Христом
Молю того, кто ключ у воеводы
Уворовал, — святой молю Софией —

И собственной души его спасеньем
Его молю — и страхом вечных мук
Грожу ему — пусть сам он назовется!

Молчание.

Кривцевич

Не так-то прост, чай, воевода Чермный,
Сам на себя не скажет!

Крики

Смерть ему!

Смятение и шум. Черный народ протесняется сквозь бояр.

Один из народа

Что долго с ним чиниться? В Волхов пса!

Другой

(стаскивает Чермного со ступеней)

Веревку, братцы! И на шею камень!

Третий

Во двор к нему! Разграбим дом его!

Крики

Живет Фома! Фому на воеводство!

Фома

(торжествуя, к посаднику)

Что, взял теперь? Мой город!

Посадник

Нет еще!

(К толпе.)

Вам нужен вор? Вы вора знать хотите!
Добро ж! Так я вам вора назову!

Общие крики

Кто? Назови! Скажи, кто вор?

Посадник

Я вор!

Молчание. Потом продолжительный ропот.

Жирох

Так вот оно! Ведь говорил же я!
Ведь изо всех вчера последний с Чермным
Остался он.

Фома

(тихо к Жироху)

Молчи! Его сгубить —
То Чермного очистить! Город этак
В его руках останется!

(К толпе.)

Вы, вящие, и вы, простые люди!
Ужели вы поверите ему?
Вы видите, он на себя клевещет.
Изменником ужели может быть
Посадник Глеб?

Ропот.

Отдельные голоса

Нет, нет! То быть не может!
Не верим! Нет!

Вышата

(к посаднику)

Что взводишь, Глеб Мироныч,
Ты на себя? Никто из нас тебе
Не хочет в том, не может веры дать!

Посадник

С которых пор мне Новгород не верит?

Чермный

Боярин Глеб, не дам тебе губиться,
Твою я правду докажу!

Посадник

(тихо)

Не смей!
Не за тебя, за Новгород гублюсь!

(К собранию.)

Великий Новгород! Я — Глеб Мироныч —
У сонного вчера у воеводы
Ключ отвязал от пояса.

Чермный

Неправда!
Лишь по его уходе я заснул.

Посадник

А разве я не мог вернуться?

Василько

Люди!
Бояре! Братцы! Не дадим ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

Крики

Неправда! Нет! Не верим!

Жирох

Почему же,
Коль Чермный мог, посаднику не мочь?

Фома

(тихо к Жироху)

Не то! Не то! Ты только портишь дело!
Молчи совсем иль говори за мной.

Жирох

Нет, уж позволь мне в петлю супостату
Влезть пособить! Долг платежом красён!

Фома

Да ты с ума никак сошел? Нам надо
Так говорить, чтоб воеводство вновь
Досталось мне. Ты Чермного — не Глеба
Должо́н винить.

Жирох

С тобою спорить мне
Ты сам велел — так не мешай!

Фома

Иуда!
Ты выручаешь Чермного!

Жирох

Зато уж
Мироныча я выручить не дам!

Фома

Злодей! Дай срок, с тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гридни! Огнищане!
Ужели тот, чья доблесть, правда, честь —
Всем ведомы, на ком никто не мог бы
Ни пятнышка единого найти, —
Ужели бы тот самый человек
Мог Новгород продать?

Жирох

Еще б не мог,
Коль дорого ему за это дали.

Фома

Типун тебе на лживый твой язык!
На свой погон посадника ты меришь!

Жирох

А что ж? С тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на нем.
Неужто ж он продешевил Софию?
Нет, он не глуп! Ему досталось, чем
И новгородцам и любчанам всё
Отдать сполна.

Вышата

Боярин Глеб! Зачем бы
Ты продал нас?

Посадник

Жирох уж вам сказал:
Чтоб заплатить долги.

Вышата

Тогда зачем бы
Ты признавался в том *теперь*?

Посадник

Затем,
Что с князем торг не удался — придется
Мне в кабалу идти; так пусть один
Я пропаду, безвинного ж очищу.

Фома

Нет, в этом нас ты не уверишь! Нет,
Боярин Глеб! Из нас бы кто охотно
Твоих долгов не заплатил? Не нужно
Тебе от князя было брать. Нет, нет!
Я сам моих достатков половину
Тебе бы с радостию дал. Тяжеле,
Я чай, врагу продаться, чем услугу
От своего в беде принять.

Посадник

От черта
Скорее бы услугу принял я,
Чем от мерзящей гадины такой,
От гнусного такого подлеца,
Продажного предателя и вора,
Каков есть ты!

Жирох

Вы слышите его?
Вы слышите? Воистину, к лицу
Ему еще предателем ругаться!

Говор между боярами

— Чрез меру горд! — Таков он был всегда!
— А совесть в нем таки заговорила!
— Сам назвался́! — Что вы, побойтесь бога,
Он чист как день! Не он, не он нас продал!
— Не может быть! — А почему ж и нет?
— Долги кого на грех не наводили?
— Да черт не шутит!

Чермный

Новгород Великий!
Когда вы мне не верите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклёп посадник держит —
Велите крест ему поцеловать
В своих словах.

Кривцевич

Ну, что ж, и поцелует!
Что крест ему? Чтоб выручить тебя,
Побочного, что ль, сына своего,

Не морщася, он поцелует крест.
Известно нам, не верует он в бога!
Вчера еще боярыне Мамелфе
Он говорил...

Один из бояр

То правда — от нее
Я слышал сам.

Другой

Я также.

Третий

Тож и я!

Один из народа

Слышь, братцы! Глеб не верит в бога!

Другой

Стало,
Изменщик он?

Третий

Изменщик, стало быть!

Четвертый

Так, значит, нам не Чермного, а Глеба
Теперь топить?

Пятый

А то кого ж еще?
Хватай его — иди!

Четвертый

Ступай ты прежде,
Я за тобой!

Пятый

Что ж ты? Небось полез
На Чермного?

Четвертый

То Чермный был, а этот,
Вишь, как глядит.

Пятый

Так кинемся все вместе!
Ребята! Глеб не верит в бога! Глеб
У воеводы ключ стащил! Низóвым
За деньги продал Новгород! Пойдем
Его топить!

Крики

Да! В Волхов, в Волхов Глеба!
Топить его! А после грабить дом!
Ну, навались!

Народ бросается к лобному месту; бояре его оттесняют.

Крики в глубине площади

Свет Глеб Мироныч!
Небось! Тебя в обиду не дадим!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на целый Новгород полезем!
Отец ты наш!

Жирох

Гоните этих прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которых он кормил;
То улица одна кричит, а мы
Все говорим: он вор!

Народ вторично напирает.

Вышата

Назад! Не вам, а вечу
Его судить.

Жирох

Так что ж не судит вече?
Грех налицо! Умора, право. Он
Сам говорит: я вор. Они ж ему:
Не верим да не верим. Если б я
То на себя сказал, небось ведь мне бы
Поверили.

Один из бояр

(подходит из глубины сцены)

Не удержать нам черных.
Вот так и прут. Хотят суда над Глебом.
Сбивают с ног. Пойдем на голоса.

Другой

Начнемте суд, тогда они уймутся.
По улицам, бояре, по концам.

Третий

На голоса.

Четвертый

На голоса.

Разделяются на кучи. Шум утихает, Чермный и Василько ходят от одного стяга к другому и увещают каждый. То же делает и Жирох.

Говор в разных кучах

За это
Один ответ. — Когда он продал нас,
Так смерть ему. — Сам никого на свете
Он не жалел. — В падежный год меня
В пух разорил! Гурты остановил
За Волховом; скот даром передох!
— С меня три виры взял! — Меня два раза
Послал в тюрьму! — А сборы-то как правил?
— В срок не отдашь — опишет животы!
Нет, жалости в нем не было!

Чермный

(в одном конце площади)

Бояре!
За волю он себя не пожалел,
Чужой взял грех, чтоб не достался город
Изменникам!

Василько

(в другом конце)

Коль обелить его
Не сможем мы — бегите поскорей
За гридьбою!

Говор

Одно из двух: иль вор —
Иль Чермного он ложно очищает!
— Посадником его уже нам доле
Не след держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станет! — Он же
Не верит в бога! — От такого ждать
Чего нельзя? — Безбожник, так и вор!
— А коль не вор, то всё же нам досадчик!
— Досадчик всем! — Пора его долой!
— Давно пора! — Пусть он и чист, пожалуй,
Да нам он не угоден! — Благо, случай
Сам подает! Не мы его черним,
Не наш и грех-то будет!

Чермный

(подходит к посаднику)

Еще пора — мы всё поправить можем, —
Скажи им, что не ты.

Посадник

Иди на вал,
Новогородский воевода! Приступ
В сей самый миг, быть может, не далек.

Чермный

Послушай нас...

Посадник

О Новгороде думай,
Не обо мне.

Чермный

Боярин Глеб Мироныч,
Молю тебя!..

Посадник

Ну, что же, государи?
Я всё сказал — кончайте приговор!

Волнение. Из среды бояр выступает Вышата и подходит к лобному месту.

Вышата

Боярин Глеб Мироныч, тяжело
Мне говорить и больно...

Посадник

К делу!
Обиняков не нужно! Говори,
Как велено тебе от веча!

Вышата

Бывший
Посадник Глеб! На явную измену,
В которой ты сейчас сознался сам, —
Кладется смерть. Но Новгород Великий,
Прошедшие твои заслуги помня,
Тебя от казни милует и только
Из города и волости своей
По жизнь тебе указывает путь.
С закатом солнца Новгород оставить
Сегодня ж должен ты.

Чермный

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отменить!

Посадник

Не смей!
Свят приговор! Чти вечевое слово,
Как божие!

Чермный

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Беги скорей с своими —
Зовите рать!

Гридень

(вбегает)

Где воевода Чермный?
Враги идут на приступ с двух сторон!

Посадник

Ты слышишь? Прочь! Твое в раскатах место!

Чермный

Иду — но правду покажу твою —
Иль в божью правду верить перестану!
За мной, на вал!

(Уходит.)

Посадник

(с поклоном)

Я Новгород Великий
Благодарю за милостивый суд!

(Сходит с лобного места.)

Толпа перед ним раздается. Занавес опускается.

1870—1871

III
ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ «ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя в настоящую минуту мне еще неизвестно, будет ли дана эта драма, но я нахожу нелишним изложить мои объяснения теперь же, в надежде, что некоторые из них окажутся небесполезными для драматических артистов вообще и что, во всяком случае, они могут пригодиться на частном театре.

«Царь Федор» есть особая, замкнутая в себе драма, но вместе с тем она служит продолжением трагедии «Смерть Иоанна Грозного» и составляет следующее за ней звено. Многое в нем связано с предшествующим, и потому, разбирая «Царя Федора», мне придется иногда оглядываться на «Смерть Иоанна».

В проекте о постановке последней пьесы я, в самом конце, очень осторожно упомянул о необходимости всем исполнителям знать свои роли наизусть. Опыт показал, что не только напоминание не было лишним, но что я не довольно на нем настаивал.

Ввиду этого факта я считаю весьма важным поставить теперь в самой главе настоящей статьи энергическое заявление о том, что первое условие порядочного исполнения есть знание ролей *совершенно буквально.*

У каждого автора как выбор выражений, так и порядок размещения слов составляет его особенность и физиогномию. Изменять этот порядок — значит отнимать у него физиогномию, давать его речи чуждый ей колорит. Если такое обращение не допускается в прозе, то в стихах оно двояко непозволительно, ибо посягает не только на колорит автора, но и на слух публики. Не все равно сказать:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха, —

или:

Ох, шапка Мономаха, ты тяжела.

В первом случае это пятистопный ямб, во втором — вовсе не стих.

Какое же впечатление сделает на публику актер, который, не довольствуясь перестановкой слов, вместо:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха, —

скажет:

Ох, как меня давит Рюрикова фуражка!

А искажения, довольно близко подходящие к этому примеру, можно, к сожалению, слышать иногда на нашей сцене.

Итак, если трагедия «Царь Федор» будет дана, то прежде всего *надобно выучить ее наизусть.*

Приступаю к ее разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ

Две партии в государстве борются за власть: представитель старины, князь Шуйский, и представитель реформы, Борис Годунов. Обе партии стараются завладеть слабонравным царем Федором как орудием для своих целей. Федор, вместо того чтобы дать перевес той или другой стороне или же подчинить себе ту и другую, колеблется между обеими и чрез свою нерешительность делается причиной: 1) восстания Шуйского и его насильственной смерти, 2) убиения своего наследника, царевича Димитрия, и пресечения своего рода. Из такого чистого источника, какова любящая душа Федора, истекает страшное событие, разразившееся над Россией долгим рядом бедствий и зол.

Трагическая вина Иоанна было попрание им всех человеческих прав в пользу государственной власти; трагическая вина Федора — это исполнение власти при совершенном нравственном бессилии.

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДИИ

Построение «Царя Федора» — не знаю, к выгоде или ко вреду его — есть совершенно исключительное и не встречается, сколько мне известно, ни в какой другой драме. Борьба происходит не между главным героем и его оппонентами (Spiel — und Gegenspiel), как во всех драмах, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на котором эта борьба вертится, как на своей оси, вовсе в ней не участвует; он, напротив, всеми силами старается прекратить ее, но самым своим вмешательством решает ее трагический исход.

В отношении Шуйского и Годунова Федор играет роль древней греческой судьбы, толкающей своих героев все вперед к неизбежной катастрофе, с тою разницей, что Федор не отвлеченная идея, но живое лицо, имеющее само свою судьбу, которая истекает из его характера и действий. Таким образом, трагедия является как бы сплетенною из двух отдельных драм, из коих одна имеет предметом фактическую борьбу Шуйского с Годуновым, другая — моральную борьбу Федора с окружающим его миром и с самим собою.

Если представить себе всю трагедию в форме треугольника, то основанием его будет состязание двух партий, а вершиною весь душевный микрокосм Федора, с которым события борьбы связаны как линии, идущие от основания треугольника к его вершине или наоборот. Из этого естественно выходит, что одна сторона трагедии выдержана более в духе романской школы, а другая более в духе германской. [1]

---

[1] Особенность романской школы состоит в преимущественной отделке *интриги*, тогда как германская преимущественно занимается анализом и развитием *характеров*. Название свое получили они от предпочтения двух западных народностей, каждой одному из двух направлений, которые лежат в самом существе драмы и исключают обыкновенно одно другое. Прошу прощения у поборников *русских начал искусства*, но, кроме этих двух направлений, я не знаю другого, равно как в противоположность часто упоминаемой *европейской драмы* не знаю драмы ни *азиятской*, ни *африканской*.

Отвергать же в русском драматическом искусстве европейскую технику — все равно что отвергать в русской живописи европейскую перспективу.

КОЛОРИТ ТРАГЕДИИ

Царь Иван умер. Гроза, свирепствовавшая над русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживает. Оживают и те могучие силы, которые сдерживала железная рука царя Ивана, как шлюзы сдерживают напирающую воду. В государстве являются политические партии, действующие смело и открыто. Все сословия принимают участие в их борьбе; жизнь, со всеми ее сторонами, светлыми и темными, снова заявляет свои права.

В «Смерти Иоанна» господствующим колоритом было давление власти на всю землю; в настоящей трагедии господствующий колорит есть пробуждение земли к жизни и сопряженное с ним движение. Оно должно сразу почувствоваться в первой сцене первого акта, которая служит драме изложением. Светлый колорит проходит через всю трагедию, до четвертого акта; все лица держат себя свободнее, чем в «Смерти Иоанна», темп общей игры идет живее.

ХАРАКТЕРЫ

ЦАРЬ ФЕДОР

Не отступая от указаний истории, но пополняя ее пробелы, я позволил себе изобразить Федора не просто слабодушным, кротким постником, но человеком, наделенным от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте ума и совершенном отсутствии воли. Природная неспособность его к делам еще умножена гнетом его отца и постоянным страхом, в котором он находился до 27 лет, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Федора выходит из обыкновенных границ. Она так велика, что может иногда достичь высоты, где чувство и ум, составляющие на низших ступенях отдельные свойства, сходятся вместе и смешиваются в нераздельном сознании правды. Поэтому Федор, несмотря на свою умственную ограниченность, способен иногда иметь взгляды, не уступающие мудростью государственным взглядам Годунова. Так, в сцене доклада о боярах, бежавших в Литву, оба приходят к тому же заключению, Годунов умом, а Федор — сердцем.

Но эта способность заменять ум чувством не всегда присуща Федору. Она в обыкновенных случаях затемняется некоторыми недостатками, неразлучными со слабостью характера. Он, например, не любит сознаваться, что он слаб, ни перед другими, ни перед самим собой, и это часто приводит его к неуместному, хотя скоро проходящему упрямству. Ему хочется иногда показать, что он самостоятелен, и ничем нельзя так польстить ему, как упрекнув его в непреклонности или суровости.

Он большой хлопотун во всем, что не касается государственных дел; никто, по его мнению, не знает так, как он, человеческое сердце; для него примирить враждующих есть не только долг, но и наслаждение. Набожность его происходит от природного расположения, но она перешла в постничество вследствие раннего протеста против разврата и жестокости его отца; впоследствии постничество стало ему привычкой, но он нисколько не сделался педантом; он не смотрит на мирское веселие как на грех; он любит медвежью травлю и не видит в представлениях скоморохов служения сатане. Как все

люди робкие, он чувствует большое уважение к смелости; геройский характер князя Шуйского и удальство купца Красильникова затрогивают в нем те же сочувственные струны.

Великодушие Федора не имеет пределов. Личных обид для него не существует, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его из обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно им любимого, то негодование лишает его всякого равновесия; он кричит и шумит, ничего не видя, кроме совершенной несправедливости. Попав в такую колею, он спешит воспользоваться своим настроением, и, зная, что оно недолго продолжится, он наскоро предписывает строгие меры, справедливые, по его убеждению, но несогласные с его характером.

Когда Федор взошел на престол, он не обманывался насчет своей неспособности и передал Годунову полное управление царством, с намерением сам ни во что не вмешиваться. Но в расчет Годунова не входило взять на первых порах всю ответственность на себя. Он нашел полезным прикрыться авторитетом Федора, сохранил ему весь наружный вид неограниченного владыки, докладывал ему обо всем, испрашивал на все его решений, и Федор мало-помалу, при содействии неизбежных придворных льстецов, уверился, что он не так неспособен, как полагал. На этом периоде застает его трагедия. Лень и природное отвращение продолжают удалять его от дел, но он уже привык думать, что Годунов действует по его инструкциям. Только в важных кризисах жизни, когда воля Годунова прямо противоречит благости Федора, как, например, когда Годунов грозит его оставить, если он не выдаст ему Шуйского, самообольщение Федора исчезает; он убеждается в независимой силе Годунова и, не умея бороться с ним в качестве царя, дает ему отпор как человек и христианин. На этой почве он стоит всегда неизмеримо выше и Годунова, и самого Шуйского, и всех его окружающих. Ошибка Федора состоит в том, что он не постоянно держится своего призвания быть человеком, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли он не выдерживает, но от нее не отказывается; не может обойтись без руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положение рождает беспрестанное противоречие между его природой и обязанностями его сана. В этом его и трагическая и комическая стороны.

Роль Федора очень многосложна и проходит через самые разнообразные состояния души, от добродушной веселости, когда он шутит с Ириной, до исступления, когда он узнает о смерти Шуйского. Из всех лиц как первой трагедии, так и этой лицо Федора, по моему мнению, самое трудное. Оно требует большого изучения и большой тонкости уже потому, что в нем трагический элемент и оттенок комисма переливаются один в другой, как радужные цвета на раковине. С этим комисмом сценический художник должен обращаться чрезвычайно осторожно и никак не доводить его до яркости. Это не что иное, как фольга, слегка окрашивающая чистую душу Федора, прозрачную, как горный кристалл. Прибавлять после этого, что в его роль не следует вмешивать карикатурности, — я считаю излишним. Одно предположение такой возможности было бы для исполнителя оскорблением, ибо заключало бы в себе самое низкое мнение о его понимании искусства.

Первое появление Федора, в короткой сцене со стремянным, с Ириной и Годуновым, есть вступительный аккорд в его характер и должно быть именно так понято исполнителем. Ребяческий гнев

на вздыбившегося коня, заблуждение насчет своей физической силы, добродушное поддразнивание Ирины, скорбь о разделении царства на партии, жадно схваченный намек Годунова, что он не прочь от мира с Шуйским, уверенность в знании человеческого сердца и равнодушие к делам — все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключает в себе зародыши полного характера, которые должны быть сразу и гармонически переданы.

Когда, в следующем акте, Федор является примирителем Годунова с Шуйским, зритель должен быть уже настолько знаком с Федором, чтобы его интересовало узнать, как этакая личность возьмется за такое дело? В приготовлениях Федора, в наставлениях его Годунову, Ирине, духовным лицам и боярам видна виртуозность человека, который чувствует себя в своем элементе, которому приятно взяться за трудное дело, где он, по своему мнению, мастер. Но по мере приближения решительной минуты Федором овладевает робость, и, когда он начинает увещевать Шуйского, застенчивость его так велика, что он не находит слов и передает речь Годунову. Во все продолжение спора обоих противников Федор следит за ними с бьющимся сердцем. На лице его написаны напряжение и беспокойство до той минуты, когда противники берутся за руки. Тут радость его проявляется взрывом, как то бывает у добрых детей, получивших наконец чего они давно желали, но на что не смели надеяться. Детская сторона Федора должна особенно быть видна в его разговоре с выборными. Я не опасаюсь того рода смеха, который возбудят в публике перебивки старика Курюкова, рассказ Федора о медведе или его советы Шаховскому, как биться на кулачках. Это будет смех добрый, не умаляющий нисколько уважения к высоким достоинствам Федора; и когда он уйдет от выборных, затыкая уши, то, при хорошей игре, публика успеет достаточно полюбить его, чтобы над ним не смеяться, а разве только улыбнуться неловкому положению, в которое он себя поставил. Есть большая разница между тем, что смешно (drôle), и тем, что достойно осмеяния (ridicule). Первое совместно с любовию и с уважением, второе исключает эти чувства. На русском языке оба понятия выражаются тем же словом, но они от этого не менее различны. Ребенку часто подобает эпитет: drôle, но ему не может подобать эпитет: ridicule. Федор же в этой сцене должен быть изображен ребенком в самом хорошем значении слова. Впоследствии он покажет, что может быть и чем-нибудь иным; но если бы, несмотря на свою благость, он кому-нибудь представился не довольно достойным, мы того попросили бы подождать до третьего акта. Вообще в искусстве бояться выставлять недостатки любимых нами лиц — не значит оказывать им услугу. Оно, с одной стороны, предполагает мало доверия к их качествам; с другой — приводит к созданию безукоризненных и безличных существ, в которые никто не верит. Здесь кстати заметить, в ответ на некоторые опасения об унижении царского достоинства в лице Федора, что значение каждой пьесы определяется общим ее впечатлением, а не отдельными частями, тем менее отдельными фразами или словами. Общее впечатление Федора не должно быть иное, как сочувственное; а сочувствия нет там, где нет правдоподобия, которое исчезнет, когда отнять у Федора его слабые стороны. Если роль будет сыграна хорошо, то отвлеченная идея царского достоинства не пострадает от того, что публика увидит на сцене подтверждение факта, известного ей из истории, то есть что последний государь из династии Рюриковичей был слаб и ограничен. Царское достоинство может разве по-

страдать от плохой игры, и то не в одной роли Федора, но и в роли всякого венценосца, хотя бы он был Август.

Итак, от драматического артиста зависит передать Федора, как он понят автором, то есть исполненным высоких душевных достоинств, далеко превышающих его недостатки.

После сцены доклада характер Федора является с новой стороны. Желая выписать царевича Дмитрия из Углича, он бунтуется против Годунова, не соглашающегося на эту меру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что он противуставит Годунову свою самую слабую сторону, свое качество неограниченного царя. Зато в следующей сцене, где Годунов требует выдачи Шуйского, Федор остается победителем, потому что, вместо царской власти, опирается на свою самую сильную сторону, на качество человека и христианина. Он уже не спрашивает с сердцем:

Я царь или не царь? —

но откровенно и кротко говорит:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить, и обмануть нетрудно.

Эти две сцены нарочно сопоставлены вместе, чтобы первая усиливала вторую своим с ней контрастом и чтобы Федор, внезапно сознающийся в неспособности быть царем, вырос во мнении зрителя как человек.

Переход Федора от несостоятельного царя к человеку, сильному одним человеческим чувством, его искание и обретение убежища от собственной слабости в христианском смирении должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удалении Годунова, Федор бросается на шею Ирине, зритель должен увидеть, какого усилия стоил ему разрыв с правителем и как дорого он ему обошелся. Лицо Федора изменилось, как после болезни, но оно преображено сознанием, что он поступил по совести; оно выражает теперь его полное согласие с самим собой, и, когда он, сломанный физически своей моральной победой, опирается на руку Ирины, — его прежние недостатки, его ограниченность, его комисм должны представиться зрителю в ином значении, и он должен понять, что они были нужны, дабы Федор явился велик не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христианским смирением, лишенным всякого блеска.

Если бы Федор мог удержаться на этой высоте, он бы заслуживал быть причисленным к лику святых, но человеческая слабость берет свое. В четвертом акте он, сидя за кипою бумаг, которых не может понять, сожалеет о своей ссоре с Годуновым и готов сделать ему уступки. Клешнин приносит ему ультиматум правителя, но Годунов требует слишком много, Федор не соглашается и по-прежнему не верит измене Шуйских — следует очная ставка Клешнина с Шуйским. Непроницательность Федора, смешанная с великодушием и упрямством, выказывается здесь ярче, чем где-либо. Когда он, добиваясь от Шуйского оправдательного ответа, тем самым вынуждает у него признание в измене, этот неожиданный оборот приводит его в такой испуг, что не Шуйский, а он кажется попавшим в западню. Чтобы выручить Шуйского, Федор не находит лучшего средства, как уверять, что Шуйский по его приказанию объявил царем Димитрия.

Комисм этой уловки не должен мешать зрителю быть тронутым великодушием Федора и согласиться с Шуйским, когда он говорит:

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него.

Задача исполнителя в этом трудном месте — заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если оно удастся, то публика поймет, в каком раздражении находятся нервы Федора, когда он узнаёт из бумаги, поданной ему Шаховским, что тот самый Шуйский, которого он только что спас, за которого поссорился с Годуновым, хотел развести его с женою, так нежно и горячо им любимой.

Восстание Шуйского, как обида личная, не возбудило в Федоре ни малейшего гнева. Он не принял это восстание ни как государственное преступление, ни как обиду; оно представилось ему только с точки зрения опасности, которой подвергался глубоко чтимый им воевода, тот, кому земля обязана спасеньем. Но когда Шуйский затронул его Ирину, Федор сперва плачет, потом выходит из себя. Он не соображает хронологического отношения измены, им только что прощенной, с челобитней о разводе, не поданной Шуйским; не соображает, что челобитня предшествовала измене, а измена исключает челобитню; поступок Шуйского представляется ему как черная неблагодарность, и, ничего не разбирая, ничего не видя, кроме оскорбления своей Ирины, он яростно кричит:

В тюрьму! В тюрьму! —

и прихлопывает печатью заготовленный Клешниным приказ.

Не смею утверждать, что поспешность Федора происходит от одного негодования и что к ней не примешивается облегчительного чувства, что он может теперь, не греша против совести, исполнить требование правителя и с ним помириться. Во всяком случае, Федор уже смотрит на восстание иначе, чем за несколько минут, ибо чувство его к Шуйскому изменилось, а в природе человеческой окрашивать чужие поступки нашим личным расположением к их совершителям.

В пятом акте нет вовсе комисма; заключительный аккорд должен быть чисто трагический. Обращение Федора к усопшему родителю после панихиды есть последнее его усилие выдержать неподобающую ему роль. Его исступление при вести о смерти Шуйского, его возглас:

Палачей! —

не должны возбуждать улыбки. Это слово, хотя не имеет в устах Федора того значения, какое имело бы в устах его отца, должно быть произнесено с неожиданной, потрясающей энергией. Это высший пароксисм страдания, до которого доходит Федор, так что силы его уже истощены, когда он узнаёт о смерти Димитрия, и эта вторая весть действует на него уже подавляющим образом. Подозрение на Годунова, мелькнувшее в нем по поводу Шуйского, еще раз промелькивает как молния относительно Димитрия:

Ты, кажется, сказал:
Он удавился? Митя ж закололся?
Арина, а? Что, если...

Последнюю строку Федор произносит с испугом, чтобы зритель понял, какая ужасная мысль его поразила. Годунов устраняет ее предложением послать в Углич Василия Шуйского, племянника удавленного князя; Федор бросается ему на шею, прося прощения, что мысленно оскорбил его, — и совершенно теряется. Он хочет дать наставления Василию Шуйскому, но рыдания заглушают его слова. Теперь он сознает, что по его вине погибли Шуйский и Димитрий, а царство осталось без преемника, и в первый раз постигает, до какой степени было несостоятельно его притязание государить. Почва царственности проваливается под ним окончательно, он окончательно отказывается от всякой попытки на ней удержаться. Отныне он уже ни во что не вмешивается, он умер для мира, он весь принадлежит богу.

Это отречение от жизни, этот разрыв с прошедшим должны быть символически ознаменованы обстановкой Федора в последней сцене трагедии. Все окружавшие его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищих, да, пожалуй, два-три стольника с царской стряпней, чтобы не слишком отступать от этикета. В этом скромном окружении Федор произносит свой заключительный монолог, а нищая братия в то же время затягивает вполголоса псалом, и на его «покаянном» напеве слова Федора вырезываются как старинная живопись на золотом поле.

Мы видели из предшествующего обзора, что в характере Федора есть как бы два человека, из коих один слаб, ограничен, иногда даже смешон; другой же, напротив, велик своим смирением и почтенен своей нравственной высотой. Но эти два человека редко являются отдельно: они большею частию слиты в одну цельную личность, и воплощение этой *цельности* составляет главную задачу драматического исполнителя.

Наружность Федора уже описана в постановке «Смерти Иоанна». Он был мал, дрябл, склонен к водяной болезни и почти безбород. Цвет лица его бледно-желтоватый (sallow complexion, по выражению Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, нос соколиный, губы улыбающиеся. Это, очевидно, не *мой* Федор. *Моему* Федору можно от его исторической наружности сохранить только малый рост, отсутствие бороды, неровность поступи и улыбающиеся черты лица. Портрет Федора над его гробницей в Архангельском соборе, воспроизведенный Солнцевым в «Русских древностях», не имеет никакого значения, ибо это не портрет, а просто человеческое лицо без всякой физиогномии, вроде тех, какие рисуют дети. Воззрение на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

В трагедии я придал Федору более живости, чем у него было на деле, но она проявляется только в его хлопотливости, когда он хочет что-нибудь *устроить*; обыкновенно же он скорее ленив и вял; но как у меня он почти всегда занят желанием кого-нибудь помирить, или оправдать, или спасти, то он почти беспрерывно хлопочет. Приемы его робки, вид застенчив, голос и взгляд чрезвычайно кротки, при большом желании казаться твердыми и решительными.

Через всю роль Федора проходит одна черта, дающая ему особенный колорит: это его любовь к Ирине. Она ему и друг, и опора, и утешительница в скорбях. Мысль о ней не покидает его ни на миг и примешивается ко всем его душевным движениям. Все, что с ним случается, он относит к ней; горе ли с ним приключится или обрадуется он чему, он тотчас бежит к Ирине и делится с ней своим впечатлением. Также, если он что-нибудь затеет, Ирина непременно должна ему помогать.

Особенно же он рассчитывает на поддержку Ирины, когда Годунов требует от него чего-нибудь противного его благодушию. Но бывает, что он и не соглашается с Ириной, особенно в мелочах, потому что ему хочется показать, что он все-таки царь и господин в своем доме. Иногда он любит и подразнить Ирину, но это делается очень добродушно и только с тем, чтобы тотчас же выказать к ней еще бо́льшую нежность.

Для передачи Федора требуется не только тонкий ум, но и сердечное понимание. Если же исполнитель, сверх того, еще и полюбит его, сживется с ним и войдет к нему в душу, то в его роли может оказаться много оттенков, не тронутых в этом обзоре, и много эффектов, мною не предвиденных. Из всех наших артистов я никого так не желал бы видеть в роли Федора, как Сергея Васильевича Шумского.

ГОДУНОВ

В проекте о постановке моей первой трагедии я описал подробно его характер и потому ограничусь здесь только теми особенностями, которые принадлежат ему как правителю царства.

Получив верховную власть, Годунов, верный своим правилам, остается наружно на втором плане. Он всегда держит себя с Федором чрезвычайно почтительно, с Ириной же при свидетелях даже преувеличивает свое благоговение, ибо хочет подавать пример другим, и, возвышая свою сестру в общем мнении, сам делается сильнее. Мы видим из истории, что он ничем не пренебрегал, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Он умножил число ее боярынь, дал ей целый полк личных телохранителей и в торжественные дни, особенно в день ее рождения, издавал грамоты о прощении виновных одним ее именем, не упоминая о Федоре. В сношениях с иностранными державами он выставлял Ирину как участницу в управлении царством, так что Елисавета Английская почла нужным писать лично к Ирине, чтобы этой любезностью расположить ее к себе в деле об уменьшении пошлин с английских купцов. Действуя на тщеславие бояр, Годунов завел званые царские обеды, на которые иногда сам не был приглашаем; но кто в такой день обедал у царя, тот завидовал гостям Годунова. В Думе он сидел не на первом, а на четвертом месте.

Эта сдержанность, умеренность и наружное смирение видны во всех его приемах, но теперь сознание власти просвечивает в них более, чем в «Смерти Иоанна». Годунов при случае умеет быть гордым, даже с Федором.

Когда Шуйский приносит на него жалобу, а Федор его спрашивает:

То правда ль, шурин? —

он отвечает: «Правда», — с таким видом, из которого ясна его уверенность, что не Федор, а он — настоящий господин царства.

То же чувство сквозит в его обращении к Ирине:

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь, —

равно как и в его замечании на удостоверение Федора Шуйскому, что Димитрий будет перевезен в Москву:

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Но Годунов обнаруживает сознание своей власти только в исключительных случаях. Обыкновенно же он скрывает его под видом полной зависимости от Федора:

Твоему желанью
Повиноваться — долг мой, государь! —

говорит он в сцене примирения так скромно, как будто оно не им самим возбуждено, а принято из покорности к Федору. В продолжение своего спора с Шуйским он держит себя чрезвычайно достойно, но вместе с тем очень скромно, и умеренность его составляет контраст с кипучею гордостью Шуйского.

Когда он объявляет Федору о необходимости взять Шуйского под стражу, в его невозмутимом спокойствии слышится непреклонность. Он знает, чего хочет, и не останавливается перед последствиями. Неожиданный отказ Федора поражает его удивлением, ибо он не привык ошибаться в людях и думал доселе, что знает Федора насквозь. Но здесь случилось, что случается иногда с людьми, привыкшими играть другими как пешками: они в своих сметах слишком дешево ставят нравственное чувство человека — и расчет их бывает неверен.

Монолог Годунова в четвертом акте, где он говорит о своем отрешении, должен быть произнесен с непривычным ему волнением. Зритель должен видеть, что в нем, как и в Шуйском, произошел переворот, решающий направление всей его жизни.

Сцена с Клешниным, где речь идет о Волоховой, очень трудна. Годунов не велит убить Димитрия. Он, напротив, три раза сряду говорит Клешнину: «Скажи ей, чтоб она царевича блюла!» — и, несмотря на то, Клешнин должен понять, что Димитрий осужден на смерть. Это одно из тех мест, где исполнителю предоставляется обширное поле для его художественных соображений. Троекратное: *«Чтобы она блюла царевича»* — должно каждый раз быть сказано иначе. Мысль Годунова, противоречащая его словам, сначала едва сквозит; потом она как будто самого его пугает, и он готов от нее отказаться; в третий же раз, после слов:

Убит, но жив, —

эта мысль является установившеюся, и наставление блюсти царевича должно звучать как смертный ему приговор.

Отказ Годунова увидеть Волохову также должен быть сказан знаменательно; Годунов, с одной стороны, отклоняет ответственность на случай нескромности Волоховой; с другой — чувствует невольное содрогание вступить в личные переговоры с своим гнусным орудием. Все эти подробности должны быть в действии так отчеканены, чтобы они подготовили зрителя к тому чувству чего-то недоброго, которое, при хорошей игре, исполнит его в следующей сцене Клешнина с Волоховой.

После разговора с Клешниным Годунов является в начале пятого акта, сперва в сцене с Василием Шуйским, потом в сцене с Ириной. Первая сцена не важна в отношении характеристики Годунова; цель ее только подготовить отправку Василия Шуйского на углицкое следствие; но вторая имеет особенную важность. Она, по положению своему в экономии драмы, принадлежит к разряду замедляющих; ибо драматическое движение быстро спешит к концу, а ему бросают навстречу препятствие, чтобы, опрокинув его, оно тем неудержимее ринулось в катастрофу. По содержанию своему эта сцена синтетическая, ибо она в своем фокусе собирает весь характер Годунова, определяет значение Федора и заставляет зрителя оглянуться на пройденную им дорогу. Сверх того, в ней полнее определяется характер Ирины. По форме эта сцена лирическая и в этом качестве должна быть играна с некоторым пафосом. Ирина просит Годунова пощадить Шуйского; он ей отказывает — вот и все внешнее содержание. Но в нем, с обеих сторон, много психических движений, а непреклонность Годунова является теперь в строгой форме государственной необходимости. Как ни жестоки его меры, зритель должен видеть, что они внушены ему не одним честолюбием, но и более благородною целью, благом всей земли, и если не простить ему приговора Димитрия, то понять, что Димитрий есть действительно препятствие к достижению этой цели. Свой монолог:

Высокая гора
Был царь Иван... —

Годунов произносит внятно, не спеша, как бы погруженный в самого себя. Когда он доходит до места:

Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень... —

голос его одушевляется, и в нем слышатся гнев и скорбь, а последние слова:

Им места нет, быть места не должно!.. —

он выговаривает с решительностью, не допускающей возражения. Но Ирина не считает себя побежденной. Она истощает все доводы в пользу Шуйского. Годунов их все опровергает и, переходя из оборонительного положения в наступательное, требует от Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйских. Ирина отвергает это требование, и брат и сестра расходятся как достойные противники, знающие друг друга и не теряющие лишних слов, а зритель остается в недоумении, кому из двух будет принадлежать победа.

Эта сцена должна усилить ожидание развязки, и на нее нельзя не обратить главного внимания.

В конце пятого акта Годунов, в числе прочих бояр, выходит с Федором из собора.

Когда Федор, узнав об умерщвлении Шуйского, обращается к Годунову со словами:

Ты ведал это? —

а Годунов отвечает:

Видит бог — не ведал! —

в его ответе есть и правда и ложь; он действительно не знал, что Шуйский удавлен, но, приставив к нему его смертельного врага, Туренина, он имел повод ожидать, что дело именно так кончится.

При известии о смерти Димитрия Годунов не может казаться равнодушен. Его волнение видно сквозь наружное спокойствие; но он скоро оправляется и с невозмущенным видом предлагает послать на следствие Василия Шуйского.

Слова свои, обращенные вполголоса к Ирине:

Пути сошлися наши! —

он произносит с сдержанным торжеством и, став под начало Мстиславского (факт исторический), покидает сцену с эффектом, но без напыщенности, оставляя зрителю искупающее впечатление человека, которому участь земли дороже всего и который умеет не только повелевать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требует.

Темп его роли в конце пятого акта идет очень быстро, как и всех прочих ролей, ибо действие напирает на катастрофу, нет более места для анализа, и события изображены *под титлами или en raccourci.* [1]

Подобно как в «Смерти Иоанна», так и в этой драме судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обе трагедии, теряется в будущем.

Насчет его наружности и приемов отсылаю исполнителя к «Постановке» «Смерти Иоанна».

КНЯЗЬ ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ

Этот враг, соперник и жертва Годунова представляет разительную с ним противоположность. Отличительные качества его — прямота, благородство и великодушие, отличительные недостатки — гордость, стремительность и односторонность. К этому присоединяется некоторая мягкость сердца, не чуждая сильному характеру, но всегда вредная для достижения политических целей.

Зело он мягкосерд, —

говорит про него благовещенский протопоп.

Младенец сущий! —

говорит его племянник, Василий Шуйский.

Скор больно князь Иван, —

говорит Дмитрий Шуйский.

Трудно кривить душой! —

говорит он сам про себя.

---

[1] Сжато (франц.). — *Ред.*

Понятно, что такой человек не мог выдержать борьбу с Годуновым, который не был ни односторонен, ни мягкосерд, ни стремителен в своих действиях, ни разборчив в средствах и которому ничего не стоило кривить душой для достижения своих целей. Но на стороне Шуйского как главы партии были такие преимущества, которых недоставало Годунову. Воинская слава князя Ивана Петровича гремела не только по всей России, но в целом образованном мире, читавшем еще недавно на всех европейских языках описания знаменитой осады Пскова и восторженные хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нрав, с оттенком западного рыцарства, был ведом друзьям и недругам. Вызов его Замойскому на единоборство, на который намекает Шаховской в первой сцене трагедии, есть факт исторический. Гейденштейн и русская хроника рассказывают, что во время псковского облежания Шуйский получил из литовского стана письмо от одного немца, Моллера, изъявлявшего желание перейти на нашу сторону. При этом Моллер послал Шуйскому тяжелый ящик с просьбой вынуть из него казну и блюсти до его прибытия. Из предосторожности Шуйский поручил искусному мастеру открыть ящик, и в нем оказалось 24 заряженных ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрыв, если б ящик был открыт неумеючи.

Приписывая это коварство, быть может ошибочно, Замойскому, Шуйский послал ему письменный укор, что он поступил нечестно, и предложил ему, вместо того, померяться с ним на саблях, лицом к лицу. Одна эта черта освещает всего Шуйского со стороны его благородства и будущей несостоятельности как руководителя заговора. Воевода, имевший под своей ответственностью тысячи людей и согласившийся играть жизнью в личном деле, из одного чувства прямоты, — есть тот самый человек, который впоследствии, на очной ставке с Клешниным, предпочтет погубить свою голову, чем ответить неправду на вопрос царя, сделанный ему именем его чести. И Федор, с верным чутьем высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается в Шуйском, когда не требует от него ни клятвы, ни целования иконы, а говорит:

Скажи по чести мне. По чести только,
И слова твоего с меня довольно!

Вообще причина любви Федора к Шуйскому — это испытанная прямота и благородство последнего: они — два родственные характера. Имей Федор силу и ум, он был бы похож на Шуйского.

Как в роли Федора, так и в роли Шуйского главные основания изложены во вступительной сцене. Из первых слов Шуйского мы узнаем его ненависть к Годунову и упорную привязанность к старине; из возражения Василию Шуйскому — его честность с самим собой; из ответа Головину — его доселе неколебимую верность Федору; а из заключительного монолога — его отвращение от кривых путей. Сверх того, в этой сцене рассеяно, в разговорах разных лиц, много рефлексов, объясняющих другие стороны Шуйского, так что при помощи этих данных исполнителю будет нетрудно воплотить его личность и сделать ее для зрителя несомнительною.

В сцене примирения прежде всего бросается в глаза гордость Шуйского. Слова:

Государь,
Мне в Думе делать нечего,
и т. д. —

должны быть сказаны даже с некоторою суровостью. Она продолжает являться и во всех возражениях его Годунову, и в первом ответе царице. Только после монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говорит:

Моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду! —

ледяной панцирь, которым Шуйский обложил свое сердце, растаивает, и в голосе его слышится дрожание, когда он отвечает:

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!

Этот переход от суровости к умилению, это преклонение мужественного характера перед женскою благостью — лучше всего обрисовывает Шуйского, и драматический артист сделает хорошо, если обратит большое внимание на это место.

Со словами Шуйского:

Вот моя рука! —

которые он выговаривает с откровенною решимостью, все враждебное исчезает из его сердца и с его лица. Он искренно помирился с Годуновым, искренно верит его обещаниям и с полным чистосердечием произносит свою клятву. К выборным, дерзающим сомневаться, что правитель сдержит свое слово, Иван Петрович обращается с гневным упреком в то самое время, как Годунов шепчет Клешнину:

Заметь их имена
И запиши.

Здесь особенно виден контраст между характерами Годунова и Шуйского. Оба исполнителя должны на репетициях усвоить себе: первый — благозвучную убедительность голоса и невозмутимое спокойствие приемов; другой — сначала гордую суровость, потом стремительную доверчивость в своих новых отношениях к примиренному врагу.

В третьем акте, при вести о вероломстве Годунова, Шуйский сперва не может ей поверить, потом вскипает негодованием. Когда же братья его хлопотливо предлагают каждый свою меру, он молчит, сдвинув брови, погруженный сам в себя, и вдруг, как будто опомнившись и удивляясь, что они так долго ищут исхода, восклицает:

Вы словно все в бреду! —

и решается идти к царю, уверенный, что прямой путь самый лучший. Его слова:

И можем ныне мы,
Хвала творцу, не погрешая сами,
Его низвергнуть чистыми руками! —

должны звучать уверенностью в успехе, а следующие затем:

Наружу ложь! И сгинет Годунов,
Лишь солнце там, в востоке засияет! —

торжеством победы, как звуки бранной трубы.

«Младенец!» — замечает, пожимая плечами, Василий Шуйский, когда дядя его удалился. И в самом деле, князь Иван Петрович в этом случае такой же младенец, как и сам Федор, такой же, как и всякий чистый человек, не верящий, что наглая неправда может взять верх над очевидной правдой.

Опыт доказывает, что он слишком много рассчитывал на Федора. Эта слабая опора под ним подламывается, и когда он уходит с негодующими словами:

Прости, великий царь! —

зритель должен видеть и слышать, что в нем произошел один из тех поворотов, которые изменяют всю жизнь человека.

Свои распоряжения насчет восстания он делает стремительно и отдает свои приказания отрывисто, с лихорадочною решимостью. Ему нелегко отказаться от долголетней верности царю, от тех начал законности, во имя которых он жил доселе; но он думает, что того требует благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакивает. Но если бы Федор еще одумался и сменил Годунова, Шуйский отказался бы от восстания. Поэтому, когда Федор за ним посылает, он повинуется, предполагая, что Федор хочет дать ему удовлетворение.

Вместо того происходит сцена очной ставки, и Шуйский, из чувства чести, выдает себя головой. Здесь, быть может, небесполезно сделать возражение на ошибочное мнение, что чувство чести в XVI веке было исключительною принадлежностью Запада. К прискорбию, мы не можем скрыть от себя, что в московский период нашей истории, особенно в царение Ивана Грозного, чувство это, в смысле охранения собственного достоинства, значительно пострадало или уродливо исказилось и что если мы обязаны московскому периоду нашим внешним величием, то, купив его внутренним своим унижением, мы дорого за него заплатили. Но в смысле долга, признаваемого человеком над самим собой и обрекающего его, в случае нарушения, собственному презрению, чувство чести, слава богу, у нас уцелело. Древняя юридическая формула: «Да будет мне стыдно!» — была отменена и забыта, но дух ее не вовсе исчез из народного сознания. Чему приписать иначе столько случаев именно в царение Грозного, где его жертвы предпочитали смерть *студному делу*? Чему приписать поступок князя Репнина, умершего, чтобы не плясать перед царем? Или поступок наших пушкарей под Венденом, лишивших себя жизни, чтобы не быть взятыми в плен? Или (если не ограничиваться одними мужскими примерами) поступок боярынь княгини Старицкой, жены князя Владимира Андреевича, избравших казнь и мучения, чтобы не принять царских милостей? Солгать же из желания спасти свою жизнь, без сомнения, считалось не менее постыдным, чем отдаться живым неприятелю.

Связь с Византией и татарское владычество не дали нам возвесть идею чести в систему, как то совершилось на Западе, но святость слова осталась для нас столь же обязательною, как она была для древних греков и римлян. Довольно потеряли мы нашего достоинства в тяжелый московский период, довольно приняли унижений всякого рода, чтобы не было нужно отымать у наших лучших людей

того времени еще и возможности *религии честного слова* потому только, что это чувство есть также западное.[1]

Как ни известна Шуйскому благость Федора, но после своего признанья он не ожидал того оборота, который Федор даст его делу. Последнее усилие Шуйского выдержать свой характер выражается в словах:

> Не вздумай, государь,
> Меня простить. Я на тебя бы снова
> Тогда пошел.

Слова эти он выговаривает гордо и сурово, как бы для того, чтобы отнять у Федора всякую возможность его помиловать. Но с Федором сладить нелегко, когда он взял себе в голову спасти утопающего. Он, как неустрашимый пловец, бросается за ним в воду, хватает его за руки, хватает за волосы, хватает за что попало и против воли тащит на берег. Суровость Шуйского разбивается вдребезги об это беспредельное великодушие. Он побежден им теперь, как прежде был побежден благостью Ирины; слезы брызнули из его глаз, и со словами:

> Нет, он святой!
> Бог не велит подняться на него, —

он упал бы на колени перед Федором, если б тот не вытолкал его из покоя, говоря:

> Ступай, ступай! Разделай, что ты сделал!

После этой сцены мы видим Шуйского в последний раз, в кандалах, под стражею, ведомого в тюрьму его заклятым врагом, Турениным, назначенным ему в пристава. Он принял свой приговор как заслуженное наказание, и в его осанке, в его голосе должны чувствоваться раскаяние, участие к народу, достоинство и преданность судьбе. Совесть уже не позволяет ему идти против Федора, но он не может пристать к Годунову; ему остаются только — тюрьма или смерть. Его слова к народу суть его последние в трагедии; исполнитель произнесет их как можно проще, но с большим чувством, так, чтобы они сделали впечатление на зрителя.

Разобрав роль Шуйского, мы приходим к заключению, что это человек гордый и сильный, способный даже к мерам суровым, сознательно совершающий несправедливости, когда они, по его убеждению, предписаны общею пользой, но слабый против движений своего

---

[1] Это равняется отвержению в русской драме общих законов искусства потому, что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное искание русской народности в сходстве с туранцами и русской оригинальности в клеймах татарского ига! Славянское племя принадлежит к семье индоевропейской. Татарщина у нас есть элемент наносный, случайный, привившийся к нам насильственно. Нечего им гордиться и им щеголять! И нечего *становиться спиной к Европе*, как предлагают некоторые псевдоруссы. Такая позиция доказывала бы только необразованность и отсутствие исторического смысла.

сердца. Такие люди могут приобрести восторженную любовь своих сограждан, но они не созданы осуществлять перевороты в истории. На это нужны не Шуйские, а Годуновы.

Летописи не сохранили нам наружность Ивана Петровича, но в трагедии она должна быть представительна. Мы можем вообразить его человеком высокого роста, лет шестидесяти, с проседью. Осанка его благородна, голос резок, поступь тверда, приемы с равными повелительны, с низшими благосклонны.

С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд, —

говорит про него Клешнин, и этот оттенок не должен пропасть в исполнении.

ИРИНА

Как ангел-хранитель Федора, как понуждающее, сдерживающее и уравновешивающее начало во всех его душевных проявлениях стоит возле него царица Ирина.

Это одна из светлых личностей нашей истории. Русские и иностранцы удивлялись ее уму и восхищались ее красотой. Ее сравнивали с Анастасией, первой женой Ивана Грозного, той, кому Россия обязана краткими годами его славы. После смерти Федора она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась под именем Александры, но таково было к ней уважение земли, что Боярская дума нашла нужным издавать грамоты не иначе, как от имени *царицы Александры*, до самого избрания Годунова.

Редкое сочетание ума, твердости и кроткой женственности составляют в трагедии ее основные черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нее все великие качества Годунова без его темных сторон. Все ее честолюбие обращено на Федора. Ей больно, что он так слаб; ей хотелось бы пробудить в нем волю; она не только не выставляет наружу свое влияние на него, но тщательно его скрывает, стараясь всегда оставаться в тени, а его выказывать в самом выгодном свете. Она бережно обращается с его слабостями, знает его желание казаться самостоятельным и никогда ему не перечит. Любовь ее к Федору есть любовь материнская; она исполняет его капризы, поддается его поддразниванию, занимает его, нянчится с ним, но не пропускает случая напомнить ему, что он царь, что он имеет право и обязанность повелевать, где того требует его совесть. Нет сомнения, что Годунов преимущественно обязан ей своей силой; но она поддерживает брата не из родственного чувства, а по убеждению, что он единственный человек, способный править царством. Тем не менее ее оскорбляет слишком полное подчинение ему Федора. Ей хотелось бы, чтобы он не только казался, но действительно был господином в своем доме. Она, наперекор брату, напоминает Федору, что выписать Дмитрия из Углича есть дело не государственное, но семейное, в котором он должен быть судьею. С ее высоким умом, с ее благородством сердца, она не могла не оценить Ивана Петровича Шуйского, и хотя не разделяет его политических мнений, но понимает его оппозицию и находит, что брат ее должен был склонить Шуйского на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, как и Федор, хотела бы согласить все разнородное, примирить все враж-

дующее, но, когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, где, по ее убеждению, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходит через трагедию, но она освещает ее всю своим индивидуальным светом, ибо все нити событий сходятся в Федоре, а Федор неразрывно связан с Ириной.

В Ирине характер не выказывается сразу, как в Федоре и в Шуйском. Она в своей первой сцене видна только со стороны своей кротости, заботливости о Федоре и готовности попасть в тон его шутливого настроения. Это сцена интимная, где Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

В следующем акте качество это отступает на второй план и дает место, в сцене примирения, другому качеству: официальной представительности. Здесь Ирина не иначе относится к Федору, как к государю. К Шуйскому она обращается как царица и даже дает ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать расстояние, их разделяющее. Тем сильнее она действует на Шуйского, когда, напомнив ему, что он слуга и подданный, она кланяется ему в пояс и просит его забыть свою вражду к Годунову. Этот поклон и предшествующий ему монолог Ирины должны быть проникнуты таким чувством и достоинством, чтобы всем стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять им.

В конце третьего акта Ирине предстоит довольно трудная немая игра, с того места, где Годунов отрекается от правления, до того, где Федор, дав ему уйти, бросается к ней на шею. Все страдания Федора, его изнеможение, борьба с самим собой и, наконец, победа над собственной слабостью отражаются на лице Ирины участием, боязнью, состраданием и радостью. Нежность ее к Федору, когда она обнимает его, со словами:

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно! —

имеет характер сердечного порыва и произведет тем полнейшее впечатление, чем сдержаннее будет перед этим исполнительница.

В четвертом акте, в сцене очной ставки, Ирина с первого появления Шуйского догадалась, что в нем таится враждебный замысел. Она следит с беспокойством за его выражением, и, когда Федор требует от него ответа, она с необыкновенным присутствием духа, чтобы спасти Шуйского и вместе обязать его в верности, просит Федора не спрашивать его о прошедшем, но только взять с него слово за будущее. Во всей этой сцене, а равно и в следующей, где Федор, узнав о челобитне Шуйских, посылает их в тюрьму, Ирина своим благоразумием, спокойствием и присутствием духа представляет контраст с хлопотливостью и растерянностью Федора.

В пятом акте Ирина является вместе с княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое так легко западает в сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины. В ласковом обращении с своей невольной соперницей она не выказывает преувеличенья, как сделала бы на ее месте другая, победившая свою ревнивость. С заботливой добротой и с женской солидарностью она поправляет расстроенные поднизи Мстиславской и не думает показать этим великодушие; ее участие и солидарность разумеются для нее сами собою. Коленопреклонение Ирины перед Федором, ее просьба за Шуйского — все должно быть просто и естественно, без малейшей торжественности. Весть о смерти Шуйского, а потом о смерти Димитрия поражают ее сильно, но не лишают присутствия духа, и, утешая Федора, она не упускает из виду участи государства. Ее соболезно-

вание проникнуто несказанною горестью, а ее ответ Годунову, торжествующему, что их пути сошлись, — тяжелым сознанием, что действительно оба страшные события их сблизили. Ее восклицание:

О, если б им сойтись не довелось! —

которым оканчивается ее роль, есть болезненный крик, вырвавшийся из самой глубины ее сердца.

К сожалению, у нас нет портретов Ирины. Одежда ее всегда богата, а в торжественных случаях великолепна. Архиепископ элассонский Арсений, бывший в 1588 году в Москве вместе с константинопольским патриархом Иеремиею, видел ее в длинной мантии, поверх бархатной одежды, осыпанной жемчугом. На груди у нее была цепь из драгоценных каменьев, а на голове корона с двенадцатью жемчужными зубцами. Одежда ее боярынь была белая как снег. Англичанин Горсей также говорит, что Ирина в день венчания Федора сидела на престоле у открытого окна, в короне, вся в жемчуге и драгоценных каменьях. В трагедии она переменяет одежду несколько раз, смотря по обстановке, в которой находится.

Самое задушевное желание Ирины было иметь детей, и в своем свидании с константинопольским патриархом она так трогательно просила его молить о том бога, что патриарх заплакал. Но бог не услышал их молитв, и единственный ребенок Ирины, девочка, названная Феодосиею, умерла вскоре после рождения.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взгляд ее умен, улыбка добра и приветлива; каждое ее движение плавно; голос ее тих и благозвучен, скорее контральто, чем сопрано. Атмосфера спокойствия ее окружает; при ней каждый невольно становится на свое место, и ему от этого делается легко; ее присутствие вызывает в каждом его лучшие стороны; при ней делаешься добрее, при ней дышится свободнее; от нее, по выражению Шуйского, веет тихим летом.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Об этом хитром, но неглубоком человеке я говорил подробно в моем первом «Проекте», так что не много придется здесь прибавить. Он представлен у меня изобретателем и зачинщиком сложной козни против Годунова. Мастер в такого рода делах, он чрезвычайно осторожен и не суется в опасность, не упрочив себе возможности отступления. Он не прочь и свергнуть Федора, чтобы посадить на царство Димитрия, но находит, что это дело недостаточно подготовлено, и говорит Головину:

Так, зря, нельзя.

По этой причине, а не из верности Федору, он и дядю отговаривает от восстания. Держать же в своих руках нити замысловатой интриги, имеющей за собой вероятие успеха, — ему очень приятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписав челобитню о разводе, попались в западню и должны, хотя или нехотя, идти вместе с Шуйскими. Он выказывает большую виртуозность в уговариванье Мстиславского отказать Шаховскому и сделать из сестры своей царицу.

Когда его приводят, арестованного, к Годунову, он не показывает

смущения, но говорит очень спокойно, что затеял челобитню ему же в услугу. При этом он нисколько не ожидает, что Годунов ему поверит, но употребляет этот изворот только для благовидности, чтобы перейти на сторону Годунова не в качестве переметчика, но давнишнего его приверженца. И Годунов, знающий его насквозь, не тратит с ним лишних слов, но принимает его уверение в преданности и верит ей теперь, потому что она в интересах Шуйского. Некоторые критики заметили мне, что Василий Шуйский, сделавшись так легко орудием Годунова, играет невыгодную для себя роль, — и я не могу с ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшего совета, как играть Шуйского так, как играет его г. Зубров в «Дмитрии Самозванце» Чаева и в моей «Смерти Иоанна».

ГОЛОВИН

Этот также интригант и в том же самом деле, но с особенным индивидуальным оттенком. Он заносчивее Шуйского. Ставя свою цель выше, он более рискует и, надеясь на свою находчивость, не подготовляет себе задней двери на случай неудачи. В нем более дерзости, чем хитрости.

ЛУП-КЛЕШНИН

Этот заслуживает более подробного рассмотрения. Это тип мошенника преимущественно русский; по крайней мере его редко встречаешь между иностранцами. Можно бы назвать его мошенником сугубым или мошенником с перехватом. Каждую свою плутню он совершает не просто, а посредством другой, предварительной плутни. Так, например, когда льстит, он не просто льстит, но посредством грубости, заключающей в себе похвалу; и на людей не особенно тонких такая лесть действует тем сильнее, чем грубее ее оболочка. Образчиком тому служит его упрек Федору, что он «пошел весь в батюшку». Нас редко оскорбляет обвинение в пороках, которых мы решительно чужды, тем менее обвинение в излишней силе. А Федору такой упрек настоящая лафа. Как ему не согласиться, что он действительно суров и крут, когда его обвиняет в том его дядька, старый, испытанный слуга, известный своей простотой и откровенностью? Мало-помалу этот прием перешел Клешнину в привычку, и он грубит даже бескорыстно. Для Годунова такой человек — находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего он сам не хочет высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказывает Клешнин без обиняков, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнин же предан Годунову столько же из личных выгод, сколько от скрытого презрения к Федору. Он не в состоянии понять Федоровой благости и откровенно предпочитает ему батюшку Ивана Васильича, который ни с кем долго толковать не изволил. Клешнин человек очень решительный, ничем не стесняющийся, без совести и предрассудков, не белоручка и большой циник. Он из числа тех людей, которые говорят: «Мы люди простые, люди русские! Рук не моем, ковшей не полощем! То всё про больших господ, про бояр да про немцев; а наш брат по простоте: морду зо-

вет рылом, а пощечину — оплеухой!» И за этой простотой, за этой грубостью таится целый механизм кознодейства. Впрочем, Клешнин мало кого обманывает; он для этого не довольно изворотлив, да оно ему и не нужно, с него довольно, чтобы его боялись как годуновского человека, и сторонились от него, как от быка.

В его роли два важные места: вербование Василисы Волоховой и очная ставка с князем Иван Петровичем. Оба места сами по себе понятны и не требуют пояснений.

Предложение его ехать в Углич, на следствие, исполнитель должен сказать, обдумавши его хорошенько; оно знаменательно для всей трагедии и намекает на исторический факт.

Наружность Клешнина грубая, циническая, а взгляд его волчий. Он впоследствии, убояся огня адова, пошел в монахи и посхимился под именем отца Левкия.

КНЯЗЬ ТУРЕНИН

Это роль нетрудная, заключающаяся только в непримиримой вражде ко князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена как можно ярче. Так как между его первым и вторым появлением есть большой промежуток, то наружность его должна быть очень заметна, дабы, когда он ведет Ивана Шуйского в тюрьму, зритель тотчас его припомнил и узнал, что это именно Туренин, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйского. Выражение Туренина мрачное и мстительное.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА

Роль очень эффектная и не совсем легкая, если не брать ее с одной внешней стороны. Из разных ее проявлений зритель должен еще до сцены с Клешниным составить себе полное понятие о характере Волоховой, так, чтобы ее готовность совершить преступление его не удивила, Клешнин определяет ее верно, говоря про нее:

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к богу, с чертом не в разладе.

Единственный двигатель всех действий Волоховой — это деньги. Из-за них она пускается на всевозможные ремесла и, как Протей, принимает всевозможные виды. У нее, как у Клешнина, нет ничего святого, но она с большою готовностью подлаживается под все вкусы. Цинизм ее не менее бесстыден, чем цинизм Клешнина, но он гораздо наивнее, ибо она судит обо всех по себе и высказывает часто самые рискованные убеждения, полагая, что, кто не дурак, у того и быть иных не может. В молодости она была баба веселая, нестрогая к добрым молодцам, когда к ней обращались не с пустыми руками; теперь же она принимает большое участие в сердечных делах других: кого посватает, кому и так доставит свидание. Ее мнение о людях самое низкое; она полагает, что нет человека, который за деньги не сделал бы всего на свете, не отравил бы отца и матери; но это, по ее словам, от немощи человеческой, и быть иначе не может;

стало, тут нет ничего и дурного, а глуп тот, кто ближнего не бережется, а паче всего собственных детей; на то и разум человеку дан.

Она большая богомолка, охотница прикладываться к иконам, знает всех московских игумений и игумнов и вхожа в лучшие дома. Боярыни от нее души не чают, она им и солит, и варит, и летники кроит, и ферязи шьет; а боярышням про суженых гадает; а боярам от разных скорбей нашептывает; а всем вместе переносит сплетни из дома в дом; одних поссорит, других помирит и с обеих сторон выпросит себе подарок. Самые сложные обряды она знает наизусть, и нет свадьбы, и нет помолвки, и нет крестин, и нет именин, и нет похорон, где бы она не играла роли. За каждый свой совет, за каждую услугу она получает от кого ширинку, от кого пару соболей, от кого деньги, и все это прячется под замок, от которого ключ она носит на шее, вместе с образками и ладанками. Она любит говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкого свойства, за словом в карман не полезет и, при случае, великая мастерица ругаться. Бывает, что иной боярин, который нравом покруче, велит за какую-нибудь проделку согнать ее со двора, но она, вышмыгивая из ворот, успеет при всей дворне насулить ему такую кучу разных бед, что, узнав о том, боярин призадумается. А если вскоре захворает в доме ребенок или начнется пожар, то на представления жены боярин скажет: «Ну, ну, добро, пошли этот кошель чертовой бабе, чтоб она порчи у нас не чинила!»

Тип ее, с неизбежными изменениями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ее и приемы не требуют описания. Не думаю, чтобы кто-либо мог передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки, г-жи Линской.

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ И КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ

Эти два лица играют хотя краткую, но необходимую роль в трагедии, по их органической связи с ее механизмом: без Мстиславской не было бы отказа Шаховскому; без Шаховского Федор не послал бы Шуйских в тюрьму. Но оба лица, как эпизодические, особенно Мстиславская, едва очерчены и не дают времени исполнителям углубиться в их характеры. Мстиславская — красивая девушка, привязанная к своему дяде и воспитателю, Ивану Шуйскому, которого она очень боится; жениха же своего, Шаховского, она любит и сильно с ним кокетничает.

Шаховской — красивый, удалой молодец, благородный, отважный, ловкий во всех телесных упражнениях, но нелегко связывающий две идеи вместе. Отличительная его черта — необдуманность, и критики, порицая его за этот недостаток, доказали свою проницательность, равно как и открытием, что Иван Петрович Шуйский неспособен быть главою политической партии.

МИТРОПОЛИТ ДИОНИСИЙ, АРХИЕПИСКОП ИОВ, АРХИЕПИСКОП ВАРЛААМ И ПРОЧИЕ ДУХОВНЫЕ ЛИЦА

Хотя ни одному из них не суждено явиться на сцену иначе, как *инкогнито*, но для полноты обзора не мешает сказать о них несколько слов.

Дионисий был человек достойный, всеми уважаемый, заслуживший от современников своею ученостью и красноречием прозвание

мудрого грамматика. Главной его заботою было расширение церковных прав. Он не поддавался Годунову, которому не раз приходилось его задобривать, и грамота, врученная ему во втором акте, есть факт исторический. Когда начался процесс Шуйских, он и крутицкий архиепископ Варлаам — оба энергически протестовали против их осуждения, и оба были сведены с престолов. Иов же, архиепископ ростовский, напротив, всегда держал сторону Годунова и был возведен в сан патриарха всея Руси. Роль его в деле об убиении царевича Дмитрия — очень незавидная. Экономия трагедии не допускала развития святительских характеров, но в ней сохранены самостоятельность Дионисия и подобострастие Иова. На сцене они могут показаться только в условном виде *старцев*, равно как и благовещенский протопоп и чудовский архимандрит. Духовника же Федора можно и вовсе исключить.

БОГДАН КУРЮКОВ И ПРОЧИЕ КУПЦЫ

Роль первого требует некоторого пояснения; другие только способствуют колориту трагедии. Курюков — человек минувшего века, когда еще значение удельных князей было только побеждено, а не вовсе уничтожено. В его время народ принимал еще участие в делах земли, и сочувствие его давало перевес той или другой стороне. На него опирались политические партии с успехом, не так, как попытался опереться Шуйский, когда уже царь Иван истолок, как в ступе, все исторические отношения, связывавшие народ с удельным княжеством. Курюков еще помнит эти отношения и держится их свято. Другие купцы привержены к Шуйским более по тождественности их интересов и по личному сочувствию; но для Курюкова Шуйские представляют знамя, которому он служит по преданию и за которое умирает. Это одна из тех богатырских фигур допетровского времени, про которые поляк Пасек говорит, что когда они стояли в сомкнутом строю с бердышами в руках, то казалось, что идешь «на отцов родных». Но в трагедии Курюков является уже как развалина былого, навсегда прошедшего времени. Он стал слаб и болтлив, и часто заговаривается. Только когда идет дело о Шуйских, он находит свою прежнюю ясность и прежнюю энергию. Лицо его умно и добродушно, рост высок, вся фигура живописна.

Иван Красильников и Голубь-сын — оба дюжие молодцы, особенно второй. Их ролей не следует давать щедушным статистам, иначе выйдет смешное противоречие между их наружностью и приписываемой им силой. Одно из назначений обоих — это показать не изгладившиеся еще или возобновившиеся после Иоанна отношения взаимного доверия между народом и боярством.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ, ДМИТРИЙ И ИВАН ШУЙСКИЕ; КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ И КНЯЗЬ ХВОРОСТИНИН

Все три Шуйские были обвинены в измене и сосланы в заточение, где одновременно с Иваном Петровичем удавлены также Иван Иванович и Андрей Иванович. Последний, настаивающий в третьем акте на убиении Годунова, был признан главным преступником.

Желательно, чтобы у всех троих в осанке и приемах была видна родственная черта гордой независимости, которою они, вместе

с Иваном Петровичем, отличаются в большей мере, чем другие бояре, их сторонники.

О Хворостинине и Мстиславском не могу сказать ничего, кроме что первый был известен умом и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновым, одною доблестью. У Мстиславского есть сцена, требующая большой живости в исполнении, именно сцена, где он дает отказ Шаховскому.

ФЕДЮК СТАРКОВ

Этот шпион, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говорит, но является в трех важных местах трагедии. Чтобы придать ему некоторую оригинальность, я предлагаю представить его седым человеком самого почтенного вида, которого одна наружность вселяет доверие. Он как будто ничего не видит и не знает, кроме своей должности дворецкого; но, когда на него не смотрят, глаза его бегают как мыши, а уши так и навастриваются. Если за эту роль возьмется умеющий, она даст ему случай к интересной немой игре.

ГУСЛЯР

Он должен быть молод, а не стар, чтобы его наружность составляла контраст с Курюковым. Песня его о Шуйском переделана из настоящей народной песни, и бо́льшая часть стихов сохранена. Очень важно подобрать под них приличный напев, чтобы несведущий в археологии исполнитель не вздумал угостить публику какимнибудь романсом. Худшей услуги он бы не мог оказать народной сцене на Яузском мосту.

В собрании Стаховича он найдет характерные и подходящие мотивы. Одежда гусляра бедна, но опрятна.

НИЩИЕ

Эти должны быть в лохмотьях, и, чем они будут оборваннее, тем живописнее выйдет последняя картина. Когда Годунов со Мстиславским уходят со сцены, а бояре и народ спешат за ними, нищие затягивают псалом, но так тихо, что он только слышится сквозь последний монолог Федора, но его не заглушает. Некоторые особенности одежды, а главное оригинальный народный напев можно найти в «Каликах перехожих» г. Бессонова.

ДЕКОРАЦИИ

Бо́льшая часть декораций «Смерти Иоанна Грозного» годится и для «Царя Федора», но если он будет дан, то надобно сделать три новые.

Первую, в начале третьего акта:

Сад князя Ивана Петровича Шуйского

На первом плане кусты смородины и большие подсолнечники; в стороне забор с калиткой; в глубине пруд, с отражением в нем звездного неба, и крыльцо княжеского дома, по которому сходят действующие лица. Сначала ночь, потом занимающаяся заря.

Вторую, в конце четвертого акта:

Мост через Яузу

Он должен идти от зрителей в глубину сцены, немного наискось, чтобы все на нем происходящее было видно. За рекой угол укрепления с воротами, через которые выводят Шуйских на́ мост. Вдали рощи и монастыри.

Третью, в конце пятого акта:

Площадь перед Архангельским собором

Церковные врата должны находиться на первом плане, справа или слева, ибо вся сцена происходит у самого собора.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При неустановившейся еще у нас театральной критике, при отсутствии общепризнанной теории драматической игры, артисты наши бывают постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на их исполнение, но и на основные правила искусства.

Да будет же мне позволено, не вдаваясь в подробную теорию, которой здесь не место, заявить только о коренном законе, долженствующем руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Закон этот для них тот же самый, как и для драматического поэта: он предписывает взаимное проникновение идеализма и реализма, или, простыми словами, соединение правды с красотой.

Полная и голая правда есть предмет науки, а не искусства. Искусство не должно *противуречить* правде, но оно не принимает ее в себя *всю, как она есть*. Оно берет от каждого явления только его типические черты и отбрасывает все несущественное. Этим живопись отличается от фотографии, поэзия от истории и, в частности, драма от драматической хроники. Иллюзия, производимая искусством, не должна быть иллюзией полного обмана. Удовольствие, ощущаемое нами при виде художественного портрета, есть иное чувство, чем созерцание оригинала в зеркале. Напротив, оригинал часто бывает нам неприятен, а воспроизведение нас привлекает. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасывает все, что в оригинале случайно, незнаменательно, *индифферентно*, и сохраняет только его сущность. Она возводит единичное явление природы в тип или в идею, другими словами, она его *идеализирует* и тем придает ему красоту и значение. То же делает драматург с историческим событием; то же должны делать с ним и драматические исполнители, которых обязанность: облекать в плоть и кровь идею драматурга. Как его фигуры в драме не суть повторения живых личностей, но идеи этих личностей, очищенные от всего, что не принадлежит к их сущности, так и драматический артист должен в исполнении воздерживаться от всего, что не составляет сущность его роли,

но тщательно отыскивать и воспроизводить все ее типические черты. Его игра должна быть согласна с природой, но не быть ее повторением. Нет сомнения, что Юлию Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, как и всем другим смертным, и художник, который в его роли вздумал бы кашлять и чихать, не отступил бы от природы, но он своим реализмом умалил бы идею Юлия Кесаря, ибо его сущность состояла не в чиханье, которое он разделял и с другими римлянами, но в чертах, ему одному принадлежащих. Исполнитель серьезной роли не должен забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движение, каждая его интонация имеет значение; он не должен позволять себе ничего лишнего и не должен упускать ничего существенного: одним словом, он должен проникнуться *идеей*, им представляемой, и постоянно держаться на ее высоте, имея в виду *идеальную*, а не реальную правду. Я настаиваю на этом законе так положительно потому, что он найден не мной, а Аристотелем. К нему же пристали все великие критики нашего времени, в том числе Лессинг и Гёте, и в этом смысле он может по справедливости назваться законом европейским. Хотя многие у нас находят, что мы не обязаны подчиняться этим законам «потому, что мы не европейцы», — подождем, чтобы Азия или Новая Голландия выслали нам более верную эстетику или же чтобы явились особенные русские законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимением лучшего, будем держаться как в технике драмы, так и в ее исполнении законов европейских, под опасением попасть в беззаконность.

Если бы кто нашел, что все сказанное мною разумеется само собой и что я, по французскому выражению, взламываю незамкнутую дверь, — я тому отвечу, что совершенно с ним согласен, но в оправдание себе укажу на распространившуюся доктрину о каких-то *русских началах*, на которых должны у нас развиваться наука и искусство.

Есть русские нравы, русская физиогномия, русская история, русская археология; есть даже русское искусство — но нет *русских начал искусства*, как нет русской таблицы умножения. Нет, в строгом смысле, и *европейских начал*, а есть начала абсолютные, общие, вечные. Можно сомневаться в верности их определения, но не их существования; можно спорить о их сущности, но не о их применимости. И если бы даже которое-нибудь из этих начал не было достаточно уяснено, то с минуты своего уяснения оно станет обязательно для всех наций без исключения. Которое же из них признано годным для одного народа, то годно для всех народов, ибо перед законодательством искусства нет привилегированных классов.

С этими абсолютными началами не следует смешивать ни ту национальную физиогномию, которую *невольно* выказывает каждый драматург и каждый исполнитель и которая, в иных случаях, бывает недостатком; ни те национальные особенности, которые принадлежат *по праву* всем драматическим лицам, смотря по их народности, и с которыми соображаться есть долг и обязанность. Мы требуем как от драматурга, так и от исполнителя, чтобы каждое лицо действовало в нравах своей нации (русская ли она или другая — все равно), и несоблюдение этого правила заслуживает порицания; но иное грешить против национальности, иное против законов искусства, и каждый из этих проступков подлежит особой подсудности. Спутывать *национальные нравы* с небывалыми *национальными началами искусства* — значит вносить неясность в понятия не только артистов

и публики, но и самих писателей. Так называемая живая струя, «которая бьет из самобытного родника русского творчества», если она рождает действительно художественные произведения, бьет, без сомнения, из родника, общего всему художеству, как бы ни были национальны ее краски. Если же она бьет из другого источника, то, при всей национальности красок, никогда ничего не произведет истинно художественного. Туманные выражения вроде: «Своеобычная форма исторического развития русского народа», или «Родовые черты бытового начала», или «Условия родовых отличий русской жизни» — и так далее, которые выдаются нам за предтечи новых, оригинальных законов творчества, переводятся очень просто словами: «Русские нравы, русская физиогномия». Само собою разумеется, что держаться этих условий на русской сцене есть долг как драматурга, так и исполнителя; но нет причины давать этому простому правилу какой-то глубокий, таинственный смысл. Писатель, который заставил бы Дмитрия Донского петь серенаду под балконом своей возлюбленной, или актер, который в роли Пожарского стал бы расшаркиваться, держа шапку под мышкой, оба провинились бы не перед русскими началами искусства, а перед русскими нравами и русской физиогномией. И странно было бы говорить про них, что они нарушили «своеобычные условия родовых отличий», или приписывать их нелепость тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняют самые простые понятия и уподобляются ученому, глубокомысленному отыскиванию рукавиц, торчащих за поясом.

Итак, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими с головы до ног, тем не менее свято соблюдают общие законы искусства, обязательные для всех наций, и не упускают из вида главного из них: *закона идеальной правды*, который есть краеугольный камень всякого художества.

В заключение скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили, оно никогда не дается нам даром и что если нет художника без вдохновения, то одно вдохновение не составляет художника. Какие бы ни были природные дарования живописца, зодчего, ваятеля, музыканта или поэта, если они не подвергнут себя *самой строгой дисциплине*, они не возвысятся над посредственностью. Успех же, приобретаемый ими, иногда на счет честного исполнения дела, — есть стыд, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматического артиста — это буквальное изучение своей роли; вторая — присвоение себе передаваемого характера в его малейших подробностях, с отбрасыванием всего, что не составляет его сущность; третья — согласование своей роли с прочими ролями пьесы и держание себя на подобающем градусе яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласование ролей, которое называется у нас неприятным именем: *ансамбль*, и которое можно бы заменить словом: *дружность*, есть преимущественно дело режиссера. Оно так важно, что без него никакое художественное исполнение немыслимо. Живописец, ваятель, зодчий или поэт зависят каждый от себя самого, но драматический артист, равно как и музыкант, участвующий в симфонии, зависят каждый от своих товарищей, как и эти от него зависят. Малейшее между ними несогласие производит диссонанс, разладицу, фальшь, и ответственность за это лежит на режиссере, который есть капельмейстер труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художни-

ками, которых общее согласие единственно упрочивает успех их общего дела, так трудно найти это согласие; но причина тому в самом существе их искусства. Исполнитель живет только в настоящем времени; в нем одном лежат его успех и торжество. Другие художники, если они не признаны современниками, могут надеяться на одобрение потомства, исполнитель ожидает его только от современников. Отсюда его жажда рукоплесканий; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этот вкус противоречил его артистическим убеждениям; отсюда его желание быть замеченным во что бы то ни стало, хотя бы в ущерб пиесе. Но действующий так — ошибается. Правда окончательно берет верх над неправдой, и хотя у исполнителя короче срок, чем у другого художника, чтобы заставить публику его оценить, — но жизни его на это достаточно. Вспомним покойного Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тем самым заставлял толпу подыматься до его высоты. Художник, жертвующий своей совестью минутному торжеству, перестает быть художником, ибо он забывает, что уже одно служение искусству заключает в себе свою награду. Пусть лучше он останется непризнанным, пусть лучше вся пиеса упадет и провалится, чем допустится посягательство на достоинство искусства! В этой области более, чем во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свет пропадай!» Fiat justitia, pereat mundus!

1868

ПРИМЕЧАНИЯ

I

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

ОЗ, 1866, № 1, с. 1. Печ. по отд. изданию (Спб., 1866) с исправлениями ошибок по ОЗ.

Начало работы над пьесой относится, очевидно, к зиме 1862—1863 г., когда Толстой жил в Дрездене. Первое упоминание о пьесе — в письме Толстого Я. П. Полонскому от января — февраля 1863 г.: «А я, с позволения сказать, пишу теперь большую трагедию в стихах: «Смерть Иоанна Грозного». Два акта уже написаны и, говорят, вышли хорошо» (СС-64, IV, с. 152). Тогда же К. К. Павлова перевела эти два акта на немецкий язык, и они были опубликованы в журнале «Russische Revue» (1863, Bd. 2), т. е. на два года раньше, чем в России. В июне был закончен третий акт (см. письмо С. А. Толстой от 30 июня 1863 г. — изд. Маркса, IV, с. 105), а к концу года, видимо, и вся пьеса (см. письмо К. К. Павловой от 13 декабря 1863 г. — СС-64, IV, с. 159). Первоначальная редакция ее неизвестна, но летом 1864 г. Толстой начал работу над второй пьесой трилогии — «Царь Федор Иоаннович», и это заставило его вновь вернуться к первой пьесе и доработать ее, ибо, как он писал К. Павловой 11 сентября 1864 г., «некоторые удары грома в моей нынешней драме мне надо ослабить до степени отдаленных раскатов. А самые громы я хочу сохранить для новой драмы» (там же, с. 165). Более конкретно о направлении доработки пьесы Толстой сообщил тому же адресату 12 января 1865 г.: «Изменения, которые я счел необходимыми, относятся больше к композиции драмы, чем к ее содержанию... Я соединил действие первое и второе в одно, сперва сократив каждое из них... Второе действие открывается вновь написанной сценой между Захарьиным и Годуновым... Третье действие... Я целиком опустил сцену между Годуновым и царицей. Она мне мешала. Четвертое действие. В прежнем виде. Пятое действие. С самого же начала вставляется новая сцена между Годуновым и его женой. Упразднена сцена между Годуновым и мамкой. Мне это нужно для моей новой драмы. Остальное в прежнем виде, за исключением легких изменений, вызванных сокращениями и вставками. Существенное же изменение: Иоанн — лицо слишком значительное, чтобы после смерти его сразу же убрали. Его кладут на парадную постель, и

Захарьин произносит короткий монолог, которым подчеркивается создавшееся положение» (там же, с. 168, 169—170). Уже после опубликования журнальной редакции Толстой в письме к К. Павловой от 27 марта 1866 г. вновь вернулся к разговору об этих исправлениях текста: «Знаю, что Вы не можете одобрить все сделанные мною изменения, но уверяю Вас, что они мне были необходимы, чтобы связать эту драму с „Федором Иоанновичем"» (там же. с. 177). Поэтому он просил адресата «еще раз пересмотреть перевод и внести в него изменения, которым подвергся подлинник. Я прошу Вас об этом не только ввиду драмы о Федоре. Я нахожу, что мой Годунов недостаточно осмотрителен в том виде, как он изображен первоначально... Сцена с царицей, где он требует от нее опеки над Дмитрием, когда умрет Иоанн и когда умрет Федор, — сцена хоть и эффектная, но неправдоподобная. Слишком рискованно было бы так вести себя, да и слишком еще рано. Годунов так бы не поступил. Внушения, делаемые мамке, тоже преждевременны и, естественно, относятся к драме о Федоре. Что касается остального, то почти нечего и переделывать, кроме как сократить и несколько сжать диалог» (там же, с. 177—178). 24 ноября 1864 г. Толстой писал М. Н. Каткову: «...вот Вам моя трагедия «Смерть Иоанна Грозного» в исправленном виде. Я много что прибавил, а еще более выпустил бесполезного. Это мне дает возможность написать, в виде продолжения, другую драму: «Царь Федор», к которой я уже и приступил. Насчет настоящей трагедии мои условия следующие: ...Никакого ценсурного изменения или усечения я не желаю... Для успокоения ценсурной совести могу сказать Вам, что «Смерть Иоанна» была читана императрице, которая ее очень одобрила» («Памятники культуры. Новые открытия. 1979», Л., 1980, с. 102). Однако Катков признал слишком большим гонорар, который хотел получить Толстой (4000 руб. за 2800 стихов), и отказался от издания пьесы (ГБЛ), после чего автор передал рукопись И. А. Гончарову, которому «предоставил располагать ею, как он за благо рассудит, ...но с единственным условием не допускать ценсурных изменений» («Памятники культуры», с. 103). Гончаров вскоре же натолкнулся на цензурные препятствия, о чем он в начале марта 1865 г. сообщил Толстому (Лирондель, с. 226), и лишь в ноябре ему удалось устроить пьесу в ОЗ (см. письмо Гончарова П. А. Вяземскому от 22 декабря 1865 г. — «Красный архив», 1922, т. 2, с. 265—266). В это же время к Толстому от имени редакции ВЕ обратился Н. И. Костомаров с предложением передать пьесу журналу, на что 7 декабря 1865 г. Толстой ответил: «Я, конечно. предпочел бы отдать трагедию Вам... Но делать нечего, дело сделано» (Стасюлевич, с. 377). После опубликования журнальной редакции Толстой внес в текст новые поправки, важнейшей из которых является добавление в реплику Захарьина в конце пьесы двух стихов: «Прости нас всех! Вот самовластья кара! Вот распаденья нашего исход!», которые резюмируют отношение Толстого к Грозному. Некоторые из поправок связаны были с дошедшими до Толстого замечаниями читателей и слушателей его пьесы. Так, 27 февраля 1866 г. Б. М. Маркевич писал Толстому о неуместности слова «состри» в реплике Бельского и в ответе ему шута: «...глагол этот, в данном смысле, едва ли принадлежит к выражениям, употреблявшимся в России в XVI веке» (Маркевич, с. 101). Здесь же Маркевич передал Толстому мнение Ф. М Толстого, что «следовало бы сократить, елико возможно, сцену скоморохов, ибо, если они будут петь два куплета, в 4 стиха каждый,

раёк непременно расхохочется, и этот смех в самый патетический момент может повредить успеху всей пьесы» (там же, с. 104). Оба эти замечания Толстой учел, но вместе с тем сохранил без изменений сцену, о которой тоже писал Маркевич: «Ваш Иоанн приказывает Бельскому сесть, чтобы играть с ним в шахматы... Но и самому кроткому из русских царей не могло прийти в голову пригласить кого бы то ни было сесть. Бояре садились в присутствии царей исключительно только в двух случаях: за трапезой и в думе» (там же, с. 101).

Основным историческим источником в работе над пьесой для Толстого являлся т. 9 ИГР; в значительно меньшей степени им была использована ч. 2 «Сказаний князя Курбского» (Спб., 1833). Вместе с тем, как обычно в его исторических произведениях (см. прим. к былинам в т. 1 наст. издания), Толстой допустил в пьесе значительные смещения реальных событий в целях достижения большего сценического эффекта. Вот основные из этих анахронизмов. По ремарке Толстого, действие происходит в 1584 г., однако к этому году подтянуты и более ранние события: нашествие на Москву крымского хана имело место в 1572 г.; письмо А. Курбского относится к 1579 г.; отражение осады Пскова И. Шуйским, о чем многократно говорится в первом действии, взятие шведами Нарвы и вторжение их в Карелию, прибытие Гарабурды с предложением единоборства Стефана Батория с Грозным — все это события 1581 г.; убийство сына и временный отказ Грозного от престола, с чего начинается пьеса, зимняя гроза, во время которой сгорел царский дворец в Александровской слободе, посольство Писемского в Лондон и унизительные переговоры с Баторием произошли в 1582 г.; восстание луговых черемисов и переговоры Ивана IV с английским послом состоялись в 1583 г. Не соответствует показаниям исторических источников и сама сцена смерти Ивана Грозного, который, как сообщали современники, умер после ванны, успев принять пострижение под именем Ионы и т. п. Толстого беспокоил вопрос о допустимости такого смещения событий в исторической драме, и он был очень удовлетворен, когда его поддержал Костомаров, о чем Толстой сообщил жене 22 мая 1865 г.: «Костомаров совершенно допускает анахронизмы в драме и обращает внимание только на правду в исторически-психологическом смысле, которая, он уверяет, у меня достигнута с замечательным чутьем» (СС-64, IV, с. 172). Правда, после опубликования пьесы Костомаров высказал прямо противоположную точку зрения и заметил, что «превосходная трагедия графа Толстого при всех своих достоинствах и таланте автора не вполне подходит к нашему идеалу исторической верности» (Костомаров Н., По поводу новейшей русской исторической сцены. — ВЕ, 1867, № 6, с. 98). А. В. Никитенко также поддержал Толстого: «От поэта, почерпающего содержание для своего творения из истории, не требуется, чтобы он изобразил лица или события с их фактическою действительностью: это задача историка. Но он должен изобразить их в действительности смысла, духа их ближайшей идеи. Это его специальная истина» (Никитенко А. В., «Смерть Иоанна Грозного». Трагедия в пяти действиях графа Толстого. — СПВ, 1866, 13 октября).

Пьеса вызвала довольно противоречивые отзывы современников. 15 июня 1864 г. Толстой писал жене: «Я читал Гончарову «Смерть Иоанна». Он восхитился», хотя и высказал ряд замечаний, и добавил, что «появления «Смерти Иоанна» уже ждут со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Он же говорит, что она так хороша, что в

нашей литературе нет ничего ей подобного, исключая „Бориса Годунова"» Пушкина (СС-64, IV, с. 163). Об этом же Гончаров писал Вяземскому 22 декабря 1865 г.: это «превосходная пьеса», «по высоте строя и тона относящаяся к разряду шиллеровских, а по стихам пушкинских созданий» («Красный архив», 1922, т. 2, с. 265—266). Такого рода отзывы продолжались и в дальнейшем. Так, 22 мая 1865 г. Толстой сообщил жене, что Костомаров «в большом энтузиазме» и говорит, что «ничего подобного не знает в нашей литературе» (СС-64, IV, с. 172). В 1865—1866 гг. пьеса неоднократно читалась в Петербурге: у Ф. И. Тютчева (Ростислав ⟨Ф. М. Толстой⟩, По поводу исполнения двух главных ролей в «Смерти Иоанна Грозного».— «Голос», 1867, 18 января), 3 декабря 1865 г. у Никитенко (Никитенко, т. 2, с. 550), 8 февраля 1866 г. — у Вяземского (РС, 1892, № 12, с. 671), в декабре 1866 г. в Московском артистическом кружке (Россиев П. А., Артистический кружок в Москве. — ИВ, 1912, № 5, с. 488). Выход пьесы в свет стал значительным явлением в литературной жизни того времени, и 27 февраля 1866 г. Маркевич писал Толстому: «...Ваша драма, в настоящую минуту, составляет почти событие. «Отечественные записки» приобрели лишнюю сотню подписчиков в одном Петербурге благодаря этому произведению, которое всякий стремится прочесть» (Маркевич, с. 100). Однако мнения о ней разделились. Никитенко свой разбор пьесы закончил словами: «Трагедия гр. Толстого принадлежит к тем серьезным, капитальным, истинно художественным произведениям, каких в нашей литературе вообще не много, а в текущей и вообще не замечается. К этому мы не без удовольствия спешим прибавить, что, сколько нам известно, мыслящая, образованнейшая часть публики одного с нами мнения» (СПВ, 1866, 15 октября). Очень уклончиво высказал свое мнение П. В. Анненков в статье «Новейшая историческая сцена». Он признал, что «самая блестящая сторона нового произведения гр. Толстого есть, без сомнения, сценическая», что даже «ошибки автора так же точно обнаруживают талант, как и созданное им лицо Ивана Грозного, как и вся эта драма с ее смелой и оригинальной постройкой» и т. д. И тем не менее Анненков писал: «Мы однако же весьма склонны думать... что поучение в уме автора «Смерть Иоанна Грозного» было заготовлено ранее самого ядра драмы... Мы редко где видели пример такого полного разрыва с историческим материалом, как тут, но нигде так ясно и не обнаруживалась для нас внутренняя несостоятельность того начала, которое произвело этот разрыв... Фантазия автора, очевидно, отделилась при этом от русской почвы до совершенной потери ее из вида» (ВЕ, 1866, № 3, с. 81, 82, 77, 82). Толстой, познакомившись с отзывом Анненкова, писал жене 27 августа 1866 г.: «Он боится и похвалить и осудить, и все оговаривается, и ничего не говорит. Он не знает и азбуки эстетики и никогда, как видно, ничего об эстетике не читал. Дает он мне такие правила, которые я знаю лучше его, и укоряет в том, против чего я ропщу с тех пор, как себя помню... Мне гораздо приятнее разборы „Современника", чем такие похвалы» (СС-64, IV, с. 185). В последней фразе Толстой имеет в виду анонимную (возможно, принадлежащую Е. Г. Елисееву) статью «Современная русская драма», где утверждалось, что драматург «впал в большую ошибку, избрав в герои своей трагедии личность, которая вовсе не может возбуждать собою трагического интереса. Эта одна ошибка уничтожает всякое значение трагедии как художественного произведения». Критик находит в трагедии и еще один «важный недостаток» — «герой ее

оставлен почти вовсе лицом недействующим... В сущности он нисколько не герой, и постановка его в трагедии выходит совершенно ложная» (С, 1866, № 2, с. 259). Эти отрицательные мнения восторжествовали, и Никитенко записал в дневнике в связи с выдвижением драмы на Уваровскую премию Академии наук: «Против драмы Толстого «Смерть Грозного» составляется, кажется, сильная коалиция... А что это человек с большим талантом и написал очень хорошую вещь — какое до этого дело гробокопателям и самозванным вождям юного поколения!» (Никитенко, т. 3, с. 16). Действительно, несмотря на положительный отзыв Никитенко как члена комиссии по присуждению премии и поддержку этого отзыва К. С. Веселовским, Я. К. Гротом и Н. Г. Устряловым, драма не была премирована.

Еще при первых чтениях драмы высказывались пожелания увидеть «Смерть Иоанна Грозного» в театре. 25 июля 1866 г. Толстой сообщил жене, что до него доходят слухи, что «актеры читают трагедию между собой, и с нетерпением ожидают, чтобы ее поставили на сцену, и хотят во всем подчиниться мне как режиссеру, и ожидают меня с нетерпением. Если это правда, то это очень хорошо» (изд. Маркса, IV, с. 120). Формально никаких серьезных препятствий к постановке не было, тем более что и императрица, прослушав драму в чтении Толстого, выразила желание, чтобы пьеса была поставлена (см. письмо С. А. Толстой от 12 июля 1864 г. — изд. Маркса, IV, с. 115). Опытный в таких вопросах Гончаров писал Вяземскому 22 декабря 1865 г.: «Ценсурных препятствий и для сцены нет. Мне, как бывшему цензору, искушенному цензурной опытностью, но не укушенному ценсироманией, кажется, что в ней пришлось бы исключить для театра два-три слова, да вместо монаха (вроде пушкинского Пимена в «Борисе Годунове») поставить на афише пустынник, как это обыкновенно делается» («Красный архив», 1922, т. 2, с. 266). Дирекция императорских театров, на которую произвела впечатление, конечно, не пьеса, а придворное положение автора, приняла пьесу к постановке. Толстой сам участвовал в распределении ролей и занимался с актерами. К этому времени относится разработка им «Проекта постановки на сцену трагедии „Смерть Иоанна Грозного“» (вышел отдельной брошюрой в ноябре 1866 г. — см.: СС-64, III, с. 454—495). 20 февраля 1867 г. Толстой писал К. Сайн-Витгенштейн: «Мне... очень посчастливилось: во-первых, было отпущено 31 000 р. на постановку трагедии, затем князь Гагарин, вице-президент Академии художеств, сделал рисунки главных декораций, академик Шварц — костюмов и г-н Серов написал музыку для танца скоморохов. К тому же г-н Костомаров, профессор истории, и другие лица, которые специально занимались археологией, принимали участие в усовершенствовании постановки пьесы» (СС-64, IV, с. 203). После премьеры Толстой писал К. Павловой 26 марта 1867 г.: «Она обошлась в 27 000 рублей, и даже за вычетом половины, которая разошлась по карманам чиновников, на покрытие расходов осталось все-таки 13 500 р., а это кое-что» (СС-64, IV, с. 209). Премьера в Мариинском театре состоялась 12 января 1867 г. в бенефис А. А. Нильского в роли Годунова, однако большого художественного значения спектакль не имел из-за неудачного подбора исполнителей главных ролей: П. В. Васильев, игравший роль Ивана Грозного, «...выглядел не царем, а каким-то купцом 3-й гильдии» (Вольф А. И., Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года, Спб., 1884, с. 35; ср.: Нильский А. А.,

Воспоминания. — ИВ, 1894, № 7, с. 663—665). После первых пяти спектаклей роль Грозного перешла к В. В. Самойлову, но, как писал Толстой Н. А. Чаеву 14 февраля 1867 г., «из роли он не знал ни аза, говорил все только приблизительно, не стихами, а прозою собственного изобретения, и множество мест, очень важных, пропустил совсем» (СС-64, IV, с. 202). Тем не менее Толстой писал К. Павловой 26 марта 1867 г.: «Что не подлежит сомнению — так это огромный успех, который она ⟨трагедия⟩ имела в Петербурге... Больше месяца все газеты осыпали меня похвалами или руганью... Статьи об «Иване» я начал было собирать, чтобы послать их Вам, но их столько, что они составили бы целый толстый том... Теперь без ложной скромности скажу Вам, что весь этот колоссальный успех я приписываю не достоинствам самой вещи, а новизне сюжета и великолепию постановки... Любопытно, что публика тоже разделилась на поклонников и на злобствующих хулителей, равнодушных нет. Злобствующие, к числу которых принадлежит полицеймейстер, говорят, что пьеса эта крамольная, направленная на поругание власти и на то, чтобы научить народ строить баррикады. Поклонники говорят, что это протест против злоупотреблений властью и в то же время пьеса, ратующая за монархию... Последователи покойного Муравьева говорят, что пьесу надо запретить. Все красные и нигилисты ею возмущены и что есть сил набрасываются на меня» (СС-64, IV, с. 208—210). Но были о спектакле и положительные отзывы. Так, В. Ф. Одоевский заметил в дневнике 25 января 1867 г.: «...пиеса, особливо с 3-го акта, психологически верна и драматична» («Литературное наследство», М., 1935, т. 22-24, с. 240). А. Г. Достоевская вспоминала, что «Федор Михайлович очень ценил эту драму» (Достоевская А. Г., Воспоминания, М., 1971, с. 86). 22 января 1868 г. состоялась премьера в Москве, в Малом театре, в бенефис С. В. Шумского, исполнявшего главную роль. Декорации и бутафория были выполнены прекрасно, с возможной исторической точностью, но исполнение роли Грозного опять было неудачным, о чем Толстой в день представления откровенно сказал Шумскому (Давыдов В., Несколько слов по поводу постановки на московской сцене трагедии «Смерть Иоанна Грозного». — РА, 1879, № 7, с. 332). По протекции Толстого, в 1867 г. постановка трагедии была разрешена трем провинциальным театрам: нижегородскому, казанскому и воронежскому. В первом из них роль Грозного играл приехавший на гастроли А. А. Нильский, к которому с 1868 г. перешла эта роль и на петербургской сцене. После одного из спектаклей Толстой опубликовал в газете «Антракт» (1868, 4 мая) «Письмо к г. Ростиславу по поводу появления г. Нильского в роли Иоанна Грозного», в котором заметил: «По моему убеждению, ни один из русских артистов не передал этот характер так удовлетворительно, как г. Нильский... он был на русской сцене лучший из всех Иоаннов» (СС-64, III, с. 508, 510). Но вскоре спектакли были запрещены. Товарищ министра внутренних дел А. Б. Лобанов-Ростовский подал в Главное управление по делам печати записку: «Прошлою зимою... по поводу в высшей степени неприличного представления «Иоанна Грозного» в Воронеже, государь император выразил свою волю, чтобы вообще эта пиеса не была представлена в провинции» (ЦГИАЛ).

Перевод эпиграфа: «Царь сказал: «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!» Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: „Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство

отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями"» (Библия. Книга пророка Даниила, IV, 27—29).

Действие первое. *С Голицыным сдал Полоцк королю.* В 1579 г. Полоцк был осажден и взят войсками Стефана Батория. *Тягаться о местах* — спорить о своих преимущественных правах на место, должность и т. п. «Местничество» — порядок замещения должностей в думе, в строю или даже места за царским столом в зависимости от знатности рода — существовало в Московском государстве с конца XV в.; официально было ликвидировано в 1682 г. при царе Федоре Алексеевиче, когда были сожжены «разрядные книги» (см. далее в словах Мстиславского), в которых регистрировалось «место» каждого рода. *По седьмой жене.* Грозный был женат семь раз (см. т. 1 наст. изд., с. 583). *В отечестве и в счете бить челом* — подавать челобитную, т. е. жалобу, доказывая свое преимущество по заслугам предков («по отечеству») и по месту рода («по счету») в «разрядных книгах». *Свершив сыноубийство.* В ИГР говорится, что Грозный, разгневавшись на сына, царевича Ивана, «острым жезлом своим... сильно ударил... царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию... жил четыре дня и скончался 19 ноября в ужасной слободе Александровской» (т. 9, с. 353). *Будемте без мест* — т. е. откажемся от споров о наследственных преимуществах. После сожжения разрядных книг было приказано: «...отныне всем быть без мест». *Хотел, как ныне, бросить свой престол* и т. д. В декабре 1564 г. Грозный, без объяснения причин, собрал своих приближенных и выехал с ними из Москвы в Александровскую слободу (ныне г. Александров). В грамоте, присланной митрополиту Московскому, Грозный писал о «беззаконии боярского правления во время его малолетства», возмущался поведением бояр, вельмож, воевод, возражающих царю и «продающих» интересы России. «Вследствие чего, — писал Иоанн, — не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда бог укажет нам путь» (ИГР, т. 9, с. 75). *О тех переговорах, что... Он с английскою королевой вел.* В 1582 г. Грозный вел переговоры с английской королевой Елизаветой о военном союзе против Швеции, Литвы и Дании. Однако Баус, посол Елизаветы, привез отказ Англии от военного союза и обещание королевы лишь помочь Грозному в мирных переговорах. *К Курбскому, к изменнику, писал.* О Курбском см. т. 1 наст. изд., прим. 114. *Потомки Гедимина.* Великий князь Литовский Гедимин (ум. 1341) считался родоначальником некоторых русских боярских фамилий, пришедших в Московское государство из Литвы. В частности, Мстиславские относились к Гедиминовичам, а Шуйские — к Рюриковичам. *С царем в свойстве.* Никита Романович Захарьин был братом первой жены Ивана Грозного Анастасии. *Король Батур* — польский король Стефан Баторий (1543—1586). *Ливония* — в средние века название территории, ныне занимаемой Латвийской и Эстонской ССР. *Татарин пересядет.* По легенде, Годунов происходил от татарского мурзы Чета, который выехал из Орды в 1329 г. к великому князю Ивану Калите. На самом деле Годунов происходил из захудалого рода костромских бояр. *Мономахова шапка* — царский венец, хранившийся, по преданию, со времен князя Владимира Мономаха и являвшийся символом княжеской и царской власти. *Священная обитель на Белом озере* — Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в конце XIV в. *Отец Сильвестр* (ум. ок. 1566) — протопоп Московского Благовещенского собора, один из ближайших советников молодого Грозного, член Избранной рады,

писатель. В 1560 г. удален от двора и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. *Я Каина злодейство превзошел.* Каин, по библейской легенде, убил брата, а Грозный — сына. *Прости мне, как разбойнику простил ты.* По евангельской легенде, Христос простил одного из двух распятых вместе с ним разбойников, раскаявшегося в своих грехах. *Барса и Трескотуха* — знаменитые русские пушки, стоявшие во Пскове. *Святые мощи Всеволода-князя.* Князь новгородский и псковский Всеволод Гавриил Мстиславович (ум. 1138), внук Владимира Мономаха, был причислен к лику святых. *Свинарская* (Свинузская) башня — один из важнейших опорных пунктов в обороне Пскова, башня над Свиными воротами. *Замойский* Ян (1541—1605) — польский коронный гетман (командующий войсками) и канцлер. *Ты, милостию панскою король.* В отличие от русских царей, получавших престол по наследству, в Польше король выбирался на сейме шляхтой. *Светлые мужи, Которые тебе... Казань И Астрахань под ноги покорили.* Во взятии Казани и Астрахани участвовали М. И. Воротынский, А. Б. Горбатый, И. Пронский, П. Щенятьев, Д. Немого-Оболенский и другие высшие бояре, казненные в 1565—1566 гг. за «измену». *От Цицерона... ко Клавдию и к Марку.* К посланию Курбского были приложены переведенные им два письма Цицерона — к Марку Антонию и Клодиусу (см.: «Сказания князя Курбского», изд. 3-е, Спб., 1868, с. 205—209). *Несть Верховной власти, аще не от бога* — т. е. царская власть дарована самим богом (Библия. Послание к римлянам апостола Павла, 13, 1). *Хан Перекопский* — крымский хан. *Сестра Елисавета* — английская королева Елизавета Тюдор (1533—1603).

Действие второе. *Сватает... Хастинскую княжну.* В 1582 г. в Англию был направлен посол Писемский с наказом добиться у королевы Елизаветы согласия на брак Грозного с Марией Гастингс, дочерью графа Гонтингдонского, племянницей королевы по матери. Королева вначале согласилась на этот брак, но вскоре переменила свое решение (ИГР, т. 9, с. 424—427). *Сосед Степан* — уничижительное наименование польского короля Стефана Батория. *Алексей* — А. Ф. Адашев (ум. 1561), думный дворянин, в первые годы царствования Грозного один из руководителей Избранной рады, вместе со священником Сильвестром оказывал активное влияние на государственные дела. В 1560 г. был послан воеводой в Ливонию, потом заключен в тюрьму в г. Юрьеве (Тарту), где и умер. *Малюта* — Г. Л. Скуратов-Бельский (ум. 1573), один из руководителей опричнины, дочь его была замужем за Годуновым.

Действие третье. *И цесаря немецкого упросит* — Рудольфа II (1552—1612). *Жигимонт* — Сигизмунд II Август (1520—1572), король польский с 1530 г., великий князь Литовский с 1548 г. *Генрик* (1551—1589) — брат французского короля Карла IX; в 1573 г. был избран польским королем, но через 5 месяцев, узнав о смерти брата, тайно бежал из Польши во Францию, где с 1574 г. стал королем Генрихом III. *Князь Седмиградский.* В 1571 г. Стефан Баторий был избран князем Семиградским — немецкое название Трансильвании. *На поле звать* — вызывать на поединок. *Швед уже Нарову взял.* Город Нарва был взят шведами в 1581 г.

Действие четвертое. *Кровавая хвостатая звезда.* Зимой 1584 г. над Москвой появилась комета. *Соловки* — крупнейший православный монастырь России, на Соловецком архипелаге в Белом море. *Гора Афонская* — выступ Халкидонского полуострова в Эгейском море, крупный религиозный центр православной церкви; связи

с Афоном оказывали большое влияние на русскую церковь. *Птица Евстрафиль* — фантастическая птица русских легенд (мать всех птиц). *София* — здесь: Софийский собор в Киеве. *Нарядился Лазарем* — нищим (от евангельской притчи о бедном Лазаре). *Церковь Благовещения* — Благовещенский собор в Московском Кремле. *Иван Великий* — анахронизм, допущенный Н. М. Карамзиным (ИГР, т. 9, с. 433) и повторенный Толстым: во времена Грозного существовала только звонница, построенная в 1505—1508 гг. архитектором Б. Фрязиным. В 1600 г. она была надстроена несколькими ярусами и после этого стала называться колокольней Ивана Великого в Московском Кремле (в царствование Годунова ее называли «Годунов столп»). *Ходит он Всё на звезду смотреть.* «Любопытный царь вышел на крыльцо, смотрел долго, изменился в лике и сказал окружающим: „Вот знамение моей смерти"» (ИГР, т. 9, с. 433). *Хан Уж подошел к Оке.* В 1572 г. крымский хан Давлет-Гирей дошел до Оки, но на Москву не наступал. *Троица* — Троице-Сергиевская лавра (ныне в г. Загорске). *Не век на колокольне Тебе звонить.* Игра на церковных колоколах была одним из любимых занятий царевича Федора. *Чтоб умер я без покаянья.* По правилам православной церкви, умирающий, чтобы попасть в рай, должен перед смертью покаяться и получить отпущение грехов. *В Рафлях и в Зодее* — в апокрифических сочинениях гадательного характера; «Звездочетец и Зодий» — гадательная книга. *Кириллин день* — церковный праздник, день св. Кирилла, приходившийся на 18 марта ст. ст. *В твой царский терем Ударил гром.* Карамзин писал: «...громовая стрела зимою 1582 г. в день Рождества Христова, при ясном солнце, зажгла Иоаннову спальню в Слободе Александровской» (ИГР, т. 9, с. 350). *Луговая черемиса* — самая многочисленная ветвь народа мари, жившая на левом берегу Волги. *Горбатый-Шуйский* А. Б. — член Избранной рады при Грозном, фактический вождь русской армии при взятии Казани в 1552 г. Был отстранен от дел в 1560 г., а в 1565 г. казнен. Стригин-*Ряполовский* А. И. — воевода московский, обвинен в измене и казнен. *Федоров* — И. П. Федоров-Челядин — см. наст. изд., т. 1, прим. 123. *Воротынский* М. И. в 1561 г. во время взятия Казани первым ворвался в Арскую башню. В 1573 г. был арестован по обвинению в связях с крымским ханом и казнен. *Пронский Князь Турунтай* И. И. — боярин, наместник псковский, утоплен в 1570 г. *Щербатый* М. А. — воевода, участник всех походов Грозного 1580—1584 гг. *Щенятев* П. М. — участник Казанского похода; устрашенный казнями, бежал из Москвы и скрылся в монастыре; в 1568 г. был найден и казнен. *Оболенский* — Ф. И. Овчинин-Телепнев-Оболенский, был задушен в 1562 г. *Кашин* — И. И. Кашин-Сухой-Оболенский, боярин, казнен в 1555 г. по обвинению в смерти первой жены Грозного Анастасии Романовны. *Бутурлин* — воевода смоленский, позже астраханский. *Серебряный* П. С. — воевода, войска которого были разгромлены литовцами под Псковом, казнен в 1570 г. *Морозов* М. Я. — при взятии Казани командовал русской артиллерией, казнен в 1564 г.

Действие пятое. *Ой, жги, жги, жги* и т. д. — контаминация строк из народной песни «Ай, вдоль по улице молодчик идет...» (см.: Сахаров И. П., Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, Спб., 1841, т. 1, кн. 3, с. 84). *Народ царь-пушкой овладел.* Еще один из анахронизмов Толстого, заимствованный им у Карамзина (ИГР, т. 10, с. 10): царь-пушка была отлита только через два года, в 1586 г.

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ

ВЕ, 1868, № 5, с. 5, с датой: «17 марта 1868 г.» и авторским прим. к списку действующих лиц: «При существующих театральных правилах не все действующие лица, здесь поименованные, могут явиться на сцену. О предполагаемых вследствие того изменениях для сцены выйдет особая статья под заглавием: „Проект постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович“»; отд. издание, Спб., 1868 (оттиск из ВЕ, вышедший в ноябре, с небольшими исправлениями). Печ. по отд. изданию с исправлениями по ВЕ и с учетом поправок, сообщенных автором издателю в письмах от 5 октября и 9 декабря 1868 г. (Стасюлевич, с. 314, 320) и не вошедших в отд. издание.

Замысел трагедии относится к началу осени 1864 г. (см. письмо к К. К. Павловой от 11 сентября 1864 г. — СС-64, IV, с. 165). В ноябре того же года Толстой сообщил М. Н. Каткову, что приступил к написанию пьесы (см. наст. том, с. 644), а к концу года закончил первое действие (см. письмо А. О. Смирновой от 5 января 1865 г. — СС-64, IV, с. 165). В процессе работы у Толстого сложилась концепция трагедии. «Вот ситуация, — писал он К. Павловой 12 января 1865 г., — две разные силы (Борис Годунов и Шуйские) находятся в состоянии антагонизма и борются друг с другом в царствование Федора. От него зависит, чтобы восторжествовала та или другая сторона, но из-за своей слабости и доброты он колеблется между ними и заставляет ту и другую действовать auf ihre eigene Hand,[1] что в конечном счете приводит к угличской катастрофе. Как Вы видите, героем является Федор, но героем в негативном смысле... но есть и положительный герой, Шуйский, и зовут его Иван Петрович... Я придерживаюсь истории, как только могу, а так как история говорит, что Нагие во время их пребывания в Угличе были обвинены в том, что хотели посадить на престол своего племянника вместо Федора и по этому случаю вступили в заговор с Шуйскими, то я вижу здесь вполне естественную для Бориса причину, помимо его честолюбия (на пользу которому она и послужила), чтобы избавиться от Дмитрия. Он в некотором смысле вынужден устранить это орудие и этот повод для смуты, что сообщает его преступлению характер государственной необходимости». Здесь же Толстой сообщает, что в его представлении складывается драматическая поэма — целая трилогия, «которая будет называться «Борис Годунов»... «Царь Федор», которого я в настоящее время пишу, — средняя часть этой поэмы; конец будет называться „Дмитрий Самозванец“» (СС-64, IV, с. 166—167). 20 февраля 1867 г. Толстой сообщил К. Сайн-Витгенштейн: «Я написал несколько новых сцен, делаю и переделываю прежние, — все, чтобы приблизиться к моему первоначальному плану, от которого, я чувствую, как всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивов в этой драме... я не боюсь, чтобы мне недостало красок, но линия приносит мне много хлопот» (там же, с. 204). Работа продолжалась весь 1867 г., и только 27 февраля 1868 г. Толстой смог написать В. П. Боткину, что трагедия окончена (там же, с. 227). Первоначальная редакция пьесы нам неизвестна, но из некоторых писем можно видеть, что она значительно отличалась от журнальной. Много позже, в середине августа 1870 г., Толстой вспо-

[1] На свой страх и риск (нем.).

минал в письме к жене: «В „Федоре“ я написал много сцен, прежде чем закрепил канву, — только чтобы установить характер Федора; мне кажется, я столько же зачеркнул, сколько оставил; я тоже изменил и переменил канву во время писания — история меня смущала» (там же, с. 349). Действительно, судя по всему, перемены были значительны. Так, еще 11 сентября 1864 г. Толстой писал К. Павловой, что в пьесу «войдет и угличская катастрофа» (там же, с. 165), т. е. убийство царевича Дмитрия. Это подтверждается и письмом В. А. Соллогуба к С. А. Толстой от 19 февраля 1867 г., т. е. задолго до окончания работы автора над трагедией: «Пьеса начинается тремя различными завязками, которые следуют одна за другой. Прежде всего — Углич. Предполагаешь, что сейчас увидим изображение одного из самых захватывающих событий в нашей истории — борьбу матери с честолюбием убийцы-выскочки. Развитие драмы — в материнской любви. — Сцена изменяется, мы видим княжну Мстиславскую и догадываемся, что эта новая Джульетта будет принесена в жертву ненависти партий и что развитие драмы будет в любви несчастной и идеальной молодой девушки, оканчивающейся катастрофой. — Но сцена изменяется опять, и перед нами третья женщина, олицетворение супружеской любви. Она ли будет узлом драматического единства, — и не останутся ли другие второстепенными лицами, связанными, однако, с главным действием?» (ВЕ, 1908, № 1, с. 230). Далее, 12 января 1865 г. Толстой сообщил К. Павловой: «Наш друг Битяговский уже появился в первом действии, но, к сожалению, я Вам должен сообщить, что его затмит сынок», а сам Битяговский будет «в клочья разорван толпой» (СС-64, IV, с. 168, 170). Однако ни Битяговского, ни его сына в печатном тексте трагедии нет. Наконец, о наличии в ранней редакции сцены убийства царевича Дмитрия и ряда других вспоминала К. Сайн-Витгенштейн в письме Толстому от декабря 1868 г. (ВЕ, 1906, № 1, с. 162). 17 марта 1868 г. Толстой отослал переписанный экземпляр трагедии М. М. Стасюлевичу для ВЕ (Стасюлевич, с. 307), а вслед за этим — две поправки к тексту, вызванные, по-видимому, какими-то замечаниями издателя (там же, с. 308). Корректуры пьесы Толстой читал, но «поправил только опечатки» (там же, с. 310) — о сколько-нибудь серьезной правке текста в письмах упоминаний нет. Вскоре после выхода журнала с того же набора было отпечатано отдельное издание пьесы. В текст были внесены две небольшие поправки во вторую сцену V действия, а две поправки в третью сцену IV действия остались не учтенными (там же, с. 314).

Время действия второй трагедии Толстой точно не обозначил: «в конце XVI века». Однако некоторые события, описанные в ней, позволяют определить хронологические рамки. Как известно, Грозный умер в 1584 г., действие пьесы начинается в царствование Федора с примирения Годунова с И. П. Шуйским в 1585 г. и с составления челобитной в 1585—1586 гг.; И. Шуйский погиб в 1589 г., а Дмитрий — в 1591 г.; обезьяны были присланы Федору цесарем-императором Рудольфом в 1597 г. и т. д. Основным источником для трагедии Толстому и на этот раз послужила ИГР, в 10-м томе которой автор нашел некоторые ситуации, факты и отдельные высказывания. Однако здесь Толстой не только, как обычно, сдвинул события или переставил их, но и разошелся с Карамзиным в трактовке основных героев трагедии — царя Федора, И. Шуйского и Годунова. Для Толстого Федор — не просто человек «с умом робким, набож-

ностью беспредельною, с равнодушием к мирскому величию», «постник и молчальник», не имеющий «ни проницания в уме, ни твердости в воле», одним словом — «жалкий венценосец» (ИГР, т. 10, с. 6, 7, 12, 81), а человек, «наделенный от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте ума и совершенном отсутствии воли» (наст. том, с. 615); И. Шуйский не такой же лукавый царедворец и интриган, как Годунов, а «представляет разительную с ним противоположность» (там же, с. 624). Именно поэтому для Толстого в работе над трагедией так важна была не событийная, а психологическая достоверность важнейших образов, особенно Федора, с самого первого упоминания о котором — в письме А. О. Смирновой от 5 января 1865 г. — Толстой неустанно повторяет, что его очень интересует психологический облик этого героя (СС-64, IV, с. 165). Поэтому же, задолго до окончания пьесы, Толстой читал отрывки из нее своим друзьям и был очень удовлетворен тем, что они отмечали, «что все должно было происходить так, как я описываю» (письмо С. А. Толстой от 22 мая 1865 г. — СС-64, IV, с. 172), что «я выказал в этой драме большое знание человеческого сердца» (письмо С. А. Толстой от 30 июля 1865 г. — Там же, с. 173). Даже Тургенев, отрицательно относившийся к творчеству Толстого, заметил в письме к Я. П. Полонскому от 31 марта — 6 апреля 1868 г., что пьеса — «довольно замечательный психологический этюд» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, М. — Л., 1964, т. 7, с. 113). Наконец, В. О. Ключевский в одной из своих лекций сказал: «...поэт, очевидно, рисовал портрет блаженного царя с древнерусской летописной его иконы... Но сквозь внешнюю набожность... у Ал. Толстого ярко проступает нравственная чуткость» (Ключевский В. О., Соч., М., 1957, т. 2, с. 20).

Закончив трагедию, Толстой просил 27 февраля 1868 г. согласия В. П. Боткина прочесть ее у него в присутствии И. А. Гончарова, А. В. Никитенко, Н. И. Костомарова, П. В. Анненкова, М. М. Стасюлевича и Н. Ф. Щербины (СС-64, IV, с. 227). Чтение состоялось 1 марта 1868 г., присутствовали также Ф. И. Тютчев и А. Н. Майков (Никитенко, т. 3, с. 115). После чтения А. В. Никитенко записал в дневнике: «...характеры Федора и Годунова показались мне обработанными очень искусно. Автор сумел создать из совершенно нравственного и политического ничтожества, каков Федор, замечательную психологическую фигуру» (там же, с. 115—116). Но Анненков, видимо, высказал какие-то замечания, на что Толстой ответил ему 2 марта: «Искренно, сердечно, душевно благодарю Вас... за высказанное Вами мнение и за участие к «Федору Иоанновичу» — но что ж делать! Я не убежден, теории наши совершенно расходятся. По всем моим драматическим понятиям, по моему credo[1] в искусстве, катастрофы действующих лиц должны быть в последней сцене с в я з а н ы в о д и н с н о п, а не размещены по разным сценам. Не разделяю также взгляда Вашего на неуместность площади как арены для высказывания психического перелома в Федоре» (СС-64, IV, с. 228). Не был удовлетворен пьесой и Боткин, писавший А. А. Фету 26 марта 1868 г.: «Концепция характера Федора весьма удачна, хотя, как и все произведения Ал. Толстого, не оживит читателя ни одним поэтическим ощущением» (Фет А., Мои воспоминания. 1848—1889. М., 1890, ч. 2, с. 176). Второе чтение прошло 4 марта, затем 15 мар-

[1] Убеждение (лат.).

та и 1 апреля, на которые были приглашены также Г. П. Данилевский, Е. П. Ковалевский, В. И. Ламанский, Л. Л. Леонидов и др. Об итогах этих чтений Толстой писал В. П. Бегичеву 26 марта 1868 г.: «„Федор Иоаннович“ уже теперь пользуется симпатией всех слышавших его в чтении целиком. Его единогласно ставят выше „Иоанна Грозного“» (СС-64, IV, с. 231). Следует заметить, что сам Толстой всегда очень ценил эту трагедию и 20 февраля 1874 г. писал А. Губернатису: «Это — самое лучшее из моих стихотворных и прозаических произведений, и в то же время оно вызвало больше всего нападок в печати» (там же, с. 427). Об отношении критики к трагедии Толстой писал и К. Сайн-Витгенштейн 9 мая 1869 г.: «Все журналы напали на меня с ожесточением за «Царя Федора». Они уверяют, что такое слабое существо, как он, годится только для водевиля, и т. д.» (там же, с. 289). Однако это скорее авторское отношение к критике, чем характеристика действительного отношения критики к трагедии. Собственно отрицательными были рецензии В. П. Буренина (СПВ, 1868, 17 мая), А. С. Суворина («Русский инвалид», 1868, 11 мая) и еще несколько; остальные содержали лишь частные замечания. Наиболее обстоятельную рецензию опубликовал Анненков, но, как и первая его рецензия на «Смерть Иоанна Грозного», этот отзыв тоже был полон и упреков и реверансов по адресу автора: «Новая трагедия... есть опять психологический очерк царя Федора Ивановича, но проведенный, как нам кажется, еще с большей обдуманностью, с большей широтой кисти и с большим мастерством», и тут же: «...автор завершает трагедию шекспировским способом, по которому на исходе драмы события следуют с неимоверной быстротой... чтобы мгновенно распутать сложную развязку драмы и принести с собой окончательный приговор всем действующим ее лицам... но шекспировский способ не только закончил у него драму, но и упразднил ее». Тем не менее критик надеется, что «автор найдет средство примирить народный быт и своеобычные, оригинальные стороны русской истории с вымыслом и фантазиею, составляющими основные и блестящие качества его таланта» (Анненков П., Последнее слово русской исторической драмы. — РВ, 1868, № 7, с. 131, 142, 151). Ознакомившись с этим отзывом, Толстой написал Б. М. Маркевичу в ноябре 1868 г.: «Я думаю, что это дребедень, из которой невозможно извлечь ни одной четкой мысли... Пусть-ка Анненков сам попробует понять, чего он хочет» (СС-64, IV, с. 243).

Еще в процессе работы над пьесой, Толстой писал К. Павловой 12 января 1865 г.: «Во второй половине первого действия я вывожу на сцену новых лиц, именно трех архиепископов, что отнимает у меня даже проблеск надежды увидеть когда-нибудь на театре мою трагедию, а раз уж я с первого же действия сжигаю корабли, то хочу не стеснять себя и пуститься во весь опор. Если бы думать о цензуре, которая подвержена переменам, никогда нельзя было бы достигнуть истины, которая неизменна» (СС-64, IV, с. 168). Тем не менее, печатая пьесу в журнале, Толстой нашел нужным сделать прим., о котором писал Стасюлевичу 17 марта 1868 г.: «Не взыщите за выноску при действующих лицах. Мне показалось необходимым сразу заявить возможность постановки на сцену, чтобы не распространился и не укрепился слух о невозможности» (Стасюлевич, с. 307). Поэтому весной 1868 г. Толстой передал пьесу в Главное управление по делам печати для рассмотрения ее драматической цензурой. На обсуждении пьесы в Совете Главного управления 4 мая 1868 г. голоса раздели-

лись: решительно против выступили цензор и два члена Совета, считавшие, что образ царя Федора в трагедии противоречит истории и «не соответствует народным представлениям» о царе, а для широкой публики это может быть вредно «в правительственном смысле». Двойственную позицию занял Ф. М. Толстой: высоко оценив пьесу как литератор и признавая, что запрещение ее равносильно «потере для отечественной драматургии», как член Совета он высказался все же против, поскольку, по его мнению, «на толпу, наполняющую театр, большинство которой состоит из людей малоразвитых, зрелище скудоумия и беспомощной слабости самодержавного венценосца может производить потрясающее и неблагоприятное впечатление». Пятеро других членов Совета не увидели в трагедии «ни унижения идеала царя вообще, ни унижения, в частности, исторической личности Федора Иоанновича». Но члены Совета были единодушны в одном: из пьесы должно быть исключено все, что связано с религией: духовные лица, предметы церковного культа, церковные тексты. Ввиду разногласия между членами Совета пьеса поступила на рассмотрение министра внутренних дел А. Е. Тимашева, который 26 мая 1868 г. наложил резолюцию: «Нахожу трагедию гр. Толстого «Федор Иоаннович» в настоящем виде совершенно невозможною для сцены. Личность царя изображена так, что некоторые места пьесы неминуемо породят в публике самый неприличный хохот». Исходя из этого, Тимашев предложил автору «сделать в его трагедии необходимые изменения и представить ее вновь для рассмотрения в Главное управление цензуры» (Дризен Н. В., Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Спб., [1917], с. 164—165). Страстно желая, чтобы любимая им пьеса была поставлена в театре, Толстой согласился с требованиями Совета и цензора: заменил церковных иерархов другими лицами, присланными митрополитом, и снял шесть мест, на исключении которых настаивал цензор. 23 июля 1868 г. пьеса вновь обсуждалась на Совете Главного управления по делам печати и большинством голосов была признана допустимой на сцену. Однако на протоколе заседания Совета Тимашев написал 24 сентября: «Согласен с мнением меньшинства» — и пьеса была окончательно запрещена для сцены. Толстой был возмущен этим решением. «Не моя вина, — писал он Маркевичу 13 декабря 1868 г., — если из того, что я писал ради любви к искусству, явствует, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! ...Надо быть очень глупым, господин Тимашев, чтобы захотеть приписать императору Александру II дела и повадки Ивана IV и Федора I. И, даже допуская возможность такого отождествления, надо быть очень глупым, чтобы в «Федоре» усмотреть памфлет против монархии» (СС-64, IV, с. 246, 247). К этой же мысли Толстой возвратился в письме к А. М. Жемчужникову 26 августа 1869 г., когда в провинции были запрещены постановки и «Смерти Иоанна Грозного»: «А „Федора Иоанновича" в России запретили: подрывает, мол, царское достоинство! ...Дураки и черти! ...Во-первых, не только не подрывает, но и возбуждает сочувствие, а во-вторых, совсем другая династия и солидарности ровно никакой; так же мало, как и с Иоанном. Но и Иоанна напугались и запретили его в Одессе телеграммой» (там же, с. 308). Даже реакционно настроенный Маркевич вынужден был констатировать в письме Толстому от 9 ноября 1869 г.: «...запрещение ставить Вашего «Федора» может служить Вам барометром для определения состояния атмосферы — пасмурно, пасмурно, пас-

мурно!» (Маркевич, с. 87). Трагедия была под запретом 30 лет. Только в 1893 г. благодаря настойчивым хлопотам Вл. И. Немировича-Данченко и А. С. Суворина удалось получить разрешение для постановки трагедии в Художественно-общедоступном театре (первоначальное название только что открывшегося будущего МХАТа) и в театре Литературно-артистического кружка. Однако цензура вычеркнула из текста все, что связано с религией и церковью, что могло как-то намекать на «слабоумие» Федора и т. п. При этом цензор не только вычеркивал, но и вставлял сам некоторые реплики. Премьера в театре Литературно-артистического кружка состоялась 12 октября 1898 г. Роль Федора блестяще исполнил П. К. Орленев, но он создал образ неврастеничный, надрывный; его Федор — лично несчастный человек, которого можно только пожалеть (см.: Розенталь С., Жизнь спектакля. «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого. — «Театр и драматургия», 1936, № 4, с. 230; Черников Н., В. Стасов — театральный критик. — «Театр», 1955, № 2, с. 136 и др. работы). 14 октября 1898 г. состоялась премьера в московском Художественно-общедоступном театре. С этого спектакля в русском драматическом искусстве началась новая эпоха — эпоха МХАТа, эпоха Станиславского. Царя Федора играл И. М. Москвин. Его Федор — простой, благостный и чистый человек, это не придурковатая, а наивная и очень религиозная личность, тяготящаяся вынужденной ролью государя всея Руси (Розенталь С., указ. соч., с. 232). Важным этапом в сценической истории трагедии было возобновление ее во МХАТе в сезон 1935/36 г. Особый интерес представляет исполнение роли царя Федора Н. П. Хмелевым. Для него Федор — прежде всего сын Грозного, поэтому артист особо заострял драматические моменты роли, когда тихий и благостный царь вдруг взрывался, и в этих взрывах проявлялся клокочущий темперамент его отца (Розенталь С., указ. соч., с. 232; Новицкий П., Н. П. Хмелев. — «Новый мир», 1939, № 1, с. 250—251).

Действие первое. *Со всей землей* — здесь: со всей страной, со всеми жителями ее. *Дал льготы англичанам.* В 1587 г. Годунов дал право английским купцам торговать беспошлинно (ИГР, т. 10, с. 31). *Когда сидел во Пскове, Тебя ж хотел Замойский извести.* Во время осады Пскова Стефаном Баторием в 1581 г. И. П. Шуйский возглавлял оборону города. Согласно ИГР (т. 9, с. 345), Я. Замойский прислал Шуйскому через лазутчика ларец якобы с золотом; когда его аккуратно вскрыли, в нем оказались заряженные стволы, которые должны были выстрелить в Шуйского. За такое коварство Шуйский вызвал Замойского на поединок. *Навуходоносор* — царь Вавилонии (604—562 г. до н. э.); в результате библейской интерпретации имя его стало нарицательным для обозначения тирана. *Сам от себя ворует* — обманывает, доносит неправду по собственному почину. *Андроний* — Андроников Спаса Нерукотворного мужской монастырь, основан ок. 1360 г. в Москве.

Действие второе. *В послании к коринфянам.* В первом послании к коринфянам апостола Павла (Новый завет) говорится: «Умоляю вас, братия, ...чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях». *Апостол Петр сказал.* В первом соборном послании апостола Петра (Новый завет) говорится: «Наконец будьте все единомысленны, сострадательны... Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательства». *Мы подняли на хана Племянника*

его. Крымский хан Ислам-Гирей I в 1585 г. свергнул своего брата Махмет-Гирея, сын которого Мурат прибыл в Москву и был направлен воеводой в Астрахань с обещанием, что будет позже посажен ханом в Крыму. В результате Ислам-Гирей вступил в переговоры с Москвой. *Мы черемисский бунт Утишили.* Годунов именно «утишил», а не подавил восстание луговых черемисов, уверив их, что новый царь готов «миловать и виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности» (ИГР, т. 10, с. 21). *С цесарем немецким* — Рудольфом II (1576—1612). *Святые мощи Всеволода-князя* — см. прим. на с. 650. *Олёна Васильевна* — Елена Глинская (ум. 1538), вторая жена Василия III, мать Ивана Грозного. *Чеканил деньги... копейные.* В малолетство Ивана IV была проведена массовая перечеканка старой русской монеты на новую, которая получила название «копейка», так как на ней чеканился всадник с копьем (на старой — всадник с саблей). *Василий Иванович* III (1479—1533) — великий князь Московский, энергично боролся за централизацию государства, при нем к Москве были присоединены последние полусамостоятельные русские земли. *Соломонья Юрьевна* — первая жена Василия III, насильно постриженная в монахини. *Спас* — церковь Спас на Бору в Московском Кремле. *Микола* (Никола) — православный церковный праздник, приходился на 4 февраля ст. ст. (Никола-студеный) или на 6 декабря ст. ст. (Никола-зимний).

Действие третье. *Преподобный Иона спас.* Иона (ум. 1461) — митрополит, считавшийся чудотворцем: по преданию, в 1451 г., когда ногайцы осадили Москву и подожгли ее предместья, Иона совершал вдоль стен Кремля крестный ход, после чего ветер, благоприятствовавший пожару, внезапно унялся. *Царь Иверский... Чтоб ты его в свое подданство принял.* В 1586 г. грузинский князь Александр просил Федора взять «под свою высокую руку» Грузию (Иверию), угнетаемую турками и персами. *Царство Кизилбашское* — Персия. *Поднесть уже готовы Тебе корону.* После кончины в 1586 г. короля Стефана Батория часть польской шляхты предложила избрать польским королем Федора, но поставила при этом ряд условий, которых Москва не приняла, и избрание не состоялось. *На криве целовал* — целовал крест, обманывая.

Действие четвертое. *От Трех святителей* — церковь в Москве. *До морового года.* В 1595 г. Московское государство постиг сильнейший неурожай, наступил голод, а с ним и повальная болезнь, по-видимому холера. *Копил король, копил силушку* и т. д. — народная песня, несколько измененная Толстым (см.: Сахаров И. П., Песни русского народа, Спб., 1839, ч. 4, с. 346—351). *Татары Оку перешли.* В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей собрал огромное войско и двинулся на русские земли; 3 июля он перешел Оку, дошел до села Воробьево под Москвой. Но после первой же битвы с русскими воинами бежал назад, в степь.

Действие пятое. *Ногайский хан.* После распада ногайской орды часть ногаев во главе с ханом Казыева улуса присоединилась к крымскому хану в его походе на Москву. *В митрополиты поставят.* Свергнув митрополита Дионисия как сторонника Шуйских, Годунов в 1586 г. добился возведения в митрополичий сан своего сторонника архиепископа Иова, а в 1589 г. Иов стал патриархом всея Руси. *Князей варяжских... последний я потомок.* Царь Федор был последним представителем царствующей династии, ведущей свой род от Рюрика.

ВЕ, 1870, № 3, с. 196. Печ. по отд. изданию (Спб., 1870), с исправлениями по журналу и автографу. Беловой автограф первых четырех действий, служивший оригиналом набора для журнала, — ПД, арх. Т.; на последней странице его надпись: «Действие V приложится к корректуре» — этот автограф неизвестен. В автографе — поправки рукой неустановленного лица, отражающие изменения, сообщенные автором М. М. Стасюлевичу (СС-64, IV, с. 330; Стасюлевич, с. 347).

«Царь Борис» — последняя часть трилогии. По первоначальному замыслу, о котором известно из письма Толстого К. К. Павловой от 12 января 1865 г., вся трилогия должна была называться «Борис Годунов», а последняя часть ее — „Дмитрий Самозванец“» (СС-64, IV, с. 167). Но в процессе работы замысел изменился, и новая «идея трилогии», как сообщал Толстой Стасюлевичу 30 ноября 1869 г., «родилась во мне только во время создания «Федора Иоанновича», а что до того — я не любил Бориса» (там же, с. 326). Работа над трагедией началась, по-видимому, в начале 1868 г.; во всяком случае, в мае Толстой уже трудился над ней (там же, с. 233), а к середине октября «почти кончил вступление. Эта работа, — писал он Стасюлевичу 11 октября 1868 г., — меня очень занимает. Если она удастся, то составится полная трилогия с органической связью всех трех частей между собою, без ущерба для цельности каждой» (там же, с. 234). 28 октября 1868 г. тому же адресату Толстой добавил: «Царь Борис не только посещает меня, но сидит со мной неотлучно и благосклонно повертывается на все стороны, чтобы я мог разглядеть его. Увидев его так близко, я его, признаюсь, полюбил. Вступление уже окончено и, *говорят*, вышло очень хорошо» (там же, с. 236). Об активной работе над трагедией Толстой писал 11 ноября и Н. И. Костомарову (автору книги «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия», Спб., 1868): «Я *весь* погрузился в «Царя Бориса» и ничего не вижу вокруг себя... вижу только мою драму, которой отдался всей душой» (там же, с. 240). Однако, закончив первое действие, Толстой увлекся фактами из «норманнского периода нашей истории» (там же, с. 257) и начал писать балладу «Песня о Гаральде и Ярославне», хотя работу над пьесой продолжал: «С «Борисом», — писал он Б. М. Маркевичу 7 февраля 1869 г., — как мне кажется, дело наконец пошло на лад, *громада двинулась и рассекает волны*, но вернуться к нему я не смогу, пока не кончу вторую норманно-русскую балладу» (там же, с. 260), т. е. «Три побоища». 19 февраля Толстой сообщил Стасюлевичу: «Два акта уже готовы. Третий решит: годится ли целое и могу ли я продолжать с чистой совестью. Если третий удастся, дело выиграно, четвертый и пятый суть лишь логическое развитие и последствие трех первых» (там же, с. 266). Много времени отняла третья баллада — «Песня о походе Владимира на Корсунь», и 2 мая Толстой пообещал Стасюлевичу: «...я теперь займусь исключительно „Царем Борисом“» (там же, с. 284), но 20 мая добавил: «...вряд ли он поспеет к 1870 г. Сначала пошло широко и сплеча, но Нормандия меня отвлекла... но я далеко не охладел, напротив. Я только не могу писать по заказу, и если напишу тысячи три стихов, то, конечно, вычеркну столько же. Я, кажется, достиг до первого условия художественного исполнения, т. е. до способности вычеркивать без милосердия» (там же, с. 296—297). Наконец 7 октября тому же адресату

Толстой писал: «Могу Вам сообщить приятное для меня обстоятельство: «Царя Бориса» я почти кончил. Остается написать только три сцены. Сказать Вам, что оно нехорошо, было бы притворством. Оно положительно хорошо» (там же, с. 311). В ноябре ему же Толстой сообщил, что начал перебелять черновик (Стасюлевич, с. 340), а 30 ноября автограф без V действия был отослан в журнал (СС-64, IV, с. 326). 17 декабря Толстой пообещал прислать несколько дополнений к пьесе (Стасюлевич, с. 343) и 22 декабря послал их (СС-64, IV, с. 330), а 2 января 1870 г. сообщил три новые поправки (Стасюлевич, с. 347—348). Одна из них не была принята в издании, так как в той форме, как она дана в письме Толстого, она не вписывается в имеющийся контекст. Известно, что автор читал корректуру пьесы (там же, с. 350), но существенной правки в нее он не внес; не была учтена и указанная выше поправка.

Основным источником для трагедии был т. 11 ИГР, откуда Толстой заимствовал, как обычно, факты, сцены, характеры образов, детали, отдельные реплики. Но на этот раз автор был неудовлетворен некоторыми не совсем ясными и точными сведениями, сообщаемыми Н. М. Карамзиным. Поэтому Толстой писал Костомарову 11 ноября 1868 г.: «...хотя я не стесняюсь историей, но желал бы пополнять ее пробелы, а не действовать против нее». В этой связи он просил Костомарова: «Мне необходимы некоторые исторические сведенья, которые Вы одни можете мне доставить, а именно. В «Истории» Карамзина... сказано...: «Иоанн Датский (жених Ксении) воевал в Нидерландах под знаменами Испании. Узнайте мне непременно: почему он, будучи, вероятно, протестантом, воевал за Испанию? Или он был католиком? Или он потому воевал против Нидерландов, что Швеция воевала за Нидерланды? Все это мне необходимо знать для характера датского принца» (СС-64, IV, с. 240). Видимо, по просьбе Толстого барон К. К. Унгерн-Штернберг прислал ему «несколько листков с историческими заметками о датском принце». Но из этих заметок и из ответа Костомарова Толстой, как явствует из письма Маркевичу в начале 1869 г., не мог извлечь «ничего полезного для себя. Тем лучше, все сведения о нем туманны, и я тоже мог бы напустить туману» (там же, с. 254), и поэтому в «Борисе Годунове» датский принц выступает врагом Испании. К образу принца Толстой вернулся еще раз в письме к Стасюлевичу от 30 ноября 1869 г., посылая ему пьесу и объясняя поправки в беловике: «Не удивляйтесь, что датского принца, жениха Ксении, я назвал Христианом, а не Иоанном, как называет его Карамзин и наша летопись. Барон Унгерн-Штернберг... прислал мне целый свод выписок из датских хроник. Там он везде называется Христианом, и, вероятно, имя Иоанна назначалось ему по принятии православия, которого он принять не успел. В некоторых из этих выписок он называется незаконнорожденным. Это пришлось мне на руку, чтобы мотивировать его отравление, а имя Христиан я предпочел Иоанну, чтобы не повторять в трилогии имени Грозного. Предположение, что он умер от яда, находится и в наших летописях, но отравление приписывается Борису, что не сообразно с истиной. Я бросил подозрение на жену Бориса, дочь Скуратова, и это послужило мне для ее характеристики сообразно с показаниями голландца Масса» (там же, с. 326). О последнем факте Толстой писал Стасюлевичу 28 ноября 1869 г.: «Этак она выходит оригинальнее и рельефнее, как достойная дочь Малюты. Я думаю, Костомаров будет ею доволен»

(там же, с. 325). Более того, в этом же письме Толстой замечает, что «если дело дойдет до издания всех трех трагедий вместе, надо будет в «Смерти Иоанна» переделать Борисову жену», поскольку в первой трагедии ее образ в соответствии с летописями обрисован в смягченных тонах.

Еще в феврале 1869 г. М. П. Погодин прислал Толстому свою «Историю в лицах о Борисе Феодоровиче Годунове». В ответном письме 12 мая 1869 г. Толстой писал: «Драма Ваша, по мне, есть историческое изложение темного и спорного факта, истекающее из Ваших изысканий и Вашего взгляда. Оно имеет историческую, но не драматическую цену... Но я горжусь тем, что в моем «Царе Борисе», которого пишу теперь, я взглянул на него Вашими очами. Когда он выйдет, Вы первый получите его и, может быть, найдете некоторые невольные заимствования, сделанные, впрочем, до чтения Вашего Бориса» (там же, с. 293). И. Г. Ямпольский сообщает, что существовало еще одно письмо Толстого Погодину от 17 июня 1870 г. (в настоящее время оно утрачено), в котором «Толстой возражал на его ⟨Погодина⟩ обвинение в том, что Борис представлен у него подлецом. Он хотя и следует правилу иезуитов: цель оправдывает средства, — но цель его высока. Толстой возражал также на упрек, касающийся отношения Бориса к жене, и пояснял, что Борис женился на ней по расчету, как на дочери Малюты Скуратова... Разные источники, писал Толстой, изображают ее по-разному (Масса делает из нее чуть ли не леди Макбет), и право драматурга выбирать то, что более соответствует его замыслу» (там же, с. 294—295). О письме Погодина и его «Истории в лицах...» Толстой сообщал Стасюлевичу в уже упомянутом письме от 30 ноября 1869 г., что у Погодина Борис «выставляется невинным в смерти Дмитрия. Это мне не годилось; он должен быть виновным, но я, согласно Погодину и Костомарову, выставил Лжедмитрия иным лицом, чем Григорий Отрепьев, и потому вывел последнего, в разбойничьей сцене, как самого пустого человека... Одним словом, я отнесся к моей трагедии не легкомысленно, и если ошибся, то это не было faute de conviction[1]» (там же, с. 326). Наконец, получив от Стасюлевича письмо от 30 декабря 1869 г. с сообщением, что пьеса прочитана им, Костомаровым и П. В. Анненковым и что у них есть замечания по поводу двух первых актов пьесы (сами замечания в письме не приведены), Толстой ответил адресату 7 января 1870 г.: «Если не ошибаюсь, то замечания Костомарова должны относиться к историческим и обрядным неверностям. Их много, но они допущены сознательно, как-то: явление в один день всех послов, которые, по истории, являлись в разные времена; вложение в уста Миранды поручения, данного другому нунцию, в царствование Федора; говорение всех послов по-русски; присутствие турецкого посла, которого вовсе не было в царствованье Бориса, но о котором говорят иностранные писатели... название жениха Ксении не Иоанном, как называют его наши летописи, но Христианом, согласно иностранным источникам; название Гендрихсона Эриком, а не Карлом, как он в самом деле назывался (эту последнюю вольность я позволил себе для избежания сопоставления его имени с именем правителя Швеции); свобода, данная Борисом Ксении видеться с женихом, противная обычаю, но выставленная у меня как секретное дозволение, согласное с характе-

[1] Ошибкой по убеждению (франц.).

ром Бориса, опала Романовых, отнесенная ко времени появления самозванца, но бывшая на деле ранее, и т. д. Если моя догадка верна и если в этом Костомаров меня упрекает, то я скажу, что все эти отступления от истории сделаны мною вследствие убеждения, что никакая историческая драма без них невозможна и что они составляют неотъемлемое право и даже обязанность драматурга, иначе он писал бы не драму, но историю в диалогах» (там же, с. 340—341). Таким образом, и в этой трагедии Толстой остался на тех же позициях исторического драматурга, о которых он писал по поводу предшествующих частей трилогии. Сам Толстой несколько двойственно относился к последней трагедии. Так, сообщая К. Павловой 18 ноября 1868 г., что он закончил первое действие, поэт пишет: «...супруга моя говорит, что это лучшее из всего написанного мной. Звучание, во всяком случае, высокое — словно орган или колокольный звон» (там же, с. 242). В письме Стасюлевичу от 7 февраля 1869 г., опять-таки передавая мнение жены, что она предпочитает начало «Царя Бориса» «двум первым трагедиям», Толстой добавил: «И самому мне кажется, что эта как-то полнее и трагичнее, и трилогию она может заключить хорошо» (там же, с. 262). В дальнейшем он дважды повторяет полюбившееся ему сравнение: «Если Вы одобрите моего «Бориса», — пишет он К. Павловой 18 июня 1869 г., — это будет подтверждением правила, которого греки придерживались в архитектуре, когда строили здание в три этажа: колонны в первом были дорические, во втором — ионические, а в третьем — коринфские, чему пример — Колизей. Из трех моих трагедий «Царь Борис» — самая пышная по орнаментовке, «Царь Иван» — самая сдержанная» (там же, с. 304, ср. с. 311). Вместе с тем Толстой неоднократно повторяет: «Как характер «Федор» остается моим любимцем, но мне кажется, что как драматическое произведение «Борис» лучше двух других драм, потому что он — вещь совершенно цельная. Моя жена очень его одобряет, в нем много движения и очень много красок» (письмо Маркевичу от 10 октября 1869 г. — Там же, с. 312); «Возвращаясь к «Борису», думаю, что он удался. Он не похож ни на «Смерть Иоанна», ни на «Федора Иоанновича»... Императрица отдает этой трагедии предпочтение перед двумя другими, я же предпочитаю «Федора», построение которого более künstlich, [1] и самый характер мне больше нравится» (ему же, 3 ноября 1869 г. — Там же, с. 317). «Скажу Вам, себе самому в ущерб, что, по моему мнению, «Федор» лучше и «Царя Бориса», по крайней мере, мне он больше по сердцу, но люди, слышавшие «Бориса», предпочитают его обеим предшествующим трагедиям. Что он сценичнее, это я сам сознаю. Эффекта в нем больше, но, по мне, психологии меньше» (Стасюлевичу, 12 ноября 1869 г. — Там же, с. 321); «Мой фаворит остается «Федор», но кому я ни читал «Бориса», все его предпочитают. Что он эффектнее, это я сам знаю, и цветистее также» (ему же 28 ноября. — Там же, с. 325) и т. п.

Еще в процессе работы над «Царем Федором Иоанновичем», сообщая К. Павловой 12 января 1865 г., что вся трилогия будет называться «Борис Годунов», Толстой написал: «Прошу прощения у Пушкина, но ничего не могу поделать» (там же, с. 167). Когда же пьеса была написана, до автора дошли высказывания, что не следовало ему пытаться соревноваться с Пушкиным, и в ответ на это Тол-

---

[1] Художественное (нем.).

стой писал Стасюлевичу 12 ноября 1869 г.: «Мне же очень льстит вражда к нему («Царю Борису») людей, его не читавших, и lèse-Pouchkine[1] равняется lèse-Raphael, которое постигло бы всех живописцев, дерзнувших писать мадонн после Рафаэля» (там же, с. 320). Следует заметить, что при наличии некоторых совпадений «Царя Бориса» с «Борисом Годуновым» Пушкина, объясняющихся их общим источником — ИГР, а иногда и прямой перекличкой Толстого с драмой Пушкина, все же и замысел, и подход к трактовке героев, и привлечение одних материалов Карамзина, и сознательный отказ от других, использованных Пушкиным, делают трагедию Толстого совершенно самостоятельным, оригинальным произведением.

Опубликование «Царя Бориса» почти не вызвало критических откликов в печати.

Хотя Толстой был убежден, что третья трагедия более сценична, чем две первые, ее театральная судьба не подтвердила этого. Когда автор в Ливадии прочитал «Царя Бориса» императрице, она «сказала, что ей чрезвычайно хотелось бы видеть его на сцене. Это равняется удостоверению, что он будет дан» (письмо Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г. — Там же, с. 320). Толстой даже обсуждал в своих письмах, кого бы из актеров пригласить, упоминал А. А. Нильского, В. В. Самойлова (изд. Маркса, IV, с. 228; СС-64, IV, с. 343). Но ничего из этого не вышло: при жизни автора последняя часть трилогии не была поставлена, хотя до нас не дошло никаких сведений о запрещении ее цензурой. Видимо, пьесу просто не приняло руководство императорских театров, когда Толстой предложил ее поставить (изд. Маркса, т. IV, с. 228). Может быть, поэт переоценил сценичность трагедии: не говоря уже о «Царе Федоре Иоанновиче», даже «Смерть Иоанна Грозного» чаще встречалась в репертуаре русских театров, чем «Царь Борис». Впервые трагедия была поставлена в 1861 г. в «Пушкинском театре» А. А. Бренко, но спектакль успеха не имел, несмотря на его эффектное оформление. В 1898 г. на сцене Александринского театра роль Бориса исполнил Ф. П. Горев, замененный затем М. В. Дальским, но спектакль быстро сошел со сцены.

Действие первое. *Думою соборной На царство был избран.* 17 февраля 1598 г. в Кремле собралась Земская дума, или Государственный собор, избравшая Бориса Годунова царем России. 21 февраля он дал согласие занять престол. *Казы-Гирей рассыпан.* В 1591 г. крымский хан вторгся в пределы Московского государства, но был отогнан. *Цесарь* — Рудольф II (1552—1612). *Свея* — Швеция. *Ганза* — союз торговых германских городов, расположенных по южному побережью Северного и Балтийского морей. Союз существовал со второй пол. XIII в. до конца XVII в. *Если бы владыка От церкви отлучением ему не угрозил.* В ИГР говорится, что патриарх Иов, архиепископы и епископы «условились в следующем: если государь Борис Федорович не смилуется над нами... то отлучим его от церкви» (ИГР, т. 10, с. 233). *Тарский воевода.* Тарское воеводство располагалось между реками Тара и Иртыш Тобольской губ.; город Тара был основан в 1594 г. *Кучум* — последний хан Сибирского ханства. Шейбанид Кучум был разбит воеводой Л. Воейковым и бежал в Ногайскую степь, где был убит ок. 1598 г. ногайскими мурзами, первоначально поддерживавшими Кучума. *Елисавета* —

---

[1] Оскорбление Пушкина (франц.).

см. прим. на с. 650. *И совершенье мысли Иоанна* — т. е. намерения Грозного породниться с английским королевским домом. *Святой отец Климент* — папа римский Климент VIII (1592—1605). *Скорбишь о разделенье Родных церквей.* Единая древнехристианская церковь в XI в. разделилась на православную и католическую. Стремясь расширить свое влияние на территорию Московского государства, папы римские неоднократно поднимали вопрос о слиянии церквей под эгидой католического Рима. *Рудольфус, римский цесарь.* Как представитель австрийской династии Габсбургов, Рудольф II был одновременно и императором так называемой «Священной Римской империи». *Махмет* — Магомет III, турецкий султан в 1595—1603 гг. *Максимилиан* — австрийский герцог, которого часть польской шляхты хотела сделать королем после смерти Стефана Батория. *Жигимонт свейский* — Сигизмунд III Ваза (1566—1632), король Польский и великий князь Литовский, в 1592—1599 гг. был одновременно шведским королем, после низложения вел в 1600—1611 гг. войну за возвращение на шведский престол. *Рыцари Мальтийские* — рыцари старейшего ордена иоаннитов, или госпитальеров, с 1530 г. находившегося на о. Мальта. *К концу приходит скоро перемирье.* В 1587 г. между Польшей и Москвой было заключено перемирие на 15 лет. *Король Батур* — Стефан Баторий, см. прим. на с. 649. *Карлус* (1550—1611) — шведский штатгальтер (правитель) при Сигизмунде III, с 1604 г. — шведский король Карл IX. *Ярослав Первый* — Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), сын Владимира Святославича, признанного церковью святым. *Фердинанд, из рода Медицеев* — Фердинанд I (1549—1609), представитель рода Медичи, правившего во Флоренции в 1434—1737 гг. *Козимо* Старший (1389—1464) — первый правитель Флоренции из рода Медичи. *Лоренцо* Великолепный (1449—1492) — правитель Флоренции с 1469 г. *Челлини* Бенвенуто (1500—1571) — знаменитый флорентийский скульптор и ювелир. *Любский, любчанский* — из г. Любека, входящего в Ганзейский союз. *Шах-Аббас* I (1571—1629) — шах Персии. *Иверия* — Грузия. *Александр* II (1527—1604) — грузинский князь, в 1587 г. принял присягу на верность России, убит по подстрекательству иранского шаха Аббаса. *Испаган* — Исфахан, город в Персии. *Хвалынское море* — древнерусское название Каспийского моря. *При Федоре крестьян ты прикрепил.* Являясь правителем государства, Борис Годунов отменил в 1592 г. *Юрьев день*, в который крестьяне могли свободно переходить от одного боярина к другому. *Что за какой надел кому нести.* В зависимости от надела земли и количества крестьян в вотчинах дворяне обязаны были поставлять определенное количество ратников во время войны и нести службу в мирное время. *Иван Васильич Третий Русь от Орды татарской свободил.* В 1476 г. Иван III перестал платить Орде ежегодный денежный выкуп. Хан Ахмат в июне 1480 г. выступил в поход против Москвы, но был разбит. Этим был положен конец 240-летнему монголо-татарскому игу. *Балчуг* — местность в Замоскворечье между Москвой-рекой и Водоотводным каналом.

Действие второе. *Испании владыка встал войной.* Испанский король Карл V к середине XVI в. захватил Нидерланды. *Фландрия* — историческая область, находившаяся на территории нынешних Бельгии, Голландии и небольшой части Франции. *Спинола* Амбросио (1569—1630) — с 1603 г. главнокомандующий испанской армией в Нидерландах; в 1604 г. взял *Остенде* — оплот Нидерланд-

ской революции и борьбы за независимость. Называя Спинолу «пармским вождем», Толстой, видимо, допускает хронологический сдвиг, поскольку итальянский город Парма перешел в наследство инфанту испанскому Карлу только в 1731 г. *Гаральд норвежский... Дочь Ярослава... посватал* — см. былину Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне» (наст. изд., т. 1, № 128 и прим. к нему). *Эльса* — Елизавета. *Другая Ярославна за Индрика Французского пошла, а третья дочь — За короля венгерского Андрея* — см. там же. *От татар ведь Начало мы ведем.* Отражение ложной легенды о татарском происхождении рода Годуновых (см. прим. на с. 649). *Но двести лет Вы русские.* С 1380 г., после Куликовской битвы, Московское государство стало вотчиной русских князей без санкции Золотой Орды, т. е. стало фактически самостоятельным государством. *Он разбил, при Федоре, их силу.* В 1591 г. под Серпуховом московскими войсками был разбит татарский хан Казы-Гирей. *Печерская лавра* — Киево-Печерская лавра. *Из монастыря пречестного Чуда* — из Чудовского монастыря в Московском Кремле. *Северская земля* — княжество на территории нынешней Черниговщины.

Действие третье. *Чью-то чашу пили* — пили за чье-то здоровье, в честь кого-то. *Голод... Досель еще свирепствует.* В 1601—1603 гг. вследствие повторного неурожая страна пережила сильнейший голод. *Ты с Верьху?* Этот вопрос означает: «Ты от царя?» *Эстонию, короны датской лену.* В середине XVI в. часть эстонской земли была продана Дании и находилась от нее в ленной зависимости.

Действие четвертое. *Варяжское море* — древнее название Балтийского моря.

Действие пятое. *Об эту пору чуток Бывает тот* — т. е. дьявол. *А враг у нас с тобой один* — нечистая сила, дьявол. *Подобно язве Египетской.* Согласно библейской легенде, бог через Моисея наслал на Египет пятую казнь — моровую язву. *Грехи мои ты не дал мне заслужить* — т. е. искупить, загладить грехи.

II

ДОН ЖУАН

РВ, 1862, № 4, с. 581; там же, № 7, с. 218, «Переделанная сцена из „Дон Жуана"» (сцена на кладбище из второй части); С-67, с. 239, с исправлениями и без окончания (после слов: «Погибни ж, червь!»); ПСС-76, т. 1, с. 51, с восстановленным окончанием и новыми исправлениями. Печ. по ПСС-76, с исправлениями по предшествующим изданиям.

История написания драмы остается неизвестной, так как письма Толстого за 1857—1859 гг. сохранились очень неполно. Однако из более поздних писем Толстого Б. М. Маркевичу можно установить, что замысел драмы относится к концу 1857 — началу 1858 г., а первые наброски были сделаны, видимо, летом или осенью 1859 г. (СС-64, IV, с. 130, 137). Закончив пьесу в начале 1860 г., Толстой прочел ее В. П. Боткину и Н. Ф. Крузе, «которые одобрили ее», — сообщил автор Маркевичу 20 марта 1860 г. (там же, с. 113). «Не знаю, — писал Толстой Маркевичу 21 марта 1861 г., — понравится ли «Дон Жуан» в России, но почту себя счастливым, если он будет

иметь хотя половину того успеха, какой имел в Германии», где с ним познакомились некоторые немецкие литераторы по переводу К. К. Павловой: они «наговорили мне такого, что я не осмелюсь и повторить» (там же, с. 128). По просьбе автора, находившегося за границей, Маркевич читал пьесу при дворе и 15 мая 1861 г. отправил Толстому пространное письмо, в котором, очень высоко оценив драму в ее частностях (отдельные стихи, серенаду, образ Лепорелло и т. п.), высказал решительное неудовлетворение самим замыслом и архитектоникой пьесы. Так, с его точки зрения, «почти не нужен» пролог, непонятен смысл образа Сатаны, неудачен первый монолог дон Жуана, «сцены с Боабдилом грешат своей бесполезностью», «вообще вмешательство небесных и адских сил производит дурное впечатление... и не имеет никакого основания», «положительно неудачен» эпилог из-за отсутствия «главного действующего лица» и т. п. Маркевич наметил в письме направления переработки ряда сцен, которая, по его мнению, должна была бы исправить драму, и высказал автору рекомендацию напечатать лишь некоторые сцены, а всю драму «отложить... и продержать ее год в портфеле», надеясь, что за это время Толстой примет его замечания и переделает произведение, «в котором слишком много таланта, разбросанного в беспорядке» (Маркевич, с. 69—84). Получив это письмо, Толстой ответил 10 июня 1861 г.: «Вы предлагаете произвести коренные изменения в моей драме, или, лучше сказать, предлагаете написать другую драму. Это, дорогой друг, не в моих силах, ибо если драма не получилась, то не потому, что я недостаточно обдумывал ее или поторопился ее кончить. Ничуть не было... и если я не сделал ее лучше, то потому, что не смог сделать... Не могу согласиться с Вами, что сатана и ангелы — лица бездейственные и бесполезные. Они — не актеры драмы, но они в ней составляют хор... Я думаю, милый Маркевич, что если Вы еще раз перечитаете «Дон Жуана», то откажетесь от некоторых из Ваших обвинений, что отнюдь не означает, будто я считаю его чем-то совершенным; но переделывать все целиком — невозможно» (СС-64, IV, с. 130, 131, 132). На следующий день Толстой продолжил разговор о драме: «Перечитав Ваше письмо, я готов признать, что конец моей драмы мог быть лучше, и я ничего не имею против того, который Вы мне предлагаете, но, чтобы прийти к нему, мне пришлось бы целиком изменить развитие сюжета, а этого я не могу... Дело сделано, переделывать я не могу, могу лишь поправить тут и там некоторые детали. Не подумайте, что в этом мне мешает самолюбие; тут — другое. Ich habe mich im Laufe von drittehalb Jahren in meine Personagen eingelebt,[1] и мне невозможно представить их себе иными, чем они мне явились... Но зачем Вам еще видеть дон Жуана в эпилоге? Разве мало его последних слов... Тут нет никакой утайки, раз мы знаем, что дон Жуан монах и смерть его близка... Вот почему... я вынужден отклонить Ваш совет — послать Каткову лишь несколько сцен. Я готов переделать кое-какие детали, но не всю драму целиком, и, окончательно отшлифовав, я опубликую ее такой, какая она есть, с тем чтобы в дальнейшем написать лучшую» (там же, с. 135, 137). В октябре 1861 г. Толстой прочел «Дон Жуана» М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, о чем сообщил С. А. Миллер 18 октября: «Аксаков проявил такое негодо-

---

[1] За два с половиной года я сжился со своими персонажами (нем.).

вание на поведение дон Жуана, что он начал его ругать и уверял, что он — тройная перегонка подлеца, вследствие чего он не достоин покровительства ангелов». Катков же заметил, что «в некоторых сценах действие развивается вяло, он критиковал недостаточность характерных черт героя и необъясненную внезапность его разговора» (там же, с. 141—142). После этих обсуждений Толстой принялся за доработку пьесы, о чем сообщил К. Павловой 25 октября 1861 г. (там же, с. 142—144). 4 февраля 1862 г. Толстой написал Каткову: «...я воспользовался Вашими замечаниями и сделал в этой драме некоторые изменения, от которых она, без сомнения, выиграла». Обещая выслать драму в РВ, Толстой добавлял: «Непременным условием, однако, для напечатания... я поставляю, чтобы... не было ни изменено, ни вычеркнуто цензурой ни единого слова» (ГБЛ). 28 марта пьеса была выслана в журнал, а 31 марта Толстой вновь писал: «Повторяю мою просьбу и условие не печатать «Дон Жуана», если цензура вздумает его марать» (ГБЛ). 3 апреля 1862 г., видимо проверив одно фактическое замечание Маркевича, высказанное им в письме от 15 мая 1861 г. («...Вы, кажется, смешиваете S. Hermandad с Saint' Officio; S. Hermandad не было ли чисто полицейским установлением?» — Маркевич, с. 79), Толстой написал Каткову: «В „Дон Жуане" в двух сценах, а именно в самой первой (заседание Casa Santa) и потом в разговоре дон Жуана с Лепорелло (сейчас после большого монолога) стоит раза два или три «святая Hermandad». Благоволите вместо этого приказать поставить «святая инквизицья», ибо Hermandad было учреждение только гражданское» (ГБЛ). Уже после опубликования пьесы в РВ, в июне 1862 г. Толстой доработал сцену «Сумерки, кладбище» из второй части драмы и отослал ее Каткову вместе с «Письмом к издателю», в котором, в частности, писал: «...я после напечатания моей поэмы старался, по крайнему разумению, ее усовершенствовать и исправить. Некоторые сцены показались мне не довольно ясными, особенно сцена сатаны и духов на кладбище, составляющая как бы узел драмы. Бóльшую часть этой сцены я переделал совершенно и покорнейше прошу вас, м. г., если найдете возможным, поместить ее в новом виде в Вашем журнале». Далее Толстой объяснил, что одной из причин этой переработки является мнение некоторых лиц, что в драме есть подражание «Фаусту» Гёте: «...такое обвинение, относящееся, впрочем, до одного пролога, мне не кажется основательным... В «Дон Жуане», как и в «Фаусте», выведены на сцену злой дух и добрые духи; но говорят они совершенно другое... Предлагаемая здесь сцена, как развитие идеи пролога, может, надеюсь, способствовать к моему оправданию и очистит меня от подозрения в святотатном посягательстве на великое создание Гёте» (СС-64, III, с. 452, 453). При подготовке С-67 Толстой внес в текст некоторые поправки, в частности исключил несколько строк. И. Г. Ямпольский высказал по этому поводу следующее соображение: «Возможно, что некоторые строки, отсутствующие в изд. 1867 г. ...не исключены автором, а выпали по недосмотру» (СС-64, II, с. 665). Мы не видим серьезных оснований для такого предположения. Возможно, под влиянием настойчивых рекомендаций Маркевича, который непосредственно участвовал в издании и еще раньше писал автору, что Сатана и Статуя в конце пьесы мешают друг другу (Маркевич, с. 77), автор отсек окончание драмы после слов: «Статуя (*касаясь рукой дон Жуана*). Погибни ж, червь!», добавив заключительную ремарку: «Дон Жуан падает

мертвый; статуя исчезает». Однако это был искусственный конец: остался не выясненным спор Сатаны и духов, начатый еще в прологе, — кому же принадлежит душа дон Жуана, а последующие сцены и эпилог утверждали победу духов.

В ПСС-76 «Дон Жуан» был напечатан в т. 1, который Толстой успел сам подготовить к изданию. Здесь, хотя и небольшая, но явно авторская правка: исправлено ошибочное написание «с тунисским деем» на «беем», поскольку титул «дея» носил только правитель Алжира; вставлена пропущенная ремарка, заменено «Двести поклонов» на «Ста два поклонов» и т. д. Но самое главное — в ПСС-76 восстановлено окончание пьесы, хотя сделано это с ошибочным сохранением ремарки С-67: «Дон Жуан падает мертвым; статуя исчезает», которая невозможна в сочетании со следующей ремаркой: «Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и дон Жуаном, который падает в обморок». Кроме того, следует также заметить, что в ПСС-76 не просто перепечатано окончание из РВ, а в него внесено две поправки: вместо «Братия» стало «Хор монахов» (дважды), вместо «В жизни долго непокорная Скоро прахом станет плоть» стало «В жизни — доли непокорная...» и т. д. (в последующих изданиях исправлено на «В жизни — доле непокорная...»). Такая правка не была свойственна издателю ПСС-76 Стасюлевичу, который обычно только формально выполнял указания Толстого. Поэтому мы считаем, что восстановление окончания пьесы в ПСС-76 было сделано самим автором. Конечно, полной уверенности в этом нет, но, думается, такой финал пьесы оправдан всей художественной логикой драмы.

При жизни автора критика почти не откликнулась на опубликование драмы. Сам Толстой по этому поводу писал в упоминавшемся выше «Письме к издателю»: «Мне неизвестно, как вообще поэма была принята публикой, но я слышал, что в одном кругу ее даже почли с моей стороны за неучтивость. „Что, мол, когда дело идет о мировых посредниках, он пришел толковать нам о каком-то испанце, который, может быть, никогда и не существовал?“» (СС-64, III, с. 451).

Сценической истории произведения также, вообще говоря, не существует. Закончив пьесу, Толстой писал Маркевичу 20 марта 1860 г.: «Драма не предназначена для сцены, но с легкими переделками ее можно было бы поставить и на театре» (СС-64, IV, с. 114). В 1891 г. дирекция императорских театров намечала постановку ее на сцене и заказала Э. Ф. Направнику написать музыку к спектаклю, но цензура нашла постановку «неудобной». В 1901 г. сцены из «Дон Жуана» были поставлены в спектакле памяти Толстого (к 25-летию со дня смерти писателя), устроенном Литературным фондом в помещении Александринского театра. В сезон 1904/1905 гг. с большими цензурными сокращениями пьеса была поставлена в частном театре В. А. Неметти братьями Адельгейм: дон Жуан — Роб. Адельгейм, Лепорелло — Раф. Адельгейм, донна Анна — С. Чарусская. Спектакль сопровождался музыкой Э. Направника.

Эпиграф — из новеллы Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», написанной по поводу исполнения «Дон Жуана» В. Моцарта (см.: Гофман Э. Т. А., Новеллы и повести, М., 1936, с. 254—255).

П р о л о г. *И усильям духа злого* и т. д. Судя по письму Толстого к К. К. Павловой в начале 1861 г., этот и следующие три стиха принадлежат ей: «...позвольте мне предложить... изменение в

четыре стиха, которые Вы мне подарили и которые я принял... Мне кажется, что: «И напору духа злого Вседержитель волю дал»... не вполне выражает нашу мысль... Нельзя ли сказать так: «Покушеньям духа злого...». Слово «напор» сильнее и приятнее для уха, но «покушенья», мне кажется, вернее... Пожалуйста, подумайте об этом и скажите мне Ваше мнение» (СС-64, IV, с. 124—125). В печ. тексте вместо «покушеньям» появилось «И усильям». *Хотя не Слово я.* Слово — здесь: бог. *Бурбон.* Толстой писал Маркевичу: «Не держусь и за словечко «бурбон», которое, судя по тому, что мне пишут Вяземский и Борис Перовский, озадачило публику. Если Вы принадлежите к тем, кому это выражение неизвестно, сообщу Вам, что на армейском языке это означает выскочку» (СС-64, IV, с. 137). Письма П. А. Вяземского и Б. А. Перовского, упоминаемые Толстым, не разысканы. В дневнике Б. А. Перовского есть запись: «Почему он ⟨Сатана⟩ говорит, что он Бурбон? Я не понимаю» (ЦГИАЛ). *Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой* — цитата из «Руслана и Людмилы» Пушкина. *Как гальванизм полезен для больных.* В середине XIX в. был очень популярен метод лечения больных с помощью электрического тока.

Часть первая. *Антекера* — город в Испании. *Никого не вгонишь в рай дубиной.* Это выражение Толстого использовал в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» В. И. Ленин, писавший: «Мы не хотим загонять в рай дубиной» (Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 24, с. 295). *Святое братство* — инквизиция. *Auto da fe* — в средневековой Испании публичное сожжение еретиков и еретических сочинений по приговору инквизиции. *Великий Сид* — прозвание испанского рыцаря Родриго Диаса де Бивана, героя средневековых испанских народных преданий и романов. *Гаснут дальней Альпухарры.* Б. М. Маркевич писал Толстому: «Романс под балконом чудесен. Тютчев выучил его немедленно наизусть... П. А. Бартенева... хочет непременно получить слова этого романса, чтобы заказать к ним музыку Мейерберу, чему я воспротивился» (Маркевич, с. 75). «Откровенно говоря, — ответил Толстой 10 июня 1861 г., — я не думал, что наибольшим успехом будет пользоваться именно серенада, так как я считаю ее довольно незначительной» (СС-64, IV, с. 132), а К. Павловой он писал в начале 1861 г.: «Если... „Дон Жуан" будет поставлен на сцену, то желательно было бы, чтобы он пел свою серенаду на музыку Моцарта из его оперы „Дон Жуан"» (там же, с. 125). Позже на эти слова П. И. Чайковский написал известный романс.

Часть вторая. *Кадикс* — город в Испании. *Берберия* — страна кочевого племени берберов в Северной Африке, на территории современных Алжира и Марокко. *Прислал он отпущений про запас.* В католической церкви существовала система индульгенций — папских грамот об отпущении прошлых и даже будущих грехов; эти индульгенции церковь продавала верующим. *Пилат* — римский наместник в Иудее Понтий Пилат задал Христу вопрос: «Что есть истина?», когда последний сказал, что он пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. *Петра наместник* — по учению католической церкви, папа римский является на земле наместником апостола Петра. *Этот андалузский край Был наш когда-то.* Андалузия — область на самом юге Испании — была главным оплотом мавританского владычества в Европе. *Альгамбра* — старинная крепость и дворец халифов в Гранаде.

«Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», Спб., 1874, вторая сцена первого действия; ВЕ, 1876, № 4, с. 461, второе и третье действия; ПСС-76, т. 2, с. 1, без первой сцены первого действия. Печ. по: Толстой А. К., Полн. собр. стихотв., изд. 2-е, Спб., 1877, с исправлениями по первой публикации и наборной рукописи для «Складчины» (ПД).

Еще до окончания «Царя Бориса» Толстой стал думать о новой крупной работе. «По прочтении нескольких былин, — писал он М. М. Стасюлевичу 22 декабря 1868 г., — впрочем, давно мне известных, меня fert animus[1] разработать которую-нибудь из них драматически, употребляя с большой осторожностью чудесное, только как приправу или как арабески. Но, стоя вне исторической почвы, можно размахнуться шире на человеческой, а русский быт вечевой старины очень бы кстати мне пришелся. Не знаю, начну ли я, но хочется начать» (СС-64, IV, с. 332). Как видим, ничего конкретного у автора нет. «Сейчас я ищу, — сообщал он Б. М. Маркевичу 2 января 1870 г., — и не могу найти сюжет для драмы в дотатарском периоде нашей истории. Соблазняло меня падение Новгорода (не подумайте, что я отношу его ко времени до татар, это лишь saltus mentis[2])... Хотел я воспользоваться и каким-нибудь преданием, соблазнял меня С а д к о, но это сюжет для балета, а не для драмы» (там же, с. 339—340). В итоге всех поисков и колебаний Толстой обратился 11 января 1870 г. к адресату с просьбой: «Дорогой мой Маркевич, найдите мне сюжет для драмы не исторической, но такой, которая была бы возможна в русской обстановке и не приурочена к определенному времени» (там же, с. 343). К этому времени в сознании Толстого уже четко сложилось мнение, что это должен быть сюжет драмы психологической, или, как он чаще писал, человеческой. 5 июля 1870 г. он обратился к К. К. Павловой: «Вы должны дать мне обещанный сюжет для драмы... мне нужно что-нибудь большое... дайте мне сюжет человеческий, но не этнографический, чтобы дело происходило черт его знает где и черт его знает когда» (там же, с. 345). Приехав в Дрезден, Толстой встретился с К. Павловой, о чем сообщил жене 10 июля: «Я ей сказал, что ищу сюжет для драмы и что у меня была мысль — представить человека, который из-за какой-нибудь причины берет на себя кажущуюся подлость. Она схватилась за эту мысль, яко ястреб, и вертела ею во все стороны, но мы не нашли ничего подходящего» (там же, с. 346). Так впервые обозначилось в письмах Толстого психологическое ядро будущей драмы, но пока без конкретного материала, без места действия. Но вскоре пришло и это: в том же июле Толстой писал жене: «Я приобрел провизию здоровья на целый год, найдя сюжет для д р а м ы — ч е л о в е ч е с к о й. Человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это в рамку, и Новгород — была бы самая лучшая. Ты должна мне собрать все, что было написано о Новгороде, обычаях той эпохи, и вообще все, что известно

---

[1] Душа влечет (лат.).
[2] Скачок мысли (лат.).

о вече и об отношениях его с князем» (там же, с. 347). Так прошел предварительный этап работы. 3 августа 1870 г. Толстой сообщил жене, что уже «начал писать новгородскую драму и написал всю первую сцену, а план обдумал и написал с помощью К. Павловой и Коцебу... Драма дает мне много здоровья. Новгород — лишь рамка, вся драма человеческая. Честный человек, который берет на себя кажущуюся подлость» (там же, с. 347). Но написано все было «прозой наскоро и карандашом» и все «необходимо переработать. Я сделал это лишь, чтобы войти в охоту и набросить краски, что мне вполне удалось. Так как канва драмы написана акт за актом, и, вероятно, я в этом не много изменю, мне будет легче работать, чем в других драмах... тут нет истории, и все будет вымышлено, так что гораздо больше цельности, и канву легче было писать. Я тоже не могу тебе сказать никаких имен, так как у меня еще нет имен; не имея новгородских в моем распоряжении, я взял временные» (письмо С. А. Толстой в августе 1876 г. — Там же, с. 349—350). Однако, видимо, материал подсказал изменения и в самой канве. 18 августа 1870 г. Толстой просил жену: «Найди мне домашнее занятие для патрицианских женщин в Новгороде... Когда я говорю о патрицианских женщинах, я не подразумеваю одних боярынь. Мне надо семейство посадника, т. е. его жену и дочь; дочь — главное. Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятиями, насколько можно более прозаичными, чтобы это произвело контраст с ролью немного героичною, в которую взойдет впоследствии дочь» (там же, с. 352). Однако вторая сцена (Дом Посадника) начинается иначе — не с домашних занятий, а с беседы Посадницы с Мамелфой Дмитровной, а Веры — дочери посадника — на сцене вообще нет, она появляется позже. Осень 1870 г. в Дрездене была для Толстого творчески продуктивной, и работа шла настолько успешно, что Толстой решился прочитать у В. Коцебу — писателя и русского дипломата — три написанных действия в присутствии К. Павловой и немецких литераторов. Об этом чтении и об отзывах Толстой писал жене 19 сентября: «Павлова сказала мне сегодня, что когда я ушел от Коцебу после чтения, то они говорили, что это chef d'œuvre.[1] Положим, что и не chef d'œuvre, но может выйти и должно выйти очень хорошо... И все это в прозе и, кажется, до конца будет в прозе. И там будет 4 резких характера, 2 мужских и 2 женских. А впрочем, если ты разбранишь, я не приду в уныние, а поправлю, потому что я тебе больше верю» (там же, с. 354). Однако 18 ноября 1870 г. Толстой написал Маркевичу, что по приезде в Красный Рог он работу приостановил, а 25 февраля 1871 г. сообщил Я. П. Полонскому: «Написал в Дрездене три акта сплеча, прозой, приехал сюда и завяз в делах. Потом болезнь, потом болезнь жены, так и не продолжал. Но на днях заглянул в рукопись и с горя стал перекладывать прозу в стихи, и о чудо! — тотчас все очистилось, все бесполезное отпало само собой, и мне стало ясно, что для меня писать стихами легче, чем прозой! Тут всякая болтовня так ярко выступает, что ее херишь да херишь» (там же, с. 361). Но в письме Маркевичу Толстой объяснил основную причину остановки в работе: «С. ⟨А. Толстая⟩ отбила у меня охоту, сказав, что это плохо. Откровенно говоря, я с ней не согласен, но охота пропала» (изд. Маркса, IV, с. 234—235). В течение всего

[1] Шедевр (франц.).

1871 г. Толстой продолжал отделывать ранее написанные сцены. «...двумя неделями, проведенными в Дрездене, — писал Толстой Маркевичу 8 декабря 1871 г., — я воспользовался для того, чтоб отделать первое действие «Посадника», и не думаю, чтобы там был хоть один плохой стих, равно как в «Федоре» или «Борисе». А если Вам такие стихи известны, укажите мне на них, я с ними расправлюсь немедленно и беспощадно. Посадник — главная фигура, и, отделывая стих, я также отделывал и характер, который, как мне представляется, уже в самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался — ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, и читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было неожиданностей... Так как историческим у меня является только фон картины, то я располагал большей свободой движения, чем в трех предыдущих драмах, и могу создать нечто органически цельное, где все части сцепляются более тесно» (СС-64, IV, с. 387). Но здоровье поэта почти не улучшалось, и 11 февраля 1872 г. Толстой жаловался А. М. Жемчужникову на продолжающиеся головные боли и восклицал: «Жаль, что не мог еще приняться за „Посадника"» (РМ, 1915, № 11, с. 120). Об этом же Толстой писал К. Сайн-Витгенштейн 13 марта 1872 г.: называя «Посадника» своей «главной работой», «которая прервана головными болями и отсутствием нравственного спокойствия», он писал, что ждет «счастливой минуты», чтобы засесть за работу (СС-64, IV, с. 396). Но такие минуты приходили все реже. В письмах 1872—1875 гг. встречаются упоминания о других мелких стихотворениях — и очень редко о «Посаднике». В январе 1874 г. Толстого пригласили принять участие в сб-ке «Складчина» в пользу голодающих самарцев. Поэт послал в сб-к вторую сцену первого действия «Дом Посадника», в которой, как он писал Стасюлевичу 15 января 1874 г., «выдаются два характера, не лишенные занимательности» (СС-64, IV, с. 419), т. е. Посадник и Мамелфа Дмитровна. Автор просил Стасюлевича организовать чтение сцены на редколлегии «Складчины» и в качестве чтеца привлечь И. А. Гончарова. 26 марта 1873 г. Толстой писал К. Сайн-Витгенштейн о драме: «...вот уже целый год, как я до нее не дотрагивался — „Die Stimmung fehlt mir"[1]... эту зиму мы надеемся провести в Риме, и тогда я Вас буду просить меня сильно пришпорить, чтобы продвинуть вперед мою драму, если она до сих пор не будет кончена» (там же, с. 410). А 5 февраля 1875 г. на вопрос корреспондентки: «Что делает новгородский мэр?» Толстой ответил: «Он на бумаге не продвинулся ни на шаг, из-за причин, о которых я Вам уже говорил, но он крепко сидит у меня в голове с изменениями, которыми я обязан Вашему поэтическому и артистическому чувству, т. е. я решительно заставлю его умереть в последней сцене» (там же, с. 437—438). По существу, это — последнее упоминание о «Посаднике» в письмах Толстого. 28 сентября 1875 г. поэт умер, так и не закончив драмы, которой он, видимо, очень дорожил.

Черновые автографы пьесы до нас не дошли. Однако известно, что в 1877 г. С. А. Толстая передала какой-то материал пьесы актеру А. А. Нильскому для его бенефиса (Нильский А. А., Воспомина-

[1] У меня пропало настроение (нем.).

ния. — ИВ, 1894, № 6, с. 678), тогда же на заседании Общества любителей российской словесности П. А. Бессонов прочитал пьесу по неизвестному нам источнику; во вступительном слове он сказал: «Свежая могила унесла от нас тайну последней развязки (драмы), многие краски лиц и характеров, едва только выступавших на сцену в беглом очертании, и вместе скрыла нередко и самое выражение лиц и тон речей их». Но уже из того, что осталось написанным, можно судить, что «драматизм необыкновенно глубок и движение драматического действия чрезвычайно быстро. С этой стороны, сравнивая предыдущие драмы автора, всякий сознается, что он далеко ступил вперед в творчестве и «Посадник» есть лучшее из его драматических произведений» (МВ, 1875, 13 ноября). В 1905 г. черновой автограф пьесы находился в собрании П. Я. Дашкова («Вестник литературы», 1905, № 19, на с. 431 приведено факсимиле страницы автографа), однако в настоящее время в этом собрании, хранящемся в основной своей массе в ПД, рукописи «Посадника» нет.

В том же 1877 г. в связи с постановкой «Посадника» Д. Н. Цертелев, которому был доступен архив поэта, опубликовал письмо, где рассказал в самых общих чертах намеченное автором окончание драмы. При этом Цертелев заметил: «В... изложении я руководствовался частью моими личными воспоминаниями, частью набросками самого графа Толстого, которые, к сожалению, слишком отрывочны, чтоб я мог привести их в тексте» («Голос», 1876, 30 января). Четвертое действие, по словам Цертелева, происходит в доме Посадника: «Посадник сидит у стола; посадница в углу плачет. Дочь молча смотрит на отца. Входит боярыня Мамелфа; она предлагает посаднице и ее дочери переселиться к ней, говоря, что они не виноваты, что она берет их под свое покровительство и что, когда они будут жить у нее, никто не посмеет сказать про них худа. Посадница отвечает нерешительно, и боярыня говорит ей:

Я, матушка, тебя не уговаривать пришла;
Коль хочешь, останься с ним.
Добро, в твоей то воле.
Тогда прости!

Она уходит, является жених Веры, Василько, и повторяет свое предложение; но та отказывается, говоря, что пойдет за него только в том случае, если отец ее будет оправдан. Василько обращается к посаднику, прося его уговорить дочь. «Иди», — говорит ей отец. Но она все-таки не соглашается. Наконец, Вера остается с отцом наедине и спрашивает его: «Скажи ты мне, что этого не сделал». Но посадник отвечает только: «Почем ты знаешь?» Входит посадница, говоря, что от него требуют сдачи печати и казны. Является Чермный. Он отбил приступ, но отчаивается найти вора.

Посадник спрашивает жену: пойдет ли она за ним в изгнание? Та отвечает нерешительно. «А ты, Вера?» — говорит он дочери. «Нет, у меня другое дело; когда воевода отчаивается найти виноватого, так я его найду».

Оскорбление за оскорблением сыплются на посадника. Он уже подходит к валу, чтоб оставить город, когда Вере удается отыскать Наталью, которая во всем сознается перед народом. Посадник оправдан, но не хочет оставаться в Новгороде. Все упрашивают его. Вхо-

дит Чермный, одержавший решительную победу над суздальцами. Затем, в намерении автора, посадник должен был умирать на сцене».

Историческими источниками, использованными Толстым в драме, были материалы 1—4-го тт. ИГР, кроме того, при создании пьесы Толстой имел, по-видимому, два тома труда Н. И. Костомарова «Северно-русские народоправства во времена удельновечевого уклада» (Спб., 1863). Отсюда поэт мог взять сведения о роли «Ярославовой грамоты», давшей Новгороду право избирать и изгонять князей, освободившей его от дани киевскому князю; специальные разделы труда Костомарова посвящены описанию города, характеристике общественной жизни и нравов Новгорода, здесь встречаются некоторые реалии, в т. ч. названия «концов» (районов) Новгорода, должностных лиц, даже имена персонажей, которых Толстому не хватало в начале работы (см.: СС-64, IV, с. 350). Вместе с тем сопоставление драмы с этими и другими источниками подтверждает справедливость многократно повторяемого Толстым утверждения, что в «Посаднике» «нет истории», что его «не связывала история». Действительно, в пьесе не использован ни один исторический факт, ни одно историческое событие, упомянутое в трудах историков. Новгород только рамка, в которую вписана ситуация, вымышленная художником.

Впервые «Посадник» был поставлен в 1877 г. на сцене Мариинского театра в бенефис А. А. Нильского, игравшего Чермного, роль Посадника исполнял Л. Л. Леонидов, Натальи — М. Г. Савина (см.: «Записки Леонида Львовича Леонидова». — РС, 1886, № 6, с. 655; Вольф А. Н., Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г., Спб., 1884, с. 61). Ни этот спектакль, ни постановка драмы в Малом театре в 1878 г. успеха не имели. После Октябрьской революции «Посадник» был поставлен в 1918 г. в Москве и в 1922 г. в Петрограде. Пьеса оказалась созвучной революционной эпохе, тому трудному для молодого Советского государства времени, когда, окруженное врагами, оно защищало свое право на свободное, независимое существование. В спектакле Малого театра принимали участие виднейшие актеры: А. И. Южин — Посадник, П. М. Садовский — Чермный, М. Н. Ермолова — Мамелфа Дмитровна. А. В. Луначарский в статье «Из московских впечатлений» назвал спектакль «поистине превосходным»: «В старой-старой пьесе Алексея Толстого есть много такого, что непосредственно говорит душе современного революционного зрителя... Алексей Толстой дает необычайно живую, хотя сентиментально-мелодраматическую картину новгородской жизни... великолепный язык Толстого, поистине великолепный, настоящая радость для каждого любителя подлинно русской речи... Это — пьеса, которая просится во всякий народный театр» (Луначарский А. В., Собр. соч. в 8-ми т., М., 1964, т. 3, с. 45—46). В другой статье «Староста Малого театра» А. В. Луначарский писал: «„Посадник“ с участием Южина производил на рабочую и красноармейскую массу неотразимое революционное впечатление... всей совокупностью эмоционально-художественного настроения, яркостью картин массы» (там же, с. 133).

Действие первое. *Плотницкие* — жители одного из пяти «концов» (районов) Новгорода, делившегося на Гончарский, Загородный, Неревский «концы», относившиеся к Софийской стороне, и «концы» Словенский, Плотницкий, относившиеся к Торговой стороне города. Во главе «концов» стояли кончанские старосты. *Стал бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали.* В начале XII в.

Новгород превратился в вечевую республику. Боярство оттеснило князя, сидевшего на новгородском престоле. Он потерял власть над городом, и, хотя номинально продолжал княжить, у него уже не было права смещать и назначать по своему усмотрению должностных лиц, вершить суд. Князю пришлось выехать из города в село Городище недалеко от Новгорода. Но попытки князей вернуть себе власть не прекращались. В ряде случаев они привлекали себе в помощь врагов Новгорода, как в пьесе — суздальцев. *На щит возьмут* — возьмут в плен. *Низовые* — жители Суздальского княжества, которое Новгород называл низовой землей. *Святая София* — покровительница Новгорода, в честь ее в городе был построен знаменитый собор. *Не вечники вы, дескать.* В Новгороде пришлые элементы, не имевшие земельных наделов, не имели права участвовать в вече. *Он знает, что не правят Долгов в войну.* По новгородскому праву, во время войны нельзя было требовать возвращения долга. *Любские купцы* — из г. Любека, входившего в Ганзейский союз. *Софийские подвалы.* В подвалах Софийского собора хранились товары богатых купцов. *Хоть выходи из сотни.* Население Новгорода делилось на сотни; выход из сотни означал потерю некоторых прав. *Хоть черный будь* — т. е. из «черных» ремесленных сотен. *Чудская емь* — финское племя, жившее на побережье Финского залива. *Студено море* — Белое море. *Сарай* — столица Золотой Орды. *Ирод* (ок. 73—4 до н. э.) — царь иудейский; его имя стало синонимом жестокости. *Шамаханский* — из города Шемаха, центра производства шелковых тканей в Ширванском ханстве (на территории нынешнего Азербайджана). *Словенские, гончарские* — жители Словенского и Гончарского «концов» Новгорода.

Действие второе. *Городище* — село под Новгородом, резиденция князя.

Действие третье. *Царь Соломон* — третий, самый известный царь израильско-иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. Согласно Библии, славился необычайной мудростью.

III

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ «ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ»

ВЕ, 1868, № 12, с. 506, с пометой: «Красный Рог, Черниг. губ. Сентябрь 1868». Печ. по отдельному изданию (Спб., 1869), представляющему собой оттиск из ВЕ.

17 марта 1868 г., посылая М. М. Стасюлевичу рукопись трагедии «Царь Федор Иоаннович», Толстой писал, что сделанная им выноска к списку действующих лиц (см. наст. том, с. 652), вызвана тем, что он считает «необходимым сразу заявить возможность постановки на сцену» (Стасюлевич, с. 307) и поэтому собирается написать «Проект постановки». Стасюлевич предложил издать его вместе с самой трагедией, на что Толстой ответил, что это предложение ему «очень по нутру. Особенно при отдельном издании» (там же, с. 310). В сентябре «Проект» был закончен, но 1 октября автор сообщил издателю: «Проект» «вышел такого свойства, что я должен просить Вас не

прилагать его к оттискам драмы, а, в случае его годности, напечатать его как статью в «В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩» и потом пустить отдельными брошюрами, или бы прямо пустить брошюрами, а трагедию печатать без „Проекта“» (там же, с. 312—313). Толстой объяснил это тем, что хотя он «старался быть как можно скромнее, но найдутся непременно критики, которые дадут его приложению к экземплярам трагедии — значение „самохвальства“». Поэтому он просил приложить «Проект» к трагедии только в случае «крайней необходимости» (там же, с. 312—313). 4 октября «Проект» был отослан Стасюлевичу, при этом автор повторил свою просьбу «буде возможно, напечатать проект отдельно от трагедии, во избежание нареканий» (там же, с. 313—314). На следующий день Толстой получил известие, что, «вероятно, «Ф⟨едор⟩ И⟨оаннович⟩» не будет допущен на сцену». В этой связи он написал Стасюлевичу: «Это ничего не изменяет в моем «Проекте», тем более что я начал с оговорки и с перспективы частных театров. Но, может быть, если действительно воспоследует запрещение для сцены, то цензура не захочет пропустить отдельно и проекта. В таком случае я не противлюсь тиснению проекта вместе с трагедией и просил бы Вас в крайней неволе так и сделать. Если же он может появиться отдельно, несмотря ни на что, тем лучше» (там же, с. 314). 11 октября в письме тому же адресату Толстой продолжил эту свою мысль: «Я имею причины думать, что «Федор Иванович» не получит позволения явиться на сцену, но пусть тем не менее явится «Проект постановки». В нем есть общие литературные взгляды, которые мне хотелось бы провести, а написан он, кажется, в таком смысле, что исключает уверенность в принятии пиесы на сцену. Итак, беды не будет, если «Постановка» явится только в печати, а не на сцене» (СС-64, IV, с. 234). В следующем письме Стасюлевичу от 28 октября Толстой заметил, что надеется, что «Проект» «несколько устранит мнение о вреде трагедии» (там же, с. 236). 3 декабря 1868 г. Стасюлевич сообщил автору, что отдельные оттиски «Проекта» уже готовы, но поступят они в продажу только в 1869 г.

Толстой не ошибся, говоря, что некоторые критики найдут в «Проекте» «самохвальство»: анонимный рецензент «Голоса» писал: «Все, что граф Толстой говорит вообще о драматическом и сценическом искусстве, о понимании актерами своих ролей, о необходимости прежде всего знать их наизусть, — все это безусловно справедливо. Но... проект представляет еще критический разбор пьесы, и из этого разбора оказывается, что трагедия графа Толстого чуть ли не совершеннейшее драматическое произведение всех веков и народов... Такое самомнение со стороны автора как-то неприятно поражает читателя» («Библиография и журналистика». — «Голос», 1868, 31 декабря). Похожие отзывы были напечатаны в СПВ, 1868, 6 декабря; «Русском инвалиде», 1868, 21 декабря. *В проекте о постановке последней пьесы.* В 1866 г. Толстой напечатал отдельной брошюрой «Проект постановки на сцену трагедии „Смерть Иоанна Грозного“» (см.: СС-64, III, с. 454—495). *Прошу прощения у поборников русских начал искусства... укажу на... доктрину о каких-то русских началах, на которых должны у нас развиваться наука и искусство.* Толстой имеет в виду статью П. В. Анненкова «Последнее слово русской исторической драмы. О „Царе Федоре Иоанновиче“». Высказывания, взятые в тексте «Проекта» в кавычки, не являются цитатами из статьи Анненкова, но передают смысл его замечаний, что

в пьесах Толстого налицо «появление шекспиризма, шиллеризма, романтизма и пр. в русской трагедии», «усвоение мелодраматических приемов современного европейского искусства», «изукрашение русской жизни поэтическими и бытовыми сокровищами, которые попадаются в литературах западных народов» и т. п. Все это, по мнению Анненкова, приводит к тому, что русская жизнь, наделенная в трагедии таким «великолепным, но непривычным ей украшением... чахнет в своей драгоценной обнове. Причина понятна: в старом русском мире все общечеловеческое до такой степени проросло национальными элементами... что... представленное в форме, занятой у чужих образцов, всегда будет отзываться чем-то и вроде неоправданной затеи художника» (РВ, 1868, № 7, с. 138, 139). По поводу этой статьи Анненкова Толстой писал Б. М. Маркевичу в середине ноября 1868 г.: «...он наговорил в статье столько глупостей, что я, ради уважения к искусству, счел долгом ответить на них косвенным образом в «Проекте постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович"» (СС-64, IV, с. 243). *Флетчер* Джилс (1549—1611) — английский дипломат, в 1588—1589 гг. посол в России. Его книга «Of the Russian Common Wealth», London, 1591 («О русском государстве», рус. пер. Спб., 1905) является важным источником по истории русского государства XVI в. *Воспроизведенный Солнцевым в «Русских древностях».* Речь идет о кн.: «Древности Российского государства. Рисованы академиком Ф. Г. Солнцевым», М., 1846—1853, т. 1—6. Иконописный портрет царя Федора помещен в т. 4 (М., 1851). *Воззрение... профессора Снегирева.* И. М. Снегирев — автор текста к указ. выше т. 4 «Древностей» (с. 108, 114). См. также его «Памятники московской древности» (М., 1842—1845, с. 75—76). *Шумский* С. В. (1821—1878) — артист Малого театра в Москве, в «Смерти Иоанна Грозного» играл роль Грозного. Одобрительный отзыв Толстого о его игре см. в письме В. П. Бегичеву от 26 марта 1868 г. (СС-64, IV, с. 230—231). *Он ничем не пренебрегал, чтобы окружить Ирину царскою пышностью.* Карамзин писал, что Годунов «старался возвысить Ирину в глазах россиян. Одним ее державным именем, без Федорова, издавал милостивые указы... чтобы общей к ней любовью... утвердить свое настоящее величие и приготовить будущее» (ИГР, т. 10, с. 82, 83). *Елисавета Английская почла нужным писать лично к Ирине.* Елизавета именовала Ирину «любезнейшею кровною сестрою», «часто слышим, — писала она, — о Вашей мудрости, и... та слава разошлась по многим государствам... Лекарь наш нам о том всегда извещал, чтобы мы Ваше пресветлейшество прямым сердечным умышлением любили» (ИГР, т. 10, с. 30; прим. с. 20—21). *События изображены под титлами* — т. е. сокращенно, с пропусками; титло — надстрочный знак над сокращенно написанным словом. *Вызов его Замойскому* — см. наст. том, с. 657. *Гейденштейн* Рейнгольд (1556—1620) — польский историк, был секретарем Ст. Батория и Сигизмунда III, автор книги «De bello Moscovitico commentariorum», Krakow, 1584 («Записки о Московской войне», рус. пер. Спб., 1889), важнейшего источника по истории русско-польских отношений. *Поступок князя Репнина* — см. наст. изд., т. 1, № 115. *Поступок наших пушкарей под Венденом.* Г. Венден (Цесис) в Прибалтике в 1577 г. был взят польско-литовскими войсками. При этом оборонявшие город русские войска взорвали башни и погибли вместе с наступавшим противником. *Княгини Старицкой, жены князя Владимира Андреевича.* Двоюродный брат Грозного В. А. Старицкий

участвовал в заговорах против царя. Грозный отдал его сначала под суд высшего духовенства, а потом, когда опричники сфабриковали дело о подготовке покушения на царя, Грозный заставил его выпить яд. Вместе со Старицким была отравлена его жена — двоюродная сестра А. Курбского — и их дочь. *После смерти Федора она... постриглась под именем Александры.* Карамзин писал: в день смерти Федора Иоанновича «Ирина выехала из дворца Кремлевского в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан инокинь» (ИГР, т. 10, с. 223—224). *Боярская дума нашла нужным издавать грамоты... от имени царицы Александры.* О том же писал Карамзин: «Когда дьяк Вас. Щелканов потребовал, чтобы все целовали крест на имя Думы боярской, никто не хотел слышать о том, все кричали: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу; ей мы дали присягу и другую не дадим никому: она и в черницах мать России». В этой связи Дума «указы писала именем царицы Александры» (ИГР, т. 10, с. 224, 227). *Горсей* Джером (1573—1627) — английский дворянин, агент «Московской компании», доверенное лицо Годунова, автор книги «Russia at the close of the sixteenth Century», London, 1856 («Записки о Московии XVI века», рус. пер., Спб., 1909), в приложении к которой напечатана работа «The most solemn and magnificent coronation of Theodor Iwanowich» («Описание торжественной и великолепной коронации Федора Ивановича»), откуда Карамзин цитирует приводимую Толстым фразу: «На ней ⟨Ирине⟩ была корона с двенадцатью жемчужными зубцами и на груди златая цепь, украшенная драгоценными камнями» (ИГР, т. 10, с. 123). *Зубров* П. И. (1822—1873) — артист Александринского театра. *«Дмитрий Самозванец» Чаева.* Подразумевается писатель Чаев Н. А. (1824—1914), автор ряда пьес, в том числе и на темы русской истории (хроники «Князь А. М. Тверской», 1864; «Димитрий Самозванец», 1865 и др.). Толстой переписывался с ним. *Протей* (греч. миф.) — морское божество, старец, обладавший способностью принимать любой облик. *Линская* Ю. Н. (1820—1871) — артистка Александринского театра. *Пасек* Ян Хризостом (ок. 1636—1701) — польский шляхтич, участник польско-русской войны 1660 г., служил при дворе короля польского Яна Казимира, автор «Воспоминаний», охватывающих период с 1656 по 1688 г. (Познань, 1836; рус. изд.: Спб., 1860). *Собрание Стаховича* — «Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепьяно и семиструнной гитары Михаил Стахович», М., 1851—1854. *В «Каликах перехожих» г. Бессонова* — «Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова», М., 1861—1864, ч. 1—2. *Щепкин* М. С. (1788—1863) — драматический актер, один из творцов реалистической манеры игры на русской сцене.

СЛОВАРЬ [1]

Абордажный топор — короткий топор с загнутым концом, применялся при абордаже — сцеплении с неприятельским кораблем и в рукопашном бою.
Адъюнкт — помощник профессора, преподаватель.
Акафист — молитвенное песнопение.
Алатырь — мифический чудодейственный камень.
Аликант — см.: романея.
Аллилуя (др.-евр.) — «хвалите Иегову», хвалебный возглас в христианском богослужении.
Алтын — русская денежная единица, позже — три копейки.
Анвон (амвон) — возвышение в церкви, род кафедры, откуда произносятся проповеди.
Аршинник — торговец тканями.
Астральное — звездное, небесное, от латинского слова «астра» (звезда).
Аще — если, хотя.

Багряница — широкий плащ из дорогой ткани багряного цвета, царская мантия.
Бармы — оплечья, т. е. надевавшаяся на плечи часть царской парадной одежды, богато расшитая и украшенная драгоценными камнями.
Бей — титул правителя Туниса.
Бердыш — боевой топор с лезвием в форме полумесяца, насаженный на длинное древко.
Бирюч — вестник, глашатай.
Благоутробны — усердны, добры.
Ближний боярин — боярин, приближенный к царю.
Бо — ибо.
Боронить — оборонять, защищать.
Бражник — пьяница.
Братина — сосуд для вина.
Бронь — защита; брони — доспехи.
Булла — грамота или распоряжение папы римского.
Бык — выступ в оборонительных сооружениях.

Вежа — башня.
Вежество — вежливость.
Велий — великий.

---

[1] Словарь содержит пояснения не только архаической, малоупотребительной лексики и некоторых фразеологизмов, но и слов с иным в отличие от современного языка значением (например, маяк — сигнал; справка — исправление, ремонт; притча — внезапный случай и т. п.). Кроме того, поясняются слова, архаическое правописание и произношение которых осложняет их понимание (например, панафида — панихида; студное — стыдное и т. п.).

Вериги — разного рода железные кольца, цепи и т. п., носившиеся религиозными фанатиками в целях аскетического самоистязания.
Вем — знаю; *веси* — знаешь.
Вече — народное собрание в средневековых русских городах-республиках (Новгород, Псков); вече решало вопросы внутренней и внешней политики, избирало и сменяло правителей, военачальников и т. п.
Вечеря — ужин.
Виват (лат.) — да здравствует.
Вира — штраф за убийство.
Владыка — титул архиерея.
Власяница — одежда из грубой, жесткой ткани, носимая на голом теле в целях самоистязания.
Влекомы есмы — были притащены, увлечены.
Вместно — уместно, подобает.
Волхв — колдун, прорицатель.
Вор — преступник в широком смысле слова, крамольник.
Вотчинники — владельцы вотчин — родовых имений, переходивших по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам.
Враг — овраг.
Всенощная — вечерняя церковная служба у православных.
В те поры — тогда, в то время.
Выдать головою — правовой термин, означающий передачу виновного в распоряжение лица, перед которым он провинился.
Выя — шея.
Вящий — мудрый, важный.

Гидальго — дворянин в Испании.
Гость — купец.
Грамматик — ученый, познавший книжную премудрость.
Грани — границы.
Гратуляция (польск.) — поздравление.
Гридьба, гридень — войско, воин.
Губной староста — староста губы, наименьшего территориального судебно-полицейского округа в Московской Руси XVI—XVII вв.
Гуменцо — кружок, выстригаемый на темени церковнослужителей при посвящении.

Деисм (деизм) — религиозно-философское учение, допускающее существование бога — создателя мира, но отрицающее его вмешательство в жизнь и не признающее бога как личность.
Денница — утренняя заря.
Держава — золотой шар с крестом или короной, эмблема царской власти.
Держальник (или знакомец) — молодой бедный дворянин, живший на иждивении в доме боярина и используемый для различных поручений, а впоследствии обычно получавший какую-либо должность.
Десница — правая рука.
Детинец — новгородский кремль, заложенный в 1044 г., центр города, обнесенный особой стеной.
Дишкант (дискант) — высокий звонкий голос.
Днесь — ныне, сегодня.
Дольный — мирской, низменный, греховный.
Доминиканец — член католического монашеского ордена св. Домини-

ка, основанного для борьбы с ересью; в ведении этого ордена находились инквизиционные трибуналы.

Духовник — священник, принимающий исповедь у исповедуемого лица.

Дьяк — младший чиновник, исполнявший секретарские обязанности.

Елень — олень.

Есаул — помощник атамана разбойников.

Епитимья — церковное наказание, заключающееся в покаянии и молитвах.

Есми (есмы) — первое лицо мн. числа глагола «быть».

Животы — имущество, богатство.

Жильцы — разряд служилого люда в Московском государстве.

Зазноба — любовное влечение, страсть.

Зане — потому что.

Засéка — искусственное препятствие из срубленных деревьев, обращенных вершинами в сторону неприятеля.

Зауряд — наравне; *заурядный* — настоящий.

Заутреня — церковная служба, совершаемая рано утром.

Здоровать, здравствовать на... — поздравлять.

Зело — очень.

Зернь — игра в кости или зерна.

Знакомец — см.: держальник.

Золотник — старинная мера веса (около 4,25 г.).

Золотной — золототканый.

Игумен — настоятель монастыря.

Иноческий чин — монашеский чин.

Исполать — хвала.

Калика — паломник, странник или нищий, собирающий милостыню пением духовных стихов.

Капуцин — член католического монашеского ордена.

Картозский — относящийся к католическому ордену картезианцев, устав которого предписывал строгое соблюдение постов, молчание и занятие ремеслами.

Качуча — испанский танец с кастаньетами.

Клирное пенье — церковное пение; клир — церковный хор.

Кольчужники — воины, одетые в кольчугу, рубашку, сделанную из мелких колец.

Конюший — придворный чин в русском государстве в XV—XVII вв., ведавший царской конюшней.

Конец — часть или край города; кончанский — относящийся к этим местам.

Корд — кинжал.

Корзно — род плаща, накидки.

Костер — название ряда кормовых трав и сорняков.

Крейсеры — члены экипажа крейсерского флота, использовавшегося для надзора за купеческими кораблями, для захвата торговых судов неприятельских стран и в морской войне.

Крилошанка (клирошанка) — монастырская послушница, поющая на клиросе или прислуживающая в церкви.

Кружало — кабак.

Кружечный двор — кабак, питейный дом.
Крятун — ворон.
Ксендз — польский священник.
Купно — вместе.
Курень — шалаш; легкая летняя постройка.

Лабаз — помещение для продажи или хранения зерна, муки; лабазник — торговец хлебом.
Лал — драгоценный камень, рубин.
Латинцы — католики.
Лен — в средние века земельное владение, пожалованное кому-либо на определенных условиях.
Литигиум (лат.) — ссора, тяжба.
Литургия — церковная служба.

Мавры — название части населения Пиренейского полуострова, исповедующего мусульманство.
Маестат (польск.) — величество.
Машкера — маска, маскарад.
Маяк — сигнал.
Маячные дымы — дым сигнальных костров.
Мирволить — делать послабления, попустительствовать.
Минеи-Четьи (или Четьи-Минеи) — произведения русской церковно-исторической и духовно-учительной литературы, в которых излагаются повествования о жизни святых православной церкви.
Мненье на бояр — неудовольствие боярами.
Мориски — мавры, принявшие христианство; инквизиция преследовала их, считая, что они уклоняются от христианской религии.
Мурза — титул феодальной знати у татар.

Наузы — одна или несколько кистей, повешенных на шнуре или цепочке под шею лошади.
Не смакуют — не по вкусу.
Невместно — неуместно.
Немчин — немец, здесь: иностранец.
Неурядье — беспорядок.
Ни с огня, ни с дыба — т. е. под пыткой огнем или на дыбе.
Ногаи — ногайцы, народность тюркской языковой группы, жившая в восточных районах Северного Кавказа.
Нуда — принуждение.
Нунций — папский посол.

Обедня — богослужение в православной церкви, совершаемое в первую половину дня (перед обедом).
Облежание — осада.
Облом — выступ в городской крепостной стене.
Обык — обычай, порядок.
Огнищане — именитые граждане.
Окольничий — старинный дворцовый чин; окольничьим, занимавшим второе место после бояр, поручались разные дела по управлению государством и двором.
Окруты — одежды.
Опальник — подвергшийся опале, немилости царя.
Опашень — широкий долгополый кафтан с широкими и короткими рукавами.

Опричь — кроме.

Опричнина — система террористических мероприятий, осуществленных царем Иваном IV (Грозным), в основном направленных против экономического и политического могущества боярско-княжеской аристократии.

Оружничий — придворный чин, заведовавший оружейной палатой царя.

Осанна (др.-евр.) — «Спаси! Охрани!» — ритуальное восклицание в молитве.

Очеса — очи.

Панафида (панихида) — церковная служба, совершаемая по умершему.

Пантеисм (пантеизм) — религиозно-философское учение, рассматривающее природу как воплощение божества.

Патерностер (Pater noster) — католическая молитва «Отче наш».

Пенник — крепкое хлебное вино.

Передние люди — привилегированная, знатная часть населения.

Перский — персидский.

Печалованье — огорчение, жалоба.

Пильновать (польск.) — беречь, заботиться.

Писание — Священное писание, Ветхий и Новый завет.

Пищаль — старинное огнестрельное оружие, подобное ружью.

Поволить — разрешить, позволить.

Повольник — участник походов новгородских вольных отрядов.

Под ложку — под ложечку, впадинку, находящуюся под нижним концом грудной кости.

Подвойский — должностное лицо, объявлявшее и исполнявшее решения вече (см.) и распоряжения посадника (см.).

Поднизь — бахрома или сетка из нанизанного жемчуга, бисера на старинном женском головном уборе.

Покой — старинное название буквы «П».

По́лица — полка.

Полночный — северный.

Полудень — юг.

Полчетверки — половина четверти; четверть — единица измерения веса хлеба, казенная четверть — чуть более 9 пудов зерна.

Помазанник — монарх, над которым совершен обряд помазания на царство.

Посад — часть города за границей крепостной стены.

Посадник — выборный правитель города; занимающий эту должность назывался степенным посадником; уйдя с должности, он продолжал называться посадником с прибавлением слова «старый».

Послух — свидетель.

Поставец — стенной шкафчик.

Посхимиться — принять схиму (см.).

Почестный стол — почетный стол, за который приглашали «по чести», по заслугам.

Поять — взять в жены.

Правеж — в древнерусском судопроизводстве наказание батогами несостоятельного должника.

Править — взыскивать, взымать.

Праться — находиться в распре, спорить, бороться.

Прелат — сановник в католической церкви.

Пресвитер — священник.
Притины — места, где расставлены посты.
Просвира (просфора) — белый круглый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения.
Пулярка — курица.
Пустынь — скит, монастырь в уединенной местности.

Разрядные книги — книги записей официальных назначений служилых людей в Московском государстве XVI—XVII вв.
Разымчивый — возбуждающий, хмельной.
Рака — массивная гробница для хранения останков тех, кого христианская церковь признавала святыми или угодниками.
Раскат — насыпь или помост внутри крепостного вала, на котором устанавливались пушки.
Ратсгерр (нем.) — советник.
Ренское — см.: романея.
Романея, ренское, аликант, бастр — названия вин, ввозимых в Москву из Европы.
Рында — оруженосец или телохранитель из придворной охраны московских князей и царей XIV—XVII вв.

Сам-третий — с двумя спутниками.
Сбагриться — сцепиться баграми в абордажной (см.) схватке.
Сенная девушка — дворовая девушка, находящаяся в услужении у господ.
Сиденье — нахождение в осаде.
Синклит — группа духовных лиц; духовенство.
Синодик — книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения.
Сиречь — то есть.
Скатный жемчуг — крупный, отборный жемчуг.
Скрижали — доски с высеченными на них письменами; в переносном смысле: священные тексты, заповеди, исторические предания.
Скипетр, скифетр — жезл, украшенный драгоценными камнями и резьбой, являющийся одним из знаков монархической власти.
Смерд — крестьянин-земледелец.
Соборне — все вместе.
Спальник — придворный, в обязанность которого входило помогать государю в одевании и раздевании, сопровождать во время поездок и т. п.
Справка — исправление, ремонт.
Столец — стул, скамья.
Стольник — придворный чин рангом ниже боярского, а также лицо знатного происхождения, имевшее такой чин (первоначально — придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом).
Стремянный — конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошадью своего господина, а также слуга, сопровождающий барина во время охоты.
Строенье — согласие.
Струс — страус.
Стряпчий — название некоторых должностных лиц, выполнявших различные хозяйственные обязанности при царском дворе.
Студное — стыдное.

Сулея — бутыль, плоская фляга.
Сунниты — основное ортодоксальное направление в мусульманстве, признающее сунну (в дополнение к Корану) обязательным источником веры в отличие от шиитов (см.: шеиты).
Сустречь — навстречу.
Схима — высшая монашеская степень в православной церкви.
Схимник — монах.
Схисматик латинский — сторонник католической церкви.
Сыроядец — человек, употребляющий в пищу сырое мясо.

Тиара — трехъярусный головной убор папы римского.
Тит-рыба — просторечное словосочетание, от рыба-кит.
Тулумбас — большой турецкий барабан.
Тура — старинное стенобитное орудие, высокая башня, которую ставили на колеса и подкатывали к стенам осажденного города.

Убить бобра — идиома, означающая неудачу.
Убо — поэтому.
Узорочие — дорогие ткани, меха.
Украйны — окраины государства.
Уличане — жители данной улицы.
Успение — смерть.
Ушкуйник — член новгородской вольницы, ходившей в походы на ушкуях — больших плоскодонных лодках.

Фанданго — испанский народный танец.
Фелука — небольшое парусное судно.
Ферязь — ферзь, фигура в шахматах.
Фиал — кубок.
Фискал — чиновник, надзиравший за законностью действий судебных органов.
Фистула — тонкий сдавленный звук мужского голоса.

Хороняка — прячущийся от чего-либо.
Хоругвь — боевое знамя воинского подразделения или полотнище с изображением Христа или святых.

Целовальник — сборщик податей или торговец в винной лавке, при вступлении в должность приносивший присягу с целованием креста.
Целованье — клятва, сопровождающаяся целованием креста.
Цесарь — то же, что цезарь (кесарь) — самодержец, неограниченный монарх.
Цехины — венецианские золотые монеты.
Цидула — письмо.

Чадь — члены семьи, дети.
Челобитня — прошение, жалоба на имя царя или местным властям.
Чепрак — суконная или ковровая подстилка под седло лошади.
Червцы — драгоценные камни темно-красного цвета, гранаты.
Черемисы — старое название народа мари.

Черные сотни — городское население в Московском государстве делилось на сотни, к черным сотням относилось торговое и ремесленное население городских посадов.
Четки — шнурок с нанизанными на нем бусами; употреблялись для подсчета прочитанных молитв или отданных поклонов.
Чресла — бедра; «чресла опояшьте» — наденьте пояс с прикрепленным к нему оружием.

Шеиты (шииты) — последователи шиизма, одного из двух направлений в исламе, отвергающего сунну и суннитских халифов (см.: сунниты); шиизм получил широкое распространение в Иране, тогда как в Турции большинство мусульман — сунниты. Вражда между шиитами и суннитами зачастую способствовала возникновению конфликтов между мусульманскими государствами.

Эпистолия — письмо, послание.

Языцы — народы.
Яма — долговая тюрьма.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* С фотографии 70-х гг. (Фотография «М. Шембок. Флоренция — Рим — Турин»).

2. *С. 71.* Обложка отдельного издания драмы «Смерть Иоанна Грозного» (Спб., 1866), с дарственной надписью автора: «Василию Петровичу Боткину».

3. *С. 309.* Страница автографа драмы «Царь Борис».

4. *С. 327.* Страница автографа той же драмы.

5—6. *Между с. 528* и *529.* С недатированной фотографии («Жан Ош. Петербург»). Из альбома Я. П. Полонского.

На обороте. С недатированной фотографии («А. Досекин. Новозыбков»).

7—8. *Между с. 560* и *561.* Портрет работы И. Е. Репина (1879). Масло. Гослитмузей (Москва).

На обороте. Портрет работы М. В. Рундальцова (1911). Офорт.

СОДЕРЖАНИЕ

I

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

II

III

ПРИЛОЖЕНИЕ

Толстой А. К.

Т 52 Полное собрание стихотворений: В 2-х т., т. 2. Стихотворные драмы/Сост., подгот. текста и примеч. Е. И. Прохорова. — Л.: Сов. писатель, 1984, 688 с., ил., 3 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая серия).

Во 2-й т. включены: драматическая трилогия А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»), драма «Дон Жуан» и незавершенная пьеса «Посадник». В приложении публикуется написанный автором «Проект постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович"».

Т $\frac{4702010100-158}{083(02)-84}$ 412—84 ББК 84.Р1.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1984, 688 стр.
План выпуска 1984 г. № 412

Редактор В. С. Киселев
Художник И. С. Серов
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Е. А. Омельяненко и Е. Я. Лапинь
ИБ № 4372

Сдано в набор 03.04.84. Подписано к печати 09.08.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 36,44. Уч.-изд. л. 32,35. Доп. тираж 25 000 экз. Заказ № 641. Цена 2 р. 70 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

2 р. 73 к.